

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЦЕНТР ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ**

**ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ПО ИСТОРИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции

(г. Москва, 14 апреля 2023 г.)

Москва, 2023

УДК 343.8
ББК 67.3

Статьи публикуются в авторской редакции.

Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 14 апреля 2023 г.)- М., 2023. – 295 с.

ISBN 978-5-9632-0173-2

Сборник материалов VI-й Всероссийской научно-практической конференции может быть использован в организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы и учебно-воспитательной работе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, популяризации исторических традиций и нравственно-этических основ службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, а также научного обеспечения деятельности ФСИН России.

На обложке использована фотография Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, г. Санкт-Петербург. Конец XIX в. Из собрания Государственного музея политической истории России.

© ФКУ НИИ ФСИН России, 2023
© ФКУ ЦОУВР ФСИН России, 2023
© Коллектив авторов

ISBN 978-5-9632-0173-2

Оглавление

Белова Н.А. Израиль Вениаминович Голубь: от заключенного до начальника тюрьмы.....	7
Белоусова О.А. Документы по личному составу как источник по истории уголовно-исполнительной системы	13
Ванюшина О.В. Особенности организации труда и питания арестантов Тверского исправительного арестантского отделения в начале XX века.....	19
Варенцова Л.Ю., Варенцов С.Ю. Вопросы обеспечения форменной одеждой чинов тюремного надзора Российской империи на страницах «Тюремного вестника».....	25
Васильева С.А., Тарасов О.А. Направления и пределы пенитенциарного реформирования в российской провинции в конце XVIII – середине XIX века	32
Веселова А.П. Формирование женского персонала в уголовно-исполнительной системе Российской империи конца XIX – начала XX века.....	48
Винюкова Н.В. Иосиф Фудель: священник Бутырской Пересыльной тюрьмы	53
Волошин Д.В. Профессиональная подготовка тюремного персонала в докладе К.К. Грота Александру II по результатам Стокгольмского тюремного конгресса (1878 год).....	61
Вольский М.В. Организация курсовой практической стрельбы тюремных надзирателей в Вологодской губернии в начале XX века .	65
Голубев А.Г. Вопросы исполнения принудительных работ в деятельности Самарского губернского карательного отдела в начале 1920-х годов	71
Гуриц С.Д. Отражение хозяйственной деятельности мест заключения в отчетах Главного тюремного управления (1909–1913 годы)	77
Дворянсков И.В., Сика А.М. Исполнение наказаний-прообразов принудительных работ в первые годы советской власти	83
Дорош А.А. Безбожие и безбожники в советской пенитенциарной системе в 20–30-е годы XX века.....	88
Евсеев И.В. Исторические особенности организации и функционирования специальных тюремных учреждений на Урале ...	91
Ельчанинова О.Ю. Цели и особенности воспитательной работы в исправительных учреждениях для несовершеннолетних преступников в Российской империи в конце XIX века.....	102
Еременко И.П. Саратовская губернская тюрьма в 1827–1917 годы..	110

Жеребцова Е.Н. Формирование морального облика тюремного персонала в дореволюционной России.....	117
Жиляев Р.М., Бажанов С.А. Предохранительный надзор в уголовном законодательстве Польской Народной Республики (на примере опыта 1970-1980 гг.).....	121
Зауторова Э.В. Использование педагогических идей А. С. Макаренко в деятельности исправительных учреждений	125
Звягин С.П. Протоколы допросов К. П. Полидорова в свердловской тюрьме № 1 в 1947 году как исторический источник	130
Зубов С.В. Условия содержания Н. Г. Чернышевского на каторге в Александровском заводе и в Вилуйской тюрьме в 1866–1883 годах по воспоминаниям современников.....	136
Кораблин К.К. Просветительские взгляды и гуманистические идеи основоположников средневековой европейской пенитенциарной науки	149
Кузьмин С.И. Исправительно-трудовой лагерь № 507 МВД СССР, его предназначение и процесс становления	156
Кузьминых А.Л. Судьбы советских военнопленных-коллаборантов в годы Великой Отечественной войны (по материалам архива Управления ФСБ Российской Федерации по Вологодской области)	165
Кузьмин С.И., Сивова А.А. Темниковский исправительно-трудовой лагерь в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы	171
Кузнецов М.И. Специальные учебно-трудовые учреждения: опыт исправительно-трудовой системы СССР 70-х годов XX века	182
Кунц Е.В. Общественно полезный труд осужденных: вопросы истории и современности	187
Лебедев В.Б., Прокопьев В.В. Крепостные работы в системе наказаний Российской империи в первой половине XIX в.	192
Лузгин С.А. Векторы развития воспитательной работы с осужденными на переломном этапе реформирования УИС в СССР (50–60 годы XX-го столетия).....	203
Ливенцев Д.В. Записка матроса 1-й статьи крейсера «Новик» Степана Бурова об обороне сахалинской каторги от японцев	209
Реент Ю.А., Куксов Д.Ю. Краткий обзор состава тюремных учреждений Тамбовской губернии в последней четверти XIX века.	214
Рязанов С.М. Развитие пенитенциарной части Пермской губернии в конце XIX века и ее первые руководители.....	221
Савушкин С.М. Классовый подход в исправительно-трудовой политике СССР в 20–30 годы XX века	226
Сандалов И.А. 230-й конвойный полк войск НКВД СССР в обороне Северо-Кавказского региона в 1941–1943 годах	232

Семенов-Басин И.В. Новое о докторе Гаазе.....	238
Сивова А.А. Воспитательное воздействие на осужденных в местах лишения свободы в 30-х годах XX века (на примере Дмитровского исправительно-трудового лагеря)	244
Сумин А.В. Военнопленные в тюрьмах Московского государства XVII века (к вопросу источниковой базы)	251
Тонков Е.Н. История Выборгской тюрьмы.....	256
Шамсунов С.Х. Становление и развитие общероссийского ветеранского движения уголовно-исполнительской системы: место и роль ветеранских организаций в патриотическом воспитании молодых сотрудников.....	262
Шкаревский Д.Н. О причинах формирования органов лагерной юстиции в 1930-е годы	269
Шубочкина Е.И., Александрова И.Э., Курганский А.М. К истории формирования системы медицинской помощи заключенным в Российской империи	274
Филимонов А. В. Организация концлагерей в Псковской губернии в начале 1920-х годов	281
Шубочкина Е.И., Александрова И.Э., Курганский А.М. Тюремные врачи – последователи доктора Федора Петровича Гааза.....	288

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые читатели!

Изучение истории влияет на формирование чувства ответственности за свою страну перед прошлыми и будущими поколениями. Опыт прошлого колоссален и неоценим. Его бесспорное значение показывает, зачем нужна история, которая предлагает нам нечто гораздо больше, чем существующие в прошлом события, приведшие к современной действительности. Именно она способствует патриотическому воспитанию. И в этом большую роль играют отечественные ученые, которые собственным трудом и интеллектом добились бесспорных открытий, влияющих на становление гражданственности через знакомство с прошлым России. Благодаря им сформирован пласт современной культуры, помогающий молодежи ощутить гордость за свою принадлежность к народу, не раз выходявшему победителем из самых суровых испытаний, народу, давшему человечеству великих людей.

Несмотря на то, что современному читателю доступны важнейшие исторические источники, несмотря на возможность лично прикоснуться к прошлому в музеях и в семейных архивах, обществом всегда будет востребован труд профессионалов, владеющих методикой исторического исследования, специалистов в области источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Именно результаты их работы определяют глубину и точность наших представлений о сложных исторических процессах и явлениях.

Недостаток достоверного знания, как известно, становится почвой для идеологических спекуляций и мифотворчества. Особенно это актуально в отношении исследования вопросов отечественной пенитенциарной политики. Систематическое изучение комплекса источников, раскрывающих особенности исполнения наказаний в исторической ретроспективе, началось относительно недавно. Все еще довольно фрагментарны научные представления о системе исполнения наказаний Московской Руси, в период правления Петра Великого и его ближайших приемников, а также истории советской исправительно-трудовой системы.

Представленный вниманию читателей сборник – очередной шаг на пути к формированию единства научно-исследовательского пространства страны, а также консолидации усилий исследователей, специализирующихся на изучении самых разнообразных аспектов истории института исполнения наказаний, опирающихся на лучшие отечественные традиции научного поиска и просвещения.

Не сомневаюсь, что настоящее издание позволит получить новые знания об истории ведомства, способствующие формированию корпоративной культуры и солидарности в среде работников и ветеранов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, патриотическому воспитанию молодых сотрудников, а также укреплению сотрудничества ФСИН России с учреждениями и организациями, занимающимися изучением и сохранением историко-культурного наследия нашей страны.

Заместитель директора
Федеральной службы исполнения наказаний
генерал-майор внутренней службы

А.В. Матвеевко

УДК 343.8

Белова Надежда Алексеевна,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики,
кандидат исторических наук, доцент
e-mail: nade-belova@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-5564-5426

**Израиль Вениаминович Голубь: от заключенного до начальника
тюрьмы**

Аннотация: в статье на основе архивных документов и материалов региональных газет рассмотрена биография И. В. Голубя, заключенного Вологодской губернской тюрьмы, освобожденного по мартовской амнистии 1917 г., который в январе 1919 г. был назначен начальником Вологодской тюрьмы (бывшей временной каторжной) и замещал эту должность до мая того же года.

Ключевые слова: история пенитенциарной системы России, Вологда, губернская тюрьма, временная каторжная тюрьма, централ.

Belova Nadezhda Alekseevna,
Associate Professor of the Department of Philosophy and History,
Vologda Institute of Law and Economics,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Israel Veniaminovich Golub: from a prisoner to the prison chief

Abstract: the biography of I.V. Golub, a prisoner in the Vologda provincial prison, released under the March amnesty of 1917, who in January 1919 was appointed head of the Vologda prison (formerly a temporary hard labor prison) and held this position until May of that year.

Keywords: history of the penitentiary system of Russia, Vologda, provincial prison, temporary hard labor prison, central.

Израиль Вениаминович Голубь родился в 1890 г. в еврейской рабочей семье в г. Гродно. Образования он получить «не смог, да и не успел», поскольку «1905 год вовлек его в политическую круговерть»¹.

Голубь вступил в Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз Литвы, Польши и России), но вскоре перешел к эсерам-

¹ Панов Л. С. Вологодский централ: от узника до шефа // Вологодский комсомолец. 1990. 22 августа. С. 3.

максималистам. В их Гродненской организации Израиль заведовал складом оружия, типографией и архивом. За покушение на провокатора, которого Голубь лишь ранил, его арестовали, но отпустили «по малолетству и недостатку улик»². Затем Израиль еще несколько раз подвергался арестам, а в конце 1907 г. был сослан на три года в Нарымский край. В местной колонии ссыльных он пользовался уважением и избирался председателем правления колонии, а также делегатом на съезды ссыльных края³.

После возвращения на родину Голубь по доносу провокатора был снова арестован, судим и приговорен к 8 годам каторжных работ⁴. Наказание за «принадлежность к партии и хранение взрывчатого вещества» он отбывал в Вологодской губернской тюрьме⁵.

Досрочно освободиться из заключения «политическому врагу самодержавия» помогла Февральская революция 1917 г. Как писал сам Голубь: «я хорошо знал, – мне осталось еще 733 суток, выхожу в четверг, 7-го марта 1919 г.»⁶ Вечером 3 марта от сокамерников он услышал новость о свершившейся революции. А утром на приеме фельдшер сообщил ему, что политзаключенных «ночью освободили из каторжной»⁷. По воспоминаниям члена Вологодского губернского временного комитета эсера К. Н. Новикова, занимавшегося освобождением политзаключенных, из Вологодской временной каторжной тюрьмы, в ночь со 2 на 3 марта «было освобождено 32 человека; 2 до утра остались в тюремной больнице»⁸. Поскольку в губернской тюрьме было всего трое политических заключенных, про них не сразу вспомнили. В итоге лишь 4 марта Голубя после вечерней проверки вызвали в кабинет начальника тюрьмы, где Израиль подписал соответствующие документы, а затем туда вошли «товарищи Новиков и Сериков и первый произнес: «Вы свободны, товарищ. ... Поздравляю с освобождением»»⁹.

---

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Голубь И. В. Накануне освобождения // Вольный голос Севера. 1917. 31 марта. С. 2.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Там же. С. 2.

⁷ Там же. С. 3.

⁸ Новиков К. То, что не забудется: освобождение политкаторжан из Вологодской тюрьмы в дни февральской революции // Вольный голос Севера. 1917. 20 марта. С. 4.

⁹ Голубь И. В. Накануне освобождения // Вольный голос Севера. 1917. 31 марта. С. 3.

Свои впечатления по поводу обретения свободы бывший узник описал в своих воспоминаниях так: «Меня предупредительно усаживают на извозчика ... едем мимо тюрьмы. Глядя на нее из глубины сердца вырывается: «Да будь она проклята, колыбель народной свободы! Мигом доезжаем до о-ва сельского хозяйства. Там другие освобожденные товарищи, много воздуха, света и цветов».¹⁰

Приняв решение остаться в Вологде, Голубь устроился фальцовщиком в эсеровскую газету «Вольный голос Севера», где и опубликовал вышеупомянутые воспоминания. Вскоре бывший политзаключенный перешел на должность заведующего сплавом «Северолеса», затем работал заместителем заведующего книжным отделом Северосоюза¹¹.

Обострение в 1918 г. политической ситуации в стране в целом и в Вологде в частности кардинальным образом изменило судьбу И. В. Голубя. Для организации борьбы с контрреволюцией на службу в карательные органы стали привлекать бывших эсеров-максималистов, выходцев из Бунда и других национальных партий. Израиль Вениаминович, по данным Л. С. Панова, перешел в губернскую чрезвычайную комиссию, и вскоре был назначен заведующим отделом по борьбе со спекуляцией, одновременно по замещаемой должности стал членом коллегии губчека¹².

Однако уже зимой 1918 г. Голубь состоял на службе в Вологодской тюрьме (так новой властью была переименована бывшая временная каторжная тюрьма, имевшая неофициальное наименование централа). По состоянию на 22 декабря он занимал в этом учреждении должность заведующего учебно-воспитательной частью и работами¹³. Голубь не только организовывал различные мероприятия для заключенных и служащих тюрьмы, но и некоторые из них проводил лично. Так, на 1 января 1919 г. им было запланировано чтение лекции на тему «Роль тюрьмы в прошлом и будущем»¹⁴. В начале января того же года он обращался в карательный отдел с просьбой о срочном выделении 3 тыс. руб. «на оборудование помещения под театр и школу в бывшем помещении церкви»¹⁵.

---

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ Панов Л. С. Вологодский централ: от узника до шефа // Вологодский комсомолец. 1990. 22 августа. С. 3.

¹² Там же. С. 3.

¹³ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. Р-801. Оп. 2. Д. 79. Л. 3.

¹⁴ ГАВО. Ф. Р-801. Оп. 2. Д. 79. Л. 13.

¹⁵ Там же. Л. 16.

14 января 1919 г. на заседании Вологодского губкома юстиции И. В. Голубь был назначен исполняющим должность начальника Вологодской тюрьмы. Приказ о его назначении за № 321 был подписан начальником карательного отдела губкома юстиции 20 января¹⁶.

Приступив к исполнению обязанностей, Голубь подготовил письмо редактору местной газеты с просьбой о доведении до граждан г. Вологды сведений о тетрадах, имевшихся на руках у бывших политкаторжан, в которых «было много ценных набросков, оригинальных рассказов, стихов, мыслей, впечатлений и рисунков».

Он предлагал всем желающим воспользоваться этими тетрадями «для каких-либо целей» при условии предоставления гарантии об их сохранности. Для обращений граждан по этому вопросу автор письма указал как адрес конторы тюрьмы, так и свой домашний¹⁷.

22 января новый начальник тюрьмы выступал в клубе заключенных на митинге по случаю годовщины «петроградских кровавых дней 9 января 1905 г. и протеста против убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург»¹⁸.

13 марта 1919 г. во исполнение циркуляра Карательного отдела НКЮ РСФСР от 21 февраля того же года за № 17 о введении коллегиальных начал в управление местами заключения (и дублировавшего его предписания губернского карательного отдела от 11 марта № 1650) он уже участвовал в «конструировании» коллегии. Состав последней был определен из 5 «товарищей»: начальника тюрьмы Голубя, старшего помощника начальника Лебедева, заведующего работами Каплуна, тюремного врача Красикова и заведующей учебно-воспитательной частью Башиловой¹⁹.

Однако исполняющим должность начальника тюрьмы Голубь пробыл недолго. По распоряжению Центрокарата за побеги заключенных он был уволен с занимаемой должности с 10 мая²⁰.

На это событие почти сразу последовала реакция общественности. 15 мая 1919 г. в газете «Северная беднота» была опубликована статья Тараканова «За тюремной стеной». Автор, «указывая на белые стены бывшей... каторжной тюрьмы, обрисовывая ее прошлое и настоящее», остановился на вопросе об увольнении Голубя с должности начальника этого учреждения и

¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 940. Л. 1.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 79. Л. 6.

¹⁸ Там же. Л. 7.

¹⁹ Там же. Ф. 120. Оп. 4. Д. 69. Л. 3.

²⁰ Там же. Ф. Р-801. Оп. 2. Д. 940. Л. 2.

констатировал, что с его уходом «опять черная ночь спускается на жизнь тюрьмы»²¹.

В ответ на эту публикацию начальник губернского юридического отдела А. Кустов в газете «Красный Север» от 24 мая просил автора не беспокоиться за судьбу тюрьмы, поскольку «советская власть ... никогда не допустит, чтобы применялись способы воздействия времен монархизма»²². Автор также разъяснил, что «товарищ Голубь был уволен не потому, что сделал какое-либо преступление и не потому, что мало было им проявлено энергии по воспитательной части заключенных, а только потому, что т. Голубь не может быть начальником тюрьмы, что он слишком мягок для данного учреждения, что сказалось в массе побегов за самое короткое время. Последнее недопустимо в момент напряжения всех сил республики с контрреволюцией»²³.

Однако Вологодский профсоюз муниципальных рабочих и служащих не был удовлетворен опубликованной в газете информацией о причине увольнения И. В. Голубя и обратился 26 мая с официальным запросом по этому поводу в губернский юридический отдел. В его ответе от 30 мая за № 291 сообщалось, что Голубь уволен как несоответствующий своему назначению. При этом увольнение произведено по распоряжению центра, который предписал «не только устранить данное лицо, но и высказался за предание его суду». В качестве конкретных причин, повлекших такую меру, было указано «расстройства аппарата внешнего управления тюрьмой, следствием чего явилось падение дисциплины и большое количество побегов»²⁴.

На момент снятия с должности И. В. Голубь находился в краткосрочном (5-дневном) отпуске, который был предоставлен ему с 5 мая 1919 г. «для поездки в Ярославль, для встречи с родственниками»²⁵. В Вологду после увольнения он не вернулся. По данным, предоставленным губерньским карательным отделом в губернский комиссариат по военным делам, по состоянию на 31 мая его местожительство было неизвестно²⁶.

Однако карьера Голубя «по карательной части» в Вологде имела продолжение. Вступление в 1919 г. в РКП(б), по мнению Л. С. Панова, сыграло не последнюю роль в том, что ему была поручена

---

²¹ Цит. по: Кустов А. Жизнь тюрьмы // Красный Север. 1919. 24 мая. С. 3.

²² Кустов А. Жизнь тюрьмы // Красный Север. 1919. 24 мая. С. 3.

²³ Там же. С. 3.

²⁴ ГАВО. Ф. 120. Оп. 4. Д. 74. Л. 6.

²⁵ Там же. Л. 1.

²⁶ Там же. Л. 4.

организация Вологодского лагеря принудительных работ²⁷. С этой задачей Израиль Голубь, видимо, справился, поскольку приказом № 1 коменданта лагеря от 31 декабря 1919 г. Вологодский губернский лагерь принудительных работ был объявлен открытым²⁸.

А уже 16 января 1920 г. Голубь вступил в должность заведующего карательным отделом²⁹ губернского отдела юстиции³⁰. Но и на этой руководящей должности Израиль долго не задержался: последний из обнаруженных за его подписью приказов датирован 30 апреля того же года³¹.

Как полагает Л. С. Панов, активная деятельность И. В. Голубя была замечена. Его вызвали в распоряжение ЦК РКП(б) и в 1921 г. назначили в органы ЧК на юг страны, где продолжалась гражданская война. Он работал в Ростовской и Ставропольской губчека, членом и председателем ревтрибунала³². После переезда в 1922 г. в Батуми Голубь сначала работал в кооперативе особого отдела таможни, а затем уполномоченным крайторга РСФСР. В 1925 г. Израиль переехал в Тифлис, где стал уполномоченным Союз-Мяса³³. По предположению Л. С. Панова, закат его карьеры был связан с исключением «бывшего бундовца и эсера» из РКП(б) во время ее первой большой чистки³⁴.

В 1935 г. вологодскому краеведу Н. В. Лебедеву удалось установить связь с И. В. Голубем и выяснить подробности его биографии. Дальнейшая судьба этого человека осталась неизвестной³⁵. Правда, 14 марта 2014 г. в анонимном комментарии к записи в одном из блогов в LiveJournal (русском Живом Журнале), которому можно доверять с определенной долей условности, появилась такая информация: «Я – внук Израиля Вениаминовича.

²⁷ Панов Л. С. Голубь – птица северная // Губернские ведомости. 1995. 12 мая. С. 4.

²⁸ Историческая справка // ГАВО. Ф. Р-119. URL: <https://gosarchive.gov35.ru/archive1/funds/82967> (дата обращения: 30.01.2023).

²⁹ Так указано в документах, наименование «подотдел» появляется с ноября 1920 г.

³⁰ ГАВО. Ф. 120. Оп. 4. Д. 172. Л. 8.

³¹ Там же. Л. 46.

³² Там же. С. 4.

³³ Панов Л. С. Вологодский централ: от узника до шефа // Вологодский комсомолец. 1990. 22 августа. С. 3.

³⁴ Там же. С. 3.

³⁵ Панов Л. С. Голубь – птица северная // Губернские ведомости. 1995. 12 мая. С. 4.

Правда, я родился уже после его смерти (он скончался 1957 году в Тбилиси)»³⁶.

В заключении можно отметить, что уникальность биографии И. В. Голубя стала отражением яркой и противоречивой советской эпохи.

УДК 930.25

Белоусова Ольга Александровна,
начальник кафедры гуманитарных,
социально-экономических
и естественнонаучных дисциплин,
Кузбасский институт ФСИН России,
кандидат исторических наук, доцент
e-mail: noi09@yandex.ru

Документы по личному составу как источник по истории уголовно-исполнительной системы

Аннотация: в настоящей статье в качестве исторического источника рассматриваются отдельные документы по личному составу уголовно-исполнительной системы Кемеровской области-Кузбасса. Дается характеристика содержания документов, возможность их использования в научной деятельности.

Ключевые слова: служебная карточка, личный листок по учету кадров.

Belousova Olga Alexandrovna,
Head of the Department of Humanities,
Socio-Economic and Natural Sciences,
Kuzbass Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor

Personnel documents as a source on the history of the penal system

Annotation: in this article, as a historical source, separate documents on the personnel of the penitentiary system of the Kemerovo region-

---

³⁶ LiveJournal. URL: <https://ivan-bel.livejournal.com/479779.html> (дата обращения: 30.01.2023).

Kuzbass are considered. The characteristic of the content of documents, the possibility of their use in scientific activity is given.

Keywords: service card, personal personnel record sheet.

Пенитенциарная система традиционно является слабо освещенной по причине закрытого характера деятельности исправительных учреждений, а также зачастую настороженного отношения простых граждан к ее представителям. Одним из средств формирования благоприятного имиджа УИС, преодоления сложившихся исторических стереотипов является изучение истории системы и знакомство широкой публики с результатами исследований.

Исследования по истории пенитенциарной системы традиционно велись на основе законодательных документов, статистических данных, публицистических статей (что в корне не верно) и воспоминаний (в большей степени, бывших осужденных, реже — собственно сотрудников системы). Для объективного изучения вопросов становления и развития системы, крайне необходимо расширение базы источников, в том числе и за счет ранее недостаточно привлекаемой делопроизводственной документации.

Особое внимание исследователей вызывают документы по личному составу. Являясь частью архивной информационной системы, они чаще всего используются для составления архивных справок по социально-правовым вопросам³⁷, формированию семейного генеалогического древа, уточнения деталей при написании биографических статей и др. Однако следует отметить, что введение в научный оборот подобных материалов позволяет получить более полную картину формирования советской уголовно-исполнительной политики в целом³⁸.

В состав личного дела входит комплекс документов, в том числе: анкеты, личные учетные карточки, автобиографии и

---

³⁷ Приль Л. Н. Документы по личному составу как информационный ресурс (из опыта работы ЦДНИ ТО). // Центр документации новейшей истории Томской области. [Электронный ресурс]. URL: [https://Приль Л. Н. Документы по личному составу как информационный ресурс \(из опыта работы ЦДНИ ТО\) - Центр документации новейшей истории Томской области \(ОГКУ ЦДНИ ТО\) \(tomsk.ru\)](https://Приль Л. Н. Документы по личному составу как информационный ресурс (из опыта работы ЦДНИ ТО) - Центр документации новейшей истории Томской области (ОГКУ ЦДНИ ТО) (tomsk.ru).).

³⁸ Журавель Р. И. Историческая ценность документов по личному составу при изучении истории региона [Электронный ресурс]. URL: [ZHuravel-R.-I.-Istoricheskaya-tsennost-dokumentov-po-lichnomu-sostavu-pri-izuchenii-istorii-regiona-pdf.io_.pdf \(r-19.ru\)](https://Zhuravel-R.-I.-Istoricheskaya-tsennost-dokumentov-po-lichnomu-sostavu-pri-izuchenii-istorii-regiona-pdf.io_.pdf (r-19.ru).).

характеристики, копии документов об образовании и др.³⁹ В рамках настоящей статьи мы остановимся на анализе служебных карточек и личных листков по учету кадров сотрудника, являющихся одним из интереснейших, и, на наш взгляд, недооцененных источников.

Следует отметить, что советской властью уже в 1920 г. были предприняты первые попытки учета кадров на основе анкетирования⁴⁰. В начале 1930-х годов появилась специальная учетная форма — личный листок по учету кадров⁴¹. Он служил первичным учетным документом на работника и заполнялся при его трудоустройстве. Одновременно с ним заполнялась служебная карточка, предназначенная для персонального учета сотрудников. Содержание этих документов по большинству пунктов дублирует друг друга. Служебная карточка хранится в картотеке учреждения и позволяет при отсутствии личного дела получать основные биографические данные сотрудника, в том числе его кадровые перемещения, учет отпусков, поощрения, взыскания и др. Первая общесоюзная форма личного листка появилась в 1956 г.⁴² В 1972 г. была утверждена типовая межотраслевая форма первичной учетной документации. В УИС использовалась либо личная карточка, форма № Т-2, либо служебная карточка⁴³. С некоторыми корректировками содержания, служебная карточка и листок по учету кадров используются в уголовно-исполнительной системе и сегодня.

³⁹ Сидорова В. А. Историческая ценность документов по личному составу (архивоведческий аспект. На примере личных дел работников Наркомата просвещения РСФСР 1917–1927 гг.). М., 1985. 219 с. [Электронный ресурс]. URL: Историческая ценность документов по личному составу (архивоведческий аспект. На примере личных дел работников Наркомата просвещения РСФСР 1917–1927 гг.) (dslib.net).

⁴⁰ Морозова Т. И. Личные листки по учету кадров как источник изучения партийно-советской элиты Сибири 1920-х годов // Архивная служба: путь длиною в век. Традиции сохранения документального исторического наследия: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию государственной архивной службы России (г. Новосибирск, 23 мая 2018 г.) – Новосибирск, 2018. – С. 187–194.

⁴¹ Нигматуллин С. Х. Форма личного листка по учету кадров как отражение социальной политики в СССР в 1930–1950-х гг. (на примере документов московских школ) // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 4. С. 92–97. (История и политические науки).

⁴² Там же. С. 93.

⁴³ Приказ от 14 декабря 1972 г. № 816 «Типовые междуведомственные формы первичной учетной документации для предприятий и организаций министерств и ведомств СССР и союзных республик» [Электронный ресурс]. URL: // "Типовые междуведомственные формы первичной учетной документации для предприятий и организаций министерств и ведомств СССР и союзных республик" (libussr.ru).

Система оформления настоящих документов предполагала заполнение в одном экземпляре на основании опроса работника и представленных им соответствующих документов. Все изменения должны были своевременно отражаться в деле.

В ходе исследования нами были использованы материалы, хранящиеся в Архиве ФКУ СИЗО-2 ГУФСИН России по Кемеровской области — Кузбассу и Архиве постоянно действующей экспозиции по истории уголовно-исполнительной системы памяти С.Г. Марченко ГУФСИН России по Кемеровской области — Кузбасс. Анализ биографий сотрудников осуществлялся по схеме, включающей этапы жизнедеятельности, военную и правоохранительную службы персоналии, «гражданскую» жизнь, образование, сведения о награждениях, семейное положение⁴⁴.

Определенную сложность вызывает установление репрезентативной выборки личных дел. Фактически в работе мы использовали те документы, которые оказались нам доступны. В настоящее время учетная документация советского периода хранится в архивах Информационных центров МВД РФ, что затрудняет доступ к ним. А вот служебные карточки в массе своей находятся в архивах органов и учреждений ФСИН и являются частью алфавитных картотек. Их изучение позволяет проследить кадровую динамику пенитенциарной системы Кузбасса в XX в.

Листок по учету кадров и служебная карточка содержат в себе сведения о дате и месте рождения, национальной и социальной принадлежности сотрудника, членах его семьи (родители, супруг/супруга, дети), образовании, службе в армии, об участии в боевых действиях, специальных званиях, о членстве в комсомоле, в партии, в выборных органах, знании иностранных языков, пребывании за границей, наградах, трудовой деятельности до поступления на службу, причины увольнения со службы. В целом информация, заносимая в исследуемые документы, носила однотипный характер. В зависимости от исторической конъюнктуры менялась последовательность вопросов, вносились или исключались некоторые вопросы. Так, например, в документах 1930–1940-х годов присутствовали вопросы об участии в Первой мировой и гражданской войнах, нахождении в плену «во время империалистической войны», «проживание на территории белых», имелись ли случаи «колебания в

---

⁴⁴ Итогом работы стал «Биографический справочник работников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы на территории Кузбасса: история и современность».

проведении линии партии», «участие в оппозиции», кто из членов семьи подвергался репрессиям.

Изучение архивных документов уголовно-исполнительной системы Кузбасса позволяет увидеть определенные закономерности в проводимой кадровой политике. Так, участие в «империалистической войне» и проживание «на территории белых» не являлось препятствием для принятия на службу. Также в некоторых делах отмечено наличие судимостей у членов семей сотрудника.

Анализ служебных карточек также позволяет проследить социальный состав сотрудников, уровень их образования, а также взаимосвязь этих вопросов в историческом развитии. Большинство поступавших на службу в пенитенциарные учреждения Кузбасса в 1930-е годы были выходцами из крестьян-бедняков. Родившиеся в царской России, вчерашние батраки образование имели низшее, либо начальное, дополненное школами младших командиров (в период прохождения службы в Красной Армии) или рабфаками. Родившиеся после 1911 г. чаще всего также происходили из крестьян, однако имели среднее и даже среднее профессиональное образование. Родившиеся во 2 половине XX в. имели среднее профессиональное либо высшее образование⁴⁵.

По окончании Великой Отечественной войны вопросы об участии в боевых действиях были скорректированы (исключены термины «империалистическая война», «белые», «гражданская война» и т.п.). В новой форме личного листка от 1956 г. исчезли строки о социальном происхождении, оппозиционной деятельности, репрессиях. На некоторых служебных карточках в углу делалась пометка «фронтовик». Следует отметить, что ни в одной из изученных карточек, не встретилось отметки «да» в графе «был ли в плену». Также характерной чертой является прием на службу красноармейцев (массово), следователей особого отдела, сотрудников СМЕРШа. Последние являлись скорее исключением и сразу занимали руководящие должности в лагерной системе 1940-х годов⁴⁶.

Членство в партии отмечается у 100% поступавших на службу в 1930–1950-х годы. Затем этот показатель резко падает.

---

⁴⁵ Белоусова О. А., Игумнова О. В., Куликов М. В. Биографический справочник работников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы на территории Кузбасса: история и современность: справочник. Новокузнецк, 2022. 77 с.

⁴⁶ Например, Завьялкин М. С. Архив ПДЭ по истории УИС ГУФСИН России по Кемеровской области — Кузбассу. Д. 286.

Интересным разделом данных документов являются пункты о взысканиях, наградах и поощрениях. Поскольку служебные карточки оформлялись непосредственно при приеме на работу, их последующее заполнение оставалось на совести сотрудников отдела кадров. При проведении сравнительного анализа документов из личных дел сотрудников (например, с характеристиками, аттестационными листами), часто оказывается, что отметки о наградах и взысканиях в карточку не вносились, достаточно было указания об этом в отдельных приказах (которые также могут отсутствовать в личных делах). Наиболее полная информация по данному вопросу представлена, как правило, в «Послужном списке» сотрудника⁴⁷. В связи с тем, что поощрения приурочивались к празднованию государственных праздников или юбилейных дат, год награждения можно восстановить по наименованию самой награды⁴⁸.

Изучение личных дел также позволяет оценить гендерные ограничения, связанные со службой в пенитенциарной системе. Так, в представленном нами сборнике⁴⁹ есть всего 2 женщины, и обе они пришли в УИС в 1990-е годы. Разумеется, женщины в пенитенциарной системе служили, но из изученных в настоящий момент 205 личных дел их представлено не более 5% (отдел кадров, бухгалтерия, тыловая служба, школы и библиотеки при местах заключения — должности, не требовавшие аттестации), а в 1930–1940-е годы служебных карточек на женщин-сотрудников в УИС Кузбасса нами пока не обнаружено⁵⁰. Количество принимаемых на службу женщин возрастает с конца 1970-х годов, в том числе в таких специальностях, как врачи, инженеры, охрана, конвой (не считая вспомогательные службы).

Таким образом, служебные карточки и личные листки по учету кадров, даже не зависимо от иных материалов личных дел

---

⁴⁷ Отдельно оформляемый документ, появившийся в личных делах после Великой Отечественной войны. Представлял собой развернутую справку из личного листка по учету кадров, служебной карточки и различных приказов, касающихся конкретного сотрудника.

⁴⁸ Например, медаль «30 лет Советской армии и флота» вручалась в 1948 г.; медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» — в 1970 г.

⁴⁹ Белоусова О. А., Игумнова О. В., Куликов М. В. Биографический справочник работников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы на территории Кузбасса: история и современность: справочник. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2022. 77 с.

⁵⁰ Представленные по данному вопросу выводы не являются окончательными, так как исследование общего массива дел продолжается.

сотрудников (не всегда доступных), могут рассказать нам не только историю одного отдельно взятого человека, но и помочь сформировать историю учреждения, региона, страны в целом. Потенциал данного вида источников очень широк. В будущем возможны проведения комплексных исследований, которые позволят получить точные и корректные результаты по вопросам кадровой политики пенитенциарной системы XX в. (в том числе гендерный, национальный и социальный состав, уровень образования и др.). К недостаткам работы с такого рода документами можно отнести недоступность некоторых архивов и, как следствие, невозможность выявления максимального числа источников.

УДК 343.822: 94(47)083

Ванюшина Олеся Викторовна,
ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИИТ ФСИН России,
кандидат исторических наук
e-mail: vanyushina_olesya@mail.ru

Особенности организации труда и питания арестантов Тверского исправительного арестантского отделения в начале XX века

Аннотация: в статье на основе архивных документов рассматриваются правовые основы обеспечения продовольствием осужденных, денежная норма на питание, приводится пример «пищевой раскладки» ежедневного продовольствия арестантов Тверского исправительного арестантского отделения, описываются основные виды внешних и внутренних работ, которыми были заняты арестанты.

Ключевые слова: исправительное арестантское отделение, питание арестантов, «пищевая раскладка», арестантские работы, начало XX века.

Vanyushina Olesya Viktorovna,
The Leading Researcher of the Federal State Institution
Scientific Research Institute of Information Technologies
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Historical Sciences

Features of the organization of labor and nutrition of prisoners of the Tver correctional convict department at the beginning of the XX century

Abstract: the article, based on archival documents, examines the legal basis for providing food to convicts, the monetary norm for food, provides an example of the "food layout" of daily food for prisoners of the Tver Correctional Convict department, describes the main types of external and internal work that the prisoners were engaged.

Keywords: correctional convict department, prisoners' nutrition, «food layout», convict work, the beginning of the XX century.

В настоящее время интерес к истории пенитенциарной системы заметно усилился. Продолжается как изучение пенитенциарной системы России в целом, так и развивается новое направление исследований в тюроведении – это изучение мест заключения на региональном уровне.

Целью данной статьи является анализ таких особенностей быта арестантов Тверского исправительного арестантского отделения в начале XX в, как организация труда и питания. Работа построена на впервые вводимых в научный оборот архивных документах, хранящихся в фондах Государственного архива Тверской области. В статье используются отчеты об арестантских заработках в местах заключения Тверской губернии, отчеты попечительства о Тверском исправительном арестантском отделении со сведениями о пищевой раскладке для арестантов и результатах анализа арестантской пищи.

В исправительных арестантских отделениях содержались мужчины (как правило, простого звания) не моложе семнадцати и не старше шестидесяти лет, способные к работе и труду⁵¹. Лица, неспособные к работам, а также женщины подлежали заключению в тюрьмах⁵². Согласно действующему законодательству все заключенные в арестантском отделении должны были трудиться. Труд рассматривался как исправительное и воспитательное средство.

В начале XX в. в Тверской губернии функционировало одно исправительное арестантское отделение, расположенное в губернском центре. Анализ статистических данных показывает, что работы здесь велись достаточно успешно. Арестантские работы делились на наружные, внутренние и хозяйственные (на потребности

---

⁵¹ Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею (изд. 1890 г.) // Свод законов Российской империи. Т. XIV. Ст. 284.

⁵² Там же.

исправительного отделения). Так, согласно ведомости за 1915 г., трудом арестантов Тверского исправительного отделения производилась погрузка и выгрузка вагонов, переноска тяжестей, очистка площадей и улиц города, сельскохозяйственные и земляные работы, пилка и колка дров, различные плотничные, огородные, бетонные работы, носка кирпича и строительных материалов, переноска архивных дел в разных присутственных местах⁵³. В том числе арестанты работали и по частным заказам, например, занимались печными работами по заказам, очисткой дворов и улиц от снега у частных лиц. Арестанты исправительного отделения были задействованы на ассенизационных работах по очистке выгребных ям и вывозке нечистот. Для этого при исправительном отделении содержался специальный конный обоз. В Твери спрос на работы такого вида был высок, тем более учитывая низкие расценки арестантского отделения на них⁵⁴.

По закону продолжительность рабочего дня составляла одиннадцать часов летом и десять часов зимой. Внутренние работы арестантов исправительного отделения заключались в работах сапожных, портняжных, кузнечных, столярных, шорных, плотничных, слесарных, которые производились как для потребностей отделения, так и на заказ⁵⁵. В целом, доходы от наружных работ, произведенных арестантами Тверского исправительного отделения, были выше, чем от внутренних, и в 1915 г. составили 46974 руб. 44 коп. В то время как от внутренних – 6262 руб. 45 коп.⁵⁶ Привлекались арестанты и к труду по хозяйственному обслуживанию своего отделения (конюхи, кашевары, хлебопеки, прачки, квасники, ламповщики, коридорщики, больничные служители). Данные работы оплачивались. Остальная часть работ по тюремному хозяйству, например, дневальные, по колке дров, подметанию дворов, обработке тюремных огородов, накачиванию воды, производилась всеми свободными от других работ арестантами по очереди и безвозмездно⁵⁷.

На вознаграждение арестантов исправительного отделения полагалось 30% от общей суммы, полученной за работы. Оставшиеся средства распределялись в равных долях между тюрьмой и казней⁵⁸.

⁵³ Государственный архив Тверской области (далее ГАТО). Ф. 38. Оп. 1. Д.2107. Л. 37 об. – 38.

⁵⁴ Там же. Л. 45–46.

⁵⁵ Там же. Л. 37 об.38.

⁵⁶ Там же. Л. 30–31.

⁵⁷ Там же. Л. 37 об.38

⁵⁸ Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею (изд. 1890 г.) // Свод законов Российской империи. Т. XIV. Ст. 359.

Часть суммы выдавалась заключенным сразу, другая часть – после их освобождения. Кроме того, арестанты Тверского исправительного арестантского отделения, нередко получали от нанимателей работ «чаевые деньги». Согласно рапорту начальника Тверского исправительного арестантского отделения от 24 мая 1906 г. на имя тверского губернатора, в исправительном отделении установился порядок, что при сдельной работе «2/3 заработка проводить по книгам, а одну треть разрешать выдавать нанимателю арестанту на чай, при поденной же работе допускается выдача чайных денег от 10 до 20 коп., а иногда на работах случайных и более»⁵⁹.

Режим предполагал, что арестанты могут быть подвергнуты дисциплинарным наказаниям. Так, 10 мая 1906 г. все арестанты исправительного отделения не вышли на работу, за что были лишены права курить табак, ограничены в пище и кипятке⁶⁰.

Для организации питания арестантов исправительных отделений из казны выделялись средства на покупку крупы, муки и соли из расчета в месяц на одного арестанта – муки 2 четверика (1 пуд 32,5 фунта), 1 гарнца крупы (Гарнец – старая русская мера сыпучих тел, равная 3,28 л. – О.В.) и 2 фунтов соли и сверх того «приварочных денег» по 2,5 коп. на арестанта (на эти средства покупали мясо, рыбу и пр.)⁶¹. Согласно циркуляру ГТУ от 18 июня 1904 г. № 11, пищевое довольствие производилось по особой пищевой раскладке, которая составлялась в пределах отпускаемых казною средств. Начальнику исправительного арестантского отделения, в целях разнообразия пищи арестантов, предоставлялось право дважды в неделю заменять указанные в раскладке продукты другими, но с тем, чтобы стоимость продовольствия не была дороже установленной и утвержденной в раскладке (п. 14). Арестанты могли выписывать продукты на собственные и заработанные деньги. Выписка съестных припасов на собственные деньги (не заработанные в исправительном отделении) могла быть разрешена лишь в том случае, если не представляется возможным не по вине самого заключенного, занять его платными работами. Стоимость ежемесячно выписываемых на собственные деньги продуктов не могла превышать половины среднего заработка арестанта и составляла не более 10 копеек в день (п. 15). Данное

⁵⁹ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 21349. Л. 12.

⁶⁰ Там же. Л. 11 об.

⁶¹ Циркуляр ГТУ от 18 июня 1904 г. № 11 «Основные правила продовольствия и лечения арестантов исправительных арестантских отделений, а также счетоводства по этой части» // Сборник циркуляров по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. Ч. 2. 1896–1910 гг. СПб., 1911. С.146–170.

ограничение не распространялось на заработанные суммы. Однако на основании ст. 365 «Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею» арестанты могли расходовать на свои надобности и на пособия их семействам не более половины заработанных средств, а оставшуюся сумму они получали при освобождении.

Арестанты могли приобретать и получать от родных и других лиц съестные припасы: булки, баранки, сухари, сахар, чай, кофе, молоко, масло, сыр, колбасу, жареное мясо, сало, соленую и сушеную рыбу, фрукты, овощи, лук и чеснок. Другие продукты могли передаваться арестантам лишь с особого разрешения начальника исправительного отделения, если в этом была необходимость для поддержания сил и здоровья арестантов.

Для организации питания составлялась особая «Пищевая раскладка», за основу которой брались общеимперские нормы продовольствия. В целом, питание арестантов было достаточно однообразным, вследствие чего участились их жалобы на недостаточность отпускаемой пищи. Например, в апреле 1906 г. арестанты жаловались на неудовлетворительное питание. В результате чего, была пересмотрена и утверждена новая «пищевая раскладка», составленная «в пределах тех же отпускаемых казною средств, почему улучшается питание лишь в смысле разнообразия пищи, так как до сего времени 6 раз в неделю отпускаемые щи будут заменены в некоторые дни картофельной и гороховой похлебкой»⁶².

Согласно «Пищевой раскладке» за 1906 г. обед и ужин здоровых арестантов Тверского исправительного арестантского отделения включал следующие блюда: в воскресенье на обед подавали лапшу с мясом, крупой перловой, перцем и лавровым листом и кашу гречневую с льняным маслом, на ужин – кашу гречневую с льняным маслом; в понедельник, четверг и субботу на обед – щи с капустой, мясом, луком, перцем и лавровым листом, на ужин – кашу пшеничную с льняным маслом; во вторник на обед – суп картофельный с мясом и овсяной крупой, на ужин – кашу гречневую с льняным маслом; в среду и пятницу на обед – горох с луком и льняным маслом, кашу гречневую с льняным маслом, на ужин – кашу гречневую с подсолнечным маслом. Таким образом, только трижды в неделю обед состоял из двух блюд⁶³. В постные дни пища была менее калорийной – готовили картофельный суп с рыбой, щи со сметками, гречневую или пшеничную кашу⁶⁴. Для приготовления пищи среди арестантов

---

⁶² ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 21349. Л. 11 об.–12.

⁶³ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 21364. Л. 2 об.–3.

⁶⁴ Там же. Л. 4 об.–5.

назначались кашевары, хлебопеки, квасники. Для улучшения питания арестантов при арестантском отделении содержался огород, который обрабатывался силами арестантов⁶⁵.

В декабре 1906 г. по причине жалоб арестантов Тверского исправительного отделения на недостаточность отпускаемых для продовольствия продуктов и на непитательность приготовляемой из этих продуктов пищи Попечительством о Тверском исправительном арестантском отделении при участии городского и уездного врачей была проведена проверка. Результаты проверки показали, что «пищевого довольствия по количеству отпускаемых съестных припасов достаточно и приварочное довольствие обходится приблизительно в ту норму, которая определена правилами т.е. около 2,5 коп. на человека в день». Что же касается питательности пищи, то по заключению городского врача: «Если принять за норму ежедневного питания для рабочего человека данные, установленные наукой, а именно: для человека среднего веса требуется в сутки: белков – 118 грамм, жиров – 56 грамм, углеводов – 500 грамм – при условии, чтобы 1/3 белков т.е. около 40 грамм была животного происхождения (мясо, молоко, творог), то в скоромные дни не говоря уже про постные [...] в пищевом довольствии арестантов недостает значительного количества белков животного происхождения, следует около 40 грамм, расходуется же 14, а также жиров, следует 56 грамм, расходуется же 13,88, наблюдается излишек углеводов, следует 500 грамм, расходуется 736,6. Это объясняется большим количеством выдаваемого хлеба»⁶⁶.

В связи с этим тверской губернатор просил разрешения ГТУ увеличить отпуск приварочных денег в целях усиления питательности пищи для арестантов Тверского исправительного отделения, «с отнесением расхода на счет арестантского заработка, так как для усиленного производства работ необходима для работающего более питательная пища». В свою очередь, ГТУ, затрудняясь дать согласие на данное предложение, уведомило, что «не встретило бы препятствий к разрешению арестантам названного отделения увеличить выписку дозволенных к приобретению съестных припасов», если тверской губернатор признает это необходимым⁶⁷.

Таким образом, в начале XX в. дешевая рабочая сила арестантов исправительного отделения находила широкое применение в различных сферах жизни города. Труд не только дисциплинировал

⁶⁵ ГАТО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2107. Л. 37 об.–38.

⁶⁶ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 21364. Л. 6–7.

⁶⁷ Там же. Л. 7–8.

осужденных, но и приносил пользу городской среде. Обеспечение продовольствием арестантов производилось по особой «пищевой раскладке», которая составлялась в пределах отпускаемых казною средств. Безусловно, пищевой рацион арестантов был не особенно полезен из-за обилия углеводов и нехватки жиров, но он был вполне калориен. При рассмотрении жалоб арестантов о недостаточности питания власти старались действовать в рамках закона: проводили проверки качества пищи, изучали калорийность, пересматривали «пищевую раскладку» с целью разнообразия пищи, но все так же в пределах тех же отпускаемых казною средств. Между тем, как показал анализ архивных документов, проявилась устойчивая тенденция решать проблему улучшения продовольственного снабжения арестантов за счет внутренних резервов: создания собственных огородов, хлебопечения, разрешения арестантам увеличить выписку дозволенных к приобретению съестных припасов.

УДК 34 (343.8)

Варенцова Лариса Юрьевна,

доцент кафедры
теории и истории государства и права
Нижегородской академии МВД
Российской Федерации,
доцент, кандидат исторических наук,
l_varentsova.65@mail.ru
ORCID ID 0000-0002-8429-379X

Варенцов Сергей Юрьевич,

заведующий столовой ОКБИиХО
ФКУ «Исправительная колония № 11
Главного управления федеральной службы исполнения
наказаний по Нижегородской области»,
кандидат исторических наук,
varentsov79@inbox.ru

Вопросы обеспечения форменной одеждой чинов тюремного надзора Российской империи на страницах «Тюремного вестника»

Аннотация: статья посвящена особенностям форменной одежды служителей тюрем Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Основным историческим источником стали материалы

дореволюционной периодической печати, в частности нами использовался ежемесячный журнал Главного тюремного управления – «Тюремный вестник».

Ключевые слова: Российская империя в конце XIX – начале XX столетий, форменная одежда, тюремные надзиратели и надзирательницы.

Varentsova Larisa YUr'evna,
candidate of historical sciences,
associate professor of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation

Varentsov Sergej YUr'evich,
Head of the ОКВЛiНО
of the FKU "Correctional colony № 11
The Main Directorate of the Federal Penitentiary Service
for the Nizhny Novgorod region",
candidate of historical sciences

Issues of uniforms for prison wardens in the Russian Empire in the pages of the «Prison Bulletin»

Annotation: the article is devoted to the peculiarities of the uniform of prison officers of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries. The main historical source was the materials of the pre revolutionary periodical press, in particular, we used the monthly magazine of the Main Prison Administration – "Prison Bulletin".

Keywords: the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries, uniforms, prison guards and wardens.

5 октября 1885 г. Высочайшим повелением императора Александра III была определена форма обмундирования чинов тюремного ведомства⁶⁸. Согласно данному распоряжению, не имевшие вовсе чинов, но занимавшие классные должности, обязывались носить мундиры или сюртуки без наплечных шнуров. На практике же встречалось, что эти лица носили наплечные шнуры с одной звездочкой или без нее, тем самым «присваивая» себе различавшиеся по толщине шнуры для чиновников XIV, а нередко IX

---

⁶⁸ О форме обмундирования чинов тюремного ведомства // Тюремный вестник (далее – ТВ). 1893. № 7. С. 257.

и даже VI классов⁶⁹. Для первых пяти классов полагались шнуры с одной звездочкой, для штаб-офицеров – с двумя, а для обер-офицеров – с тремя звездочками⁷⁰.

Некоторые из чиновников VI–VIII классов не нашивали на воротник мундира петлиц, исходя из того, что по описанию для этих чинов полагалось иметь только штаб-офицерский галун, а о петлицах ничего не упоминалось. 5 октября 1885 г. были утверждены рисунки формы, где мундир для чинов VI–VIII классов показан с петлицей на воротнике, независимо от галуна⁷¹.

Многие начальники тюрем носили при мундире револьверы на шнуре военного образца. С 5 октября 1885 г. вооружение чинов управления, в том числе и начальников тюрем, ограничивалось шашкой⁷². Некоторые начальники мест заключения пользовались шпорами, которые никому из чинов управления или надзора не были присвоены⁷³.

Кушак при мундирах для чинов тюремного ведомства полагался офицерского образца, т.е. шерстяной из кашемира темно-синего цвета. Многие из чинов управления в местах лишения свободы имели шелковые кушаки, даже другого цвета, например, темно-лиловые, вместо темно-синих⁷⁴.

Наибольшее же разнообразие отмечалось в ношении головного убора. Головной убор тюремного ведомства – это фуражка с кокардой на тулье. При этом некоторые чины управления в пенитенциарных учреждениях носили взамен фуражек мерлушковые шапки военного образца. Или, имея фуражку, носили кокарду не на тулье, а на «околышке», притом военного образца, а иногда носили на «околышке» изображение местного герба⁷⁵. Все перечисленные моменты относились к нарушениям правил об обмундировании тюремных чинов.

В конце XIX в. для низших чинов тюремной стражи выдавался на один год мундир, укороченные шаровары из черного гвардейского неворсованного сукна, надзирательницам – кофта из кашемира или сукна; на три года – китель на подкладке из равендука (толстая

---

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 258.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ О форме обмундирования чинов тюремного ведомства // ТВ. 1893. № 7. С. 258.

парусина⁷⁶), черная драповая шинель; на год – галстук, на 2 года – фуражка и чехол на нее, меховая шапка, башлык⁷⁷. На приобретение галстука и головных уборов выделялись казенные деньги. Для старших надзирателей и надзирательниц к казенному отпуску на шитье мундира и кофты дополнительно выделялось по 2 руб. «на галун (тесма⁷⁸), гомбочки (носились при плечевых шнурах) и кушак (пояс⁷⁹)»⁸⁰. Металлические знаки, носившиеся на груди, фуражке, папахе, кушаке, служили бессрочно. На их ремонт государством выделялось по 15 коп. в год на каждого тюремного служителя⁸¹.

Выслужившие сроки предметы обмундирования употреблялись еще в течение положенного им по табели срока, для замены срочных вещей в тех случаях, когда это предоставлялось возможным. Затем эти предметы обращались в собственность лиц тюремного надзора, носивших их в течение не менее половины дополнительных сроков, а если были в носке у разных надзирателей или надзирательниц – в течение менее половины этих сроков⁸².

В конце XIX в. тюремные надзиратели носили круглые барашковые шапки черного цвета, из некрашеного меха и из круглого суконного донца. Барашковая тулья шапки имела цилиндрическую форму, имела высоту в отделке более 2 вершков (вершок – старинная русская мера длины, равная 4,5 см⁸³). Нижний край тульи меха загибался внутрь на 1/16 вершка и подшивался к суконной обшивке. Под меховой тулей имелся подбор из фабричного подкладного холста⁸⁴.

В 1905 г., во время Первой русской революции, в журнале Главного тюремного управления «Тюремный вестник» появилась информация о том, где могли приобретать форменную одежду самого лучшего качества «господа чины Тюремного ведомства». Им

⁷⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 12 т. М., 2003. Т. 10. При – Сап. С. 202.

⁷⁷ Табель вещевого довольствия низших чинов тюремной стражи // ТВ. 1894. № 4. С. 152–153.

⁷⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 12 т. М., 2002. Т. 2. Вар – Гор. С. 303.

⁷⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 12 т. М., 2002. Т. 5. Кач – Мал. С. 245.

⁸⁰ Табель вещевого довольствия низших чинов тюремной стражи // ТВ. 1894. № 4. С. 152–153.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975. С. 89.

⁸⁴ Описание круглой барашковой шапки для тюремных надзирателей // ТВ. 1896. № 2. С. 92–93.

рекомендовалось приезжать в Санкт-Петербург на Гостиный двор (ул. Садовая, 32), заходить в специализированный «Магазин М. Челпанова и И. Коняева»⁸⁵. Также был известен склад-магазин офицерских и гражданских вещей И. А. Капустина в Санкт-Петербурге, предназначенный для чинов тюремного ведомства⁸⁶. Из Санкт-Петербурга осуществлялась высылка формы лучшего качества почтой по всей Российской империи. В частности, этим занимался «Магазин М. Челпанова и И. Коняева»⁸⁷. Для военных чинов в элитных магазинах предлагались погоны, галуны, эполеты, шарфы, для гражданских – погоны, золотые портупей, кашемировые и шелковые кушаки, замшевые, летние, зимние перчатки, плюшевые и бобриковые башлыки, каракулевые папахи, кобуры, ремни, шашки, шелковые и «ластиковые» галстуки, сукно и пуговицы⁸⁸.

В 1914 г. форменная одежда надзирателей состояла из мундира из черного неворсованного сукна, двубортного по образцу 1881 г., со стоячим воротником из темно-синего сукна. Вместо погон полагались шнуры темно-синего цвета с медными пуговицами для пристегивания, образца тюремного ведомства. У старших надзирателей на воротнике и обшлагах был узкий золотой галун. На шнурах имелись медные вызолоченные гомбочки (у старших надзирателей – по три, у вахтеров, ключников – по две, у младших надзирателей – по одной). На левой стороне груди носился медный знак с наименованием места заключения. Форма знака утверждалась министром юстиции. Старшие надзиратели носили поверх мундира кушак из черного сукна, прочие надзиратели – пояс из юфти с медной гладкой пряжкой⁸⁹.

Летний китель изготавливался из хлопчатобумажной или льняной материи защитного цвета, с прямой спинкой, однобортный, со стоячим воротником, застегивающимся с помощью двух крючков. По борту летнего кителя находилось шесть пуговиц образца тюремного ведомства. На кителе носились плечевые шнуры и знак на груди, аналогичный тому, что был на мундире⁹⁰.

⁸⁵ Гг. чинам Тюремного ведомства // ТВ. 1905. № 3. С. 229.

⁸⁶ Прейскурант магазина и склада офицерских и гражданских вещей Ивана Акинфьевича Капустина // ТВ. 1905. № 1. С. 94–95.

⁸⁷ Гг. чинам Тюремного ведомства рекомендует принадлежности форм магазин М. Челпанова и И. Коняева // ТВ. 1904. № 8. С. 608.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Описание форменной одежды и вооружения для тюремных надзирателей и надзирательниц // ТВ. 1914. № 4. С. 839.

⁹⁰ Там же.

Шаровары шились из черного сукна, такого же, как для изготовления мундира. Шинель производилась из черного драпа, на подкладке, двубортная с застежкой на крючках, с клапанами на воротнике из черного сукна. При ношении шинели предполагались наплечные шнуры (как на мундире), обязательен был нагрудный знак⁹¹.

Фуражка зимняя выполнялась из черного неворсованного сукна, с околышем и козырьком, по тулье – кокарда. Фуражка летняя соответствовала по цвету летнему кителю, имела на тулье кокарду. В зимнее время чины тюремной стражи носили в Европейской России меховые шапки, а в Сибири – меховые папахи⁹². Им выдавались также башлыки из верблюжьего сукна, белые или коричневые вязаные перчатки, накидки-плащи из непромокаемой материи в виде пальто с капюшоном, сапоги с длинными голенищами⁹³.

Вооружение тюремных служащих было представлено пашкой, носимой на плечевой портупее из черной юфти для старших и отделенных надзирателей, а также револьвером, который носился в кобуре из черной юфтовой кожи. Кобура надевалась на черный кожаный пояс с пряжкой⁹⁴.

Тюремные надзиратели, безупречно прослужившие в должности 5, 10, 15 лет, удостоивались ношения на левом рукаве мундира и шинели углов из желтого армейского галуна. Ширина углов составляла 1/2 вершка. За 5 лет полагался один угол, за 10 – два, за 15 – три угла⁹⁵.

Тюремным надзирательницам выдавались кофты зимние, сшитые из черного сукна «в талию», застегивавшиеся на крючках, без пуговиц. Носились они поверх юбки. Дополнялись кофты округлым воротником черного цвета с темно-синей выпушкой, и таким же образом были украшены обшлага рукавов. У старших надзирательниц на воротнике по верхнему краю и на обшлагах рукавов был золотой галун. Старшие надзирательницы носили поверх кофты кушак из черного сукна, шириной в один вершок⁹⁶. Для младших надзирательниц был предусмотрен пояс из черной юфти с медной гладкой пряжкой. На левой стороне груди надзирательницы имели медный знак установленного образца.

---

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Описание форменной одежды и вооружения для тюремных надзирателей и надзирательниц // ТВ. 1914. № 4. С. 839.

Кофта летняя у надзирательниц выполнялась из хлопчатобумажной или льняной ткани защитного цвета, со стоячим воротником, обшлагами на рукавах, застегивалась она с помощью двух малых пуговиц. Воротник фиксировался сбоку на две пуговицы. По разрезу имелись еще две пуговицы. Спинка сзади стягивалась шнуром «в талию». Кофта летняя заправлялась под юбку. На левой стороне груди был знак⁹⁷.

Юбки смотрительниц выполнялись из черного сукна или кашемира, были гладкими. Пальто для смотрительниц шились из черного драпа, укороченного типа (по колени), двубортные, с шестью пуговицами тюремного ведомства, приталенные. Смотрительницы носили шапки из черного сукна, с отворотом до середины головного убора, с лентообразным знаком на обороте с надписью: «Тюремная надзирательница»⁹⁸. Служительницам женских тюрем выдавались белые или коричневые вязаные перчатки и полусапожки из черной кожи⁹⁹.

В 1915 г. для изготовления форменной одежды для служителей тюремного ведомства использовались следующие материалы: 1) черное сукно – неворсованное, из мериносовой рунной шерсти, прочное, эластичное; 2) драп черного цвета из отборной мериносовой рунной шерсти; 3) рогожка защитного цвета. Применялись также готовые вещи, например, накидки-плащи из непромокаемой парусиновой материи в виде пальто с капюшоном, с костяными или роговыми пуговицами; кенги (теплая обувь¹⁰⁰) из черной юфтовой кожи; тулупы постовые, крытые серым сукном из русских, ордынских овчин, плотных, хорошей, мягкой выделки¹⁰¹. Форма делилась на три основных вида: парадная, обыкновенная, будничная¹⁰².

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. в Российской империи в тюремном ведомстве вводилась единообразная форменная одежда для смотрителей и смотрительниц. Главное тюремное управление уделяло серьезное внимание соблюдению правил ношения формы служителями российских тюрем. В процессе тюремного реформирования выделялись немалые средства для приобретения

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 12 т. М, 2002. Т. 5. Кач – Мал. С. 14.

¹⁰¹ Описание материалов и готовых вещей, потребных для обмундирования тюремной стражи в 1915 г. // ТВ. 1914. № 10. С. 1779.

¹⁰² Описания и правила ношения форменной одежды для гражданских чинов тюремного ведомства // ТВ. 1904. № 12. С. 668.

добротной, качественной и комфортной форменной одежды для тех, кто служил в системе исполнения наказаний Российской империи.

УДК 343.8

Васильева Светлана Анатольевна,
профессор кафедры философии и истории
Академии ФСИН России,
доктор исторических наук, доцент
e-mail: vasi-svetlana@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3030-262X

Тарасов Олег Александрович,
начальник кафедры философии и истории
Академии ФСИН России,
кандидат исторических наук, доцент
e-mail: socratia@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-5806-6542

Направления и пределы пенитенциарного реформирования в российской провинции в конце XVIII – середине XIX века

Аннотация: в статье изучается вопрос об особенностях реформирования пенитенциарной сферы на материалах Рязанской губернии в период с последней четверти XVIII до конца XIX века. Основываясь на архивных и историко-юридических источниках, авторы анализируют модернизационные процессы на уровне проектов и особенности их реализации на уровне провинции, оценивают эффективность конечных результатов.

Ключевые слова: история уголовно-исполнительной системы, Рязанская губерния, пенитенциарные реформы, пенитенциарные инициативы Екатерины II, Общество попечительное о тюрьмах.

Vasileva Svetlana Anatolievna,
Professor in the Department of Philosophy and History
of Academy of Law and Management
of the Federal Penal Service of Russia,
Doctor of History, Associate Professor

Tarasov Oleg Aleksandrovich
Head of the Department of Philosophy and History

of Academy of Law and Management
of the Federal Penal Service of Russia,
Candidate of History, Associate Professor

Tendencies and limits of penitentiary reformation in Russian province in the late XVIII – mid XIX centuries

Abstract: the article examines the issue of the specifics of reforming the penitentiary sphere on the materials of the Ryazan province in the period from the last quarter of the XVIII to the end of the XIX century. Based on archival, historical and legal sources, the authors analyze modernization processes as projects and the specifics of their implementation in province; evaluate the effectiveness of their final results.

Keywords: history of the penitentiary system, Ryazan province, penitentiary reforms, penitentiary initiatives of Catherine II, the Prison Care Society.

Изучение имперского периода в истории России неотделимо от исследования опыта российских модернизаций конца XVII – начала XX в.¹⁰³ Для объяснения и понимания процессов, происходивших в России в указанный период, российский философ и социолог А. С. Ахиезер предложил применять понятие *социокультурного раскола*, возникшего в начале XVIII в. По мнению ученого, этот раскол, продолжавшийся на протяжении всего имперского периода, в первую очередь проявился в противоречивости понимания целей модернизации различными социальными группами, что, в свою очередь, стало основой для конфликта между властью и обществом по вопросам направлений и методов реформирования страны. На разных полюсах «дуальной оппозиции» А. Ахиезер расположил сторонников двух вариантов пути развития страны: «приверженцы одного взгляда вдохновлялись идеализированным образом Запада, считая возможным и необходимым переход на европейскую модель развития, тогда как их оппоненты опирались на идеализированный образ прошлого России»¹⁰⁴. В периоды преобладания в составе культурно-политической элиты страны сторонников первого варианта целевой установкой очередной волны модернизации неизбежно становилась

¹⁰³ См. например: Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века / Отв. ред. В. В. Алексеев. М., 2000. 246 с.

¹⁰⁴ Ахиезер А. С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 4.

попытка вестернизации – внедрения институциональных образцов, предлагаемых западной цивилизацией.

Попутно вопросы о целесообразности подобных попыток реформирования и эффективности их конечных результатов периодически актуализировались в российском общественно-политическом дискуссионном поле, постепенно передавшись «по наследству» от акторов и современников событий к исследователям подобных процессов.

Исходя из этого, изучение истории развития отечественной пенитенциарной системы имперского периода позволяет выделить несколько волн модернизационных процессов, свидетельствовавших о желании российских реформаторов «подтянуть» российскую систему исполнения уголовных наказаний до соответствия неким европейским стандартам. В данной статье мы постараемся осветить итоги некоторых «проектов», причем на стыке двух управленческих и социокультурных уровней: государства и провинции, а конкретно Рязанской губернии. Говорить о губернии мы можем с 28 февраля 1778 г., когда таковая была учреждена с центром в г. Переяславль-Рязанский (в 1780 г. переименован в г. Рязань).

В царствование Екатерины II в уголовно-исполнительной политике государства наметился «пенитенциарный поворот» придававший ей качественно новое направление – *исправление наказанием*. Большинство исследователей, как правило, связывают такое изменение отечественного правительственного курса в отношении исполнения уголовных наказаний с визитом в Российскую империю в 1781 г. знаменитого английского врача, филантропа и реформатора тюрем – Джона Говарда. При этом правоведы дореволюционного периода положительно оценили как сам визит, так и его итоги – внесение в уголовное правосудие «великих начал любви и милосердия», которые даже «опередили все европейские законодательства почти на целое столетие»¹⁰⁵. Советские ученые-пенитенциаристы, напротив, резко отрицательно восприняли «насаждение принципов буржуазной карательной системы»¹⁰⁶, и были убеждены, что своим показным реформаторством Екатерине «не удалось «обойти» Говарда с той легкостью, с какой она заручилась

---

¹⁰⁵ Филиппов М. А. Тюрьмы в России. Собственноручный проект Екатерины II // Русская старина. 1873. Вып. 7. С. 60–87.

¹⁰⁶ См. например: Исаев М. М. К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права. Доклад, сделанный в Военно-юридической академии в апреле 1946 г. М., 1947.

благорасположением Вольтера и Дидро»¹⁰⁷. Интересно отметить, что современные исследователи, следуя тенденциям постмодернистского анализа, сочетают выше обозначенные полярные мнения. И. Упоров, к примеру, убежден, что передовые европейские пенитенциарные идеи рассматриваемого периода – «создание для арестантов гуманных условий содержания – с тем, чтобы они не потеряли своего человеческого облика» – с большим трудом проникали в российское правовое сознание. И только приезд Говарда в Россию, и знакомство Екатерины II с его трудами стало «непосредственным поводом обратить внимание на тюрьмы» и стимулом к намерению императрицы «и в России привнести передовой тюремный опыт»¹⁰⁸. Н. Шурухнов, напротив, обосновывая обстоятельную и самобытную пенитенциарную политику Екатерины II, считает, что «устремление взора в Европу», попытки «заимствовать опыт, все передовое внедрять у себя, походить на европейцев в манерах», в некоторой степени превратили «российское общество в “младшего брата”, а со временем в “пасынка”, которым можно понукать, которому в определенный момент можно сделать выволочку и даже вышвырнуть из “дома общего”»¹⁰⁹. В своей оценке исследователь проводит интересную параллель с реалиями российской действительности 1990-х гг. и упреками в сторону отечественной правоприменительной практики, которая «не в полной мере соответствуют стандартам Совета Европы». Учитывая подобные яркие и остро полемичные историографические оценки, следует обратить внимание на то, что общим для них всех неизменно остается равнение на западные стандарты, признание неоспоримым существование взаимосвязи между отечественным и европейским пенитенциарным опытом, сравнение и оценка российской пенитенциарной политики на фоне зарубежных трендов.

В рассматриваемый период в интеллектуальном контексте российского и европейского Просвещения действительно зафиксированы идеи качественного изменения природы наказания – переход от кары к исправлению, – поэтому востребованными становятся замыслы организации реформирующего труда арестантов.

---

¹⁰⁷ Гернет М. История царской тюрьмы. Т. 1. М. 1951. С. 67.

¹⁰⁸ Упоров И. В. Тюремное дело в России второй половины XVIII в.: концептуальные идеи и проекты // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 6–6. С. 25.

¹⁰⁹ Шурухнов Н. Г. Тюрьмы России по собственноручному проекту императрицы Екатерины II 1787 года (краткий ретроспективный обзор) // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29(1–4), № 1. С. 71–82.

В связи с этим, закономерным заимствованием видится учреждение в России первых тюремных учреждений исправительного характера – смирительных и рабочих домов, которые даже в своих названиях этимологически калькируют европейские прототипы – *correctional houses, work houses (Arbeits-häuser, Zuchthäuser, Spinnhäuser)*. Подобные заведения (английские брайдуэллы, голландский цухтхауз, римская монастырская тюрьма Сен-Мишель и пр.), с целевым назначением *нравственного исправления*, появились в европейской практике еще в XVI–XVII вв. В зарубежной историографии дома коррекции рассматриваются как *особый социальный институт*, созданный с целью борьбы с важнейшими социальными девиациями раннего Нового времени – бродяжничеством, мелким воровством и «преступлениями против нравственности». В основе этого полублаготворительного полукарательного учреждения заложена чисто просветительская идея о возможностях коррекции (исправления) антиобщественного поведения. В начале XVIII столетия исправительные дома постепенно становятся частью европейской пенитенциарной культуры: судьи активно использовали практику приговоров к содержанию и принудительному труду в домах коррекции за преступления мелкой и средней тяжести.

В Учреждении об управлении губерниями 1775 г. содержатся первые указания к устройению подобных заведений под ведомством образованного в губерниях Приказа общественного призрения: «В рассуждении установления и надзирания Смирительных домов Приказу предписывается учреждать оные со всяким прилежанием, дабы установление совершенно соответствовало намерению, ибо доброустроенный Смирительный дом ограждает общество от многих предрозостей, добронравие повреждающих, и следовательно бывает нужен для общего благочестия и спокойствия семей»¹¹⁰. Обратим особое внимание на тот факт, что российские смирительные дома по аналогии с европейскими прототипами также определялись в ведение губернского учреждения, отвечавшего за социальную помощь и благотворительность. В 1781 г. в этом же ведомстве появилась рабочие дома для преступников, осужденных за мелкие кражи, грабежи и мошенничество. Этот тип исправительных заведений предполагал обязательное использование труда арестантов на работах «для пользы общей потребных»¹¹¹. Таким образом, воплощенные на практике мероприятия по институционализации борьбы за «огорождение общества от многих предрозостей, добронравие

¹¹⁰ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392.

¹¹¹ ПСЗ-1. Т. XXI. № 15147.

повреждающих», полностью находились в рамках европейского тренда на установление просвещенного абсолютизма, и свидетельствовали о приверженности Екатерины II актуальным европейским методам борьбы с социальными девиациями эпохи раннего капитализма.

Становление первых структур рязанской тюремной администрации в последней четверти XVIII в. проходило в тесной связи со становлением губернских и уездных учреждений. Опыт Рязанской губернии показывает, что на «запуск» смирительного и рабочего дома потребовалось достаточно времени и административных ресурсов. Во-первых, в течение практически полувека так и не был окончательно решен вопрос с отдельным зданием для этих заведений, как это предусматривалось в Учреждение об управлении губерниями. Первое время сидельцы обоих домов располагались в подвальных помещениях Приказа общественного призрения, вместе с «призреваемыми» богадельни. Затем смирительный и рабочий дома переместили в деревянные избы, которые находились рядом с тюремным острогом на въезде в город со стороны Москвы. В начале XIX в. были объявлены торги за 4 тыс. руб. на постройку новых помещений для смирительного и рабочего домов. Комплекс построек уже был принят 28 сентября 1803 г.: две деревянных избы, обнесенные каменной оградой с башнями, были возведены в той же части города, но уже через дорогу от тюремного острога. В этих строениях дома находились сравнительно недолго. В журналах заседаний Приказа обнаружены записи, в которых отмечена непригодность деревянных зданий для арестантов, трудности надзора «денно и ночью» за заключенными. В 1824 г. арестанты смирительного и рабочего домов были переведены из обветшалых деревянных зданий в помещения только что построенного каменного тюремного замка. С тех пор исправительные заведения Рязанской губернии так и не получили отдельных зданий, хотя вопрос о постройке таковых ставился неоднократно.

Во-вторых, проблемным моментом на протяжении всего периода существования рязанских исправительных домов оставался вопрос занятости арестантов. К содержанию в рабочем доме приговаривали за мелкие кражи, недоимки в государственных податях «для заработка оных с процентами». В конце XVIII в. содержащиеся в рязанском рабочем доме привлекались к труду на кирпичном заводе, принадлежащем Приказу общественного призрения¹¹². После

---

¹¹² Опыт разработки материалов для истории Рязанского губернского земства. Вып. II / Сост. А. Д. Повалишин. Рязань, 1887. С. 110.

перевода в тюремный замок вывод арестантов на работу, их охрана и возвращение в камеры, становится проблематичным. К тому же, в экономических реалиях провинциального города организовать на постоянной основе для арестантов приказа исправительный труд «для пользы общей потребный» оказалось весьма затруднительно. В сложившихся условиях сама идея исправления наказанием в смиренных и рабочих домах, по сути, теряла смысл. С 1840-х гг. все чаще в журналах тюремного комитета встречается записи о том, арестанты Приказа «маются от безделья»: «работы неустроенны, которые могли бы заключать ценность, почему Приказ и не может производить никакой платы людям, содержащимся в Рабочем доме, а только в оный принимает из них тех, кои назначаются к одному только простому выдержанию»¹¹³. Это приводило к тому, что должники не только не могли отработать долг «с процентами», но и, смешиваясь с колодниками, поглощали дополнительные казенные деньги, отпускаемые на их содержание.

В-третьих, неопределенный статус полублаготворительного полукараательного заведения приводил к неразберихе в сроках и источниках содержания в исправительных домах. Если, к примеру, в английской исполнительной практике (согласно справочникам для мировых судей¹¹⁴) вид правонарушения и срок приговора к дому коррекции был детально регламентирован, то в российском варианте действовало туманное «дондеже исправится». В Рязанский смиренный дом попадали крепостные по решению помещика, «люди непотребного жития» по решению обществ, к которым они принадлежали, а также иные лица по решению уездных и губернских судебных мест, по распоряжению полиции, губернского правления и прочих ветвей власти. Срок приговора в большинстве случаев не был оговорен в законе. К примеру, в 1844 г. по прошению помещика Алексеева в рязанский смиренный дом были присланы девки Наталья, Акулина, Арина и мальчик Афанасий Максимовы «за упорство быть у него в повиновении, *до тех пор, пока они не оставят свою закошенность и грубость*»¹¹⁵. Причем не известно, в чьи полномочия входил вердикт о том, что Максимовы «оставили грубость» и исправились.

На практике срок заключения зависел не столько от решения судебного органа или воли помещика, сколько от готовности

---

¹¹³ Там же. С. 104.

¹¹⁴ См. например: *The Country Justice: Containing the Practice, Duty and Power of The Justices of the Peace, as well in as out of their sessions / by M. Dalton. L., 1746.*

¹¹⁵ Опыт разработки материалов... С. 102.

направивших туда «для исправления» отчислять средства на их содержание. В 1792 г., например, такая плата составляла – 1 р. 20 коп. в месяц¹¹⁶. Это приводило к любопытным прецедентам: к примеру, на исправление «блудодействия» девки Елены Васильевой полиция уездного города Скопина определила срок *в двенадцать дней*. Одновременно, по схожему приговору за «праздную и развратную жизнь» по решению Рязанской уголовной палаты «именующая себя дворянкой Надежда, сестра ее солдатка Прасковья Филиппова и отпущеница г. Наумова Анна Данилова» приговорены *уже к году содержания* в смирительном доме¹¹⁷, а студент Казанского университета Н. Каменский «за развратное поведение» – *к шести месяцам*. За клевету – «преждевременное разглашение чуда, происходящего будто бы от образа Божьей Матери» девку Марью Ермолаеву прислали в смирительный дом на полгода, а крестьянку Степанаиду Филатову за «оклеветание ею крестьянина Ивана Сафонова и Ивана Елисеева в насильственном лишении ее девства»¹¹⁸ – на целый год. Если оценить частоту и периодичность приговоров дворян А. Тверитинова и Н. Ремизова «за пьянство и непристойные поступки», то можно предположить, что смирительный дом в данном случае использовался как вытрезвитель.

Таким образом, заимствованная идея домов коррекции была причудливым образом трансформирована российской, вернее сказать «под российскую» действительность, испытав на себе типичные перегибы провинциальной жизни: нехватку материальных ресурсов и мотивации, отсутствие нормативной базы и четких механизмов реализации. И если западный исправительный дом прошел испытание временем и в течение более трех столетий вполне успешно функционировал в социальном пространстве европейского города, то в российской провинции не продержался и ста лет. В ходе подготовки к тюремной реформе в начале 1860-х гг. губернаторам был задан вопрос о целесообразности смирительных и рабочих домов. Большинство сведений, комментариев и соображений носили, скорее отрицательный характер. На запрос Рязанского губернатора о состоянии домов Приказ общественного призрения в 1860 г. составил справку, в которой указал, что «не встречает никакого затруднения к закрытию этих заведений, тем более для Приказа они в убыток», и с

¹¹⁶ ГАРО. Ф. 255. Оп. 2. Д. 1. Л. 203.

¹¹⁷ Опыт разработки материалов... С. 104.

¹¹⁸ Там же.

1866 г. в Рязанской губернии смирительный и рабочий дома незаметно исчезают как формы исправительного наказания¹¹⁹.

Следующей волной модернизационных заимствований стало учреждение в Российской империи Общества попечительного о тюрьмах¹²⁰. Масштабные исследования данного вопроса как в дореволюционной, советской, так и в современной историографии единогласно признают прямое участие английских филантропов и религиозных деятелей в образовании общества и деятельности первых столичных отделений. Однако те же исследования показали, что даже в юридическом оформлении Устава Общества наметились качественные отличия российского образца от британских прототипов, что впоследствии свелось слегка к уничижительной формуле правоведа Д. Тальберга, который окрестил общество «незаконнорожденным детищем филантропии», «какою-то аномалией в порядке организации ... не то частным, не то государственным учреждением»¹²¹.

Рязанский вариант учреждения отделения Общества представлял из себя попытку, достойную изложения в произведениях провинциального фельетониста. Как правило, схема образования отделений на губернском уровне была типичной – представители местной общественности, учреждая тюремный комитет, добровольно вносили определенную сумму в виде ежегодных или единовременных взносов, и представляли на утверждение Императору кандидатов в руководящий актив на должности президента, вице-президента и директоров комитета. После высочайшего утверждения эти лица занимались непосредственным распределением собранных средств в пользу заключенных, организовывали нравственное исправление арестантов и материальное благоустройство тюрем в рамках губернии.

Инициатором и организатором дела тюремной благотворительности в Рязанской губернии стал генерал-губернатор А. Д. Балашов. В результате его энергичных усилий к лету 1824 г. были собраны взносы в сумме 1070 руб. ассигнациями, которые были помещены в Рязанский Приказ общественного призрения «для приращения процентов»¹²². Событие, которое принято считать днем

¹¹⁹ См. подробно: Тарасов О. А., Васильева С. А. Становление и развитие тюремных учреждений и структур Рязанского края. Историко-документальные очерки. Ч. I. (XII – первая половина XIX в.). Рязань, 2010. С. 131–133.

¹²⁰ ПСЗ-2. Т. XXVI. № 25725.

¹²¹ Тальберг Д. Общество попечительное о тюрьмах // Журнал гражданского и уголовного права. 1878. С. 5.

¹²² ГАРО. Ф. 5. Оп. 6. Д. 3. Л. 45.

образования «*Рязанского Попечительного общества о Тюрьмах, домах исправительных и проч.*», произошло 22 июня 1824 г. В этот день в доме генерал-губернатора состоялось общее собрание, на которое были приглашены «верхи» рязанского провинциального общества – должностные лица, именитое купечество, представители губернского и уездного дворянства. Во время этого собрания был проведен очередной сбор средств с жертвователей и благотворителей, которые также обязались «в меру своих возможностей» участвовать в деле попечения об арестантах. В первое время собрания происходили в домах А. Балашова или гражданского губернатора Н. Шредера, а сами заседания попечительского совета напоминали скорее благотворительные балы, во время которых участники вынуждены были вносить хотя бы символические единовременные взносы. В результате за первый год в кассу общества по подпискам постоянных и единовременных членов было собрано 1323 руб. 64 коп.¹²³

В этот начальный период деятельности рязанского Общества основной сферой приложения его сил и средств стало обустройство здания нового каменного губернского тюремного замка построенного в 1824 г. Благотворители прежде всего сосредоточили свои усилия на оснащении и оформлении домово́й церкви при замке. Так за счет собранных финансовых средств были закуплены церковная утварь, ризница, богослужебные книги и другие церковные принадлежности на сумму 652 руб. 46 коп. Кроме того, княгиня А. А. Шаховская пожертвовала церкви тюремного замка «три шитые воздуха по белому атласу синелью с золотою по краям бахромою»¹²⁴. Уже 1 октября 1825 г церковь была освещена во имя покрова Пресвятой Богородицы, Одновременно членами попечительного общества были профинансированы и организованы систематические посещения священника, во время которых он наставлял арестантов «в спасительных истинах религии» и побуждал «к раскаянию как к единственному средству успокоения совести», а также «напутствовал больных святыми таинствами покаяния и причащения»¹²⁵.

Еще одной инициативой рязанского Общества стало оснащение арестантской больничной комнаты, оборудованной в отдельном деревянном строении, расположенном внутри комплекса нового каменного замка, и рассчитанной на 15 человек. Также известный рязанский меценат Г. Рюмин, помимо самого крупного попечительского взноса, пожертвовал 500 аршин льняного холста на

¹²³ ГАРФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. Л. 36.

¹²⁴ ГАРО. Ф. 5. Оп. 6. Д. 3. Л. 54.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. Л. 35.

белье для больных арестантов. В итоге за счет средств попечительного общества для заключенных было пошито 50 пар мужской одежды и 25 пар женской, а также больничная одежда и постельные принадлежности¹²⁶.

Однако анализ исторических источников свидетельствует, что этими начинаниями деятельность рязанских благотворителей завершилась. С момента своего возникновения Общество держалось исключительно на инициативах и авторитете генерал-губернатора, который в марте 1828 г. был снят с должности. Практически одновременно попечители свернули свою финансовую активность¹²⁷. Попытка «реанимации» общества была предпринята гражданским губернатором и закончилась в целом неудачно. Н. Шредер организовал очередной благотворительный бал, но, в отличие от А. Д. Балашова, ему не удалось побудить рязанское высшее общество на взносы: была собрана сумма всего в 21 руб. 60 коп., более того, большинство подписавшихся на взносы впоследствии как-то забыли их внести¹²⁸. Новый тюремный комитет (официальное отделение Санкт-Петербургского Общества попечительного о тюрьмах) возник в Рязани одним из последних по стране – только в 1844 г. В отличие от первой организации, напоминающей скорее благотворительную добровольную ассоциацию, так похожую на британский прототип, губернский тюремный комитет 1840-х гг. имел характер официальной хозяйственно-распорядительной структуры с членством «по должности». Вице-президентом Комитета был избран гражданский губернатор, а в первый состав директоров комитета вошли в основном местные административные лица, которые в силу своих должностных обязанностей и так были задействованы в тех или иных вопросах функционирования тюрем в пределах губернии¹²⁹. В итоге директора из числа администрации зачастую относились к своим обязанностям формально, а погружение в повседневную рутину тюремного комитета было предоставлено рязанским купцам, которые непосредственно обеспечивали хозяйственные нужды мест заключения: ведали закупками продовольствия, подыскивали в аренду помещения для тюремной бани или больницы, заключали контракты на сбыт продукции тюремных мастерских и т.п. Таким образом, Рязанский губернский тюремный комитет изначально представлял сугубо

¹²⁶ Там же. Л. 34.

¹²⁷ ГАРО. Ф. 5. Оп. 6. Д. 3. Л. 54.

¹²⁸ Там же. Л. 9–11.

¹²⁹ См.: ГАРФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 130. Л. 3-3об.; ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

официальную структуру, имея лишь номинальный статус общественно-благотворительного заведения.

С середины XIX столетия вопросы коренного реформирования тюремной части в России стали предметом исследования и постоянных забот на всех уровнях государственного управления. Третьей волной обращения к западному опыту можно считать участие российской делегации в Международных пенитенциарных конгрессах и серию решений, принятых на основе обязательств по итогам международных резолюций: создание и обновление нормативной базы, регламентирующей исполнение наказаний, заимствование передового зарубежного опыта. Одним из важнейших дискуссионных моментов первых конгрессов стала полемика вокруг различных пенитенциарных режимов, которую условно (без учета национальных специфик), можно свести к противостоянию сторонников *одиночной* (келейной, селуарной, пенсильванской и пр.) и *исправительно-трудовой* (прогрессивной, обернской) систем тюремного содержания.

Вследствие неоднократных высочайших повелений в российской империи с 1845 г. собирались комитеты, обсуждавшие меры по совершенствованию тюремной системы, а также «приспособление существующих тюрем к той *системе, какая утверждена будет высшим Правительством* и приблизительного определения количества издержек, которые для этого потребуются»¹³⁰. Так начался подготовительный этап тюремной реформы, который длился целых семнадцать лет – с 1862 по 1879 гг. За границу были командированы чиновники МВД для всестороннего изучения зарубежного пенитенциарного опыта. Европейские тюрьмы, где реформы стартовали несколько раньше, уже сделали выбор в пользу одной из моделей тюремного заключения.

Одновременно от губернских начальств были затребованы сведения о состоянии мест заключения. Положение тюрем Рязанской губернии, судя по отчету губернских властей, было весьма неутешительным. Заключение инспекции гласило: «Тюрьмы Рязанской губернии находятся в самом неудовлетворительном состоянии и не соответствуют настоящим требованиям заключения ни по величине своей, ни по устройству. Не говоря уже о том, что повсеместная теснота помещения препятствует правильному размещению арестантов по категориям и устройству мастерских, в некоторых тюрьмах нет необходимых учреждений, как то: бань, больниц, карцеров, колодцев, нет даже должной ограды вокруг двора,

---

¹³⁰ См.: Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России СПб., 1865. С. III–IV.

вследствие чего арестанты почти не пользуются открытым воздухом, а в самих зданиях нет вентиляций, которые могли бы очищать воздух». Все эти недостатки, по мнению рязанского губернского начальства, можно было устранить только с расширением тюремных замков «и с приведением их в надлежащее устройство со всеми хозяйственными заведениями»¹³¹.

В 1872 г. на волне общеевропейских пенитенциарных веяний, а также учитывая обязательства по реформированию тюремной системы, взятые Россией на первом Международном тюремном конгрессе, была учреждена специальная комиссия под председательством тайного советника графа В. Соллогуба для составления «общего систематического проекта тюремного преобразования»¹³². Членам комиссии совместно с региональными властями было поручено не только сделать выбор в пользу одной из предложенных систем, но и «озаботиться в свое время составлением смет и приисканием к устройству новых и усовершенствованию существующих мест заключения на тех основаниях, которые будут для сего приняты»¹³³. Сбор необходимых сведений по Рязанской губернии был поручен князю Алексею Ивановичу Крапоткину, генерал-майору свиты Его Величества¹³⁴. Именно ему в ходе инспекционной поездки предстояло определиться, какая из пенитенциарных систем будет более приемлема в условиях Рязанской губернии и уездов.

А. И. Крапоткин, посетив в сентябре–октябре 1872 г. губернские и уездные тюремные помещения губернии, нашел их «недостаточно хорошими», тюремные замки – переполненными. На собраниях с губернским и уездным руководством А. И. Крапоткин выразил симпатию пенсильванской системе, и предлагаемые им коренные и достаточно затратные в финансовом смысле проекты были нацелены на перестройку учреждений Рязанской губернии на основе принципов одиночного содержания. Относительно Егорьевского уезда, например, было высказано предложение по выбранной системе построить новый двухэтажный корпус тюремного замка на 50 одиночных келейных камер, а для следственных и подсудимых – двухэтажный корпус на 30 камер с обнесением зданий каменной оградой. В Пронске реформатор выступил с предложением постройки здания на 41 келейную камеру. Сапожковский тюремный замок был признан удовлетворительным, но

---

¹³¹ Там же. С. 442.

¹³² ГАРФ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 1. Л. 34.

¹³³ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 294. Л. 19–19об.

¹³⁴ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 1. Л. 4.

все же была предложена надстройка второго этажа. Тюремные помещения Спасского уезда вызвали больше всего замечаний, т.к. оказалось, что одним из арестантских помещений служит тесная камера в подвальном этаже частного дома, арендуемого полицейским управлением А в Касимове вместо тюрьмы вообще использовался арендованный у купца Негодяева «каменный дом с мезонином и деревянный флигель»¹³⁵. Нововведения, предложенные реформатором непосредственно в главном губернском центре – Рязани, отличались особенным масштабом: Крапоткин предложил создать так называемый судебный городок, устроив «предварительную тюрьму в непосредственной связи с окружным судом»¹³⁶.

Реформатор уехал в столицу, а губернское начальство приступило к составлению смет, а также к сбору сведений о «располагающем денежными и рабочими силами местном населении», которое может принять участие в перестройке тюрем по предложениям комиссии. В Москву на заседание техников для обсуждения вопросов архитектуры по устройству новых тюрем был командирован архитектор Щеткин¹³⁷. С ним начальник губернии препроводил «для комиссии и князя Крапоткина лично» сведения о состоянии уездных тюрем, примерные годовые сметы на содержание и ремонт замков, данные по жалованиям тюремному персоналу, а также сведения о промышленности в уездах. Собранные данные свидетельствовали о том, что уезды Рязанской губернии в экономическом отношении представляли собой в основном аграрные области с мелкой пищевой и текстильной промышленностью. Было очевидно, что особой ценности для запланированных масштабных тюремных строителей экономический потенциал уездов Рязанской губернии не представлял. После отъезда А. И. Крапоткина повсеместно прошли уездные земские собрания с обсуждением предложения комиссии: «не пожелает ли земство оказать содействие по переустройству тюрьмы согласно принятому проекту». Отчеты земств, направленные в комиссию содержали, с одной стороны, единогласное «сочувствие» задуманным реформам, с другой – уклончивый отказ на предложения А. И. Крапоткина, объясняя его острой нехваткой средств на местах¹³⁸. Единственным положительно решенным вопросом был вопрос о передаче земель, занимаемых

¹³⁵ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 188. Л. 4об., 9, 14, 18.

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 179. Л. 28.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 176. Л.1.

¹³⁸ См.: ГАРФ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 177, Л. 2, 2об., 4, 5, 7, 8, 11; Д. 178, Л. 18–18 об.

тюремными помещениями, тюремному ведомству «на вечные времена»¹³⁹.

Предварительная финансовая смета, которую советник Щеткин также привез в Москву оценила только перестройку одного губернского тюремного замка: слом старых стен и перекрытий, земляные работы, кладка новых стен, устройство ретирад, оборудование цокольных этажей, а также работы по устройству бани, прачечной, пекарни и кузницы, в сумму 282 тыс. 277 р. 18 ½ коп.¹⁴⁰ Сметы на постройку судебного городка и новых келейных тюрем, предложенных Крапоткиным, по понятным соображениям, так и не были составлены. В ходе разработки общероссийского проекта комиссия В. Соллогуба определила, что на переустройство всех тюрем империи потребуется 42 млн руб. (и это не удивительно, учитывая в какую сумму обошлась бы только перестройка одного Рязанского губернского тюремного замка). Однако, к самой комиссии были предъявлены весьма жесткие требования: выработать такую систему тюремного заключения, «которая, удовлетворяя всем современным требованиям науки и практики, достигла бы этой цели с соблюдением возможной экономии»¹⁴¹. В связи с этим через Государственный совет было исходатайствовано высочайшее повеление на выделение «сборного тюремного капитала» только в 3 млн руб. (т.е. в 14 раз меньше проектной).

Таким образом, в Рязанской губернии модернизационные нововведения в пенитенциарной сфере не приносили кардинальных перемен. Острая нехватка финансовых средств на долгие годы оставалась хронической болезнью провинциальных пенитенциарных учреждений. Спустившись на региональный уровень, власть «прочувствовала» местные проблемы и в очередной раз осознала, что не всегда задуманный и даже успешно осуществленный в столице эксперимент можно беспрепятственно перенести в провинцию, которая с завидным постоянством «переваривала» и «выхолащивала» все задуманное в столичных кабинетах.

Одну из возможных историко-философских версий причин подобной трансформации модернизационных веяний в провинциальной действительности можно найти в теории отечественного исследователя С. Гаврова, который убежден, что в течение всех модернизационных волн имперского периода «власти казалось куда как проще и надежнее не полагаться на частную

¹³⁹ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 178. Л. 3, 9, 11, 13, 17–17об, 18-18об., 21, 30, 31, 35.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 179. Л. 25–37, 51.

¹⁴¹ Гернет М. История царской тюрьмы. Т. 3. С. 10.

инициативу “маленького человека”, но принять очередное/внеочередное судьбоносное решение, мобилизовать все возможные силы на очередной прорыв». А когда прорыв был осуществлен, «вдруг оказывалось, что вокруг безнадежно отставшее социокультурное пространство, которое просто не в состоянии не только воспроизводить, но и поддерживать этот локальный успех»¹⁴².

Данная трактовка строится на принятии идеи приоритета реформаторами «сверху» ускоренной военно-технической модернизации, при постоянном игнорировании ими сущностной ценности самого «духа западной цивилизации» для России. Тем не менее, несмотря на традиционность в отечественной научной и общественной мысли, на наш взгляд, данная версия не может быть принята как исчерпывающее объяснение.

Данная концепция, по сути, не противоречит идеологам и деятелям вестернизации, а лишь критикует их за непоследовательность, обвиняя в тактических просчетах, не подвергая сомнению общей стратегии. В этом случае вполне объяснимо и то, что, спускаясь на провинциальный уровень, реформы (по крайней мере, в рассмотренной нами пенитенциарной сфере), часто спотыкались не о «безнадежно отставшее социокультурное пространство», а банально не встречали должного финансового обеспечения.

Однако за скобками остается так и не реализованная инициатива своеобразного развития и эволюции российского общества, потенциал которого, на наш взгляд, не был задействован во время многочисленных модернизаторских экспериментов (в том числе и в пенитенциарной сфере). И единственным проявлением данной оппозиции, возможно, стали успехи провинциального российского общества со всей присущей ему «традиционализмом и отсталостью» достигнутые в деле обесценивания и деактивации всяких западных инициатив на своей территории, далекой от столиц.

УДК 343.848

Веселова Анна Петровна,
старший преподаватель
кафедры государственно-правовых дисциплин
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России,
кандидат исторических наук

---

¹⁴² Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С. 5–6.

e-mail: avspectr@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4673-3053

Формирование женского персонала в уголовно-исполнительной системе Российской империи конца XIX – начала XX века

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые аспекты формирования женского персонала в уголовно-исполнительной системе Российской империи в конце XIX – начале XX в.: основы правового регулирования службы женщин-сотрудниц, основные элементы их правового статуса, а также статистические данные о количестве лиц женского пола на службе тюремного ведомства.

Ключевые слова: женщины на службе в УИС, правовой статус сотрудницы УИС, женщина-сотрудница УИС, тюремная реформа.

Veselova Anna Petrovna,
Senior Lecturer
of the Department of State and Legal Disciplines,
Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Historical Sciences

Formation of female personnel in the penitentiary system of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries

Abstract: the article discusses some aspects of the formation of female staff in the penal system of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries: the basics of legal regulation of the service of female employees, the main elements of their legal status, as well as statistics on the number of female employees in the prison service.

Keywords: women in the service of the penal system, the legal status of an employee, a female employee of the penal system, prison reform.

Общими нормами, регулирующими государственную и общественную службу женщин в Российской империи на рубеже XIX–XX вв., являлись положения Устава о службе гражданской. В соответствии с Уставом лица женского пола допускались к занятию акушерских, фельдшерских, аптекарских должностей в женских лечебных заведениях, «к занятиям на попроще воспитательном» в учебных заведениях, на должности телеграфистов. На должности «по счетной и письменной части» в учреждениях государственного контроля, в адресных столах, а также на должности врачей женщины

допускались исключительно «по найму», без предоставления им прав и преимуществ, обусловленных государственной службой¹⁴³.

Ведомственные акты расширяли перечень, предусмотренный Уставом о службе гражданской, создавая возможность службы женщин в других учреждениях, в том числе входящих в тюремное ведомство.

Ст. 25 Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей определяла, что управление отдельными местами заключения наряду с начальниками тюрем и их помощниками составляют помощницы начальников тюрем или смотрительницы женских отделений¹⁴⁴. Согласно ст. 26 Свода в состав тюремной стражи входили старшие и младшие тюремные надзирательницы для надзора за арестантами женского пола.

Формирование женского тюремного персонала в Российской империи происходило в рамках решения кадрового вопроса, выступающего частью масштабных преобразований уголовно-исполнительной системы последней трети XIX – начала XX в.

Составить представление о количестве лиц женского пола, состоящих на службе в пенитенциарной системе Российской империи в начале XX в., позволяют Отчеты Главного тюремного управления. С 1908 г. в Отчетах общая численность тюремной стражи делилась по половому признаку, что позволяет проследить динамику изменения количества надзирательниц в составе тюремного персонала. В целом, она носит последовательный положительный характер. Так, в 1908 г. на службе в уголовно-исполнительной системе находилось 377 надзирательниц (общее количество лиц тюремной стражи – 13 243, т.е. более 2,8 %) ¹⁴⁵, в 1909 г. – 503 надзирательницы (общее количество 15 483, т.е. почти 3,2 %) ¹⁴⁶, 1910 – 526 надзирательниц (общее количество 15 819, т.е. более 3,3 %) ¹⁴⁷, 1912 – 610

---

¹⁴³ Полянский А. М. Русская женщина на государственной и общественной службе. М., 1911. С. V–VI.

¹⁴⁴ Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей (издание 1890 г.) // Законодательство Российской империи. Т. 14.4. URL: // <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.

¹⁴⁵ Отчет по Главному тюремному управлению за 1908 год. Ч. I. Объяснения. С. 24.

¹⁴⁶ Отчет по Главному тюремному управлению за 1909 год. Ч. I. Объяснения. С. 27.

¹⁴⁷ Отчет по Главному тюремному управлению за 1910 год. Ч. I. Объяснения. С. 28.

надзирательниц (общее количество 16 999, т.е. почти 3,6 %) ¹⁴⁸, 1914 – 737 надзирательниц (общее количество 18 761, т.е. более 3,9 %) ¹⁴⁹, 1915 – 785 надзирательниц (общее количество 18 977, т.е. более 4,1 %) ¹⁵⁰. Изменения были связаны не только с оптимизацией штатной численности, но и с реорганизационными мероприятиями – учреждением женской тюрьмы в Москве, преобразованием женского отделения в Санкт-Петербургскую женскую тюрьму.

Несмотря на постепенное увеличение количества женского персонала, оно оставалось недостаточным. Если, согласно сведениям Отчетов ГТУ, в начале XX в. на одного сотрудника тюремной стражи приходилось от 8 до 10 арестантов, то в отношении женского персонала данная статистика выглядит более удручающе. К примеру, в 1912 г. она составляет 20 арестантов женского пола на одну надзирательницу ¹⁵¹.

Сведения о количестве лиц женского пола в составе тюремной администрации более фрагментарны. Отчеты ГТУ 1901–1907, 1912 гг. называют только 6 лиц женского пола ¹⁵². Это помощницы начальников мест заключения и смотрительницы женских отделений столичных городов.

Общая позиция ведомства по поводу кадрового обеспечения выражена в разъяснениях Главного тюремного управления, в соответствии с которыми надзор за арестантками с одной стороны «необходимо», а с другой стороны «по возможности» поручался женскому персоналу ¹⁵³. В связи с недостатком кадров штатные должности тюремных надзирательниц были организованы в тюрьмах с наибольшим составом арестантов.

Нехватку количества сотрудниц Главное тюремное управление предлагало компенсировать сосредоточением арестанток в губернских и уездных тюрьмах с отдельными помещениями для содержания

¹⁴⁸ Отчет по Главному тюремному управлению за 1912 год. Ч. I. Объяснения. С. 15.

¹⁴⁹ Отчет по Главному тюремному управлению за 1914 год. Ч. I. Объяснения. С. 23.

¹⁵⁰ Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 год. Ч. I. Объяснения. С. 14.

¹⁵¹ Отчет по Главному тюремному управлению за 1912 год. Ч. II. Приложения. С. 22.

¹⁵² См., например, Отчет по Главному тюремному управлению за 1912 год. Ч. I. Объяснения. С. 8–9.

¹⁵³ Почтовый ящик // Тюремный вестник. 1905. № 2. С. 158.

женщин, привлечением для обысков и осмотров арестанток жен тюремных надзирателей, наймом временных надзирательниц¹⁵⁴.

Согласно «Общим указаниям, преподанным по установлению в тюремных учреждениях надзора при введении в действие положения о тюремной страже» 1888 г. тюремные надзирательницы назначались в тех тюрьмах, где женские отделения занимали обособленные помещения и находились вне надзора постов надзирателей – мужчин. Надзирательницы должны были в течение всего дня находиться при арестантках. В ночное время при женском отделении оставалась одна надзирательница. В случае отсутствия такой возможности и осуществления наблюдения за женщинами одним из мужских надзирательских постов, ключи от запертых женских камер мужчине – надзирателю не передавались¹⁵⁵.

Подобный порядок сохранялся на всем протяжении рассматриваемого периода. Общая тюремная инструкция 1915 г. определяла, что в подобных ситуациях ключи от женских камер в течение ночи хранятся у начальника места заключения или его дежурного помощника¹⁵⁶.

В рассматриваемый период правовой статус женщины на службе в уголовно-исполнительной системе определялся Сводом учреждений и уставов о содержащихся под стражей, «Общими указаниями, преподанными по установлению в тюремных учреждениях надзора при введении в действие положения о тюремной страже» 1888 г., выполняющих роль инструкции о служебных обязанностях тюремных надзирателей, Временными правилами по управлению женским отделением Санкт-Петербургской тюрьмы, Общей тюремной инструкцией 1915 г., некоторыми нормативными актами Государственного совета¹⁵⁷, а также циркулярами и практическими разъяснениями Главного тюремного управления, восполняющими существующие пробелы.

---

¹⁵⁴ Там же. С. 158–159.

¹⁵⁵ Там же. С. 158.

¹⁵⁶ Общая тюремная инструкция. 1915 год. С. 38.

¹⁵⁷ См., например, Высочайше утвержденное мнение Государственного совета 14 марта 1894 года «Об изменении порядка отпуска из казны и расходования сумм на продовольственную и больничную часть в Санкт-Петербургских местах заключения и о преобразования штата оных» // Тюремный вестник. 1894. № 6. С. 269–274; Высочайше утвержденное мнение Государственного совета 28 декабря 1893 года (9206) «Об утверждении правил о пенсиях и пособиях чинам тюремной стражи гражданского ведомства» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том XII. 1892. С. 730–731.

В целом, названные нормативные акты подчеркивали схожесть прав и обязанностей сотрудников вне зависимости от пола. Так, практические разъяснения Главного тюремного управления 1894 г. определяли, что «обязанности тюремных надзирателей и надзирательниц одинаковы»¹⁵⁸. Женщины также должны приводиться к присяге, вносить залог для обеспечения исправного несения службы. Их основные обязанности, связанные с обеспечением режимных требований и надзора за арестантами, совпадали с мужскими. На женщин также распространялись дисциплинарные наказания: вычет из жалования, перемещение на низшую должность, увольнение со службы, арест до 7 дней¹⁵⁹.

Женщинам, как и мужчинам, на службе в уголовно-исполнительной системе Российской империи конца XIX – начала XX в. полагалась особая форма обмундирования, пенсионное обеспечение, право на пользование казенными квартирами и квартирное довольствие в случае их отсутствия.

Однако при общей схожести правового статуса возникает устойчивое впечатление неравного положения женщины-сотрудницы. Об этом свидетельствуют меньшие размеры окладов содержания, более скудный набор вещевого довольствия, отсутствие некоторых прав.

В отличие от сотрудников-мужчин, форма которых в соответствии с порядком обмундирования и вооружения тюремных надзирателей и надзирательниц (акты 5 октября 1885, 3 января 1894, 22 ноября 1895, 29 декабря 1911) была разнообразной и рассчитанной на различные времена года, форменная зимняя кофта женщин – тюремных надзирательниц только в 1914 г. была дополнена форменным пальто, летней кофтой, шапкой, юбкой, перчатками и полусапожками¹⁶⁰. В определенном смысле символичным является размер компенсации за неполученную пару обуви, который для тюремных надзирателей составлял 67 копеек за каждый месяц службы, а для надзирательниц – 37 копеек¹⁶¹. Тюремные надзирательницы не имели при себе оружия¹⁶², а также права на

¹⁵⁸ Практические разъяснения // Тюремный вестник. 1894. № 8. С. 409.

¹⁵⁹ Практические разъяснения // Тюремный вестник. 1894. № 3. С. 143–144.

¹⁶⁰ Отчет по Главному тюремному управлению за 1914 год. Ч. I. Объяснения. С. 26.

¹⁶¹ Отчет по Главному тюремному управлению за 1914 год. Ч. I. Объяснения. С. 27.

¹⁶² Общая тюремная инструкция. 1915 год. С. 38.

получение серебряной медали с надписью «за беспорочную службу в тюремной страже»¹⁶³.

В целом, несмотря на объективную незавершенность процесса, в конце XIX – начале XX в. в Российской империи были созданы правовые и организационные основы формирования женского персонала в уголовно-исполнительной системе.

УДК 343.833

Винюкова Надежда Валерьевна,
 научный редактор Большой российской энциклопедии,
 редактор исторической программы «Кто мы?»
 на канале «Россия–Культура»,
 кандидат исторических наук
 e-mail: nadinvin1@ya.ru
 ORCID 0000-0002-3030-086X

Иосиф Фудель: священник Бутырской Пересыльной тюрьмы

Аннотация: статья посвящена служению священника И. И. Фуделя в Бутырской тюрьме (1892–1907). Раскрываются его мысли о миссии пастыря в тюрьме, мере наказания, судебных ошибках, условиях заключения и др. Помимо церковной службы, духовничества и регулярного обхода всех камер под его попечением были школа, библиотека, больница, а также хлопоты по воссоединению семей, материальной помощи ссыльным. Погрузившись в среду «несчастных», отец Иосиф, с одной стороны, убедился в истинности христианского мировоззрения и высоте воспитанного в нем русского мужика, с другой — в несовершенстве тюремной системы, во многом антигуманной и не выполняющей задачи исправления и возрождения человека.

Ключевые слова: И. И. Фудель, Русская Православная Церковь, дореволюционная тюремная система, тюремное служение Русской Православной Церкви, Бутырская тюрьма, биография священника.

Vinyukova Nadezhda Valeryevna,
 scientific editor of the Great Russian Encyclopedia,
 editor of the historical program "Who are we?"
 on the channel "Russia–Culture",
 Candidate of Historical Sciences

---

¹⁶³ Правила службы чинов тюремной стражи. С-Пб: Грамотность, 1909. С. 35.

Joseph Fudel: Priest of Butyrskaya Transit Prison

Abstract: The report is dedicated to the service of priest Joseph Fudel in Butyrskaya prison (1892-1907), his thoughts on the pastor's mission in prison, the measure of punishment, judicial errors, conditions of imprisonment, etc. In addition to church services, spiritual guidance and regular visits to all cells, he had under his care a school, a library, a hospital, as well as efforts to reunite families and material assistance to exiles. Immersed in the environment of the "unfortunate", Father Joseph, on the one hand, was convinced of the truth of the Christian worldview and the height of the Russian peasant brought up in it, on the other — of the imperfection of the prison system, largely inhumane and not fulfilling the task of correcting and reviving a person.

Keywords: Russian Orthodox Church, pre-revolutionary prison system, prison ministry of the Russian Orthodox Church, Butyrskaya prison, biography of a priest, Joseph Fudel

Отец Иосиф Фудель – заметный московский священник рубежа XIX–XX веков, первый издатель философа К. Н. Леонтьева, публицист, автор более 200 статей в различных изданиях. Одним из самых ярких периодов его биографии было 15-летнее служение в храме Бутырской Пересыльной тюрьмы.

Сперва сделаем небольшой экскурс в то, как регламентировались права и обязанности священника в тюрьме на рубеже XIX–XX вв. – отчасти это отражает процесс гуманизации тюремной системы в то время. Своеобразной вехой в этом стал Устав о содержащихся под стражей 1890 г., где перед священником ясно ставится задача исправления нравственного уровня заключенных (до этого целью тюрьмы представлялось возмездие, устрашение и изоляция преступников от общества)¹⁶⁴. Инструкция предписывает священнику «стараться разузнавать подробности о семейном положении заключенных, способствовать восстановлению нередко разорванных преступлением семейных уз»¹⁶⁵, посещать арестантов «сколь можно чаще, и по крайней мере два раза в неделю»¹⁶⁶, независимо от исправления треб. На священника накладывалась ответственность за школу и библиотеку, а также предписывалось

¹⁶⁴ Рябчиков А. Н. Устав о содержащихся под стражей. Казань: лито-тип. Л. П. Антонова, 1903. Приложение № 13. С. 64.

¹⁶⁵ Там же. Приложение № 14. С. 82.

¹⁶⁶ Там же.

неукоснительное посещение больных арестантов, оказание им религиозного утешения, а также христианское напутствие умирающих¹⁶⁷, а каждое воскресенье и в праздничные дни положено было предлагать заключенным религиозно-нравственные беседы¹⁶⁸.

В это широкое поле деятельности и погрузился 27-летний отец Иосиф, некогда закончивший юридический факультет Московского императорского университета. В 1892 г. с первого места служения в Белостоке он был определен в Александро-Невскую (с 1899 г. переосвящена в честь Покрова Пресвятой Богородицы) церковь при Бутырской Пересыльной тюрьме, где он прослужил с 10 июня 1892 вплоть до лихих времен первой русской революции, до 1 сентября 1907 года¹⁶⁹.

«Вообразите, как я рад, как счастлив: не знаю, как благодарить Создателя, пославшего мне такую благу милость!» – делился Фудель радостью о своем переводе с С. А. Рачинским¹⁷⁰. Прямо под башнями тюремного замка, в ветхом деревянном доме он и поселился со своей семьей, где к 1900 г. будет четверо детей. Доход тюремного священника был невысок, он получал жалование из государственной казны, и оно было меньше зарплаты смотрителя тюрьмы и практически уравнивалось с жалованием фельдшера и сторожа¹⁷¹. Положение осложнялось спецификой паствы – тюремный священник, как правило, не мог рассчитывать на пожертвования прихожан.

Первый же год службы принес отцу Иосифу большое испытание – в Москве тогда свирепствовала холера, которая проникла и в тюрьму. На руках у него оказалось больше сотни холерных, из которых умерло несколько десятков человек. Он ухаживал за больными, постоянно рискуя и сам заразиться, и перенести заразу в семью. Как вспоминал его друг Лев Тихомиров, «холерное бедствие заложило первую основу любви к нему среди арестантов»¹⁷². Многие называли его «пресветлейшим батюшкой».

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 58. Л. 195.

¹⁷⁰ Фудель И. И. – Рачинскому С. А. Июль – август 1892 г. // ОР РНБ. Фонд 631. Д. 65. Л. 55–Л. 55 Об.

¹⁷¹ Зубанова С. Г., Рузанова Н. П. Русская Православная Церковь в России в XIX веке (социальный аспект деятельности). М., 2011. С. 68.

¹⁷² Тихомиров Л. А. Отец Иосиф Фудель // Обрученный Церкви. Протоиерей Иосиф Фудель. Жизнеописание. Воспоминания. Письма К. Н. Леонтьеву / Вступ. ст., подг. текста Н. В. Винюкова, сост., подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. М., 2020. С. 277.

Состав паствы был непостоянным и разнородным: «здесь была и тюремная администрация со служащими, и заключенные, еще только ждавшие суда, и уже приговоренные, ожидающие отправки на место кары, и семьи, решившиеся разделить до конца участь осужденного отца. Было множество каторжников, совершивших самые тяжкие преступления, множество профессиональных "жуликов", то выбывавших "на волю", то снова появлявшихся в тюрьме. <...> О. Иосиф всегда готов был поговорить с заключенными, помочь им всякими услугами и добрым советом, утешить в горести, не говоря уже о церковной службе и духовничестве. Он полюбил свою "несчастную" паству, среди которой научился под корою преступления находить чистую человеческую душу. <...> Арестанты, которым это было дозволено, любили помогать о. Иосифу по церковной службе. Хор тюремной церкви состоял из них»¹⁷³. «При жизни отца все правые ящики его стола были заполнены арестантскими письмами, живыми знаками благодарности. Писали из тюрьмы, и с пересылочных этапов, и с поселения в Сибири, и с Сахалина. <...> Может быть, еще большим делом, которое отец делал для заключенных, было соединение мужей с женами»¹⁷⁴.

Он высылал каторжным деньги и книги, ходатайствовал об улучшении их положения, устроил школу грамоты, открыл библиотеку для чтения. Из отчета отца Иосифа за 1893 г. следует, что число грамотных арестантов увеличивалось, заключенные обучали друг друга грамоте посредством звуковой системы и в результате многие сами могли писать письма домой¹⁷⁵. Он писал: «Просто теряешься от той громадной области духовных нужд, какую представляет из себя тюрьма. Ведь здесь постоянно средним числом 2500 человек заключенных! Это целый городок людей духовно больных, людей, наиболее восприимчивых к духовному свету. И вот приходится теряться в громаде дел и впечатлений. Пойдешь по камерам, зайдешь в одну, другую – полдня прошло; как вспомнишь, что еще 45 камер, так и руки опускаются. А тут еще литературное дело; какое ни на есть, а все время отнимает часа три в день»¹⁷⁶.

Взгляды Фуделя на тюремный вопрос отражаются в его «Дневнике священника пересыльной тюрьмы». Отец Иосиф явно писал его для себя – это очень искренние, но нерегулярные, порой

¹⁷³ Тихомиров Л. А. Отец Иосиф Фудель // Обрученный Церкви... С. 278.

¹⁷⁴ Фудель С. И. Воспоминания. М., 2016. С. 37.

¹⁷⁵ Фудель С. И. Воспоминания. С. 36.

¹⁷⁶ И. И. Фудель – С. А. Рачинскому, 1893 г. // Фудель С. И. Воспоминания. М.: Изд-во «Русский путь», 2016. С. 35.

отрывочные заметки. Здесь можно встретить особенно потрясшие Фуделя истории заключенных с описанием отдельных преступлений и взглядов, отмеченные типажи арестантов и выводы о состоянии тюремной системы в целом.

«Здесь я полюбил русский народ, потому что узнал его», – писал Фудель о тюремном служении¹⁷⁷. За предрассудками, невежеством и суевериями простых русских мужиков для него открывалось их христианское мировоззрение, которого он не находил во многих интеллигентах, даже верующих. Отцу Иосифу встречались случаи бродяжничества по нравственным мотивам (уходили странствовать, чтобы не быть в тягость, не «позорить» семью, искупить свою вину). Были и те, кто добровольно принимал на себя вину другого. «Какое же общее впечатление вынесли вы от долгого пребывания среди каторжан <...>?», спросил однажды Фуделя его друг писатель С. Н. Дурылин, а тот ответил: «Я удивлялся иногда и удивляюсь, почему они – в тюрьме, а я – на свободе»¹⁷⁸.

В то же время Фудель не питал иллюзий касательно уровня нравственности и религиозности крестьян: «Мужик бьет поклонны, ставит свечи и в то же время тащит из кармана ближнего. Убийца, прежде чем убить, перекрестится. Для мужика, чтобы не опускаться в тину безобразия, необходима встряска (гром не грянет мужик не перекрестится)»¹⁷⁹. Он замечал, что чем дольше арестанты находятся в тюрьме, тем меньше они ходят в церковь.

Отец Иосиф видел, что отчаяние – общее явление среди каторжан¹⁸⁰, поэтому считал, что священнику необходимо не обличать, а поддерживать малодушных и унывающих и выступал против обличительной проповеди: «не растравлять раны, а прикладывать небесный божественный пластырь на рану. <...> Задача пастыря в тюрьме как можно ярче раскрывать и показывать красоту положительного идеала, к которому всех призывает Господь»¹⁸¹.

Из тюремных отчетов можно сделать вывод о существовании следующих категорий арестантов: состоящие под судом и следствием, отбывающие наказание в данном месте заключения (срочные), ссыльные, пересыльные, добровольно следующие за ссыльными,

¹⁷⁷ Фудель И. И. Дневник... // Православная община. 1991. № 3. С. 64–65.

¹⁷⁸ Дурылин С. Н. Отец Иосиф Фудель // Обрученный Церкви / Вступ. ст., подг. текста Н. В. Винюкова, сост., подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. С. 198.

¹⁷⁹ Фудель И. И. Дневник... // Православная община. 1991. № 3. С. 68–69.

¹⁸⁰ Фудель И. И. Дневник... // Православная община. 1991. № 3. С. 68.

¹⁸¹ Фудель И. И. Дневник... // Православная община. 1991. № 3. С. 63.

содержащиеся по распоряжению административных и полицейских властей¹⁸². Сам Фудель писал о таких категориях заключенных, как общественники, лишенцы и каторжники. При этом по состоянию духа выше всех он ценил именно каторжников: «Многие из них каются с горьким плачем, многие, даже невинно осужденные, горько плачут о самых простых грехах, считая их причиной наказания Божия»¹⁸³.

Московский губернатор В. Ф. Джунковский, неоднократно посещавший бутырскую тюрьму, подробно описал состав заключенных и условия их содержания в 1909 г., характеризуя режим содержания бессрочно-каторжных как «невыносимый»: «Строже всех содержались осужденные на бессрочную каторгу и на 20 лет. Таких в Бутырской тюрьме в то время было несколько сот <...> закованы были в ножные кандалы, которые у них никогда не снимались, за исключением у больных по предписанию врача»¹⁸⁴. То же замечал и Фудель, сравнивая плохое содержание с медленной смертной казнью и констатируя удручающее влияние на арестантов кандалов¹⁸⁵. Суровая мера наказаний, судебные ошибки, условиях содержания арестантов убеждали Фуделя в антигуманности тюремной системы.

Опыт наблюдений и отчасти – юридическая подкованность подталкивали его к формулированию тех мер, которые могли бы исправить положение. Например, он предлагал изолировать хороших арестантов от дурных – делать камеры на 5–10 человек, а не по 25, включая и политических, и уголовных.

Он отмечал, что среди каторжан множество невинно осужденных, в том числе и по оговору¹⁸⁶. Встречались и прямо непричастные к преступлению, но осужденные: одни попались за бунт, другие по обвинению в укрывательстве убийства, большинство по обвинению в поджоге, часты были случаи подкупа свидетелей. Поэтому, как считал Фудель, стоило разработать вопрос о наказании за укрывательство, а упор на предварительное следствие мог бы решить проблему судебной ошибки. По его мнению, «необходимо отвести место прокурору и защитнику в камере судебного следователя, изгнав их из суда»¹⁸⁷.

Условное наказание, по его мнению, – необходимая мера наказания, которая помогла бы избежать разрушение семей и судеб

¹⁸² ЦГА Москвы. Ф. 623. Оп. 3. Д. 210. Л. 35–36.

¹⁸³ Фудель И. И. Дневник... // Православная община. 1991. № 3. С. 67.

¹⁸⁴ Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. С. 386–387.

¹⁸⁵ Фудель И. И. Дневник... // Православная община. 1991. № 3. С. 61.

¹⁸⁶ Фудель И. И. Дневник... // Православная община. 1991. № 4. С. 59.

¹⁸⁷ Там же. С. 58.

из-за незначительных преступлений. Он выступал не только против смертной казни¹⁸⁸, но и пожизненного заключения, а также за сокращение сроков наказания. Не удовлетворяло его и состояние российской каторги, которая отнимала надежду и выбрасывала из общества навсегда, отрывая от своей земли, родного дома и семьи¹⁸⁹. Он полагал, что ссылка как форма наказания – лучше тюрьмы, т.к. она не убивает надежду и дает меньше рецидивов¹⁹⁰, в ее организации стоит опираться и на европейский опыт (например, оплата каторжного труда), а также на пример Сахалина, который он считал положительным¹⁹¹.

Больше всего печалило Фуделя то, что тюрьма превратилась в «синоним школы порока и преступления», она не способствует исправлению и возрождению человека, наказание не имеет нравственного смысла. Вместо примеров милосердия и неравнодушия – «последнее слово гигиены, <...> бессмысленный труд, иногда проповедь, скользкая по поверхности души и мертвящий формализм во всем...»¹⁹². Были и факты, удручающие Фуделя как священника: обязательство говеть для всех арестантов без исключения (тогда как к таинствам должны приступать ищущие его), запрещение причту брать добровольные пожертвования с заключенных (что расстраивало их и пресекало доброе намерение)¹⁹³ и т.п.

Вот какие выводы он записал в дневнике: «1) Глубина и истинность православно-христианского мировоззрения. 2) Высота русского мужика, воспитанного в этом мировоззрении. 3) Ложь и несправедливость формального суда. Правда внутренняя никогда не сойдется с правдой внешней и никогда ни один суд не может олицетворять правосудие. Фемида слепа не потому, что перед ней все равны, а потому, что для нее закрыта душа человеческая»¹⁹⁴. Он приходил к тому, что «могучими средствами для нравственной выработки личности обладает одна лишь Церковь»¹⁹⁵.

¹⁸⁸ При этом он не осуждал ее применение властями в чрезвычайных ситуациях, как, например, в Первую русскую революцию. См.: Фудель И. И. Предстательство Церкви // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 42.

¹⁸⁹ Фудель И. И. Дневник... // Православная община. 1991. № 3. С. 64.

¹⁹⁰ Фудель И. И. О тюрьме и ссылке в обсуждении VI Международного Тюремного конгресса // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Фудель И. И. Дневник... // Православная община. 1991. № 4. С. 55.

¹⁹³ Фудель И. И. Дневник... // Православная община. 1991. № 3. С. 63.

¹⁹⁴ Фудель И. И. Дневник... // Православная община. 1991. № 4. С. 56.

¹⁹⁵ Фудель И. И. О значении церковной дисциплины в народной жизни. СПб., 1900. С. 4.

С разрастанием Первой русской революции атмосфера тюрьмы совершенно изменилась: «Сотни арестованных "политических", наполнивших камеры, с утра до ночи проводили шумные демонстрации, распевали революционные песни, устраивали иллюминации из своих сожигаемых матрасов и т.д. К своим демонстрациям они привлекали и уголовных. Вся тюрьма пришла в такое нервное возбуждение, что какие бы то ни было мысли о религии отошли на задний план, и не оставалось места никакой деятельности священника»¹⁹⁶. Не согласившись на предложение тюремного инспектора организовать в коридорах тюрьмы беседы на духовно-нравственные темы с обязательным посещением, считая, что принуждение в данном случае не уменьшает, а укрепляет противорелигиозное настроение, отец Иосиф был переведен на другое место в небольшой и бедный приход церкви свт. Николая в Плотниках. Как писал С. И. Фудель: «живое дело отец нашел и на Арбате, но все-таки сердце свое, всю основную силу своей горячей воли он оставил в тюрьме»¹⁹⁷.

Отец Иосиф живо участвовал в судьбах заключенных, интересовался тенденциями развития отечественной и международной пенитенциарной системы. Он не только записывал критику в дневник, но и высказывал ее публично, предлагая конкретные меры по улучшению существующего положения, а главное – пытался преодолеть его недостатки примером собственного подвижничества¹⁹⁸.

УДК 371.2

Волошин Денис Владимирович,
доцент кафедры организации кадровой,
социальной, психологической и воспитательной работы,
ФКУ ДПО Томский институт повышения квалификации
работников ФСИН России,
кандидат педагогических наук,
e-mail: sdf111.voloshin@yandex.ru,

¹⁹⁶ Тихомиров Л. А. Отец Иосиф Фудель // Обрученный Церкви... М., 2020. С. 279.

¹⁹⁷ Фудель С. И. Воспоминания. С. 51.

¹⁹⁸ Подробнее см.: Винюкова Н. В. Служение в Бутырской Пересыльной тюрьме: опыт И. И. Фуделя (1892–1907) // Вестник ПСТГУ. 2019. Вып. 90. С. 22–38. (История. История Русской Православной Церкви).; Винюкова Н. В. Общественная и церковная деятельность И. И. Фуделя (1864–1918): Дис. ... канд. истор. наук. М., 2020. 268 с.

**Профессиональная подготовка тюремного персонала в докладе
К. К. Грота Александру II по результатам Стокгольмского
тюремного конгресса (1878 год)**

Аннотация: в статье на основе доклада, сделанного Александром II представителем России на Стокгольмском тюремном конгрессе (1878 г.) К. К. Гротом, анализируются вопросы профессиональной подготовки тюремного персонала в преддверии учреждения Главного тюремного управления. Приводятся исторические сведения о кадровом обеспечении и профессиональной подготовке тюремного персонала в рассматриваемый исторический период.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, тюремный персонал, К. К. Грот, тюремные конгрессы, кадровая работа.

Voloshin Denis Vladimirovich,

Associate Professor of the Department of Organization of Personnel,
Social, Psychological and Educational Work,
Tomsk Institute of Further Training of Penal Officers
of the Federal Penal Service of Russia,
Candidate of pedagogical sciences

**Professional training of prison staff in the report of K.K. Grott to
Alexander II on the results of the Stockholm Prison Congress (1878)**

Annotation: based on the report made to Alexander II by the representative of Russia at the Stockholm Prison Congress (1878), K. K. Grott, the article analyzes the issues of professional training of prison staff on the eve of the establishment of the Main Prison Administration. Historical information is provided on the staffing and professional training of prison staff in the historical period under consideration.

Keywords: professional training, prison staff, K. K. Grott, prison congresses, personnel work.

Международные тюремные конгрессы, проводившиеся с 1872 по 1910 гг., их прикладное значение для профессиональной подготовки тюремного персонала в России представляют собой

обширную, но еще не полностью изученную историко-педагогическую тематику¹⁹⁹.

Роль К. К. Грота (рассматривая личность в истории согласно положениям статьи Г. В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории» (1898 г.)²⁰⁰) в процессах профессиональной подготовки тюремного персонала в России, также осталась вне сферы популярных исследовательских интересов по истории отечественной уголовно-исполнительной системы.

В предметном поле предлагаемой статьи мы не будем останавливаться на биографии К. К. Грота как государственного и общественного деятеля (с ней, например, можно ознакомиться в публикации А. А. Хитрова²⁰¹), на значении его трудов для зарождения системы централизованного управления тюремной службой России.

Общенаучной целью статьи выступило стремление осветить вопросы кадрового обеспечения и профессиональной подготовки тюремного персонала на основе доклада о Стокгольмском тюремном конгрессе (1878 г.), произведенного К. К. Гротом Александру II.

Непосредственно доклад был осуществлен и доведен до императора в письменном виде не позднее 28 сентября 1878 г. Эту дату он собственноручно указал в конце резолюции по докладу²⁰².

Сам второй международный тюремный конгресс (Стокгольм, август 1878 г.) предвещал создание в России единого централизованного ведомства тюремного управления. Он уделил проблеме отсутствия учреждений по профессиональной подготовке пенитенциарного персонала в России особое внимание, констатируя, что тюрьмы в России «подчиняются людям малоспособным»²⁰³. Да и

---

¹⁹⁹ Волошин Д. В. Международные Тюремные конгрессы (1872–1910) и их значение для подготовки пенитенциарного персонала в Российской Империи // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 8 (183). С. 9–12.

²⁰⁰ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5-ти тт. Т. 2. М.: Гос. изд. полит. литературы, 1956. С. 300–334.

²⁰¹ Хитров А. А. Константин Карлович Грот – руководитель Ведомства учреждений императрицы Марии и Попечительства о слепых // Гротовские чтения: Материалы IV межрегиональной научно-практической конференции, Самара, 22 октября 2015 года. С. 105–114.

²⁰² Константин Карлович Грот, как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Мат. для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения. Т. 1. Петроград: Тип. М. А. Александрова, 1915. Прил. С. 62.

²⁰³ Второй международный тюремный конгресс. Стокгольм, август 1878г. / Сост. Э. И. Мишле. С.-Пб.: Тип-я П. И. Шмидта, 1878. С. 31.

сам К.К. Грот называл таких руководителей неопытными и с неумелыми руками²⁰⁴.

Являясь «уполномоченным от Русского Правительства для участия в заседаниях» Стокгольмского конгресса и будучи выбранным в первые вице-председатели, К. К. Грот большую часть времени работы конгресса исполнял обязанности его председателя²⁰⁵.

Основной доклад на Стокгольмском конгрессе по вопросам профессиональной подготовки пенитенциарного персонала был сделан представителем Италии – «корифеем тюрьмоведения» – по позднему определению И. Я. Фойницкого²⁰⁶, Мартино Бельтрани-Скалия.

Сам К.К. Грот в рассматриваемом докладе Императору признавал Италию в тот период единственной страной, где подготовка тюремного персонала «ведется вполне правильно»²⁰⁷, тогда как в России «наши карательные учреждения» находятся в безотрадном положении. Отчасти он объяснял сложившуюся ситуацию многосложностью и разнообразием тюремного управления в стране, неопределенностью в «заведывании местами заключения» и отсутствием единого центрального органа «руководства и наблюдения» за ними²⁰⁸.

Предложение по этому вопросу К. К. Грота заключалось «в необходимости придания тюремному управлению» более единства и самостоятельности и образовать с этой целью особый центральный орган», состоящий в «зависимости» исключительно Министерства внутренних дел (далее – МВД). Так же чиновник упомянул, что возглавляемая им комиссия по тюремному преобразованию уже выработала свои предложения «об образовании центрального

---

²⁰⁴ Константин Карлович Грот, как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Мат. для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения. Т. 1. Петроград: Тип. М. А. Александрова, 1915. Прил. С. 59.

²⁰⁵ Там же. С. 56.

²⁰⁶ Труды пенитенциарной комиссии С.-Петербургского юридического общества / Под ред. И. Я. Фойницкого. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. о-во, 1890. С. 7.

²⁰⁷ Константин Карлович Грот, как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Мат. для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения. Т. 1. Петроград: Тип. М. А. Александрова, 1915. Прил. С. 58.

²⁰⁸ Там же. С. 56.

тюремного управления» при МВД и «надеется в скором времени» внести это предложение на рассмотрение Государственного Совета²⁰⁹.

Далее К. К. Грот изложил Императору мнение Конгресса по вопросам «пользы для тюремного дела от учреждения особых школ для подготовки тюремных надзирателей и надзирательниц». Согласно решению Конгресса перед назначением на надзирательскую должность претендента «необходимо обучать ... теоретически и практически», при этом назначая тюремным надзирателям и надзирательницам «достаточное содержание» (финансово-вещевое) и обеспечивая им «упроченное положение» (социальные гарантии).

Вместе с тем сам К. К. Грот признавал, что в настоящее время у нас «вся тюремная администрация состоит из людей, не только не подготовленных специально для тюремной службы, но даже большую часть без надлежащего общего образования». Отсюда чиновник делал вывод о нерациональности начала профессиональной подготовки именно с низших ступеней тюремной служебной иерархии – с надзирательского персонала.

Он предлагал «прежде всего озаботиться» о замещении управленческих должностей в тюрьмах на местах «лицами, изучившими тюремное дело и теоретически и практически», сетуя, что в противном случае «вся тюремная реформа ... произойдет лишь на бумаге»²¹⁰.

В качестве практических мероприятий К. К. Грот считал необходимым откомандировывать таких людей за границу, ввиду невозможности изучения тюремной службы в России. Частично это уже было сделано: по одному человеку из МВД и Министерству юстиции уже были отправлены «в разные государства»²¹¹. Предположим, что здесь речь идет, скорее всего, о практическом изучении состояния дел по тюремной службе. Ведь в теоретическом отношении, благодаря профессору И. Я. Фойницкому, как минимум с 8 января 1874 г. начавшему преподавать авторский курс «тюрьмоведения» в столичном императорском университете²¹².

---

²⁰⁹ Константин Карлович Грот, как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Мат. для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения. Т. 1. Петроград: Тип. М. А. Александрова, 1915. Прил. С. 58.

²¹⁰ Там же. С. 58.

²¹¹ Там же. С. 59.

²¹² Фойницкий Ив. Тюремная реформа и тюрьмоведение. Вступительная лекция, прочтенная в С.-Петербургском университете 8-го января 1874 года. // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. Кн. первая. Январь-Февраль. С. 185–206.

Также оправданным и практико-ориентированным выглядело предложение К. К. Грота «ныне же составить» новую тюремную инструкцию для руководства и надзирательского состава, ввиду отсроченного временного промежутка «до приготовления сведущих исполнителей».

Отметим, что Александр II собственноручно сделал на докладе «пометы» (согласно предметного поля нашего исследования) о полном согласии с предложением о составлении новой тюремной инструкции и о «замещении тюремных распорядителей лицами», теоретически и практически изучившими тюремное дело.

По результатам рассмотрения доклада К.К. Грота Александру II по результатам Стокгольмского тюремного конгресса (1878 г.) (в предметном поле настоящей статьи), делаем следующий вывод: несмотря на положительную резолюцию Александра II («Прочел с большим интересом. Желая весьма, чтобы оно имело практический результат и для нас»²¹³), в России еще долгое время не было теоретических научно-методических изысканий и первых практических шагов в вопросах профессиональной подготовки тюремного персонала, реализации решений Стокгольмского конгресса 1878 г. и основных выводов и предложений, указанных К. К. Гротом.

УДК 93/94

Вольский Михаил Валентинович,

заместитель начальника инженерно-экономического факультета

ФКОУ ВО Вологодский институт права и экономики

ФСИН России,

кандидат исторических наук

e-mail: mv1973@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-2000-3650

Организация курсовой практической стрельбы тюремных надзирателей в Вологодской губернии в начале XX века

Аннотация: изучение исторического опыта организации служебно-боевой подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы в Российской Империи в начале XX в., вызывает активный

---

²¹³ Константин Карлович Грот, как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Мат. для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения. Т. 1. Петроград: Тип. М. А. Александрова, 1915. Прил. С. 62.

интерес у исследователей. Необходимо отметить, что одним из условий совершенствования пенитенциарной системы и профессиональной подготовки ее кадров, правительство в указанный период видело обязанность проведения обучения тюремных служащих практической стрельбе непосредственно по месту их службы. Важную роль в процессе организации курсовых практических стрельб играл опыт российских вооруженных сил царской армии.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, тюремные надзиратели, тюрьма, огнестрельное оружие, обучение.

Volsky Mikhail Valentinovich,
Deputy Head of the Faculty of Engineering and Economics
The Vologda Institute of Law and Economics of the
Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Historical Sciences

Organization of course practical shooting of prison guards in the Vologda province in the beginning XX century

Abstract: the study of the historical experience of the organization of service and combat training of employees of the penal system in the Russian Empire in the beginning. XX century., arouses active interest among researchers. It should be noted that one of the conditions for improving the penitentiary system and the professional training of its personnel, the Government during this period saw the obligation to train prison officers in practical shooting directly at their place of service. The experience of the Russian armed forces of the Tsarist army played an important role in the process of organizing course practical shooting.

Keywords: penal enforcement system, prison guards, prison, firearms, training.

Важную роль в вопросах обеспечения режима и безопасности в тюремных учреждениях в настоящее время играет вопрос служебно-боевой подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы. Эта проблема коррелирует с исторической ретроспективой вопроса организации боевой подготовки личного состава тюремных служащих в царской России в начале XX в.

Необходимо отметить, что в то время имелся определенный опыт в области взаимодействия министерств – внутренних дел, юстиции и военного, которые признавали необходимым внедрить

имевшуюся положительную практику обучения военнотружущих стрельбе.

Определив, чтобы в тех случаях, когда при тюремных учреждениях не имелось соответствующих кадров, которым могло бы быть поручено обучение тюремных надзирателей стрельбе из револьверов и винтовок, исполнение обязанностей по обучению последних было возложено на офицеров уездной полицейской стражи, военнотружущих гарнизонов и вообще лиц, заведовавших обучением стрельбе.

Изучая уголовно-исполнительную систему Российской Империи, ее особенности и реформирование в начале XX в., следует отметить, что царское правительство в целом понимало необходимость совершенствования профессиональной подготовки кадров для мест лишения свободы и организации для этого курсовых практических стрельб для тюремных надзирателей.

В соответствии с циркуляром по личному составу Министерства Юстиции Главного тюремного управления от 19 марта 1911 г. № 108079 губернскому начальству Российской Империи было поручено организовать обучение тюремных надзирателей стрельбе из револьверов и винтовок²¹⁴.

При этом определялось что, исполнение обязанностей по обучению надзирателей стрельбе возложено на офицеров уездной полицейской стражи и вообще лиц, заведывающих обучением стрельбе стражников. Для зависящих распоряжений, Главное тюремное управление просило сообщить предложения о тех мероприятиях, которые, с установлением нового порядка обучения чинов тюремной стражи стрельбе, могли бы действительно обеспечить должную подготовку в этом деле тюремных надзирателей, в особенности тех из них, которым приходится нести службу на наружных постах и при сопровождении арестантов на внешние работы.

Вместе с тем, было поручено лицам на коих будет возложено обучение стрельбам тюремных надзирателей, выяснить условия пользования чинами тюремной стражи теми стрельбищами, на которых производится учебная стрельба военными чинами, а также разработать программу прохождения тюремными надзирателями необходимых подготовительных к стрельбе упражнений и курсовой стрельбы.

---

²¹⁴ Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО) Ф. 111. Оп. 2. Д. 20. Л. 1. Переписка с уездными исправниками о проведении курсовой практической стрельбы тюремных надзирателей тюрем Вологодской губернии.

Вологодская тюремная инспекция озаботилась сбором сведений об организации решения данного вопроса, направив запросы в уезды губернии.

Сведения, поступившие из последних, представляют несомненный интерес. Так, уездный исправник Грязовецкого района Вологодской губернии сообщал, что подготовительная стрельба с тюремными стражниками производится ежегодно по распоряжению Губернского инспектора уездной полицейской стражи, на старом стрельбище между д. Пирогово и городом, где также производится практическая стрельба с нижними чинами. В виду изложенного исправник признавал целесообразным прохождение ежегодной практической стрельбы с тюремными надзирателями приурочить к тому времени, когда будет таковая производится со стражниками²¹⁵.

Вологодский уездный исправник помимо информации об организации стрельб, прилагал копию расписания занятий по стрельбе в 1-ом пешем отряде Вологодской губернии. Согласно представленным сведениям, обучение тюремных надзирателей подготовительным упражнениям по стрельбе может производиться одновременно с чинами полицейской стражи, для чего тюремных надзирателей можно командировать ежедневно в места расположения команд стражников. Время и часы занятий были указаны в расписании занятий отрядов полицейской стражи.

1-й конный отряд полицейской стражи Вологодской губернии пользовался для производства курсовых стрельб стрельбищем 168-го Александро-Невского полка. Этим же стрельбищем одновременно с командами полицейской стражи пользовались и сотрудники тюрем для проведения стрельб под руководством офицера полицейской стражи.

Что же касается программы прохождения подготовительных к стрельбам упражнений, то таковая была позаимствована полностью из специально составленного для полицейской стражи наставления для обучения стрельбам стражников изложенного в циркуляре Министерства внутренних дел от 30 июня 1908 г. № 36²¹⁶.

Сольвычегодский уездный исправник Вологодской губернии, сообщал, что в 1911 г. тюремные надзиратели проходили совместную стрельбу из револьверов вместе с чинами полицейской стражи под руководством офицера полицейской стражи.

Никольский уездный исправник Вологодской губернии доносил тюремной инспекции, что в указанном году 24 и 25 июля, в бытность

---

²¹⁵ ГА ВО Ф. 111. Оп. 2. Д. 20. Л. 3.

²¹⁶ ГА ВО Ф. 111. Оп. 2. Д. 20. Л. 5.

в г. Никольске офицера штабс-капитана Точнева, при прохождении стражниками курса стрельбы, участвовали и тюремные надзиратели в числе 6 чел. Штабс-капитан Точнев руководил стрельбой и составил ведомость ее результатов²¹⁷.

Усть-Сысольский уездный исправник информировал Вологодскую губернскую тюремную инспекцию, что в уезде проводили стрельбы в течение летнего периода в июле месяце.

Вельский уездный исправник сообщал, что никаких особенных условий, кроме постановки трех фигурных мишеней, постройку которых надлежит отнести на кредит по тюремной части нет.

Яренский уездный исправник Вологодской губернии сообщал в тюремную инспекцию, что «для достижения полного знания стрельбы – таковую производить необходимо не менее двух раз в год, причем стрельбу производить из винтовок и револьверов, на городском стрельбище на 10, 15, 25, 30 и 40 шагов, в текущем 1911 г. стрельба тюремных сотрудников производилась на городском стрельбище 26–28 июня, но надзиратели стреляли только из револьверов, т.к. при Яринской тюрьме имеется всего одна винтовка Бердана и та находится в плохом состоянии»²¹⁸.

В Вологодскую губернскую тюремную инспекцию обратился также и Тотемский уездный исправник. Он рапортовал о «необходимости проводить стрельбы зимой, когда надзиратели менее посылаются с арестантами на внешние работы, а потому наиболее свободны, при этом по местным условиям надзиратели могут быть посылаемы для упражнений один раз в неделю по два надзирателя. Курсовая стрельба тюремных надзирателей из винтовок и револьверов может быть производима вместе с чинами стражи на стрельбище, отведенном городским управлением для чинов местной конвойной команды, с согласия местного воинского начальства»²¹⁹.

Велико-Устюжский уездный исправник Вологодской губернии сетовал на плохое состояние вооружения, находящегося в использовании тюремной стражи. «Сообщаю, что в Устюжской тюрьме имеется две четырех-линейных винтовки системы Бердана, в запущенном состоянии, отпуска патронов для стрельбы не имеется. При подобных условиях курс подготовительного обучения и прохождения практической стрельбы не представляется возможным. Кроме винтовок тюремные надзиратели вооружены револьверами системы «Смита и Вессона», казенного образца, револьверы

---

²¹⁷ ГА ВО Ф. 111. Оп. 2. Д. 20. Л. 7.

²¹⁸ ГА ВО Ф. 111. Оп. 2. Д. 20. Л. 12.

²¹⁹ Там же. Л. 13.

находятся в крайне плачевном состоянии и даже некоторые из них не стреляют. Стрельбищами тюремная стража может пользоваться на общих основаниях с полицейской стражей при условии обязательного совместного с последней прохождения курса стрельбы. Совместный и одинаковый курс необходим потому, что при незначительном составе тюремной стражи не будет кого назначить в оцепление и махальными, в том случае, если тюремные надзиратели будут проходить неодинаковый курс и не совместно с тюремной стражей»²²⁰.

Таким образом, следует отметить, что царским правительством в целом понималась необходимость совершенствования системы профессиональной подготовки кадров для мест лишения свободы и организации для этого курсовых практических стрельб для тюремных надзирателей.

Однако эта подготовка велась недостаточно системно. Было слабым вооружение тюремного персонала, которое не всегда было в исправности. На вооружении еще не во всех местах лишения свободы были новые образцы стрелкового оружия – револьверы системы «Нагана» и русские трехлинейные винтовки образца 1891 г. (системы Мосина). Курсовые стрельбы проходили редко – один или два раза в год.

Тем не менее в указанный период осуществлялось активное взаимодействие министерств – внутренних дел, юстиции и военного, которые признавали необходимым организацию боевой учебы личного состава тюрем.

Реформирование уголовно-исполнительной системы в Российской империи, создание Главного тюремного управления в целом, привело к решению многих насущных вопросов, возникавших в местах лишения свободы в начале XX в.

УДК 343.24/.29

Голубев Алексей Геннадьевич,
доцент кафедры теории и истории
государства и права,
Самарский юридический институт
ФСИН России,
кандидат исторических наук
e-mail: aggol@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-4767-8694

---

²²⁰ ГА ВО Ф. 111. Оп. 2. Д. 20. Л. 16.

Вопросы исполнения принудительных работ в деятельности Самарского губернского карательного отдела в начале 1920-х годов

Аннотация: в тезисах раскрываются понятие принудительных работ в изучаемый период и некоторые вопросы привлечения осужденных к общественно-полезному труду, решаемые Самарским губернским карательным отделом НКЮ РСФСР и подчиненным ему домом принудительных работ в 1919–1921 годах.

Ключевые слова: исполнение наказаний, принудительные работы, Народный комиссариат юстиции, губернский карательный отдел, дом принудительных работ, сельскохозяйственная колония, оплата труда.

Golubev Aleksey Gennadievich,
Assistant Professor of the Department of Theory
and History of State and Law,
Samara Law Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia,
Candidate of History

Issues of execution of forced labor in the activities of the Samara Provincial Punitive Department in the early 1920s

Annotation: the theses reveal the concept of forced labor in the period under study and some issues of attracting convicts to socially useful work, solved by the Samara provincial Punitive department of the NKYU of the RSFSR and the house of forced labor subordinate to it in 1919–1921.

Keywords: execution of punishments, forced labor, People's Commissariat of Justice, provincial punitive department, house of forced labor, agricultural colony, remuneration of labor.

Начало 1920-х годов в советском государстве стало временем становления органов управления всеми сферами общественной жизнедеятельности, в том числе исполнением наказаний. Этот процесс начинался не с нуля, но смена общественного строя и задачи модернизации страны требовали переустройства всей правоохранительной системы в соответствии с интересами «государства рабочих и крестьян». Не согласных с этим, в том числе совершивших преступления лиц, требовалось тем или иным образом

привлечь к труду. Так в советском праве появилось понятие принудительных работ.

Инструкция Революционному трибуналу, опубликованная в № 38 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 21 декабря 1917 г., в своей статье 2 устанавливала 8 видов наказаний, в том числе лишение свободы и «присуждение к обязательным общественным работам»²²¹. Согласно ст. 2 Постановления Наркомюста РСФСР от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового» в приговорах суда указывалось лишение свободы на определенный срок, «обязательно связанное с принудительными работами», которыми считались и работы «без заключения под стражу на время, свободное от работы»²²². Таким образом, принудительные работы в то время определялись как общественные работы, к которым государство в обязательном порядке должно было принуждать осужденных. Непосредственное руководство работами осуществляли губернские Дома принудительных работ, подчиненные губернским карательным отделам Наркомата юстиции РСФСР.

Соответственно, принудительные работы проводились в двух направлениях: 1) земледельческий труд в сельскохозяйственных колониях; 2) труд по городским видам занятости при самих домах принудработ и общественные работы в городах неизолированных от общества граждан по заказам большей частью юридических лиц.

23 июля 1919 г. Карательный отдел НКЮ РСФСР выпустил циркуляр губернским отделам юстиции, в широком смысле касающийся тарификации оплаты труда осужденных, удержаний из этих сумм и ведения бухгалтерии по всем этим операциям. Кроме того, циркуляр требовал от каждого территориального органа установить четкие перечни платных и бесплатных работ. Заключение на хозяйственных работах приравнивалось к домовому служащему на полном содержании. Наиболее целесообразной оплатой труда определялась сделная (повременная применялась там, где это было затруднительно). Расценки следовало устанавливать так, чтобы средний рабочий при нормальном 8-часовом труде мог выработать установленную для оплаты того или иного вида труда поденную плату по тарифу профсоюза²²³.

---

²²¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942. С. 181–183.

²²² Собрание узаконений РСФСР М. 1918. № 53. С. 598.

²²³ ЦГАСО. Ф. Р-279. Оп.1. Д.36. Лл.9–11об.

Для повышения производительности труда рекомендовалось прибегать к поощрительным мерам: увеличивать паек, позволять облегчение режима содержания, представлять особо «прилежных» работников к условно-досрочному освобождению. К уклоняющимся от работ во время наказания и работающим «лениво и нерадиво» применялись противоположные меры²²⁴.

По состоянию на 6 марта 1919 г. при Самарском губернском доме принудительных работ были открыты и оборудованы мастерские – ткацкая, портняжная, сапожная, столярная и швейная. Упомянутые выше правила оплаты и стимулирования труда относились прежде всего к этим сдельным видам работ. Проводились работы под руководством «специалистов-инструкторов»²²⁵. Имеются сведения и о видах работ по хозяйственному обслуживанию колонии: кашевары, хлебопеки, ламповщики, кубовщики («водогреи при кипятильниках»), уборщики отхожих мест и прачки. Для каждого вида этих работ, которые 1 человек исполнял для 100–150 осужденных, предусматривался особый тариф – от 90 до 133 руб. Остальные работы для хозяйственных потребностей согласно наряду администрации исполнялись бесплатно по очереди²²⁶.

Производство велось как для нужд заключенных, так и для нужд граждан. Как говорилось в рапорте комендантского инструктора коменданту ДПР от 6 марта 1919 г.: «... В ткацкой [мастерской] ткнут грубый холст, который идет на белье заключенным. В другой мастерской (так в документе – *А.Г.*) принимаются заказы на сторону»²²⁷. Оживление деятельности Дома принудительных работ Губкаротдел связывал с личностью его нового начальника И. К. Чуйкова, который озаботился улучшением не только материальной базы для общественных работ, но и воспитательной работы с осужденными: приказом от 30 апреля 1919 г. он предписал 2 мая все работы на двух сельхозфермах ДПР, находившихся тогда за чертой города Самары, закончить до 17 ч («до 5 ч вечера»), всех осужденных «построить порядком» и «вести» (возможно, имелось в виду «везти» – *А.Г.*) в Самару в Дом принудработ на концерт и митинг, посвященные Дню солидарности трудящихся²²⁸.

Что касается работ на стороне, то это были преимущественно физически тяжелые работы, в том числе с выводом на предприятия с

²²⁴ Там же.

²²⁵ ЦГАСО. Ф. Р-279. Оп.1. Д.39. Л.37.

²²⁶ ЦГАСО. Ф. Р-279. Оп.1. Д.36. Л.11.

²²⁷ ЦГАСО. Ф. Р-279. Оп.1. Д.39. Л.37об.

²²⁸ ЦГАСО. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 39. Лл. 111–112об.

вредными или опасными для здоровья условиями труда. С 27 июля по 3 сентября 1920 г. не менее 21 осужденного обоих полов было направлено на Самарский завод взрывчатых веществ имени Троцкого, расположенный в Сергиевском уезде. Все рабочие были осуждены приговорами Дисциплинарного суда и направлены на завод по постановлению Комиссии по борьбе с трудовым дезертирством, т.е. принудительные общественные работы были присуждены им за прогулы на их предприятиях. Сроки отбывания наказания определялись продолжительностью в 1,5–2 месяца²²⁹. К сожалению, далеко не всегда указывались род занятий гражданина до осуждения. Например, не указаны профессии (места работы до осуждения) осужденных-мужчин, а также конкретный вид работ и его результаты. Во всяком случае, из докладной записки заведующего дровяным складом завода от 8 августа 1920 г. следует, что в течение 12 ч. четверью осужденными женщинами были «исправлены» (приведены в порядок) штабеля дров на протяжении 20 погонных сажений (42,6 м) и выложены (надо полагать, с нуля – А.Г.) штабеля на протяжении 2 погонных сажений (более 4 м)²³⁰.

Еще ряд документов из архивного фонда Самарского губернского карательного отдела, включающих переписку губернского Дома исправительных работ, свидетельствует о том, что и всю первую половину 1920-х годов подчиненными ему учреждениями в губернском и уездных городах в качестве общественных работ без лишения свободы исполнялись в основном работы по заготовке и погрузке дров²³¹. Лишенным свободы лицам, занятым этими и другими физическими внешними работами, работающим сверхурочно и вырабатывающим сверх установленной средней нормы по постановлению НКЮ от 4 декабря 1919 г. засчитывались каждые 2 дня работы за 3 дня срока наказания. Это касалось и лиц, не изолированных от общества²³². Нормы выработки устанавливались губернскими карательными отделами и утверждались Центральным карательным отделом Наркомюста. Таким образом, был введен принцип зачета рабочих дней.

Трудовые земледельческие колонии начали создаваться в Самарской губернии еще с 1914 г. Их создание на новой идеологической основе – «воспитание строителя социализма» вместо «увещевания и попечения» – было продолжено после

²²⁹ ЦГАСО. Ф. Р-2700. Оп. 1. Д. 2186. Лл. 2-8.

²³⁰ Там же. Л.10.

²³¹ ЦГАСО. Ф. Р-1280. Оп. 1. Д. 53. Лл. 1–14.

²³² ЦГАСО. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 39. Лл. 125–130об.

Октябрьской революции. В марте 1919 г. для организации колонии губкаротделу был предоставлен хутор бывшего женского монастыря, находившийся в восьми верстах от Самары, по берегу реки Самары. Площадь участка составила около 180 десятин. Всего весной 1919 г. Самарский исправительно-трудовой дом имел в своем распоряжении бывший монашеский хутор с небольшим садом, дачу-сад и сельскохозяйственную ферму общей площадью около 215 десятин. Все перечисленные участки и составили массив трудовой земледельческой колонии.

В течение 1919–1920 гг. происходило создание новых сельскохозяйственных колоний: «Перевоспитание» – в Самарском уезде, «Зарево» – в Бугурусланском, сельхозфермы – при Бузулукском и Пугачевском исправительно-трудовых домах, концлагеря – в Самаре для содержания в нем лиц, ведущих подпольную работу против Советской власти, а также лиц празднующихся, без определенных занятий. Все заключенные подлежали обязательному привлечению к труду²³³.

30 мая 1921 г. Самарским губернским карательным отделом НКЮ был подготовлен доклад в Губернский исполнительный комитет Советов о деятельности сельскохозяйственных колоний за весну 1921 г. Согласно документу, кампания была проведена относительно успешно: колония «Перевоспитание» обработала зерновые, огородно-бахчевые культуры и картофель на площади в 184 десятины (200,56 га), от Самарской сельхозфермы ожидался результат равный 150 дес. (178,2 га), от Бузулукского и Пугачевского уездных домов принудительных работ – соответственно, 700 и 119 дес. (763 и 129,7 га)²³⁴.

Мы привели только несколько примеров работ, производимых осужденными под руководством Самарского Губернского карательного отдела в 1919–1921 гг., но они уже позволяют сделать некоторые выводы. Принудительными работами в то время, в сущности, назывались все общественно-полезные работы в местах лишения свободы и при исполнении наказаний без лишения свободы, поскольку в силу приговора суда к ним осужденных лиц принуждало государство. Анализ архивных документов свидетельствует о том, что в Самарской губернии содержание таких работ в большинстве своем было «доиндустриальным» – в годы разгара и окончания Гражданской

---

²³³ См.: Ремесло окаянное: Очерки по истории уголовно-исполнительной системы Самарской области. Т. 1. Самара: ГУИН Минюста России по Самарской области, 2004. С. 95–96.

²³⁴ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп. 2. Д. 9. Лл. 32–32об.

войны, когда все силы были мобилизованы на военный и трудовой фронты, руководство органами управления аграрной губернии ставила своей целью элементарное выживание населения перед тем, как начать какую-либо перестройку хозяйства и всего уклада жизни. В этом должны были принимать участие и осужденные.

Следует заметить, что в те годы направленность пенитенциарной политики была достаточно далека от гуманизма по отношению к большинству осуждаемых лиц. Ю. А. Реент полагает, что, по крайней мере, относительно периода становления органов охраны порядка и исполнения наказаний советского государства следует говорить не о правоохранительном в широком смысле, а именно о карательном характере их деятельности²³⁵. Трудно говорить и о какой-либо серьезной индивидуализации и дифференциации наказания в тот период, поскольку условия не позволяли сделать эти задачи приоритетными. Тем не менее государство и на законодательном уровне, и практически уже различало степень тяжести преступлений хотя бы на уровне разделения наказаний на связанные и не связанные с лишением свободы. Губернские и уездные органы, руководящие исполнением наказаний, в условиях нехватки многих ресурсов изыскивали возможности для того, чтобы каждый член общества, даже отбывая наказание, оставался ему полезным. Общественно-полезный труд осужденных подкреплялся воспитательной работой, сам же труд (без учета удержаний) оплачивался по ставкам, определенным соответствующими профсоюзами, и стимулировался, что также имело воспитательное значение и должно было способствовать быстрой социальной адаптации гражданина после отбывания наказания.

УДК 343.8

Гуриц Сергей Дмитриевич,
старший преподаватель кафедры кадровой,
воспитательной и психологической работы в УИС,
ФКУ ДПО Кировский институт повышения квалификации
работников ФСИН России
e-mail: sergeygurits@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-0745-3849

---

²³⁵ Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России / под общ. ред. Г. А. Корниенко; науч. ред. А. А. Крымов. Рязань: Академия ФСИН России, 2013. С. 130.

Отражение хозяйственной деятельности мест заключения в отчетах Главного тюремного управления (1909–1913 годы)

Аннотация: статья посвящена характеристике организации труда осужденных в период деятельности С. С. Хрулева, начальника Главного тюремного управления. Приведены данные о развитии системы организации труда осужденных на основе отчетов ведомства: привлечение к работам, режим работы, система оплаты труда. Дана характеристика нормативного регулирования, особенностей и направлений хозяйственной деятельности периода 1909–1913 годов.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность, места заключения, труд осужденных, осужденный, система оплаты труда, режим работы, тюрьма, каторга, Главное тюремное управление, С. С. Хрулев.

Gurits Sergey Dmitriyevich,
Senior Lecturer,
Department of personnel,
educational and psychological work in the penal system
the Kirov IPKR of the FPS of Russia

Reflection of the economic activities of places of detention in the reports of the General Prison Department (1909–1913)

Abstract: the article describes the organization of work of convicts during the period of activity of S.S. Khrulev as the head of the General Prison Department. Data on the development of the system of organization of work of convicts on the basis of the reports of the Department: recruitment to work, working hours, system of remuneration for work. Describes the regulatory framework, features and business activities of the period 1909–1913.

Keywords: economic activity, places of detention, the labor of convicts, convict, system of remuneration for work, working hours, prison, penal servitude, General Prison Department, S. S. Khrulev.

Рассмотрим отражение хозяйственной деятельности мест заключения Российской империи в период 1909–1913 гг. на основе изменений в законодательстве и отчетах Главного тюремного управления. В указанный период осуществлял руководство Главным

тюремным управлением (далее – ГТУ) с 1909 по 1913 годы Степан Степанович Хрулев (1860–1913).

Степан Степанович (02.07.1860 – 28.03.1913) принадлежал дворянскому роду Хрулевых, окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (10.10.1884²³⁶), Кавалер орденов: Св. Анны II-й ст. (1900), Св. Станислава I-й ст. (1910), Св. Владимира III-й ст. (1908), в отставке с полным пенсионом и правом ношения мундира в соответствии чина (01.09.1911).

Отец Степан Александрович (05.03.1807 – 22.05.1870) генерал-майор (01.09.1849), генерал-лейтенант (24.08.1853), герой обороны Севастополя (1853–1856), командир 3-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (1902–1904), оставил воспоминания. Дед Александр Афанасьевич (1777–1825). Мать Александра Васильевна Кащенко (17.04.1815 – 22.04.1898) в браке родила 7-х детей. Брат Сергей Степанович (01.09.1846 – 1917) действительный статский советник (01.01.1887), окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус, прокурор Полтавского Окружного суда (1888–1892); брат Николай Степанович (01.09.1841 – 1912) генерал-майор (30.08.1887), генерал-лейтенант (14.05.1896), генерал от кавалерии (13.01.1904), брат Александр Степанович (05.11.1849 – 09.08.1917) генерал-майор (06.12.1899). Его жена (вторая) Прасковья Александровна Володимерова происходила из дворянского рода, вместе воспитали дочь Наталью Степановну (30.01.1889 – 19.10.1970).

Служба Степана Степановича в государственных должностях началась с должности чиновника министерства внутренних дел (1884–1888), далее занимал должность прокурора Харьковской Судебной палаты (1902–1907), с 1905 г. действительный статский советник, осуществлял прокурорский надзор над деятельностью судебных органов Воронежской губернии (1902–1907). В должности начальника Главного тюремного управления Российской Империи (12.01.1909 – 28.03.1913)²³⁷. По времени нахождения в должности начальника ГТУ относился к типу руководителей, кто состоял в должности около пяти лет, а также вошел в список начальников ГТУ, которые скончались в данной должности.

²³⁶ Центральный государственный исторический архив СПб. Фонд 14. Опись 3. Дело 20954 / Архивы Санкт-Петербурга / Каталог государственных сайтов Санкт-Петербурга // URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgia/14/3/20954> (дата обращения 08.02.2023).

²³⁷ Лучинский Н. Ф. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые 35 лет его существования (1879–1914 гг.) / Сост. Н. Ф. Лучинский. - Санкт-Петербург: журн. «Тюрем. вестн.», 1914. - [2], II, 146 с., 108 с.

К его основным трудам относятся «Каторга в Сибири: Отчет начальника Главного тюремного управления С.С. Хрулева о служебной поездке в 1908 г. в Иркутскую губернию и Забайкалье» (в 2 частях), «Отчет начальника Главного тюремного управления о поездке в С.-Американские Штаты и Англию в 1910 году». Обе работы опубликованы в журнале Тюремный вестник (1908 г., № 8/9, 1911 г., № 1). Данные работы также являются отчетами о проведенной работе ГТУ.

В отчетах четко прослеживается два направления: постановка проблемы (обеспечение, содержание, освещение и др.) и ее решение. В качестве решения и что, показательно именно к периоду руководства ГТУ С.С. Хрулевым – нормативная реализация. Рассмотрим сначала направления нормативного регулирования.

За период его руководства ГТУ были реализованы множественные законопроекты, в том числе, имевшие высокое значение и длительное действие для мест заключения. Началась законотворческая деятельность уже в 1909 г. с авторства над «Положением о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних», продолжилась реформа по созданию тюремных инспекций (введены тюремные инспекции в 9 регионах Российской империи), увеличивалось денежное довольствие для сотрудников мест заключения («О дополнительном отпуске из государственного казначейства средств на содержание личного состава и канцелярские и хозяйственные расходы ГТУ», «Об отпуске в 1909 году из государственного казначейства дополнительных средств на содержание тюремной стражи», «Об увеличении денежного квартирного довольствия начальников и помощников начальника мест заключения»).

Особое значение уделяется принятию закона «Об условном досрочном освобождении» от 22 июня 1909 г.²³⁸ В инструкции по применению закона, указывалось, что «одобрительное поведение» состоит и в «подчинении арестанта правилам тюремной дисциплины, и в активном проявлении исправления, выраженном в трудолюбии, успехе в работах и уважении к законам и властям». Данный закон прудусмотрел сокращение на 1/5 срока отбывания наказания в отношении арестантов, занятых при исполнении военных заказов, в добросовестном отношении к труду и отсутствии дисциплинарных правонарушений. «Закон детально регламентировал институт условно-

---

²³⁸ Закон об условном досрочном освобождении с изложением рассуждений на коих он основан от 22 июня 1909 г. СПб.: Государственная типография, 1909. 174 с.

досрочного освобождения в дореволюционной России, который в неизменном виде просуществовал до Октябрьской революции 1917 г.»²³⁹. Интерес арестантов в результатах труда также стимулировался. Виды стимулирования стали носить не только материальную сторону.

Введены в действие другие нормативные акты (1909–1913): «Устав о ссыльных» издания 1909 г., «О зачете в наказание предварительного ареста», «О сокращении срока наказания ссыльно-каторжным, участвовавшим в работах по сооружению Амурской железной дороги», в нескольких регионах страны были открыты общества попечительские о тюрьмах, «О заведении арестантами, привлеченными к работам на Амурской железной дороге», «Об изменении порядка обмундирования и вооружения тюремных надзирателей и надзирательниц», в 1912 г. введены тюремные инспекции в 10 регионах, «О вещевом довольствии арестантов» (1912), «Об учреждении школы в С.-Петербурге для подготовки кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя и школы в Москве для подготовки кандидатов на должности тюремной надзирательницы» (1913).

Как мы видим, нормативное законодательство в области преобразований деятельности мест заключения во многом затрагивало вопросы по двум основным направлениям: 1) упорядочивание системы уголовных наказаний и улучшение быта арестантов; 2) создание более благоприятных условий для служебной деятельности сотрудников.

Коснемся далее отчетов ГТУ по направлению хозяйственной деятельности. В каждом отчете дается характеристика по строительной части, которая связана с реализацией плана сооружения новых тюремных зданий и переустройства существующих тюрем империи новыми. Приоритетность переустройства заключалась в том, что не осуществлялась реализация дифференцированного содержания каторжных арестантов, которых приходилось содержать не в особых условиях, а в тюрьмах общего устройства. Также не хватало камерных помещений, для лиц требующих отдельного размещения (по нравственным качествам)²⁴⁰. В отчете подробно описывается ход строительства женской тюрьмы в Санкт-Петербурге, которая

²³⁹ Богданов М. А. Институт условно-досрочного освобождения по законодательству дореволюционной России: теоретический и историко-правовой аспекты // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 2 (11). С. 173.

²⁴⁰ Отчет по ГТУ за 1909 год. - С.-Петербург: типо-литография С.-Петербургской тюрьмы, 1911. Ч. 1. С. 64.

соответствует всем современным требованиям техники и санитарии, дается характеристика помещений для администрации, надзирателей, мест свиданий, мастерских, камер с собственными ватер-клозетами и умывальниками, бань, центральное водяное отопление и т.д. Количество мест в тюрьмах оставалось неудовлетворительным как общих, так и одиночных помещений.

Обеспечительная часть в отчетах касалась питания, одежды и обуви, медицины. Одежда и обувь обеспечивались на основании Устава содержания под стражей, Устава о ссыльных, отдельными распоряжениями ГТУ²⁴¹. Для обеспечения всех арестантов решалась первостепенная задача точного учета потребностей, заготовка хозяйственным способом, материалы закупались с торгов (574 259 руб. потрачено на ресурсы, всего на одежду – 2 364 201 руб. за 1909 г.). Цена комплекта варьировалась от 33 рублей до 12 рублей, соответственно, для ссыльных и исправительных арестантских отделениях. В итоговом разделе по вещевому довольствию арестантов вывод указывал на создание общих условий для всех арестантов по нормированию, также на обязательное участие местной власти в способствовании решения проблемы с закупкой сырья, создание системы вещевого довольствия.

Следующим видом характеристики в отчетах рассматриваются отопление, освещение, чистота, мелочные хозяйственные потребности. Указывается, что данная проблема является неудовлетворительной. Главная причина заключалась в объеме финансирования, которое было по остаточному принципу, не могло удовлетворить даже части потребности. Выводом в отчете указывалось на скорейшее законодательное закрепление данного вопроса. Расходная часть осуществлялась исключительно за счет казны (кредитные средства) и во многих регионах имелась большая задолженность, отдельные направления решались хозяйственным способом.

Особо обсуждаемой темой в отчетах был вопрос об арестантских работах. С начала руководства ГТУ С. С. Хрулевым им была поднята дискуссия о развитии конкуренции между свободной промышленностью и тюремной. На страницах отчетов мы видим полемику между различными точками зрения, в том числе обсуждение направлений хозяйственной деятельности мест заключения в странах Европы. В сделанных выводах мы можем проследить значительные успехи в реализации направления работ арестантов в первое десятилетие XX в. Количество часов рабочих

---

²⁴¹ Там же. С. 93.

дней арестантов увеличилось с 3 млн суток в конце 1880-х годов, до 6 млн суток в конце 1890-х годов, а за период с 1907 по 1909 гг. с 9 млн суток до 13 млн суток. Этот показатель говорил сам за себя о том, что решение проблемы поставлено было на правильный курс. Годовой заработок с 1886 г. (536 тыс. руб.) вырос до 2433 тыс. руб.

В табличном выражении приводится по отраслевому принципу объем чистого заработка: самые доходные (более 200 тыс. руб.) отрасли включали сельскохозяйственную, земельно-мелиоративную, нагрозочную, к среднему типу (около 130 тыс. руб.) доходов относились: добыча минералов и металлов, рубка леса, кирпичеделание, с низким (около 50 тыс. руб.) заработком – ассенизаторская, мусорная, разная. Внутренние работы по сравнению с внешними имели доходность ниже, за исключением портняжной, сапожной, ткацкой. Их доход составлял от 287 тыс. рублей до 170 тыс. рублей.

В отчетах ГТУ за 1913 г.²⁴² мы видим реализацию законодательства в области обеспечения вещевым имуществом и постановки новых целей – подготовки табелей довольствия. По освещению, отоплению, чистоте, мелочным хозяйственным потребностям был принят Циркуляр ГТУ в 1912 г., который упорядочил нормирование в соответствии с потребностями, хотя дефицит все-таки сохранялся²⁴³. Направление, связанное с арестантскими работами, настолько впечатлило Императора, что был принят Всемилоостивейший Манифест 1913 года о сокращении сроков наказания. Число работающих арестантов уменьшилось, заработок вырос на 148 тыс. рублей (по наружным работам)²⁴⁴.

Подводя итог хозяйственной деятельности в период руководства ГТУ С. С. Хрулевым, необходимо сказать о высокой значимости проводимых преобразований, демократичном стиле руководства, либерально направленным реформам, улучшению быта арестантов, улучшению условий службы сотрудников ведомства.

УДК 334.241.8

Дворянсков Иван Владимирович,
главный научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт

²⁴² Отчет по ГТУ за 1913 год. - С-Петербург: типо-литография С.-Петербургской тюрьмы, 1914. Ч. 1. С. 64.

²⁴³ Там же. С. 91.

²⁴⁴ Там же. С. 101.

Федеральной службы исполнения наказаний,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: diw@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-0542-5254

Сика Андрей Михайлович,
заместитель дежурного помощника начальника
отдела ФКУ ОО Новосибирская психиатрическая
больница специализированного типа интенсивного
наблюдения ГУФСИН России по Новосибирской области,
майор внутренней службы
e-mail: vibesam@gmail.com

Исполнение наказаний-прообразов принудительных работ в первые годы советской власти

Аннотация: в статье рассматривается эволюция уголовного наказания в виде принудительных работ и его прообразов в первые годы советской власти. Исследуется идеологическая основа преобразования системы наказаний и подходов к наказанию как инструмента государственной (уголовной) политики, обосновывается вывод о том, что советская уголовная и исправительно-трудовая политика развивались, исходя из идеи об усилении воспитательных и ресоциализирующих возможностей наказания.

Ключевые слова: принудительные работы и их прообразы, советское уголовное право, исполнение уголовных наказаний, исправительно-трудовое воздействие.

Dvoryanskov Ivan Vladimirovich
Chief Scientific Officer
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
doctor of law, Professor

Sika Andrey Mikhailovich
Deputy Assistant on duty to the head
of the Department of the Novosibirsk Psychiatric
Hospital of the specialized type of Intensive
Observation of the GUF SIN of Russia in the Novosibirsk region,
major of the internal service

Execution of punishments-prototypes of forced labor in the early years of Soviet power

После революции октября 1917 г. советская власть взяла курс на отказ от сложившейся в отечественном уголовном праве системы наказаний. РСФСР с первых лет своего существования приступила к построению новых органов суда и репрессии и к выработке новой пролетарской уголовной политики²⁴⁵. Следует отметить, что с приходом большевиков пенитенциарная идеология в корне изменилась. Наказание стало восприниматься политическим инструментом. В начальный период (1917–1918 гг.) оно служило средством подавления сопротивления, силового утверждения власти и, как следствие, массовых репрессий, прежде всего по классовому признаку. На карательную политику стала активно влиять политико-философская (социалистическая) доктрина власти, основанная на учении К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина²⁴⁶. Это выразилось в придании наказанию воспитательного акцента, увеличению его социальной роли. Как писал выдающийся ученый-педагог А. С. Макаренко: «Впервые в истории перед уголовным наказанием были поставлены сложнейшие, научно обоснованные задачи исправления и перевоспитания правонарушителей, воспитания из них активных деятелей новой эпохи»²⁴⁷.

В это время возникло множество новых видов наказаний, не связанных с лишением свободы, которых не знала не только дореволюционная российская система наказаний, но также и системы наказаний многих капиталистических стран. Некоторые из них можно отнести к прообразам современных принудительных работ. В частности: общественные принудительные работы; принудительные работы на рудниках (для капиталистов-саботажников); перевод на

---

²⁴⁵ Дворянсков И. В., Друзин А. И., Чучаев А. И. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия (историко-правовое исследование). М., 2002. С. 93.

²⁴⁶ К. Маркс, критикуя метафизическую концепцию человека, писал: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан...Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика». (Цит. по: Богданову В. Я. Исправительные работы без лишения свободы. Проблемы сущности и эффективности. М., 1978. С. 15.).

²⁴⁷ Макаренко А. С. Собр. Соч.: В 7 т. М., 1950. Т. 1. С. 216.

тяжелые принудительные работы без лишения свободы в том же предприятии или вне такового на срок до 6 месяцев²⁴⁸.

Особое распространение получили принудительные работы²⁴⁹. В законодательстве и судебной практике рассматриваемого периода встречаются две разновидности этого наказания: принудительные работы без лишения свободы²⁵⁰ и работы, назначаемые дополнительно к лишению свободы, следовательно, сопряженные с ним. В то же время первый вид подразделялся на два подвида: работы по специальности и по указанию органов, ведающих принудительными работами (неквалифицированные работы). Такое деление было проведено уже в первом Уголовном кодексе РСФСР редакции 1922 г., который установил, что принудительные работы могут быть работами по специальности и работами неквалифицированного физического труда. При этом законодатель не считал возможным применение принудительных работ к лицам, совершившим наиболее тяжкие преступления.

В большинстве законодательных актов этого периода лишение свободы связывается с принудительными работами. Таким образом, с самого начала советская власть смотрела на лишение свободы как на меру наказания, сочетающую в себе и задачи подавления и воспитания трудовой дисциплины.

Совет народных комиссаров РСФСР в своем Декрете от 20 июля 1918 г. № 3 «О суде» закрепил одно интересное положение, которое остается вне поля зрения исследователей. По указанному Декрету лишение свободы на срок до трех месяцев всюду, где организованы

---

²⁴⁸ Багрий-Шахматов Л. В. Уголовные наказания и исправительно-трудовое право / Под ред. д-ра. юрид. наук, профессора Н. А. Стручкова. М., 1969. С. 7–8.

²⁴⁹ В рассматриваемый период термины «принудительные работы», «общественно полезные работы», «исправительные работы», «исправительно-трудовые работы» использовались как синонимы по причине неустоявшейся терминологии и отсутствия единообразия в законотворческой деятельности. Данное наказание официально получило наименование «исправительно-трудовые работы» только с 1933 г.

²⁵⁰ Справедливости ради нужно сказать, что Временная инструкция «О лишении свободы, как мере наказания и о порядке отбывания такового», утвержденная постановлением НКЮ от 23 июля 1918 г. относилась к лишению свободы и осуждение виновного к кратковременным (до 3 месяцев) принудительным общественным работам без заключения под стражу на время, свободное от работ. В некоторых декретах они назывались исправительно-трудовыми работами, хотя по своему содержанию отличались от одноименного наказания, применяемого сейчас (Бушуев И. А. Исправительно-трудовые работы без лишения свободы как мера наказания в советском уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955. С. 15).

принудительные общественные работы, предлагалось применять без содержания виновного лица под стражей. Вероятно, подобный вид лишения свободы стал прообразом впоследствии условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 242 УК РСФСР 1960 г.).

Принудительные работы, не сопряженные с лишением свободы, сразу нашли поддержку у Советского правительства, возглавляемого В. И. Лениным, и получили широкое распространение. Этому способствовали следующие свойства, которыми обладало новое наказание²⁵¹.

Во-первых, отбывание принудительных работ не было связано с изоляцией осужденных от общества. Это, как мы уже говорили, давало возможность трудящимся самим перевоспитывать «своих» правонарушителей.

Во-вторых, оно предусматривало обязательное участие осужденных в труде, что наиболее полно соответствовало правовой психологии и бытовой педагогике трудящихся и политике государства, превратившего труд во всеобщую конституционную обязанность.

В-третьих, принудительные работы в стране «с громадным преобладанием мелкособственнического населения»²⁵² оказались эффективным средством борьбы с мелкобуржуазными предрассудками и стихийностью. Отбывая их, осужденные обязаны были выполнять только общественные работы. Это значит, что их лишали права выбирать конкретную работу по своему желанию.

Работа на глазах у общества, а не в частном хозяйстве, не там, где осужденный «устроится», обеспечивала гласность отбывания наказания и всеобщий контроль за качеством его работы, поведением и отношением к труду, способствовало успешной борьбе с частнособственническими предрассудками и с недисциплинированностью среди трудящихся.

В-четвертых, принудительные работы назначались на определенный срок, что давало возможность длительное время регулировать трудовую деятельность осужденных, их поведение и, в известном смысле, весь образ жизни. В этот период с осужденным могла проводиться и специальная воспитательная работа.

---

²⁵¹ Дворянсков И. В., Пертли В. А. Уголовно-исполнительные инспекции (эволюция формирования и правового обеспечения деятельности). М., 2007. С. 13.

²⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1918. Т. 36. С. 207.

Иными словами, в течение всего срока наказания осужденные находились под исправительно-трудовым воздействием государства и трудящихся, что положительно сказывалось на их перевоспитании.

В-пятых, принудительные работы обладали теми качествами, о которых говорил В. И. Ленин еще накануне революции. Они оказались серьезными для правонарушителей и быстрыми для исполнения.

Суть наказания заключалась в том, что осужденных принуждали выполнять только общественно полезные работы, и к тому же самые тяжелые и неприятные для них.

Преимуществом принудительных работ выступала оперативность их исполнения, которая заключалась в том, что в отличие от ссылки, лишения свободы и других видов уголовных наказаний для них не нужно было строить специальные места, перемещать осужденных в другую местность и т.д. Буквально на следующий день после вынесения приговора осужденных направляли на общественные работы, и они приступали к отбыванию наказания. Государство и трудящиеся контролировали процесс исправления и перевоспитания правонарушителей непосредственно по их поведению и отношению к труду.

В качестве вывода о предпосылках создания органов, исполняющих наказания и иные меры, не связанные с изоляцией осужденных от общества, следует сказать, что советская исправительно-трудовая политика определила направление деятельности государственных органов и общественных организаций по исполнению уголовных наказаний, цели, содержание и формы этой деятельности. Уголовная и исправительно-трудовая политика развивались, исходя из идеи об усилении воспитательных возможностей наказания.

УДК 93/94

Дорош Андрей Анатольевич,
доцент кафедры философии, социологии и истории
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
технический университет»,
кандидат исторических наук
e-mail: andrej-dorosh@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-1347-5008

Безбожие и безбожники в советской пенитенциарной системе в 20–30-е годы XX века

Аннотация: в статье кратко анализируется антирелигиозная деятельность советских безбожников пенитенциарной системы СССР в 20–30-е годы XX века.

Ключевые слова: СССР, антирелигиозная деятельность, пенитенциарные учреждения, «Союз воинствующих безбожников», «Соловецкий безбожник», «Революция и церковь», безбожие.

Dorosh Andrey Anatolievich,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Sociology and History
FGBOU VO «Voronezh State Technical University»
Candidate of Historical Sciences

Godlessness and atheists in the Soviet penitentiary system in the 20– 30s of the XX century

Annotation: the article briefly analyzes the anti-religious activities of Soviet atheists in the penitentiary system of the USSR in the 20–30s of the XX century.

Keywords: USSR, anti-religious activity, penitentiaries, "Union of militant atheists", "Solovki atheist", "Revolution and Church", atheism.

К сожалению, на сегодняшний день в отечественной исторической науке еще достаточно много белых пятен. Одним из таких пробелов можно считать вопрос об антирелигиозной деятельности в советских пенитенциарных учреждениях.

Общеизвестным является тот факт, что СССР являлся государством, в котором официальной идеологией провозглашался атеизм, и он являлся неотъемлемой частью мировоззрения «строителя коммунизма». Более того, в 20–30-е годы XX века советский атеизм можно смело назвать атеизмом воинствующим, не терпящим возражения и религиозного инакомыслия. На наш взгляд, в связи с вышеизложенным и неоспоримым фактом, в данном контексте, более подходящим для характеристики советского атеизма вышеуказанного периода времени является термин «безбожие».

Антирелигиозная пропаганда в СССР являлась неотъемлемой частью пропагандистской работы с населением и курировалась напрямую государственными структурами. Даже общественная

организация «Союз воинствующих безбожников», целью существования которой являлось искоренение религиозных предрассудков, тесно сотрудничала с государственными органами на различных уровнях и полностью контролировалась со стороны советского государства.

Говоря о сотрудничестве СВБ с государственными структурами, отметим, что данное сотрудничество касалось целого ряда государственных структур, учреждений и целых ведомств, имеющих прямое или косвенное отношение к борьбе с религией. Безусловно, подобное сотрудничество осуществлялось и с правоохранительными органами, и с исправительными учреждениями СССР.

В частности, наглядно о данном факте могут свидетельствовать дошедшие до нас два номера газеты «Соловецкий безбожник», а именно № 4²⁵³ и № 7²⁵⁴ за 1925 г. отпечатанные в типографии УСЛОН–ОГПУ.

Данный факт является прямым подтверждением нашего довода о наличии безбожников-активистов в рядах администрации пенитенциарных учреждений.

Более того, известно, что Народный комиссариат юстиции РСФСР издавал тематический журнал с явным антирелигиозным уклоном под названием «Революция и церковь»²⁵⁵. Он выходил с 1919 по 1924 годы, т.е. начал издаваться до создания в СССР единой организации безбожников. Журнал прекратил свое существование по причине того, что активная антирелигиозная пропаганда в основном сконцентрировалась в руках «Союза воинствующих безбожников», да и основная тематика, касающаяся правового положения церкви и религиозных организаций в СССР, получила всеобщую огласку и не нуждалась в дальнейшем широком освещении, путем публикации тематической информации в специализированном журнале.

Конечно, гораздо большее любопытство исследователей должен вызывать вопрос о том, каким образом влияли антирелигиозные убеждения администрации пенитенциарных учреждений на жизнь лиц, которые содержались в данных учреждениях. И в особенности лиц, исповедующих ту или иную религию.

Конечно, в данном контексте мы можем привести целый ряд широко известных воспоминаний узников системы ГУЛАГ или соответствующие отрывки из жизни православных новомучеников и исповедников. Как правило, данные свидетельства не отличаются

²⁵³ Соловецкий безбожник. 1925. 7 ноября. № 4. С. 4.

²⁵⁴ Соловецкий безбожник. 1925. 27 сентября. № 7. С. 2.

²⁵⁵ Революция и церковь. 1920. № 9–12. С. 113.

оригинальностью и повествуют о том, как конкретный верующий человек подвергался насмешкам и издевательствам со стороны охраны и администрации пенитенциарного учреждения за свои религиозные убеждения. Например, часто повествуется о принуждении администрации исправительного лагеря к отказу от ношения религиозной атрибутики заключенными (например, нательных крестиков), запрете на совершение Богослужения, молитв и прочих религиозных действий, а также часто упоминается о специально организованных в ударном темпе массовых работ в дни особо почитаемых дней и религиозных праздников и т.п.

Подобных примеров можно привести великое множество, но в данном случае подобный подход нецелесообразен ввиду их широкой известности как среди историков профессионалов, так и среди интересующихся обывателей.

В этой связи гораздо более интересны воспоминания великого советского педагога и автора уникальной системы перевоспитания малолетних преступников Антона Семеновича Макаренко, воспитательные учреждения которого также относились к исправительной системе СССР.

Антон Семенович Макаренко не только сам являлся убежденным атеистом²⁵⁶, но и активно высмеивал религиозные предрассудки в своей повседневной педагогической деятельности, о чем сохранился целый ряд документальных свидетельств.

Более того, одна из колоний А. С. Макаренко располагалась на территории бывшего монастыря. Это было характерно для расположения очень многих исправительных учреждений в СССР в первые годы с момента установления советской власти. Например, тот же СЛОН располагался на территории бывшего Соловецкого монастыря. Макаренко А. С. не только произвел массовую перестройку недвижимых объектов религиозного культа, при этом безвозвратно уничтожая их историческую и культурную ценность, но и активно мешал проведению православного богослужения в сохранившемся и временно действующем соборе монастыря²⁵⁷ (впоследствии А. С. Макаренко добился его закрытия).

Отметим, что безбожная деятельность Антона Семеновича Макаренко приведена в данном контексте как пример аналогичной

---

²⁵⁶ Авдеева В. Н., Ельчанинова С. А., Дорош А. А., Свирина М. С. Антон Семенович Макаренко: педагог, чекист, человек. Воронеж: АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2020. С. 81.

²⁵⁷ Там же. С. 66–70.

антирелигиозной работы, осуществлявшейся в пенитенциарных учреждениях СССР в 20–30-е годы XX века.

На основании вышеизложенного мы можем сделать следующие выводы:

1. Безбожная деятельность активно осуществлялась в пенитенциарных учреждениях СССР и являлась неотъемлемой частью воспитательной работы с осужденными;

2. Пенитенциарная система использовалась советской властью в массовой антирелигиозной пропаганде.

УДК 94(47)084

Евсеев Иван Валентинович,
доцент, Уральский институт управления
– филиал РАНХиГС, г. Екатеринбург
кандидат юридических наук
e-mail.: iiiivv@mail.ru

Исторические особенности организации и функционирования специальных тюремных учреждений на Урале

Аннотация: в статье рассматривается вопрос организации специальных особых тюрем в России. На основе изученных архивных данных и анализа исследовательской литературы, автор приходит к мысли, что тюрьмы как учреждения строгой изоляции организовывались в России в соответствии со специальными нормативными актами для каждого специального учреждения. Это касалось тюремных помещений в монастырях, организации специальных тюрем на Урале и в Сибири, где для определенной категории осужденных создавались специализированные условия и организовывался режим содержания.

Советская власть в лице представителей НКВД и МГБ с учетом наработанной практики организовала сначала политизоляторы, а позже – особые тюрьмы. Таким учреждением стала Верхнеуральская тюрьма. С 1925 по 1939 гг. данная тюрьма являлась политизолятором, а с 1948 по 1966 гг. особой тюрьмой МГБ СССР. Этому способствовали территориально-экономические условия расположения тюремного комплекса, созданного в 1914 г.

Вначале в политизоляторе создавался политрежим: по аналогии с тюрьмами имперского времени – для бывших соратников и заблудившихся членов политической элиты, а позже – в

Верхнеуральской тюрьме из спецконтингента создавался обменный фонд из граждан иностранных государств, выявленных в качестве агентов на территории СССР, или перемещенных с других территорий с целью обмена на Советских разведчиков или для вербовки в качестве агентов СССР.

Ключевые слова: специальная тюрьма, политрежим, обменный фонд, враги режима, иностранные граждане.

Evseev Ivan Valentinovich,
Associate Professor, Uralskiy Institute of Management
– branch of RANEPА, Yekaterinburg,
Candidate of Law

Historical features of the organization and functioning of special prison institutions in the Urals

Abstract: the article deals with the issue of the organization of special-special prisons in Russia. Based on the studied archival data and analysis of the research literature, the author comes to the conclusion that prisons as institutions of strict isolation were organized in Russia in accordance with special regulations for each special institution. This concerned prison facilities in monasteries, the organization of special prisons in the Urals and Siberia, where specialized conditions were created for a certain category of convicts and a detention regime was organized.

The Soviet government, represented by representatives of the NKVD, the MGB, taking into account the established practice, first organized political isolators, and later special prisons. The Verkhneuralskaya prison became such an institution. From 1925 to 1939, this prison was a political isolator, and from 1948 to 1966, a special prison of the MGB of the USSR. This was facilitated by the territorial and economic conditions of the location of the prison complex, created in 1914.

At the beginning, a political regime was created in the political isolator by analogy with the prisons of the imperial time, for former associates and lost members of the political elite, and later in the Verkhneuralskaya prison, an exchange fund was created from a special agent from foreign citizens identified as agents on the territory of the USSR or displaced from other territories in order to exchange for Soviet intelligence agents or for recruitment as agents USSR.

Keywords: special prison, political regime, exchange fund, enemies of the regime, foreign citizens.

Стоит отметить, что благодаря кинематографу и средствам массовой информации граждане в той или иной степени знакомы с тюремными учреждениями. При этом все эти учреждения представляются однообразно, и такие места как – лагерь, лагерный пункт или колония, – обыватель относит к тюрьмам. Это связано, в первую очередь, с тем, что тюрьма в России знакома каждому гражданину с детства. В том или ином виде тюрьма функционировала в каждом населенном пункте, куда каждый гражданин мог попасть за совершенное правонарушение. Тюрьма являлась базовым учреждением, где концентрировались осужденные по категориям – от срочных до этапных. Народная мудрость гласит: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». И в силу приведенных фактов тюрьма считалась самым известным учреждением в России.

К истории тюрем России в разные исторические периоды обращались как зарубежные авторы, так и российские ученые, к которым мы можем отнести И. Бентама и Дж. Говарда, Ч. Беккариа, И. Фойницкого, Н. Сергиевского и многих других²⁵⁸. Однако, не смотря на обилие исследований в области уголовно-исполнительной системы, в ее истории остаются вопросы, требующие своего рассмотрения.

К таким можно отнести следующее: появление и функционирование специальных особых тюремных учреждений на Урале. Как правило, первую информацию о тюрьмах или колониях мы получаем из средств массовой информации, которые в погоне за сенсацией пытаются редко оперировать истинными фактами и доказательствами.

Многие тюрьмы на Урале организовывались на основе специальных актов, что говорит об индивидуальности каждой тюрьмы. В акте содержались указания о направленности и специализации учреждений. Так знаменитая тюрьма в землях Пермь Великой, где содержался Михаил Романов, возникла на основе одного из подобных актов. В соответствии с указом царя, осужденный был направлен в деревню Нырла вблизи Чердыня, где на основе соответствующего акта была обустроена земляная тюрьма для особого преступника. В акте расписывалось все: от устройства

---

²⁵⁸ Фойницкий И. Я. Учение о наказаниях в связи с тюремоведением. М., 1889. 504 с.; Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2004. 184 с.; Сергиевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века: исслед. Н. Д. Сергеевского. СПб., 1887. Т. XXII. 300 с.; Детков М. Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. МВД РФ. М.: Информ.-изд. агентство «Интерправо», 1994. 119 с.

тюрем до охраны. В 1601 г. узник в сопровождении конвоя из шести сторожей или солдат прибыл к месту, где солдаты выкопали яму и опустили в нее заключенного, обвешав его тяжелыми цепями. Заключенный сидел в этой тюрьме без света и тепла, где и пробыл до своей смерти²⁵⁹. Это был не единичный случай организации специального учреждения для определенной категории преступников. Кунгурский акт²⁶⁰, как источник информации, указывает на десять подобных случаев.

Еще одним примером организации специального учреждения являлся Читинский острог для участников вооруженного восстания XIX века. Декабристы находились в Читинском остроге с 28 января 1827 г. по 7–9 августа 1830 г. Всего через острог прошло 85 декабристов. Первоначально они размещались в приспособленных под тюрьмы домах местных жителей. Затем с помощью труда заключенных, был достроен большой каземат, далее – ряд дополнительных зданий, обнесенных высоким бревенчатым частоколом. Специализированное учреждение привлекало обывателей. Кто-то приходил, чтобы что-либо продать, а некоторые – для того, чтобы что-то приобрести.

Пребывание декабристов в Читинском остроге привело к активизации торговли и почтового обращения. Бестужев писал в своих воспоминаниях, что после отбытия из острога декабристов и их жен, а также тюремного начальства и воинской команды, селение опустело²⁶¹.

В 1879 г. после реформы специальные учреждения строились по специальному утвержденному плану Главного тюремного управления. В дополнение к плану издавались циркуляры Главного тюремного управления о режиме и особенностях содержания определенных категорий заключенных²⁶². Так, осужденные из благородного сословия, оказавшиеся в учреждении по политическим статьям, могли гулять больше, чем другие категории заключенных, могли общаться друг с другом и в течение дня посещать камеры других осужденных. Мужчины могли посещать женские камеры в дневное время.

²⁵⁹ Журнал «Сын отечества». Санкт-Петербург, 1819. XVIII. С.250–252.

²⁶⁰ Кунгурские акты XVII века (1668–1699 г.) / Ред. А. А. Титов. - Санкт-Петербург: Кузнецов, 1888. – 338 с.

²⁶¹ Воспоминания Бестужевых / ред. ст. и коммент. М. К. Азадовского. 1951. СПб.: Наука, 2005. С. 143–154.

²⁶² Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг.: Ч. 1. СПб: Гл. тюрем. упр., 1911. 26. Ч. 1: 1879–1895 гг. 1911. 88 с.

Советская власть до 1927–1930 гг. во многом использовала уже сложившуюся систему уголовно-исполнительных учреждений и систему режима содержания.

Данный факт нашел свое отражение в актах по созданию политизоляторов на Урале в 1925–1930 гг. Свердловский, Челябинский, Верхнеуральский политизоляторы создавались с одной целью – изоляция политических осужденных от других категории осужденных. Об этом в своих исследованиях, пишут многие авторы, которые по крупицам собирали материал о работе уральских учреждений. К таким исследователям можно отнести работы В. Ф. Некрасова, А. С. Смыкалина²⁶³, А. И. Кокурина, Н. В. Петрова, А. М. Плеханова и др.²⁶⁴

Тюрьмы в Свердловске, Челябинске и Верхнеуральске были построены в начале XX в. с учетом требований по содержанию осужденных и возможности реализации режима.

Стоит отметить, что тюрьмы строились по единому плану, который предусматривал организацию трех отделений для содержания осужденных: первое отделение для срочных, подследственных, пересыльных. Оно располагалось на первом этаже тюремного здания с возможностью выхода для последующего этапирования.

Второе и третье отделения размещались выше и состояли из одиночных и общих камер, где размещались осужденные из благородного сословия, а также политические заключенные.

Данное обустройство можно заметить при изучении Верхнеуральской тюрьмы. Первая режимная зона опоясывала основное кирпичное здание, которое с высоты представляло собой огромную букву «П». Оно было введено в строй действующих зданий и построек 27 августа 1914 г. Это было сооружение в три этажа из красного кирпича со множеством больших окон, которые во времена политизолятора (с 1934 г.) были прикрыты металлическими пластинами («ресничками», как называли данные завесы служащие учреждения). Металлические пластины крепились на жестком каркасе под углом в 30 градусов: тем самым закрывался весь проем окна, из-за чего прямой солнечный свет не попадал в камерные помещения. Камерные помещения по своей вместимости спецконтингента были разными – от одиночных камер до камер на 20–30 заключенных.

²⁶³ Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. Урал. гос. юрид. акад. - Екатеринбург: УрГЮА, 1997. 364 с.

²⁶⁴ Плеханов А. М. ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики 1921–1928. М., 2006. 706 с.

На втором этаже здания в западном крыле располагалась «генеральская одиночка» – камера, состоящая из двух комнат с санузелом.

Все три этажа в восточном крыле представляли собой камеры для маленьких групп, что позволяло проводить оперативную работу. Охрана называла восточное крыло зоной тройников или ярусами из-за особенности конструкции камер.

Изнутри здание было поделено поэтажно. Каждый этаж делился на несколько отдельных секторов: длинные широкие коридоры были «разрезаны» железными коваными решетками с массивными дверями. На одном этаже было до трех таких секторов.

Само здание можно было сравнить со специализированным укреплением, где также имелся внутренний дворик, разделенный на сектора металлической оградой с колючей проволокой, и выкрашенный известью в белый цвет. С левой стороны от здания располагалось кирпичное подсобное помещение котельной и склада. И все это было обнесено кирпичным забором в четыре метра с большими металлическим воротами, за которым начиналась вторая режимная зона, где располагались административные здания, которые в свою очередь были опоясаны почти трехметровыми столбами с колючей проволокой.

За второй зоной начиналась третья линия, огороженная забором из досок высотой более четырех метров. Входом служили массивные ворота, через которые человек мог попасть внутрь комплекса, через них же пролегал и выход. Между второй и третьей зоной размещались тропа наряда и караульные вышки. За забором последней зоны находились казарма для охраны, баня и клуб.

Стоит отметить, что весь комплекс располагался на значительном удалении от самого поселка, что само по себе способствовало организации секретности учреждения. Этот факт послужил основой для организации в стенах тюрьмы «политизолятора» в 1925 г. и в 1948 г. этот же факт был взят для обоснования размещения в комплексе особой тюрьмы.

Главное тюремное управление за период своего функционирования издало несколько сотен различных циркуляров, подготовило множество других нормативных актов, которые касались организации в местах заключения режима, религиозно-нравственного воздействия на арестантов, применения мер взыскания, организации труда, материально-бытового обеспечения, санитарии и гигиены, а

также указания по особенностям режима для некоторых категорий осужденных²⁶⁵.

Во вновь принятых нормативно-правовых актах устанавливались различные условия для лиц из разных социальных слоев. Так, Устав о содержащихся под стражей 1890 года²⁶⁶ предписывал, чтобы лица высших и низших сословий содержались в тюрьмах не смешиваясь. Они не допускались к хозяйственным работам.

Из циркуляров ГТУ, устанавливающих режим в местах заключения, особое место составляют циркуляры о содержании политических заключенных. Правила о содержании политических заключенных были введены 16.04.1904 специальным циркуляром ГТУ Российской империи²⁶⁷. Особенности условий содержания политических заключенных перечислялись в главе второй данного издания с пункта 11 по 48 пункт и заключались в следующем: арестованные по политическим мотивам размещались в одиночных камерах, политическим заключенным из непривилегированных сословий запрещалось питаться за свой счет, запрещалось использовать политических на хозяйственных работах во избежание их политического влияния на других арестантов. Политическим заключенным разрешалось чтение книг, не затрагивающих основы государственного управления и вопросов власти.

Как указывают бывшие осужденные из числа политических, данные наработки были взяты Советской властью при организации политрежима.

В 1925 г. о легендах не вспоминали как сами осужденные, так и охрана. Это их как бы не касалось. Режим наказания поначалу был щадящим: осужденные имели свои личные вещи, носили свою одежду. Кормили заключенных хорошо. С воли они привозили собственную одежду, ходили в костюмах и при галстуках. Бывшие заключенные Верхнеуральского политизолятора: А. Гарасеева, Е. Олицкая²⁶⁸, А. Цилиг и другие в своих воспоминаниях пишут об интенсивной жизни в политизоляторе. В Верхнеуральском изоляторе политическая жизнь проходила активно. Выходило много статей по

²⁶⁵Общая тюремная инструкция 1915 г. Утверждена Министром юстиции 28 декабря 1915 года. Пг., 1916. 110 с.

²⁶⁶ Устав о содержащихся под стражей. СПб, 1886. 26 с.

²⁶⁷ Правила о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов. С-Петербург, 1904. 18 с.

²⁶⁸ Олицкая Е. Л. Мои воспоминания Frankfurt/M.: Посев, 1971. Т. 1: Гл. 1–6. 1971. 318с.

всем вопросам общественной жизни СССР, а также по основному вопросу международной политики за 1930–1933 гг.: фашизм, Германия. Выходил целый ряд журналов (написанных от руки) всех групп, подгрупп и направлений. Устраивались внутренние конференции между партийными объединениями, что выливалось в большие дискуссии, продолжавшиеся на прогулках не один день.

«В тюрьме – наряду с мужчинами – отбывали наказание и женщины. На втором этаже в западном крыле в одной из секций было четыре такие камеры. В одной жил анархист Ефим Долинский со своей сумасшедшей женой Раей Шульман, от которой он отдыхал только на прогулках, «подбрасывая» ее нам. В следующей камере находились мы. В третьей камере, которая была вдвое больше нашей, сидели четыре видных меньшевика: один из них – Смирнов, долгое время жил в эмиграции в Англии и был связан с трейдьюнионами. Наконец, в последней камере находились брат и сестра Седерстремы. В целом же наша «прогулка» состояла из 12 женщин и 6 мужчин – это все, с кем мы могли встречаться и разговаривать непосредственно. В самом общении заключенных не было ничего особенного. В те времена браки не регистрировались, достаточно было устного заявления, что мужчина и женщина – муж и жена. В политизоляторе мужья и жены сидели вместе. Так, известен случай подачи заявления от Б. Т. Воронова о соединении с А. М. Гарасеевой»²⁶⁹.

В целом контингент был интеллигентным и неагрессивным, количество заключенных достигло шестисот-восьмисот человек.

Но с 1934 г. режим в изоляторе постепенно менялся, и на 1939 г. последний политизолятор в СССР был закрыт, а Верхнеуральская тюрьма была поставлена на консервацию в резерв УГБ НКВД.

В 1941 г. в связи с начавшейся войной Верхнеуральскую тюрьму сняли с консервации. На первых порах в пустующую тюрьму свозили спецконтингент из Выборгской и Бутырской тюрем, который мог быть интересен для дальнейшей работы. При этом в первое время уголовный элемент был перемешан с политическим. После разделения НКВД 14 апреля 1943 г. На два наркомата – НКВД и НКГБ – Верхнеуральская тюрьма была отнесена к отделу «А» НКГБ. В связи с прошедшими изменениями в Верхнеуральской тюрьме появились представители НКГБ, в ведение которых был переведен контингент из политических и выявленных врагов из числа пособников германских войск и пленных, с которыми проводилась

---

²⁶⁹ Гарасева А. М. Я жила в самой бесчеловечной стране...: Воспоминания анархистки / литературная запись, вступительная статья, комментарии и указатель А. Л. Никитина. М.: Интерграф Сервис, 1997. 335 с.

оперативная работа. Всего таких заключенных насчитывалось около 500–700 человек в зависимости от года отчетности.

Таким образом, тюрьма была разделена на две режимных зоны. В первой содержался спецконтингент из числа осужденных по уголовным статьям с большим сроком заключения, во второй содержались выявленные явные агенты разведок и военнопленные, а также другие категории иностранных граждан, представляющих интерес для специальных служб.

Приказом НКГБ СССР № 00107 от 22 марта 1946 года, в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР от 15 марта 1946 года²⁷⁰, НКГБ СССР был переименован в Министерство государственной безопасности СССР. Соответственно, были переименованы и местные управления, а отделы НКГБ – в управления и отделы МГБ²⁷¹.

К 1946 г. в тюрьме две трети спецконтингента составляли заключенные по линии НКГБ. По утверждению бывших ее сотрудников С. Ф. Шелепова, В. В. Крюкова, М. И. Игонина, один из этажей был полностью занят немецкими офицерами, в штатном расписании появилось отделение переводчиков. Данный факт подтверждается архивными данными²⁷².

Также в августе 1946 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение П 53/39 о необходимости изменения структуры МГБ СССР. В связи с этим приказом МГБ СССР № 00396 от 27 сентября 1946 года²⁷³ в структуре МГБ был организован тюремный отдел, к которому по воле обстоятельств была отнесена Верхнеуральская тюрьма. Уже с 1947 г. в книге приказов тюрьма начинает именоваться «Особой тюрьмой Министерства государственной безопасности № 4», куда стали набирать для службы молодых людей из числа местного населения. Местные работали в качестве контролеров и во многом не знали кого охраняют, а всей работой с заключенными занимались приезжие офицеры.

---

²⁷⁰ ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1-т. Сборник № 41. Том 1. Л. 185. Типографский экз. Публикуется по ЛУБЯНКА: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник / Под. ред. А. Н. Яковлева; Авт.-сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. Международный фонд Демократия. – М.: МФД, 2003. – 768 с.

²⁷¹ НКГБ – МГБ СССР апрель 1943 г. – март 1953 г. [Электронный ресурс] // Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/38992> (дата обращения: 22.08.2022).

²⁷² ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 128.

²⁷³ НКГБ – МГБ СССР апрель 1943 г. – март 1953 г. [Электронный ресурс] // Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/38992> (дата обращения: 22.08.2022).

По периметру тюремный комплекс охраняла специальная рота особого назначения МВД из числа призывников, размещающаяся в отдельном двухэтажном деревянном здании. По утверждению многих местных жителей, специальные охранные секреты располагались и в степи на расстоянии 500–900 метров от тюрьмы. Также стоит отметить, что военнослужащие из числа внешней охраны не имели права входить в сам комплекс.

По справкам из архива можно примерно просчитать количество заключенных в особых тюрьмах, включая и Верхнеуральскую особую тюрьму. Так, к январю 1953 г. в особых тюрьмы МГБ (Александровская, Верхнеуральская и Владимирская) содержалось 1313 заключенных. В Верхнеуральской тюрьме, исходя из данных книги приказов, содержалось 508 заключенных²⁷⁴. Четыре человека содержались на основании особого секретного приказа МВД, МГБ и Прокуратуры СССР № 00779/00804/234СС²⁷⁵.

В связи с тем, что в тюрьме содержались как уголовный особо опасный спецконтингент, так и спецзаключенные, то в тюрьме было двоевластие. Начальником учреждения являлся представитель МВД, а его заместителем – с подчинением в Москве – являлся представитель МГБ СССР. Таким представителем в Верхнеуральской особой тюрьме был капитан Грязнов В. П. (Грязнов В. П. – представитель УМГБ по Челябинской области при Верхнеуральской тюрьме в 1952–1960 гг.), а начальниками учреждения от МВД являлись: в 1947 г. – капитан Красичков, в 1948 г. – капитан Галятин, в 1952 г. – майор Речкин. Приказом МВД № 12 от 17 марта 1953 г. был назначен новый начальник – М. В. Кузнецов.

14 марта 1953 г. в связи с объединением МГБ и МВД в единое министерство – МВД, на базе Тюремного отдела МГБ и Тюремного управления МВД было организовано Тюремное управление МВД.

По утверждению многих историков, в особых и специальных тюрьмах МГБ и МВД создавался специальный «обменный фонд» разведчиков, а также проводилась работа по вербовке. Так, к примеру, по утверждению А. С. Смыкалина, только за 8 лет работы особых тюрем и лагерей, расположенных на территории Среднего и Северного Урала, были завербованы 3061 человек, в том числе – с

²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1393.

²⁷⁵ Цит. ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1-т. Сборник № 41. Том 1. Л. 185. Типографский экз. Публикуется по ЛУБЯНКА: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник / Под. ред. А. Н. Яковлева; Авт.-сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. Международный фонд Демократия. – М.: МФД, 2003. – 768 с.

возможностью работы в странах дальнего зарубежья под прикрытием новой легенды – 169 человек²⁷⁶.

Надо отметить, что в тюрьму заключенные попадали на основании специального постановления МГБ. В постановлении указывались специальные данные и показатели, на основе которых заключенный направлялся для отбытия наказания в особую тюрьму, также в постановлении указывались особые рекомендации по режиму содержания и работе. К постановлению о направлении осужденного для отбытия наказания в особую тюрьму прилагался персональный наряд Тюремного отдела МГБ.

По прибытию такого заключенного, начальник учреждения должен был немедленно известить об этом представителя МГБ и направить заключенного в специализированный блок, где к нему прилеплялись спецагентура и сотрудники для работы.

Лиц, осужденных к лишению свободы за другие преступления, начальник тюрьмы, после согласования с представителем МГБ СССР по Челябинской области Гряновым В. П., в соответствии с имеющимися у него инструкциями направлял в общие камеры.

О том, что особые тюрьмы являлись местом сосредоточения обменного фонда, может служить факт перевода из штрафного Уральского лагеря в 1950 г. двоюродной сестры А. Гитлера – М. Коппенштайнер (умерла 6 августа 1953 г.) и другого его родственника – Э. Шмидта (умер 5 сентября 1951 г.)²⁷⁷, с которыми проводилась специальная работа по установлению связей.

До 1966 г. Верхнеуральская тюрьма оставалась особым учреждением тюремного вида. В 1966 г. учреждение было расформировано, а на оставшейся материальной базе была организована ИК №13 для больных туберкулезом.

В заключении можно сказать, что Верхнеуральская тюрьма была включена в список особых тюрем случайным образом. Так сложились обстоятельства, что на момент организации тюрьма уже являлась особой по своей сути, т.к. в ее стенах был собран спецконтингент из всех воюющих стран, который мог представлять определенный интерес для спецслужб.

К этому стоит добавить, что утверждение А. И. Солженицына: «Политизолятор – это уникальное изобретение советской власти для

---

²⁷⁶ Смыкалин А. С. Пенитенциарная система советской России 1917 – начала 60-х гг. (Историко-юридическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01:– Екатеринбург, 1998. – С. 268.

²⁷⁷ Гитлер не дошел до Москвы, но родне фюрера ее показали через решетку // Комсомольская правда. 13.V.1998.

изоляции оппозиции и бывших соратников», является неверным утверждением. Специальный режим организации российских тюрем диктовался специальными нормативными актами для каждого учреждения со времен первых московских царей. И советская власть адаптировала уже существующий опыт под конкретные задачи.

Политический режим в политизоляторах просуществовал до 1934 г., когда специальным приказом политизоляторы были преобразованы в обычные тюрьмы, с обычным распорядком дня и режимом содержания, о чем можно судить лишь по отрывкам воспоминаний из-за закрытости архивов. Последним изолятором в системе был Верхнеуральский изолятор, который просуществовал до 1939 г. Но с этого момента началась история особых тюрем МГБ СССР.

УДК 343.82

Ельчанинова Ольга Юрьевна,
старший научный сотрудник,
ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат исторических наук, доцент
e-mail: olga220169_69@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-7667-9609

Цели и особенности воспитательной работы в исправительных учреждениях для несовершеннолетних преступников в Российской империи в конце XIX века

Аннотация: в статье показано, что опыт перевоспитания несовершеннолетних преступников в исправительных приютах, взамен тюремного наказания данной категории осужденных, был прогрессивным шагом для Российской империи второй половины XIX века. Автор делает вывод о том, что условия, создаваемые в исправительных приютах, были всецело направлены на реализацию целей воспитательного процесса. Этому способствовали и порядок размещения, и распорядок дня, и система обучения. Сам статус несовершеннолетних преступников, направленных в исправительные приюты определялся как «воспитанник». Тем самым, во-первых, заставляя подростка, слыша это обращение к нему, воспринимать на подсознательном уровне цель его пребывания в исправительном приюте, а, во-вторых, такое обращение к подростку со стороны администрации исключало напоминание ему о прошлой жизни, о

совершенном им преступлении. Новый статус позволял подростку забыть о прошлом и сосредоточиться на планировании своего будущего.

Ключевые слова: исправительные приюты, несовершеннолетние осужденные, правопослушное поведение, Главное тюремное управление, воспитательные процесс, перевоспитание.

Elchaninova Olga Yurievna

Senior Researcher,

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

PhD in History, Associate Professor

Goals and features of educational work in correctional institutions for juvenile delinquents in the Russian Empire at the end of the 19th century

Abstract: the article shows that the experience of re-education of juvenile delinquents in correctional shelters, instead of prison punishment for this category of convicts, was a progressive step for the Russian Empire in the second half of the 19th century. The author concludes that the conditions created in correctional shelters were entirely aimed at realizing the goals of the educational process. This was facilitated by the order of placement, and the daily routine, and the training system. The very status of juvenile delinquents sent to correctional shelters was defined as a “pupil”, thereby, firstly, forcing a teenager to hear this appeal to him to perceive on a subconscious level the purpose of his stay in a correctional shelter, and, secondly, such an appeal to a teenager on the part of the administration it was impossible to remind him of his past life, of the crime he had committed. The new status allowed the teenager to forget about the past and focus on planning his future.

Keywords: correctional shelters, juvenile convicts, law-abiding behavior, Main Prison Department, educational process, re-education.

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) воспитательной работе с осужденными уделяется большое внимание. Как правило, под воспитательной работой с осужденными понимается система педагогически обоснованных мер, способствующих преодолению их личностных деформаций, интеллектуальному, духовному и физическому развитию, правопослушному поведению и социальной адаптации после освобождения.

Учитывая, что состояние детской и подростковой преступности является одним из показателей благополучия и состоятельности государства, то особое внимание в УИС уделяется воспитательной работе именно с этой категорией осужденных. Совершенствование этой работы зависит от многих факторов. Особый интерес для формирования новых подходов в профилактике подростковой преступности может представлять позитивный исторический опыт перевоспитания несовершеннолетних, нарушивших закон. Для этих целей наиболее уместно рассмотреть опыт деятельности исправительных приютов в Российской империи во второй половине XIX в.

Необходимо отметить, что до середины XIX в. в силу неразвитости пенитенциарной системы России содержание малолетних и несовершеннолетних преступников мало чем отличалось от содержания остальной массы осужденных. Несовершеннолетние, совершившие преступления, как правило, содержались либо в тюрьме совместно со взрослыми, либо в монастырях. Процессы гуманизации уголовных наказаний, начавшиеся в Российской империи во второй половине XIX в. под влиянием идей европейских пенитенциаристов, затронули, в том числе порядок исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних преступников. Законы, принятые в Российской империи в 60-х годах XIX века, оформили изменения в отношении уголовных наказаний, применяемых к несовершеннолетним преступникам. Новая позиция законодателя заключалась в отказе от карательной практики в отношении малолетних и несовершеннолетних, преступивших закон, когда содеянное предполагало уголовное наказание, соизмеримое по строгости с наказаниями, применяемых к взрослым преступникам. В пенитенциарную практику внедрялось положение о том, что в силу возрастных, психологических, психических особенностей подростков, совершивших преступление, более действенным для их исправления будет не строгое наказание, а перевоспитание в условиях отличных от тюремных.

Так, в ст. 6 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, изданном в 1864 г., предусматривалась возможность направления несовершеннолетних преступников от 10 до 17 лет в исправительные приюты взамен тюремного заключения. Закон от 5 декабря 1866 г.²⁷⁸, являясь практическим воплощением научной

---

²⁷⁸ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об исправительных приютах» // Полное собрание законов Российской Империи.

теории, закреплял положения, в силу которых несовершеннолетний возраст являлся основанием для смягчения уголовного наказания и для применения к лицам, не достигшим совершеннолетия, не карательных, а исправительно-воспитательных мер²⁷⁹. Данный закон признавал основной целью создания исправительных приютов для несовершеннолетних их перевоспитание и нравственное исправление.

Следует отметить, что, заявив о возможности направления несовершеннолетних преступников в исправительные приюты, государство не включило их в систему исправительных учреждений Министерства внутренних дел Российской империи (далее – МВД), а в последующем и в систему исправительных учреждений Главного тюремного управления (далее – ГТУ), находящегося в ведении Министерства юстиции Российской империи (далее – Минюст). С учетом того, что во второй половине XIX в. в России широкое распространение получили меценатство и различные движения общественности по организации различных обществ для помощи обездоленным, закон закрепил инициативу – создание и бремя содержания исправительных приютов за частными лицами, земствами, а также духовными организациями. Имперскому министерству (МВД или Минюсту) предоставлялось лишь право утверждать уставы создаваемых на частные пожертвования исправительных приютов.

Учитывая общие цели создания исправительных приютов для несовершеннолетних преступников, уставы конкретных учреждений определяли цели и направления воспитательного процесса в отношении несовершеннолетних осужденных, например:

- нравственное исправление несовершеннолетних, приговоренных судом за преступления к наказанию²⁸⁰;
- осуществление религиозно-нравственного воспитания и умственного образования, развитие навыка и любви к труду, тем самым подготовка несовершеннолетних к честной трудовой жизни²⁸¹;

Собрание Второе. Том XLI. Отделение 2. 1866 г. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1868. – 1411 с.

²⁷⁹ Александровский Ю. В. Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних. – СПб.: редакция «Новое законодательство», 1909. – 112 с.

²⁸⁰ Устав Уфимского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов // Тюремный вестник. – 1893. – № 5, май. – С. 1–10.

²⁸¹ Устав Курской земледельческо-ремесленной исправительной колонии для несовершеннолетних // Тюремный вестник. – 1893. – № 7, июль. – С. 5–10.

- осуществление религиозно-нравственного воспитания, начальное общее и промышленное обучение, развитие навыка и любви к порядку и труду²⁸².

Анализ уставов исправительных учреждений для несовершеннолетних показывает, что целями воспитательного процесса в них являлись:

- изменение криминального сознания воспитанников;
- достижение правопослушного поведения;
- привитие общепринятых ценностей;
- общее образование;
- трудовое обучение.

Условия, создаваемые в исправительных приютах, были всецело направлены на реализацию целей воспитательного процесса. Этому способствовали и порядок размещения, и распорядок дня, и система обучения. Сам статус несовершеннолетних преступников, направленных в исправительные приюты, определялся как «воспитанник». Тем самым, во-первых, заставляя подростка, слыша это обращение к нему, воспринимать на подсознательном уровне цель его пребывания в исправительном приюте, а, во-вторых, такое обращение к подростку со стороны администрации исключало напоминание ему о прошлой жизни, о совершенном им преступлении. Новый статус позволял подростку забыть о прошлом и сосредоточиться на планировании своего будущего.

Общее руководство исправительным приютом осуществлял директор, который кроме осуществления административных функций отвечал за организацию воспитательного процесса и обучение воспитанников. Непосредственно воспитанием в приюте занимались воспитатели (дядьки-смотрители), учителя, а также священник.

Анализ уставов исправительных приютов позволяет сделать вывод о том, что существовало три формы размещения воспитанников в учреждении, которые условно можно обозначить как семейную, казарменную и смешанную. Каждая из этих форм имела свои плюсы и минусы.

Самой продуктивной с точки зрения организации воспитательного процесса, по мнению современников, считалась семейная форма размещения воспитанников. Она заключалась в том, что в отдельных домах, находящихся на территории приюта, размещались группы воспитанников по 12–15 человек. Проживающие в одном доме назывались «семьей». Деление воспитанников на

---

²⁸² Устав Томского исправительного приюта // Тюремный вестник. – 1897. – № 4, апрель. – С. 160–168.

группы могло осуществляться по разным основаниям: в зависимости от возраста; по виду трудового обучения; по степени соблюдения дисциплины. В некоторых исправительных приютах отдельно выделялись «штрафные семьи», в которых концентрировались нарушители установленного в приюте порядка. Для каждой «семьи» назначался воспитатель, который проживал вместе с воспитанниками, сопровождал их на учебу и работу. Учитывая, что многие из воспитанников попадали в приюты из неблагополучных семей или вовсе были сиротами, семейная форма размещения воспитанников предполагала также восполнение тех качеств, которых подростки были лишены в настоящих семьях. Кроме того, такая форма размещения воспитанников облегчала изучение их характера, личностных качеств, что позволяло администрации исправительного приюта индивидуализировать воспитательный процесс для каждого воспитанника.

Следует отметить, что такая форма размещения воспитанников реализовывалась немногими исправительными приютами, поскольку требовала значительного количества изолированных строений и большого количества персонала воспитателей, что в условиях существования приютов за счет частных пожертвований, было проблематично.

Казарменная форма размещения воспитанников в исправительных приютах предполагала размещение в одном помещении по 50–80 человек, часто без учета возраста воспитанников. Таким образом, в одном помещении могли находиться и дети 10–11 лет и подростки 17–18 лет. С учетом того, что из-за скудности бюджета приютов, как правило, назначалось не более двух воспитателей на одно «казарменное» помещение, уследить за надлежащим порядком в приюте было сложно. Из-за разницы в возрасте между воспитанниками возникали ссоры, воспитательное воздействие на подростков ослабевало.

Учитывая достоинства и недостатки перечисленных форм размещения воспитанников в исправительных приютах, наиболее распространенной формой являлась смешанная, предполагающая деление воспитанников на группы в зависимости от возраста, поведения, трудового обучения, с размещением в одном здании.

Важным элементом воспитательного процесса при реализации коррекционно-профилактической работы с несовершеннолетними преступниками в исправительных приютах являлась система наказаний воспитанников за нарушения установленного порядка, а также система поощрений за правопослушное поведение. Анализ

уставов исправительных приютов позволяет выделить следующие виды наказаний, применяемых в отношении воспитанников:

- замечание, выговор;
- недопущение к играм, помещение в карцер, запрет на прогулки, помещение в «штрафные семьи»;
- уменьшение питания, временный перевод «на хлеб и воду»;
- лишение денежного вознаграждения за труд;
- телесные наказания (как правило, за побег).

За хорошее поведение, достижения в учебе и работе в исправительных приютах предусматривалась определенная система поощрений. Так, например, в Санкт-Петербургском исправительно-воспитательном приюте для девочек все воспитанницы распределялись на три разряда в зависимости от дисциплины и успехов в труде. Ежедневно воспитанницы получали марки за работу и за поведение. В зависимости от количества этих марок девочку могли перевести из разряда в разряд. От их количества зависела возможность ходатайствовать перед судом об условном или окончательном освобождении, о сокращении срока пребывания в приюте. Согласно действовавшему во второй половине XIX в. законодательству, максимально срок мог быть сокращен на 1/3²⁸³. Если же по выходу из приюта досрочно освобожденный несовершеннолетний совершал новое правонарушение, он возвращался в приют, где отбывал полный срок наказания, назначенный судом.

При выпуске из исправительного приюта несовершеннолетний должен был состоять под покровительством приюта, определенное в уставе учреждения время. Приют должен был принимать участие в обустройстве жизни выпускника на свободе.

За добросовестное отношение к труду воспитанники исправительных приютов могли поощряться деньгами. Так, например, в Киевской исправительной колонии для несовершеннолетних преступников по усмотрению директора за прилежное отношение к труду воспитанникам выдавалось денежное вознаграждение по 20–30 копеек в неделю²⁸⁴.

---

²⁸³ Белянкова Е. И. Цели и особенности педагогической работы исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков // Гуманизация образования. 2009. № 6. С. 162.

²⁸⁴ Беклешов М. Русские воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних // Тюремный вестник. – 1910. – № 1, январь. – С. 145.

Резюмируя сказанное необходимо отметить, что опыт перевоспитания несовершеннолетних преступников в исправительных приютах, взамен тюремному наказанию данной категории осужденных, был прогрессивным шагом для Российской империи второй половины XIX в. Общественность позитивно восприняла данное решение, на что указывает неуклонный рост количества исправительных приютов для несовершеннолетних преступников на протяжении рассматриваемого периода. Так, в середине 70-х годов XIX века в России существовало 7 исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников, в начале 90-х – 21, из которых 2 для девочек, в начале XX в. их стало 52.

Однако следует констатировать, что процесс перехода пенитенциарной системы России от кары несовершеннолетних преступников с назначением им наказания в тюрьме, к их перевоспитанию в исправительных приютах не был завершён даже в начале XX в. Из сравнительного обзора ежегодных отчетов исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников за 1908 г., подготовленный М. Беклешовым, таких учреждений в России катастрофически не хватало. По его оценкам, лишь 11 % несовершеннолетних преступников после вынесения приговора направлялись в исправительные колонии и приюты. Остальные же 89% направлялись для отбывания наказания, назначенного судом, в тюрьмы и арестные дома, которые, будучи предназначенными для взрослых преступников, не могли создать необходимые условия для их перевоспитания²⁸⁵. Таким образом, углубленная воспитательная работа проводилась лишь с каждым десятым несовершеннолетним преступником, что не могло существенно повлиять на уровень детской и подростковой преступности в России во второй половине XIX века.

Кроме того, определенные проблемы в проведении воспитательной работы с воспитанниками просматриваются и в деятельности созданных исправительных приютов. Недостатки в организации воспитательного процесса, допущенные администрацией исправительных приютов, выражались в фактах побегов, а иногда и бунтов воспитанников, в нарушениях ими правил поведения, установленных уставами исправительных учреждений. На просчеты в воспитательной работе указывают и случаи рецидивной преступности среди выпускников исправительных приютов.

---

²⁸⁵ Беклешов М. Русские воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних // Тюремный вестник. – 1910. – № 1, январь. – С. 152.

Как отмечали современники (например, М. Беклешов) первопричиной низкого качества воспитательной работы в исправительных приютах часто становился низкий уровень финансирования таких исправительных учреждений, что не позволяло сформировать необходимый штат воспитателей, учителей, мастеров производства. Стеснение в средствах вызывало ряд других проблем, негативно влиявших на качество воспитательного процесса в исправительных приютах. Например, невозможность приобретения или строительства достаточного количества помещений для воспитанников приводило к совместному содержанию подростков различных возрастов, что позволяло старшим, притеснять младших, обучать их воровскому ремеслу. Отсутствие средств на организацию трудового обучения приводило к праздности воспитанников. Наличие у них свободного времени увеличивало количество правонарушений, совершаемых ими.

Обобщая опыт существования исправительных приютов для несовершеннолетних преступников в России во второй половине XIX в., можно отметить следующее. Несомненно, появление таких учреждений в системе исполнения наказаний Российской империи говорит о прогрессе в организации перевоспитания несовершеннолетних преступников. Однако опыт создания таких учреждений можно назвать лишь частично успешным, поскольку исправительные приюты полностью не исключали рецидивной преступности среди выпускников этих учреждений.

УДК 93/94

Еременко Илья Павлович,
аспирант кафедры философии, социологии и истории
Воронежского технического государственного университета
e-mail: erembel@rambler.ru
ORCID ID: № 0000-0002-5261-6056

Саратовская губернская тюрьма в 1827–1917 годы

Аннотация: статья посвящена основным событиям в истории развития Саратовской губернской тюрьмы в период с 1827 по 1917 гг. Рассматриваются вопросы, связанные с открытием, перестройкой и реформированием указанного учреждения, уделяется внимание ее внешнему облику и внутреннему устройству.

Ключевые слова: Саратовская губернская тюрьма, архитектура, одиночный корпус, тюремная больница, тюремные мастерские.

Eremenko Ilya Pavlovich,
PhD student of the Department of Philosophy,
Sociology and History Voronezh State Technical University

Saratov provincial prison in 1827–1917

Abstract: the article is devoted to the main events in the history of the development of the Saratov provincial prison in the period from 1827 to 1917. The issues related to the opening and expansion of the provincial prison are being considered. Special attention is paid to its external and internal structure.

Keywords: Saratov provincial prison, single building, prison hospital, prison workshops.

Одним из первых упоминаний главного места заключения г. Саратова являются события, описывающие древний городской острог в 1774 г., когда 7 августа армия Емельяна Пугачёва вошла в город и помимо буйств и пьянства в кабаках, разбойниками были выпущены из острога все колодники, содержащиеся в нём²⁸⁶.

Расположение того острога установить не представляется возможным. Во время пожаров выгорела большая часть города, в том числе и тюрьма.

На первом перспективном плане города, составленном в 1803 г. саратовским губернским архитектором Христофором Ивановичем Лоссе, острог и кордегардия отмечены через один квартал от самопроизвольно организовавшегося к началу XIX в. торгового центра города – Хлебной площади.

Согласно плану губернского города Саратова, удостоенного Высочайшей конфирмации императора Александра I, последовавшей 21 июня 1810 г., острог обозначен на прежнем месте, но с пометкой о перспективе его переноса из северной в юго-западную часть Саратова, непосредственно к месту расположения существовавшего тогда рабочего дома²⁸⁷.

---

²⁸⁶ Леопольдов А. Ф. Исторический очерк Саратовского края. - М.: типография С. Селивановского, 1848. 196 с.

²⁸⁷ Retromap [Электронный ресурс]. URL: http://retromap.ru/show_pid.php?pid=g6482 (дата обращения 03.02.2023).

Исходя из плана города, датируемого 1812 г. видно, что острог «ветхой» стоял на улице, которая и получила от него название Старо-Острожной (ныне улица Н. В. Гоголя). Новое здание острога тогда предполагалось построить на улице Ильинской (сейчас улица В. И. Чапаева), где позже будет открыт детский приют. Однако острог был возведен на углу улицы Ильинской и переулка имени М. Н. Галкина-Враского (ныне улица Розы Люксембург). В дальнейшем каменный тюремный замок был выстроен в центре 94-го планового квартала города Саратова, образованного улицами Московской, Цыганской (улица Кутякова), Камышинской (улица Рахова) и Царёвской (улица Пугачёвская)²⁸⁸.

Тюремный замок представлял собой Ш-образное трехэтажное каменное здание. Основная его часть была занята администрацией тюрьмы и хозяйственными помещениями, левый и правый корпуса – арестантскими камерами из расчета наполняемости на 200 заключенных. С 1833 г. в средней части тюрьмы была устроена церковь с престолом во имя Тихвинской иконы Божией Матери, расширенная посредством пристройки нового алтаря в 1893 г.²⁸⁹

Из рапорта смотрителя Саратовского тюремного замка капитана Егорова становятся известны количество и численный состав арестантов в 1843 г. В то время в нем содержалось 3 гражданских обер-офицера, 296 мужчин и 37 женщин – арестантов простого звания, 1 несовершеннолетний и 28 военных. Всего 365 человек, что было значительно больше того лимита наполняемости, на который был рассчитан замок²⁹⁰.

Историк и краевед Александр Николаевич Минх в своих записках о Саратове 1853 г. оставил одно из первых описаний старейшего из мест заключения губернского города: «Подъезжаем к заставе с пестрым шлагбаумом... За заставой налево огромное каменное желтое здание с решетками в окнах и гауптвахтой – острог, а впереди длинная прямая улица – Московская»²⁹¹. Можно сделать вывод, что даже спустя четверть века с момента постройки, здание тюремного замка представляло собой внушающий вид, являясь архитектурной доминантой окраины города Саратова.

²⁸⁸ Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. - Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1893. – С. 124.

²⁸⁹ Справочная книга Саратовской епархии. - Саратов: Типография Союза печатного дела, 1912. – С. 9.

²⁹⁰ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 1438. Л. 1.

²⁹¹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 741. Л. 27.

С 1861 г. согласно требованиям Устава о содержащихся под стражей, по определению Саратовского губернского тюремного комитета, в видах истребления между арестантами праздности и для улучшения нравственного их состояния, арестанты начали заниматься дозволенными законом мастерствами и рукоделиями²⁹².

Масштаб арестантского труда был тогда небольшим и представлялся сапожными, портняжными, столярными и бондарными работами. В это же время в тюремном замке имелась библиотека с постоянно обновляющимся составом книг, хранящихся непосредственно в конторе замка²⁹³.

В тот же период в замке была открыта школа для арестантов, состоявшая из двух отделений: первого – для обучения грамоте; второго – для обучения молитвам, объяснения таинств и обрядов церкви и других нравственных истин, близких к положению узника. В 1862 г. библиотека, прежде состоявшая из 206 книг преимущественно духовного содержания, была существенно увеличена вновь поступившими книгами²⁹⁴.

К 1865 г. тюремный замок был рассчитан на 250 арестантов для помещения их в общие камеры и 16 арестантов – в отдельные и секретные²⁹⁵. Однако, в связи с ростом революционного движения и изменением криминогенной обстановки в России, Саратовская губернская тюрьма была значительно переполнена. Так, в 1873 г. в ней содержалось в среднем около 600 человек, что превышало вместимость более чем в два раза²⁹⁶.

В 1870 г. были полностью перестроены здания ретирад, бывшие до того момента причиной сильного зловония, распространявшегося по всему замку, приспособлены отдельные мастерские, отремонтированы кухня и цейхгауз, улучшено женское отделение и впервые проведен водопровод. Помимо этого, была оборудована отдельная камера для легких больных, чтобы устранить необходимость перевода без надобности всех заболевших арестантов в тюремную больницу²⁹⁷.

Стоит отметить, что продолжительное время собственного здания больницы при тюремном замке не имелось. Больные арестанты

²⁹² ГАСО. Ф. 387. Оп. 1. Д. 125. Л. 1.

²⁹³ Там же. Л. 4.

²⁹⁴ ГАСО. Ф. 387. Оп. 1. Д. 128. Л. 24.

²⁹⁵ Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России. - СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1865. – С. 503.

²⁹⁶ ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 35. Л. 22.

²⁹⁷ Там же. Л. 74.

помещались в отдельной камере. С 1851 г. больница помещалась в наемном доме на расстоянии более 2-х верст от замка²⁹⁸.

С марта 1878 г. Саратовский тюремный комитет арендовал для тюремного замка иной дом, использовавшийся в качестве тюремной больницы. Однако к началу 1886 г. дом этот перестал удовлетворять целям своего назначения и требованиям больничной гигиены. Размещение больных было тесным, не позволяло соблюдать требований к объему воздуха на одного больного. Сам дом также размещался в значительном удалении от тюрьмы, не был обнесен каменной стеной, и сама аренда была весьма дорогостоящей²⁹⁹.

В связи с этим в 1888 г. при тюремном замке было окончено строительство новой тюремной больницы, представлявшей собой 4 больших одноэтажных деревянных барака, стоящих параллельно, один из которых был административным, два для больных арестантов мужчин и один для больных арестанток женщин³⁰⁰.

Важным улучшением в 1873 г. стало мощение камнем главного двора Саратовского тюремного замка площадью 340 квадратных сажень (725 квадратных метров) и проведение водопровода в тюремную кухню³⁰¹. В 1877 г. помимо постройки погребов из дикого камня и складских помещений над ними для хранения продовольствия и иных вещей, а также устройства сушильни над ними, вокруг зданий тюремного замка были поставлены деревянные ограды и высажены деревья. Также были проложены шоссейные дорожки, а вокруг скверов устроены тротуары.

Озеленение прилегающей к тюрьме территории было осуществлено с целью улучшения гигиены воздуха, что было полезно для арестантов, а также для прогулок местных жителей³⁰². В это же время с целью обеспечения материальными средствами тюремной церкви перед Саратовским тюремным замком на улице Московской на средства купца Ивана Кувардина была построена часовня с иконостасом. При часовне поставлена кружка для сбора пожертвований³⁰³.

Администрация тюрьмы стремилась обеспечить условия и для своего проживания. Так, в конце 1880-х годов при квартире начальника тюрьмы на его собственные средства были построены:

---

²⁹⁸ Материалы по вопросу... СПб., 1865. С. 504.

²⁹⁹ ГАСО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 220. Л. 2.

³⁰⁰ Там же. Л. 197.

³⁰¹ ГАСО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 220. Л. 22.

³⁰² ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 47. Л. 42.

³⁰³ ГАСО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 50. Л. 3.

небольшое деревянное строение для кухни, беседка в саду и дощатая купальня³⁰⁴.

Конец 80-х и начало 90-х годов XIX века явились своего рода пиком строительства производственных помещений Саратовской губернской тюрьмы. В указанный период были построены: ткацкая, ковровая, столярная, кузнечно-слесарная и сапожная мастерские, а также налажены экипажное, паркетное и бондарные работы³⁰⁵. Для того, чтобы местное население Саратова получало сведения о тюремном производстве и с целью сбыта изделий арестантского труда, при губернской тюрьме был устроен особый павильон с постоянно действующей выставкой образцов всех работ, введенных в тюрьмах Саратовской губернии³⁰⁶.

2 декабря 1893 г. с целью отдаления детей от влияния тюремной среды, приучения их порядку и труду при тюрьме был открыт приют для детей арестантов рассчитанный на 15 детей обоего пола³⁰⁷. К тому моменту сама тюрьма была приспособлена к размещению 314 заключенных³⁰⁸.

К началу XX в. старый корпус Саратовской тюрьмы обветшал и уже не мог вместить увеличивающегося количества арестантов, порой доходившего до значений, когда на одно арестантское место приходилось по 3 человека³⁰⁹. В связи с этим в 1903 г. Главным тюремным управлением было разрешено строительство одиночного корпуса, на постройку которого было предположено потратить от 95 до 100 тысяч рублей. Возглавил строительство губернский инженер Клеменьев, а производство работ контролировал губернский архитектор Тихомиров³¹⁰.

Строительство было окончено в 1907 г. Новый каменный четырехэтажный корпус с полуподвалом имел железобетонные перекрытия, водопровод, паровое отопление и предназначался для содержания особо опасных уголовных и политических заключенных. Помимо этого, в 1905 г. по всей губернской тюрьме был произведен капитальный ремонт и переустройство, а также построен отдельный женский корпус³¹¹.

---

³⁰⁴ ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 48. Л. 46.

³⁰⁵ ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 120. Л. 38, 40, 41.

³⁰⁶ Тюремный вестник. 1895. № 2. С. 96.

³⁰⁷ Тюремный вестник. 1894. № 1. С. 46.

³⁰⁸ Тюремный вестник. 1895. № 2. С. 90.

³⁰⁹ Тюремный вестник. 1907. № 2. С. 139.

³¹⁰ ГАСО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 936. Л. 3.

³¹¹ Там же. Л. 19, 26, 27.

Вследствие поражения Российской империи в ходе русско-японской войны южная часть острова Сахалин отходила к Японской империи и 10 апреля 1906 г. Государственный Совет принял решение об отмене ссылки преступников на остров на каторжные работы и на поселение, а также водворение на него бродяг. В связи с этим в ряде губерний европейской части России были организованы временно-каторжные тюрьмы. В 1907 г. были образованы отделение № 1 губернской тюрьмы для каторжных арестантов в помещении Саратовского исправительного арестантского отделения, а также отделение № 2 Саратовской губернской тюрьмы, располагавшееся на Полтавской площади в доме Скорнякова, вмещавшее около 100 заключенных³¹².

В 1908 г. было образовано отделение № 3 для этапных пересыльных. Отделение располагалось на углу улиц Большой Сергиевской (им. Н. Г. Чернышевского) и Садовой. Приказом Саратовского губернатора в 1910 г. отделение № 1 было объединено с исправительным арестантским отделением во временно-каторжную тюрьму и исправительное арестантское отделение № 1. Отделение № 2 было закрыто, а отделение № 3 переименовано в отделение губернской тюрьмы. Начиная с 1911 г. тюрьма и отделение стали именоваться Саратовской губернской тюрьмой и исправительным арестантским отделением № 2.

В 1913 г. Саратовская губернская тюрьма представляла собой обширный комплекс зданий: старый корпус, одиночный корпус, новый корпус (туберкулезное отделение), женский корпус, женская больница и два барака мужской больницы. Все здания были крайне разрознены между собой, что представляло неудобство в отношении наблюдения и окарауливания. По кубическому содержанию воздуха тюрьма была рассчитана на 889 человек. Чинов надзора в тюрьме служило 114 человек³¹³.

В мае 1917 г. отделение Саратовской губернской тюрьмы было ликвидировано распоряжением Саратовского губернского тюремного инспектора в связи с резким сокращением числа заключенных последовавшего после амнистии 7 марта 1917 г. Так, к середине 1917 г. в Саратовской губернской тюрьме содержалось общим числом 626 арестантов³¹⁴.

Таким образом, Саратовская губернская тюрьма в 1827–1917 гг. постоянно совершенствовалась и перестраивалась, строились новые

³¹² ГАСО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 1252. Л. 8.

³¹³ ГАСО. Ф. 446. Оп. 1. Д. 115. Л. 93, 95.

³¹⁴ ГАСО. Ф. 446. Оп. 1. Д. 166. Л. 66.

административные и хозяйственные помещения, изменялся тюремный комплекс в целом. Можно констатировать, что губернская тюрьма занимала важное место среди мест заключения Саратовской губернии, а ее история стала отражением основных тенденций тюремной политики в Российской империи в указанный период.

УДК 340

Жеребцова Елена Николаевна,
научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: zherebtsova.1994@bk.ru
ORCID ID: 0000-0001-7320-6358

Формирование морального облика тюремного персонала в дореволюционной России

Аннотация: в статье рассматривается становление морального облика тюремного персонала в дореволюционной России. Анализу подлежат требования к данной категории лиц, конкретные качества, необходимые для осуществления служебной деятельности.

Ключевые слова: моральный облик, воспитание тюремного персонала, нравственные принципы, требования к тюремному персоналу.

Zherebtsova Elena Nikolaevna,
Researcher
FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

Shaping the morale of prison staff pre-revolutionary Russia

Annotation: the article discusses the formation of the moral image of a prison staff officer in pre-revolutionary Russia by instilling certain value orientations in them. The requirements for this category of persons, the specific qualities required for the performance of official activities.

Keywords: moral character, education of prison staff, moral principles, requirements for prison staff.

Идеи воспитания и необходимости наличия базовых, моральных ценностей у русского человека всегда имели большое значение.

Важность воспитательного процесса в развитии и становлении личности раскрывалась посредством распространения православия, которое провозглашало идеи нравственности, гуманности к человеческой судьбе. Так как государство и церковь находились в тесной взаимосвязи, то идеи православия, а именно, наличие нравственных принципов, сострадания, чувства справедливости, распространялись и на власть³¹⁵.

Впоследствии великий император Петр I формулирует конкретные требования к офицерам, в том числе и к персоналу пенитенциарных учреждений. Персонал, по мнению Петра I, должен быть отзывчивым и добрым. Можно сказать, что это первое достоверно известное рассуждение о необходимости наличия конкретных моральных качеств у тюремного персонала.

В 1767 г. в Наказе Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения, которая должна была составить новый Свод законов взамен устаревшего Соборного уложения 1649 г., говорится: «...самое надежное, но и самое труднейшее средство сделать людей лучшими есть приведение в совершенство воспитания» (главе X ст. 248)³¹⁶. В целом, по мнению императрицы, одно из приоритетных направлений должно было стать законодательное закрепление морального облика офицера и тех черт, которые могут его облагораживать. Офицеры должны быть честными и добродетельными. Оступившийся человек (осужденный) должен возвращаться на праведный путь не с помощью жестоких способов, а с помощью правил Закона Бога, который должен пропагандировать тюремный персонал. Как известно, православие провозглашает любовь к ближнему, смирение, а потому можно говорить, что в этот период зарождались идеи гуманного отношения к оступившемуся человеку, что также в положительном ключе раскрывает формирующийся моральный облик тюремного персонала в тот период времени.

Позднее в проекте о тюрьмах Императрицы Екатерины II упоминалось о работниках тюрем, как о людях, которые должны относиться к осужденным гуманно, при этом оставаться строгими и неприступными. В ст. 70 данного документа содержится текст

---

³¹⁵ Громова Л. А., Петровский И. В. От личной этичности к качеству власти: опыт реконструкции философско-этического наследия // Наука. Культура. Общество. М., 2012. № 1. С. 46–53.

³¹⁶ Немов Я. Н. К вопросу о воспитании чинов тюремного ведомства в дореволюционной России: историческая перспектива // Вестник Кузбасского института, 2016. № 1 (26). С. 151–158.

Присяги тюремщика тюремщиков отделений, который призывал к человеколюбию. Екатерина II выражала мнение о том, что в тюремных учреждениях должны существовать правила «любомудрия» и нравоучения. Присяга оказывала большое воспитательное воздействие на личный состав, развивала чувство патриотизма, что способствовало совершенствованию тюремного дела в России. Этот факт подтверждает то, что уже в XVIII веке люди понимали важность наличия морали и нравственности у людей, работающих в пенитенциарных учреждениях, т.к. только люди с высоким нравственным обликом способны исправить (воспитать) других. Утверждалось, что пенитенциарные учреждения существуют не только для устрашения и кары, но и для исправления оступившихся лиц. Так, в учреждении для управления губерний (1775 г.) упоминается о «пристойных», ответственных и честных работниках тюрем. Они скромны и деликатны в общении. Осуществляя свои прямые обязанности, тюремный персонал имеет право применять средства поощрения и наказания к осужденным³¹⁷.

В период царствования Александра I было учреждено Попечительное о тюрьмах общество, цель которого – привлечь общественность к проблемам осужденных, в том числе и проблемам, возникающим в отношениях между осужденным и сотрудником. Предлагалось, что они должны участвовать в благочестивых мероприятиях в рамках нравственного воспитания и приобщения к принципам добра и человеколюбия.

Члены губернских тюремных комитетов посещали тюремные ведомства с целью ознакомления с деятельностью осужденных, их распорядком дня. В это время создавались библиотеки в тюрьмах, где содержались книги религиозного характера, пропагандирующие семейные ценности, моральные идеалы и культуру.

Устав о службе (1832 г.) определял ряд конкретных качеств тюремного персонала, необходимых для осуществления служебных обязанностей. Так, они должны быть грамотными, верными своему Отечеству и долгу, должны обладать волей и иметь стремление к «общему добру и благу». Исправлять осужденных следует по следующим принципам: «не позволяя себе ни вражды, ни корысти, ни дружбы». Наставления и нравоучения оказывают гораздо большее воздействие на осужденного, чем принуждение и вражда. Требования к тюремному персоналу предъявлял и Устав о содержащихся под

---

³¹⁷ Российское законодательство X–XX вв. В 9-х т. М.: Юрид. лит., 1987. Т.5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. С. 167–321.

стражей (1832 г.). Предполагалось, что сотрудники должны иметь добропорядочный облик, быть строгими, но справедливыми³¹⁸.

Офицеры в этот период становились примером выдержанности и милосердия. Тюремному персоналу запрещались «излишние увеселения», они должны были выглядеть добротной и опрятной³¹⁹. Так, шло зарождение образа сотрудника, как человека-примера, отвечающего высоким нормам морали и нравственности. Его работа должна была отвечать принципам гуманного отношения к осужденным, что подтверждает Закон 1866 года. В данном документе прослеживаются гарантии предоставления оступившимся лицам положенной им нормы жилой площади с разрешением иметь бытовые принадлежности. Помимо этого, Общей тюремной инструкцией 1915 г. предписывалось, что «служащие в местах заключения обязаны соблюдать верность присяге»³²⁰.

Следовательно, моральный облик персонала исправительных учреждений исторически строился на основе соответствующих требований к ним, предъявляемым государством.

Моральный облик тюремного персонала в дореволюционный период можно рассматривать как совокупность моральных, психологических качеств, реализуемых в процессе исполнения ими своих обязанностей.

Известно, что процесс формирования морального образа включает в себя усвоение человеком общечеловеческих моральных требований, которые впоследствии перерастают в личные убеждения. Моральная составляющая образа сотрудника пенитенциарного ведомства не может быть выражена через одну универсальную вещь³²¹. Имеется в виду, что когда мы рассуждаем о его моральном образе, нельзя говорить только о нравственности и честности, в этот образ входит также, помимо прочего, его образование.

Поэтому стоит сказать и о профессиональном образовании лиц, работающих в пенитенциарных учреждениях. Так, в начале XX в. была выдвинута инициатива создания в Санкт-Петербурге

³¹⁸ Свод законов Российской империи. Т. 3. Уставы о службе гражданской. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. С. 251–252.

³¹⁹ Свод законов Российской империи. Т.14. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. С. 395–500.

³²⁰ Общая тюремная инструкция. Пг.: Типография Петроградской тюрьмы, 1916. С. 6–7.

³²¹ Грунин А. В. Организация служебной деятельности. Моральная ответственность как составляющая облика // Ведомости УИС. 2016. № 8. С. 1–4.

двухлетнего тюремного лица закрытого типа для обучения военных лиц, тюремного персонала. Данное образование строилось на принципах уважения к оступившимся лицам, предполагало развитие чувства справедливости и гордости за свое Отечество. Помимо этого, подготовка к службе могла осуществляться на специальных курсах, где вопросам нравственности и морали придавалось также особое значение³²².

Получается, что в рассматриваемый период система воспитания и обучения тюремного персонала сводилась, в первую очередь, к требованиям именно моральных качеств. Так, они должны быть человеческими, честными, неподкупными, добросовестными и преданными своему Отечеству. Данные требования являются актуальными и сегодня, они вошли в современную систему воспитательной работы с сотрудниками пенитенциарной системы.

УДК 343.1

Жиляев Рустам Мухамедович,
заместитель начальника центра НИЦ-1
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: giliaev_rustam@mail.ru,
ORCID.ID 0000-0003-0758-438X

Бажанов Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник НИЦ-1
ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru,
ORCID ID 0000-0002-4623-5476

**Предохранительный надзор в уголовном законодательстве
Польской Народной Республики
(на примере опыта 1970-1980 гг.)**

Аннотация: в настоящей статье представлен краткий анализ уголовного законодательства, статических данных, научной литературы, посвященный опыту применения в 1970-1980 гг. предохранительного надзора в Польской Народной Республике. Судя

---

³²² Немов Я. Н. К вопросу о воспитании чинов тюремного ведомства в дореволюционной России: историческая перспектива // Вестник Кузбасского института. 2016. № 1 (26). С. 151–158.

по изученным автором материалам данная мера уголовно-правового характера была досрочно эффективной в работе по предотвращению повторной преступности среди осужденных два или более раза привлекавшихся к уголовной ответственности.

Ключевые слова: Польская Народная Республика, история предохранительного надзора, повторная преступность.

Zhilyaev Rustam Muxamedovich,
Deputy Head of the Center NICZ-1
FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Bazhanov Sergej Andreevich
Leading Research Scientist
of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia,
Candidate of Legal Sciences

**Protective supervision in the criminal legislation
of the People's Republic of Polish
(by the example of the experience of 1970-1980)**

Annotation: this article presents a brief analysis of the criminal law, static data, scientific literature, devoted to the experience of application in 1970-1980. safety supervision in the Polish People's Republic. Judging by the materials studied by the author, this measure of a criminal law nature was ahead of schedule effective in preventing re-criminality among convicts.

Key words: Polish People's Republic, history of preventive supervision, repeated crime.

Особенностью законодательства Польской Народной Республики (далее – ПНР) 1970-1980-х годов являлось наличие в уголовном законодательстве системы специальных средств по предупреждению повторной или рецидивной преступности. К числу подобных средств относилось применение к осужденным за специальный рецидив, предохранительного надзора и их направление в центры социального приспособления (статья 62, параграф 1 Уголовного кодекса ПНР).

Согласно параграфа 2 статьи 62 Уголовного кодекса ПНР под специальным рецидивом понималось «*Лицо, осуждавшееся ранее не менее двух раз за умышленное преступление, отбывавшее в целом не*

менее 1 года лишения свободы и в течение 5 лет после отбытия последнего наказания совершившее умышленное преступление хулиганского характера или в целях получения материальной выгоды или же аналогичное одному из ранее совершенных преступлений».

В соответствии с действовавшим порядком вынесение решений о предохранительном контроле входило в компетенцию суда первой инстанции либо пенитенциарного суда. Подобное решение на стадии исполнения приговора выносилось пенитенциарным судом в случае, если осужденный не проявлял должных признаков исправления и не имел предохранительного надзора.

Для полного понимания рассматриваемой проблемы считаем уместным привести определение данного предохранительного надзора польскими специалистами. Так, Ст. Павела под предохранительным надзором понимает установленный законом пенитенциарный институт, применяемый по отношению к осужденным, ресоциализация которых в пенитенциарном учреждении оказалась недостаточной, но есть основания считать, что их возвращение к преступной деятельности может наступить прежде, чем период контролируемой свободы, связанный с исполнением определенных обязанностей³²³.

Законом был определен нижний и верхний предел действия предохранительного надзора – от 3 до 5 лет. Предохранительный надзор предполагал для виновного ряд ограничений и обязанностей, связанных с изменением места жительства, для смены которого требовалось согласие суда, явкой в суд по вызову, обязанность содержать третьей лицо, выполнение общественных работ, трудоустройство, обучение, получение профессии, запрет на употребление алкоголя, прохождение курса лечения, запрет на посещение определенных мест. При чем суд мог в зависимости от складывающихся обстоятельств изменять по своему усмотрению круг налагаемых на осужденного запретов и ограничений, а также определять место его проживания³²⁴.

Проведенные польскими специалистами исследования, в рамках которых изучались конкретные постановления судов г. Лодзь и Лодзинского воеводства (исследование охватили решения судов, вынесенные за период с 1 января до 30 июля 1970 г.), показали, что обязанность содержать третьих лиц была возложена на 24,62 %

³²³ Pawela St. Istota i zadania nadzoru ochronnego, «Nowe prawo», 1970, № 4, s. 444..

³²⁴ Эбзеева Э.П. Предохранительный надзор и центр социального приспособления в системе мер борьбы с рецидивной преступностью в ПНР // За рубежом: информационный сборник. М.: ВНИИ МВД СССР. 1977. С. 39.

осужденных, выполнение общественных работ – 1,54 %, получить образование и овладеть новой профессией – 3,08 %, запрет на употребление алкоголя – 84,62 % (следует отметить, что подобному запрету подвергались лишь лица, совершившие преступление в состоянии опьянения либо злоупотреблявших алкоголем), обязанность пройти курс лечения, в том числе от алкогольной зависимости, на 7,69 %, запрет на посещение определенных мест – 75 %, и на всех подучетных без исключения обязанность по трудоустройству. Интересно, что в практике судов имели место и случаи наложения обязанностей напрямую не предусмотренных уголовным законом, в частности, вести добропорядочный образ жизни, а также вступить в одну из общественных организаций и принимать в ней активное участие. Доля подобных судебных решений составила 7,69 %³²⁵.

Контроль за исполнением подобных решений суд возлагал на кураторов. Исследователи отмечали эффективность работы кураторов непосредственно после освобождения рецидивистов из мест лишения свободы (оценка работы кураторов производилась Е. Хансенем в Гданьском, Кошалинском, Опольском, Краковском и Щецинском воеводствах)³²⁶.

В своем исследовании, в котором приняло участие 100 осужденных рецидивистов, В. Морозевич отмечал, что после повторного отбытия наказания осужденные, как правило, уклоняются от постоянной работы на предприятиях, а предпочитают сезонную или временную работу, что в свою очередь не способствует их ресоциализации ввиду отсутствия единого сплоченного коллектива, который несомненно положительно влияет на формирование личности³²⁷.

Оценивая работу кураторов Ст. Павела пишет *«Деятельность куратора, связанная с конкретным лицом, ограничивает негативное поведение осужденного и одновременно парализует взаимное отрицательное влияние среды на личность поднадзорного, благодаря чему предохранительный надзор в определенной степени выполняет общественные и воспитательные функции»*³²⁸.

---

³²⁵ Там же. С. 40.

³²⁶ Там же. С. 40.

³²⁷ Morozewskicz W. Przebieg pracy zarobkowej recydywistów, a ich powrotnosc do przestepstwa – «Nowe prawo», 1975, № 3, s. 44.

³²⁸ Pawela St. Spoleczne i kryminalne racje stosowania nadzoru ochronnego. – «Nowe prawo», 1975, № 2, s. 192.

В подтверждение написанному Ст. Павела приводит результаты исследования, посвященного данной проблеме, в котором им было проанализировано 284 надзорных производства (дел), касающихся назначения предохранительного надзора. Проведенный анализ показал, что 73 % поднадзорных лиц, подвергнутых предохранительному надзору, встали на путь исправления и не допускали нарушения, возложенных на них запретов и обязательств³²⁹.

Об эффективности предохранительного надзора можно было судить по постоянному росту числа его применения. Например, начиная с 1970 по 1973 гг. предохранительный надзор был применен судами в отношении более чем 34 тыс. рецидивистов. Помимо роста количества случаев его применения наблюдалось и увеличение количества исполняемых предохранительных надзоров: в 1970 г. – 1142, в 1971 г. – 2689, в 1972 г. – 4554 и в 1973 г. – 8146³³⁰.

Советские специалисты, оценивая опыт ПНР в области борьбы с повторной преступностью, признавали его заслуживающим пристального внимания в целях возможного использования при разработке новых мер, направленных на предупреждение рецидива со стороны ранее судимых лиц в СССР³³¹.

УДК 376

Зауторова Эльвира Викторовна,
 профессор кафедры юридической психологии и педагогики
 ВИПЭ ФСИН России в г. Вологда,
 ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России в г. Москва,
 доктор педагогических наук, профессор
 e-mail: elvira-song@mail.ru
 ORCID ID: 0000-0002-1334-2654

Использование педагогических идей А. С. Макаренко в деятельности исправительных учреждений

Аннотация: данная статья посвящена рассмотрению идей русского педагога А. С. Макаренко по исправлению личности

³²⁹ Pawela St. Orzekanie I wykonywanie nadzoru ochronnego. – «Nowe prawo», 1972, № 4, s. 540.

³³⁰ Gazeta sadowa i penitencjarna. Warszawa, 1974, wrzesien, s. 4.

³³¹ Эбзеева Э.П. Предохранительный надзор и центр социального приспособления в системе мер борьбы с рецидивной преступностью в ПНР. С. 46.

правонарушителя. Реализация данных идей актуальна и сегодня в деятельности исправительных учреждений.

Ключевые слова: места лишения свободы, личность правонарушителя, педагогические идеи А. С. Макаренко, воспитательная работа.

Zautorova El'vira Viktorovna,

Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy
VIPE FSIN Russia in Vologda,
leading researcher Research Institute of FSIN Russia in Moscow,
Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor,

The use of pedagogical ideas of A. S. Makarenko in the activities of correctional institutions

Abstract: this article is devoted to the consideration of the ideas of the Russian teacher A.S. Makarenko on correcting the personality of the offender. The implementation of these ideas is relevant today in the activities of correctional institutions.

Keywords: places of imprisonment, the identity of the offender, pedagogical ideas of A. S. Makarenko, educational work.

Педагогическое наследие отечественного педагога-психолога Антона Семеновича Макаренко, его опыт по воспитанию, коррекции и исправлению личности правонарушителя и сегодня актуальны. Идеи педагога успешно воплощаются в наши дни и в то же время устремлены в будущее. Они находят широкое применение в деятельности исправительных учреждений в работе с различными категориями осужденных.

В 20–30-е годы XX века возникла общегосударственная проблема создания коллективов различного уровня в воспитательных учреждениях и организациях. Это было связано с приведением всей системы воспитания и народного образования в соответствие с сущностью нового строя. В это же время и формировалась педагогическая система А. С. Макаренко.

Так, в 1961 г. в Вологодской области начинается известный эксперимент (отрядная система) по использованию педагогического наследия А. С. Макаренко с лицами, совершившими преступления, находящимися в местах лишения свободы. Какой бы критике в последнее время не подвергались коллективы осужденных (передача криминального опыта, развитие тюремной субкультуры, негативное

взаимовлияние в преступной среде и т.д.), отрядная система существует и в настоящее время, является основной формой жизнедеятельности осужденных при организации исправительного процесса в местах изоляции. Впоследствии позитивные результаты данного эксперимента закрепили такое понятие, как «Вологодский опыт».

А. С. Макаренко в своих работах указывал, что в основе взаимоотношений воспитателя и воспитуемого должны быть принципы привлечения к труду на благо общего хозяйства, доверия и добровольности, самостоятельности, воспитанию личности в коллективе и через коллектив. Ученый называл педагогику «практически целесообразной наукой», что означало необходимость выявления закономерного соответствия между целями, задачами, средствами, методами, формами и результатами воспитания³³².

Основные положения его педагогической системы можно увидеть закрепленными в основополагающих началах уголовно-исполнительной политики. Это нашло свое отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. Одна из целей Концепции предполагает совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, направленное на формирование уважительного отношения к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития³³³.

А. С. Макаренко видел небывалые возможности воспитательного воздействия искусства на личность: формирование «чувства красоты неба, картины, одежды, красоты поступков, эстетику поступков». Считал, что «именно в культуре заключена истинно очеловечивающая все природные задатки и дарования человека сила»³³⁴ и отмечал, что это необходимое условие воспитания и исправления личности. В его воспитательных учреждениях (колония

---

³³² Зауторова Э. В. Нравственно-эстетическое воспитание личности на основе использования идей А. С. Макаренко в исправительных учреждениях Вологодской области // Вестник института: научно-практический журнал. Вологда: ВИПЭ ФСИН России. 2013. № 20. С. 48–51.

³³³ Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (дата обращения 10.02.2023).

³³⁴ Киященко Н. И. От эстетического опыта к эстетической культуре // Киященко Н. И., Гришин А. А., Пылев С. С., Румянцев Н. В., Щеглов А. В. Эстетическая культура сотрудников внутренних дел России. М., 2006. С. 217.

имени А. М. Горького, коммуна имени Ф. Э. Дзержинского) существовало множество художественных кружков и секций: джазовый оркестр, драматический кружок, духовой оркестр, опера-театр, хореографический кружок, литературный кружок, хоровой коллектив, оркестр струнных инструментов и др.

Его коммунарский оркестр был одним из лучших самодеятельных оркестров в Харькове и на Украине. И такие творческие объединения он считал образцом коллектива. Антон Семенович расшифровал это как «целестремленный комплекс личностей, обладающих органами коллектива. А там где есть организация коллектива, там есть органы коллектива, там есть организация уполномоченных лиц, доверенных коллектива, и вопрос отношения товарища к товарищу – это не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости»³³⁵.

Сегодня в местах лишения свободы создается множество различных творческих самодеятельных коллективов: театральные студии, музыкальные кружки, литературные объединения, художественные мастерские и многие другие структуры художественного плана. Сотрудники отмечают положительное влияние участия осужденных в творческой деятельности исправительного учреждения на исправление и изменение личности воспитуемого.

Также у А. С. Макаренко одно из главных требований было – строгое выполнение дисциплины в коллективе: участие в делах отряда требует строгой организации, что способствует развитию дисциплинированного поведения осужденных. В настоящее время без соблюдения режимных требований, правил внутреннего распорядка, норм и необходимых предписаний в исправительном учреждении не возможна бы была организация воспитательной работы с осужденными.

Также невозможно бы было организовать приобщение осужденных к трудовой деятельности – одно из важных положений макаренковской педагогической системы. Осужденный должен приобрести необходимые навыки совместного труда, развить положительные привычки как в общественной, так и в индивидуальной деятельности. Все это помогает правонарушителю лучше осознать свою вину и скорее адаптироваться к жизни в обществе после освобождения.

А. С. Макаренко много говорил о доброжелательной и деловой обстановке в коллективе воспитуемых. Так для «вправления души» у

³³⁵ Макаренко А. С. Собр. соч. в 7 т. М., 1957. Т. II. С. 420.

правонарушителей необходимо было создать «мажорный тон», что будет способствовать гуманному отношению к человеку, «подлечить его, наложить заплаты на их характеры»³³⁶. При этом он много говорил о «завтрашней радости», которая должна быть «даже у самого никчемного человечешки»³³⁷, т.к., видя перед собой пусть и самую скромную перспективу, человек начинает и «себя раскладывать по определенным этапам», «веселее смотрит вперед». Педагог выделял ближнюю, среднюю и дальнюю перспективу.

Сегодня в работе с осужденными в местах лишения свободы принцип перспективных линий является основой воспитательной работы³³⁸. Так, ближайшей перспективой у лиц, попадающих в исправительное учреждение, станет скорейшая адаптация в отряде осужденных, получение образования, устройство на работу, установление и поддержание социально полезных связей, установление доброжелательных отношений в коллективе и т.д. Средней перспективой станет стремление и получение условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы. А дальняя и главная перспектива – жить по законам, уважать людей, стать законопослушным гражданином общества.

При организации исправительного процесса предъявляются большие требования к сотрудникам исправительных учреждений. А. С. Макаренко так же придавал огромное значение роли воспитателя и его авторитету в организации воспитательной работы с подопечными. Сам он являлся примером дисциплинированности, доброжелательности, трудолюбия и требовал этого, в первую очередь, от воспитателей, а затем и от колонистов. Необходимый уровень образования для организации педагогического процесса, высокие моральные качества, ответственное отношение к выполнению служебного долга – остаются главными требованиями к сотруднику исправительного учреждения и сегодня.

Таким образом, педагогические идеи А. С. Макаренко в настоящее время являются актуальными, они сохраняют свою полную силу и сегодня, помогая сотрудникам пенитенциарных учреждений создать воспитывающую атмосферу, использовать огромное разнообразие воспитательных форм, обусловленных характером

³³⁶ О воспитании молодежи / Под общей редакцией А. С. Макаренко. М., 1951. С. 197.

³³⁷ Макаренко А. С. Собр. соч. в 7 т. М., 1957. Т. V. С. 438.

³³⁸ Зауторова Э. В. Нравственно-эстетическое развитие осужденных к лишению свободы: Методические рекомендации для сотрудников пенитенциарных учреждений. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2005. 107 с.

особых взаимоотношений между сотрудниками и осужденными, позволяет лицам, лишенным свободы, стать полноправными субъектами совместной воспитывающей деятельности. В то же время предстоит еще немало сделать, чтобы сотрудники исправительных учреждений изучили полнее и глубже работы А. С. Макаренко по исправлению правонарушителей, т.к. литературная и научно-педагогическая деятельность педагога нуждается в постоянном изучении и творческом использовании на практике.

УДК 930.2

Звягин Сергей Павлович,
профессор кафедры истории
Кемеровского государственного
медицинского университета,
доктор исторических наук, доцент
e-mail: whitesiberia@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-5831-0939

**Протоколы допросов К. П. Полидорова в свердловской тюрьме
№ 1 в 1947 году как исторический источник**

Аннотация: в статье на основе архивных источников рассматриваются малоизвестные страницы службы в годы Гражданской войны военного прокурора К.П. Полидорова. Приведены новые сведения о его пребывании в эмиграции. Источниками послужили протоколы его допросов в свердловской тюрьме, которые ранее были недоступными.

Ключевые слова: К. П. Полидоров, гражданская война, прокуратура, Сибирь, исторический источник, эмиграция, репрессии.

Zvyagin Sergey Pavlovich,
Professor of the Department of History
of Kemerovo State Medical University,
Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor

**Protocols of of K. P. Polidorov's interrogations in sverdlovsk prison №
1 in 1947 as a historical source**

Abstract: based on archival sources, the article examines the little-known pages of the military prosecutor K. P. Polidorov's service during the Civil War. New information about his stay in emigration is given. The sources were the protocols of his interrogations in the Sverdlovsk prison, which were previously inaccessible.

Keywords: K. P. Polydorov, civil war, prosecutor's office, Siberia, historical source, emigration, repression.

За последние тридцать с лишним лет отечественная историография обогатилась большим количеством работ, посвященных антибольшевистскому движению в годы Гражданской войны в России. Особенно привлекает исследователей тема создания и участия в боях вооруженных сил³³⁹. Среди тем, которые до сих пор обойдены вниманием историков деятельность структур в армии, напрямую не связанных с боями. Редким исключением стал труд, посвященный военной контрразведке³⁴⁰. До сих пор белым пятном остается работа органов прокурорского надзора. В нашей монографии есть глава № 3, посвященная деятельности следствия и прокуратуры. Однако в ней речь идет о работе таких органов на «гражданке»³⁴¹.

Одним из способов восполнить такой пробел может быть изучение личности и деятельности сотрудников военной прокуратуры. Это может стать шагом в написании обобщающего труда.

В нашем случае мы остановили внимание на Константине Порфирьевиче Полидорове. Его, как военного прокурора полевого суда 26-го армейского корпуса, подполковника, упомянул в своей статье, посвященной 100-летию Первой мировой войны, генерал-майор юстиции, начальник управления кадров Главной военной прокуратуры И. М. Триполев³⁴². Герой нашей публикации имеет небольшую библиографию³⁴³.

---

³³⁹ Константинов С. И. Вооруженные формирования противобольшевистского правительства Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург: ИРА УТК, 1997. 314 с.; Волков Е. В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск: ЮУрГУ, 2001. 336 с.; Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2005. 415 с.; Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 г. Новосибирск: НГУ, 2010. 610 с. и др.

³⁴⁰ Кирмель Н. С., Хандорин В. Г. Карающий меч адмирала Колчака. М.: Вече, 2015. 320 с.

³⁴¹ Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. С. 131–159.

³⁴² Триполев И. Военные прокуроры Первой мировой... // Красная звезда

Изученные нами документы допросов были созданы во второй половине 1940-х годов. 2 сентября 1945 г. милитаристская Япония капитулировала перед союзниками, в числе которых был и СССР. К. П. Полидоров был задержан сотрудниками советской контрразведки 22 сентября 1945 г. в Маньчжурии. Впоследствии был вывезен в Советский Союз. Он содержался в тюрьме г. Тавда, что в 360 км к северо-востоку от Екатеринбурга и в 100 км к северу от Тюмени. Затем К. П. Полидоров был переправлен в тюрьму № 1 г. Свердловска, где арестован 22 февраля 1947 г. Особым совещанием при МГБ СССР от 24 мая 1947 г. он был осужден на 20 лет исправительно-трудовых лагерей по ст. 58-4.6 ч.1, 13 УК РСФСР³⁴⁴.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что со времени его задержания до ареста прошли ровно год и пять месяцев. Приговор был вынесен через три месяца. Возможно, это свидетельствует не только о неспешности тогдашней Фемиды, но и о загруженности следователей в послевоенный период.

На первом же допросе сообщил о том, что он русский, беспартийный. По его словам, примерно в конце 1917 г. он выехал из Петрограда в Бузулук Самарской губернии, где жила его семья. Приказом Комуча № 110 от 17 июля 1918 г. К. П. Полидоров был утвержден начальником военно-судного (так в тексте) отдела Главного штаба Народной армии³⁴⁵.

В октябре 1918 г. с семьей выехал в Омск. Здесь в ноябре 1918 г. был мобилизован в армию. У нас есть возможность получить некоторое представление о том, чем занимался наш герой в это время. 1 февраля 1919 г. он назначен И. Д. главного военного прокурора³⁴⁶. В конце 1918 г. К. П. Полидоров разбирался в обстоятельствах расстрелов, произведенных по приказу коменданта г. Кургана чешского офицера поручика В. Сухий. Результаты разбирательства он

(Москва). 2014. 2 сент.

³⁴³ См. например: Генерал-майор Константин Порфирьевич Полидоров военный прокурор армии Колчака // Архивы Урала (Екатеринбург). 1997. № 1(5). С. 81–94.; Полидоров Константин Порфирьевич // Купцов И. В., Буяков А. М., Юшков В. Л. Белый генералитет на востоке России в годы гражданской войны: биограф. справочник. М.: Кучково поле; Ассоциация «Военная книга 2011. С. 423–424 и др.

³⁴⁴ Письмо заместителя начальника подразделения Управления ФСБ РФ по Свердловской области В. Д. Кулакова № 16/102 от 22 февраля 2000 г. // Личный архив С. П. Звягина.

³⁴⁵ ГАРФ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1. Л. 37; ГАСамО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

³⁴⁶ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.

доложил 2-му генерал-квартирмейстеру генерал-майору П. Ф. Рябикову 30 ноября 1918 г.³⁴⁷

По мнению В. А. Слободчикова, К. П. Полидоров инспирировал арест главного интенданта, подполковника Анания Шемеритинского и его отца – А. Я. Слободчикова. Это произошло в начале марта 1919 г., а 16 апреля 1919 г. их освободили. Как вспоминал В. А. Слободчиков, с К. П. Полидоровым были генералы Лебедев и Сурин. Все они были настроены против Дитерихса, который тут же обратился с прошением об отставке к Верховному правителю России А. В. Колчаку³⁴⁸.

Следует назвать указанных лиц: Сурин В. И. – генерал-майор, помощник военного министра по снабжению и технической части; Лебедев Д. А. – генерал-майор, временно исполняющий обязанности начальника штаба Верховного Главнокомандующего; Дитерихс М. К. – генерал-лейтенант, начальник штаба русских войск Западного фронта. Смысл происшедшего тогда мы видим в двух аспектах. Во-первых, интенданты были уличены в злоупотреблениях по службе. Во-вторых, это пример тех склок, которые были так характерны для колчаковского режима.

13 марта 1919 г. в Тюмени Тобольской губернии произошло антиколчаковское восстание. Для его подавления были приняты разные меры. В частности, 23 марта 1919 г. генерал-майор Д. А. Лебедев подписал приказ об ответственности нижних чинов за оскорбление офицеров и командира. К. П. Полидоров заверил документ как юрисконсульт³⁴⁹. 26 мая 1919 г. он представил тому же генералу доклад о прекращении дела о внесудебном расстреле Н. Н. Авдеева³⁵⁰.

Здесь следует привести красноречивый пример о его службе в то время. Весной 1919 г. карьера К. П. Полидорова могла пойти круто вверх. Это было настолько очевидным, что о предстоящем его назначении министром писали газеты³⁵¹. Слухи имели под собой почву. В ГАРФ находится на хранении проект Указа Верховного правителя России, адмирала А. В. Колчака о назначении министром внутренних дел К. П. Полидорова. На документе нет ни даты назначения, ни подписи. В приложенной служебной записке указана

³⁴⁷ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 88. Л. 6.

³⁴⁸ Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин–Шанхай. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 26.

³⁴⁹ Восстание в Тюмени 13 марта 1919 г.: сб. д-тов / сост. и науч. ред. М. И. Вебер. Екатеринбург: УрО РАН, 2022. С. 163.

³⁵⁰ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 168. Л. 33–34.

³⁵¹ По ту сторону Урала (Уфа). 1919. С. 25; Вестник Приуралья (Челябинск). 1919. 14 мая; Амурская жизнь (Благовещенск). 1919. 29 мая.

иная дата рождения кандидата на должность, чем в упомянутом справочнике – 16 марта 1882 г. Есть указание, что К. П. Полидоров происходил из потомственных дворян Орловской губернии³⁵².

Что касается биографических данных нашего героя, то нельзя пройти мимо широко известной базы данных. В отношении нашего героя неверно названы: год рождения – 1881 г., не то место рождения – Латвия, Рига. В конце XIX в. этот город был административным центром Лифляндской губернии Российской империи. Наконец, К. П. Полидоров был арестован не 18 февраля 1947 г.³⁵³

Вернемся к событиям весны 1919 г. В дневнике председателя Российского правительства П. В. Вологодского есть записи начала мая 1919 г. об обсуждении кандидатуры К. П. Полидорова. Главе правительства ее рекомендовал вместо себя еще действовавший руководитель МВД А. Н. Гаттенбергер. Она получила поддержку у части правительства. В частности, товарищ министра внутренних дел А. А. Грацианов предложил отложить вопрос о своей отставке, т.к. «работать под руководством Полидорова он считает для себя приемлемым и, во всяком случае, он сочтёт для себя долгом не уходить со своего поста, пока не введёт Полидорова в курс тех дел, которые составляли область его ведения». О К.П. Полидорова «сочувственно» отзывались знавшие его некоторые омские присяжные поверенные. Сам П. В. Вологодский имел две продолжительные деловые беседы с Полидоровым, и он произвел на него очень хорошее впечатление.

Однако были и противники кандидатуры нашего героя. Среди них: министр юстиции, профессор права Г. Г. Тельберг, некоторые высшие военно-судебные чины, недовольные нововведениями К. П. Полидорова.

6 мая 1919 г. председатель правительства предложил кандидатуру нашего героя Верховному правителю. А.В. Колчак «решительно запротестовал..., объяснив..., что Полидоров его уже подвел по одному делу своим неверным освещением вопроса и он больше ему не верит». Из записей в дневнике можно понять, что на решение адмирала повлиял товарищ (заместитель) министра внутренних дел, бывший депутат 4-й Государственной думы от Томской губернии, член ЦК Партии народной свободы

³⁵² ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 7. ЛЛ. 30–31.

³⁵³ База данных «Жертвы политического террора в СССР»: книга памяти Свердловской области. Т. 6.

В.Н. Пепеляев³⁵⁴. Он даже подавал в отставку³⁵⁵. В итоге ему поручили возглавить названное министерство³⁵⁶.

Остается только догадываться о том, что может стоять и за датой производства К. П. Полидорова в чин генерал-майора – 16 мая 1919 г.³⁵⁷. Можно выдвинуть три версии: 1) шла подготовка к назначению полковника министром; 2) это назначение должно было стать для него утешением и 3) перед нами просто совпадение.

Заслуживает внимание сюжет о наградах нашего героя. К сожалению, в указанном очень содержательном справочнике об этом ничего не сказано³⁵⁸. Мы располагаем сведениями о том, что он Высочайшим приказом от 6 июня 1914 г. был награжден орденом Св. Анны III-й степени. Учитывая наградную практику Российской Империи, можно предположить, что он уже был кавалером орденов Св. Анны IV-й и Св. Станислава III-й степеней³⁵⁹. Без сомнения предстоящая Первая мировая война пополнила этот список.

Предвидя «неизбежность» поражения белогвардейских войск, в сентябре 1919 г. он, по его словам на допросе, оставил службу. Забрав семью, через Маньчжурию он пытался выехать на Родину в Ригу. Однако семье пришлось остаться в Китае.

Здесь К. П. Полидоров работал преподавателем географии, истории и законовещения в Харбинской женской гимназии. С 1920 г. он служил старшим делопроизводителем по заведованию отделом происшествий Китайско-Восточной железной дороги. После ее продажи в 1935 г. Японии уволился. В 1939 г. наш герой устроился в экономическое бюро Южно-Маньчжурской железной дороги (Дайрен). Здесь он служил до конца 1943 г. С 1943 по 1945 гг., как явствует из протоколов, он нигде не работал, а занимался частной юридической практикой.

В ГАХК находится фонд № 830 «Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурии». Среди документов за 1939–1948 гг.

³⁵⁴ Федоренко А. П. Пепеляев Виктор Николаевич // Политические деятели России 1917: биограф. словарь / Гл. ред. П. В. Волобуев. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1993. С. 247.

³⁵⁵ A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China: The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925 Vol. 1. Stanford: Stanford university Hoover institution press, 2002. P. 241–244.

³⁵⁶ Звягин С. П. В. Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века. Томск: ТПУ, 2012. С. 182, 184.

³⁵⁷ Купцов И. В. и др. Указ. соч. С. 423.

³⁵⁸ Купцов И. В. и др. Указ. соч. С. 423–424.

³⁵⁹ Кузнецов А. А. Ордена и медали России. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 22–26.

числятся 13 листов К. П. Полидорова и 3 листа за 1939 г. принадлежат Элеоноре Эмильевне Полидоровой. Возможно, это была его жена.

После освобождения по амнистии в 1956 г. наш герой уехал в Бельгию к брату. Там он ждал визу в США для переезда к сыну Константину Константиновичу в Майами (США). К. П. Полидоров умер 3 ноября 1960 г. в Брюсселе в результате перенесенного инфаркта. На его смерть откликнулась русская эмигрантская пресса³⁶⁰.

Безусловно, документы из архива спецслужбы дополнили наши знания об этом человеке. Однако пока можно сделать только промежуточный вывод. Наш герой прослужил в армии 28 лет, участвовал в трех войнах, дважды находился в эмиграции, одиннадцать лет провел в местах лишения свободы, реабилитация, о которой он не узнал, долгая разлука с близкими. Видимо, не случайна причина его смерти. Вместе с тем, он прожил 78 лет и умер своей смертью в своей постели. При его судьбе это было большой редкостью для людей того поколения.

УДК 343.82

Зубов Сергей Васильевич,
доцент ВАК, г. Саратов,
кандидат исторических наук
e-mail: zubovsv@mail.ru

**Условия содержания Н. Г. Чернышевского на каторге
в Александровском заводе и в Вилуйской тюрьме в 1866–1883
годах по воспоминаниям современников**

Аннотация: исследуются условия содержания литератора Н. Г. Чернышевского на каторге и в тюрьме в 1866–1883 гг.

Ключевые слова: Н. Г. Чернышевский, тюрьма, каторга.

Zubov Sergey Vasilievich,
Ph.D., Associate Professor

**Conditions of detention of N. G. Chernyshevsky in hard labor at the
Alexander Factory and in the Vilyuisk prison in 1866–1883 according
to the memoirs of contemporaries**

³⁶⁰ Новое русское слово (Нью-Йорк). 1960. 11 нояб.; Часовой (Париж – Брюссель). 1960. № 415; 1961. № 416.

Abstract: the conditions of detention of the writer N. G. Chernyshevsky in penal servitude and in prison in 1866–1883 are investigated.

Keywords: N. G. Chernyshevsky, penal servitude, Alexander Factory, Vilyuisk prison.

Знаменитый литературный критик Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) с 1854 по 1862 гг. был сотрудником издаваемого поэтом Н. А. Некрасовым журнала «Современник» в Санкт-Петербурге. Он был арестован 7 июля 1862 г. и после ареста был помещен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, где пробыл под следствием с 7 июля 1862 по 20 мая 1864 г.³⁶¹ Ему вменялось в вину составление знаменитой прокламации «К барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Приговор по делу Н. Г. Чернышевского был объявлен 7 февраля 1864 г.: ссылка в каторжные работы сроком на 14 лет, а затем пожизненное поселение в Сибири. Император Александр II уменьшил срок каторжных работ в двое – до 7 лет³⁶². В общей сложности Н. Г. Чернышевский пробыл в Петропавловской крепости, затем на каторге, а потом в Виллюйской тюрьме с 1862 по 1883 гг., не считая последующих годов ссылки в Астрахани с 1883 по 1889 гг. – 21 год.

В начале июня 1864 г.³⁶³ Н. Г. Чернышевский был привезен в Тобольскую пересыльную тюрьму. Об условиях его содержания в ней оставил свои воспоминания С. Г. Стахевич: «В июне 1864 года я находился в Тобольской тюрьме, в том отделении, где в то время помещались поляки, ссылаемые в Сибирь за участие в восстании. <...>Войдя в контору и взглянув на привезённого человека, я тотчас узнал в нём Николая Гавриловича<...> С разрешения тюремного смотрителя, я повёл его из конторы с собой, предполагая, что он будет пока что в здешней тюрьме на таком же положении, как и я, т. е. будет помещён совместно с поляками в какой-нибудь из двух больших камер, составлявших политическое отделение тогдашней Тобольской тюрьмы. Но через несколько минут пришёл смотритель и сказал, что он получил *распоряжение поместить Чернышевского*

³⁶¹ Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1859–1889). М., 2019. С. 209.

³⁶² Там же. С. 305.

³⁶³ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Саратов, 1959. Т. 2. С. 106.

*отдельно, в одной из маленьких камер*³⁶⁴ так называемого “секретного коридора”. Впрочем, смотритель не препятствовал мне заходить иногда к Николаю Гавриловичу»³⁶⁵.

Из письма Н. Г. Чернышевского к его жене Ольге Сократовне от 12 января 1871 г. известно, что его привезли из Тобольска в Иркутск 10 июля 1864 г. и с этого времени начал отсчитываться срок его каторги³⁶⁶, которая началась на Усольском солеваренном заводе, где он «несколько недель прожил в тюрьме Усольного завода»³⁶⁷. Условия содержания Н. Г. Чернышевского на каторге в Усолье были такими, что позволили ему начать писать роман «Старина», который был им закончен к лету 1866 г.³⁶⁸, а это значит только одно – в Усолье он был освобожден от работ.

В том же 1864 г. Н. Г. Чернышевский из Иркутска был отправлен в каторжную тюрьму в рудник Када́я. Об условиях пребывания Н. Г. Чернышевского в Кадае оставил воспоминания Вячеслав Николаевич Шаганов (1839–1902), который писал, что *Чернышевский «был отправлен в рудник Када́я на китайской границе. Там он жил вместе с Мих. Лар. Михайловым, который при нём и умер. Там Чернышевский написал и лучшие свои романы: “Пролог к прологу”, “Дневник Левицкого” и “Пролог”...»*. При этом В. Н. Шаганов добавлял, что литераторам М. Л. Михайлову и Н. Г. Чернышевскому *«жило им обоим в Кадае недурно, насколько недурно может жить государственный каторжник»*³⁶⁹. Условия содержания сосланных в Кадайскую каторжную тюрьму литераторов М. Л. Михайлова и Н. Г. Чернышевского были такими, что позволили Чернышевскому писать романы, а это значит, что *«в руднике они не работали»*³⁷⁰.

³⁶⁴ Все выделения текста курсивом и жирным, в том числе и в цитатах, принадлежат С. В. Зубову.

³⁶⁵ Стахевич С. Г. Среди политических преступников // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 56.

³⁶⁶ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М., 1949. Т. 14. С. 504.

³⁶⁷ Стахевич С. Г. Среди политических преступников // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 101.

³⁶⁸ Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1859–1889). Там же. С. 392.

³⁶⁹ Шаганов В. Н. Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Саратов, 1959. Т. 2. С. 119–120.

³⁷⁰ Кантор В. К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб., 2016. С. 384.

В августе 1866 г. Н. Г. Чернышевского перевезли из Кадая в Александровский завод, где он и пробыл до конца 1871 г. Александровский завод – это село на реке Газимур в 510 километрах к юго-востоку от Читы, в котором располагался сереброплавильный завод. Этот завод в 1832–1863 гг. был местом каторги для участников польского восстания 1830 г., петрашевцев, каракозовцев и Н. Г. Чернышевского.

Условия пребывания Чернышевского на каторге в Александровском заводе подробно описаны в воспоминаниях революционера-каракозовца Вячеслава Николаевича Шаганова (1839–1902), который отбывал каторгу в Александровском заводе с 22 февраля 1867 г., и с этого времени он был знаком с Чернышевским. В апреле 1872 г. В. Н. Шаганов был переведен в Вилюйский острог, где с февраля того же года уже жил Чернышевский. В своих воспоминаниях он довольно подробно описал условия содержания Чернышевского и на каторге в Александровском заводе, и в Вилюйской тюрьме: «В тюрьме Чернышевский пробыл вместе с нами недолго: в начале зимы 1867 г. его выпустили на квартиру в завод, так как окончилась треть срока его пребывания на каторге, по истечении которой, по закону, каторжные должны освободиться от содержания в тюрьме. Он нанял небольшую квартирку в доме заводского дьячка, в нескольких шагах от нашей тюрьмы. Ему иногда позволяли приходить к нам в тюрьму, а во время праздников Рождества и Пасхи он проводил у нас и по несколько дней, когда читал нам свои романы...»³⁷¹.

«Постоянным помещением Чернышевского в тюрьме Александровского завода, именуемой конторой, после его взятия с квартиры из села... была небольшая продолговатая комнатка в одно окошко против входных дверей, – комнатка, сделанная просто из сеней этого дома. С наружного фасада дома было крыльцо в несколько ступеней с небольшим фронтоном, поддерживаемым 4-мя колоннами, и за этими колоннами – входная дверь из двух половинок со стеклянным верхом. Вот эту-то входную дверь снаружи наглухо забили досками, а стеклянный верх обратили в единственное окно, которое также забили железной решёткой, что, вместе с застиланием света колоннами, делало комнату достаточно тёмною. По бокам этой комнаты изнутри были также две двери, ведущие в комнаты дома, также заколоченные; за этими дверями помещались ссыльные поляки.

---

³⁷¹ Шаганов В. Н. Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Саратов, 1959. Т. 2. С. 122–123.

Входная дверь была сделана в глухой перегородке, которая была прилажена по середине этих сеней, а за перегородкой сени продолжались до другого чёрного выхода во внутренний двор, с которого теперь и было сообщение со всем зданием.

Днём за дверями комнатки Николая Гавриловича бывало довольно шумно, потому что много уж очень народу было набито в небольшом доме, в пяти, кажется, небольших комнатах – человек 50–60, иногда до 70, – набито против всяких правил гигиены о норму пространства.

<...> Скверна эта тюрьма для Чернышевского была тем, что при ней был крайне маленький двор и, конечно, по такому количеству народа, довольно зловонный, а более гулять было негде, как только на этом дворике. *Чернышевского не посылали на работы, куда иногда посылали нас и поляков летом, – вероятно, существовало предписание не посылать Чернышевского.* Но эти преимущества только лишали его более чистого воздуха и возможности движения, прогулки. Когда Чернышевский – с год, должно быть, – *жил в заводе на квартире, то он любил гулять часто и подолгу, забирался на высокие горы, окружающие завод, купался и поэтому был гораздо свежее и здоровее.* В тюрьме же, в лишённом достаточного количества света помещении, ему было довольно холодно, и он привык постоянно носить длинное пальто на мерлушечьем меху, которое надевал прямо на сорочку, и сидел всегда в лёгкой барашковой шапке, потому что зимой у него со всех сторон комнаты дуло. Да и в самом деле, как было не дуть между четырьмя крест-накрест дверями, между которыми ему устроили помещение!

Вот как начинаешь вспоминать Чернышевского в обиходной обстановке его житья в Александровском заводе...»³⁷².

Сам Н. Г. Чернышевский об условиях его жизни в Александровском заводе в письме к своей жене Ольге Сократовне от 18 апреля 1868 г. писал следующее: *«Располагаю своим временем свободнее, нежели мог в Петербурге: там было много отношений, требовавших церемонности; здесь, с утра до ночи, провожу время, как приятно мне»*³⁷³.

В декабре 1871 г. истекал срок пребывания Н. Г. Чернышевского, на каторге, в связи с чем ожидался его перевод в Западную Сибирь на поселение, но в нарушение законодательства ему продлили наказание пребыванием в тюрьме: *«По окончании срока каторжных работ, определённого резолюцией Александра II, Чернышевского надо было по закону перевести в разряд*

³⁷² Там же. С. 137–138.

³⁷³ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. Т. 14. С. 490.

ссылнопоселенцев с разрешением жить с семьёй в одном из городов Восточной или Западной Сибири. Но правительство отправило его в нарушение всех юридических установлений того времени в Вилюйскую тюрьму под жандармскую охрану»³⁷⁴. Чернышевского перевели не на запад, а на восток – в город Вилюйск на границу с Монголией и не в ссылку, а в тюрьму еще на 12 лет.

Месторасположение Вилюйской тюрьмы и условия пребывания в ней Чернышевского довольно подробно описаны в воспоминаниях того же В. Н. Шаганова:

«В центре тундры стоит одинокий домик станции, где уже не держат лошадей – их нечем кормить, а возят на оленях. Проехавши от этой станции вёрст 20–25, вы опять въезжаете в область бесконечных лиственничных лесов. Здесь вы постепенно съезжаете с террасы на террасу вниз. При приближении к Вилюйску, вёрст за 20–30, однообразный лиственничный лес начинает понемногу мешаться с сосной, на земле начинают попадаться налеты песка, и вот, прямо из лесу, вы буквально упираетесь в какой-то забор. Это и есть город Вилюйск. Проплутавши минут пять между заборами и юртами, вы попадаете на какое-то подобие улицы. С правой руки (от въезда) на этой улице церковь, за церковью – пустырь и на конце этого пустыря, над обрывами, ведущими к берегу реки Вилюя, стоит длинная казарма, а за ней – обнесённый частоколом острог.

Я с товарищем приехал в Вилюйск в последних числах апреля (1872 г.) <...> Чернышевский был уже тут. Его привезли месяца за два с лишком до нас (должно быть, в половине февраля) <...>.

Острог, в котором помещался Николай Гаврилович, представлял собою дом сажений 15 в длину и 10 в ширину³⁷⁵ (приблизительно). Частокол подходил к окнам очень близко, сажени на две, много на три³⁷⁶. Прямо из ворот частокола – крыльцо ступеней в пять, затем двойные створчатые двери; за этими дверями, отступя шага три, от потолка до полу деревянная, из толстых брусьев, решетчатая дверь; за ней – коридор с тройным окном на противоположном конце; по обеим сторонам коридора – по три камеры. Николай Гаврилович жил в третьей, последней камере, с правой руки от входа; в 1-й камере справа от входа жил жандарм, а в средней камере на левой руке жил казачий урядник. В самом коридоре, у окна, помещался служитель, кажется, из якутов. На каждую камеру приходилось по печке, топки

³⁷⁴ Кантор В. К. «Срубленное древо жизни»... С. 357.

³⁷⁵ 15 сажений = 31,95 метра; 10 сажений = 21,3 метра. – Примечание С. В. Зубова.

³⁷⁶ 2 сажени = 4,26 метра; 3 сажени = 6,4 метра.

которых были снаружи, из коридора. В камеру Николая Гавриловича вела дверь, обитая клеёнкой, как и в прочих камерах. На правой руке стояла деревянная кровать, налево в углу у двери – маленький столик и поперёк всей комнаты – большой стол сажени две³⁷⁷ длины. Тут у него лежали все книги, табак и прочие мелочи. Прямо против двери – два окна с решётками, очень высоких, но свету в комнате было сравнительно мало, ибо окна глядели прямо в частокол, и из них не виднелось даже и кусочка неба. Сама камера была очень сыра, так что Николай Гаврилович ещё до сих пор (т.е. в конце апреля) не мог сидеть без валенок, иначе сейчас же начиналась ломота в ногах. При этом остроге, сзади его, в ограде же была ещё кухня и баня.

Острог этот начали строить в 1866 г., предполагая отправить туда нас, караковцев. <...> Постройка острога и казармы около него, говорят, стоила 20 тысяч. Лес доставали с верховьев Вилюя, вёрст за 600 от города, и точно – лес хорош, брёвна чуть не [три четверти] $\frac{3}{4}$ в диаметре.

<...> По приезде в Виллойск Николаю Гавриловичу сказали..., что квартиры здесь найти нельзя и пытаться напрасно, что *в остроге чисто, просторно и что он, Николай Гаврилович, там всегда свободен, как и на любой частной квартире*. Оказалось, хотели вежливым образом, как бы незаметно, посадить в острог. Надо было принять любезное предложение»³⁷⁸.

«С тех пор, пока я был *на Вилюе*, мне выдавали 200 руб. в год. *Чернышевскому также по пути назначили по 17 руб. в месяц*, – до этого он получал ежемесячно по 11 р.<...> Про Николая Гавриловича до меня изредка доходили вести от посторонних лиц, что с исправником он живёт не в ладах (т.е. просто сам исправник на него злится), редко где бывает, исключая одной старушки, вдовы отставного чиновника Корякиной, *у которой берёт себе обеды; летом гуляет по лесу, вблизи острога, и по берегу Вилюя*; что жандарм творит ему по возможности пакости, – так, например, зимой начал запира́ть острог, когда сам уходил пьянствовать с казаком в город, а потом это запира́ние ввёл в систему, именно: стал запира́ть острог, когда бывал и дома, со времени казённой зари, т.е. с 9-ти часов. Эта практика удержалась и впоследствии, когда я на обратном пути был у Чернышевского. Так постоянно, понемногу его переводили на острожное положение, которое потом даже усилилось присылкой военного караула и занятием им сторожевых постов со всех сторон острога.

³⁷⁷ 2 сажени = 4,26 метра.

³⁷⁸ Шаганов В. Н. Указ. соч. С. 139–143.

В начале февраля 1874 г. я снова был в Виллойске. <...>И едва я приехал в город и хотел идти к Чернышевскому, как уже оттуда явился жандарм и позвал меня, сказавши, что Чернышевский узнал о моём приезде и зовёт меня к себе. И этот... жандарм оказался очень милый человек. Он только-что недавно приехал в Виллюйск вместе с женой, вместе же с ней и жил в камере острога, рядом уже с камерой Чернышевского. Он прожил на Виллюе два года. *Каждый жандарм, прикомандированный к Чернышевскому, получал по 20 р. ежемесячного жалованья. У этого жандарма Чернышевский теперь брал и стол*³⁷⁹.

Дополнительную интересную информацию об условиях содержания Н. Г. Чернышевского в Виллюйской тюрьме дают воспоминания Дмитрия Ивановича Меликова. Д. И. Меликов – чиновник Министерства юстиции, занимавший в Якутске последовательно должности прокурора, мирового судьи и члена окружного суда. Весной 1883 г. он со служебной командировкой посетил Виллюйск, где увидел Н. Г. Чернышевского и осмотрел его тюремную камеру. В своих воспоминаниях он описал это так:

«Весною 1883 года я отправился в Виллюйск<...> Мне, как прокурору, предстояло осмотреть острог. Меня тянуло к этому осмотру, так как в остроге в то время содержался страшный, по убеждению местной администрации, политический преступник – Николай Гаврилович Чернышевский<...>.

В то время острог стоял на крутом, обрывистом, высоком берегу р. Виллюя. Берег этот ежегодно подмывало, и тюрьма лет через пять после моего посещения была смыта, хотя здание, кажется, перенесли. Расстояние тюрьмы от г. Виллюйска, именно считая от старого собора, было сажен 200–250³⁸⁰.

Тюрьма представляла собой квадратную площадь, сажен десять³⁸¹ по стороне, обнесённую стоячими бревенчатыми палиями, с заострёнными концами, как вообще строятся тюрьмы в Сибири. Ворота в ограду тюрьмы одни, обращены к реке Виллюю. Самое здание тюрьмы также представляло собою квадрат, сажен шесть³⁸² по стороне. Вход в здание тюрьмы – против наружных ворот. Входная дверь ведёт в коридор, разрезывавший здание на две части. На левой стороне находились три камеры. Первые две от входа были пусты, в

---

³⁷⁹ Там же. С. 145.

³⁸⁰ 200 саженъ = 426 метров; 250 саженъ = 532,5 метров.

³⁸¹ 10 саженъ = 21,3 метра.

³⁸² 6 саженъ = 12,78 метров.

третьей же узенькой комнате содержалась молодая женщина с ребёнком менее года <...>.

На правой от входа стене коридора две двери – первая ведёт в помещение жандарма, вторая – вход в камеру Николая Гавриловича. Около этой двери, далее её, ближе к окну, которым заканчивается коридор, подвешена на блоке деревянная четырёхугольная платформа в квадратный аршин³⁸³, как чаша простых больших часов. Платформа на верёвке и блоке – может опускаться и подниматься. На платформе что-то наложено и наставлено, что именно – определить нельзя, так как всё закрыто газетной бумагой. Оказалось, что на платформе хранится провизия Николая Гавриловича, которую он таким образом, по его объяснению, спасает от мышей.

Вошли в камеру. Комната мрачная, душная <...>.

Комната³⁸⁴ Николая Гавриловича была квадратная, приблизительно 8–9 аршин по стороне, высотой аршина четыре³⁸⁵. В комнате было только два окна. По стенам комнаты, за исключением двери двух окон и печки (на правой стене от входа), были устроены из простых плах широкие полки, каждая из двух плах, заполненных в два ряда преимущественно новыми, недержанными или очень бережно сохраняемыми книгами. Посредине комнаты на крестовинах были положены плохо выструганные, непригнанные две плахи, изображавшие из себя и служившие столом. Стол этот прежде всего обращал на себя внимание своей высотой более $\frac{1}{2}$ аршин, тогда как высота обыкновенного стола по столярному ремеслу определяется в 1 арш. 2 вершка³⁸⁶.

Перед правым от входа концом стола у стены стоял какой-то мягкий, вроде турецкого, но утративший всякую форму диван, который и служил кроватью Николаю Гавриловичу. Пыли в комнате было невероятное количество. Пол был настолько грязен, что можно было только догадываться, что он из плах, а не земляной. На столе стоял заржавленный, позеленевший, старый, покосившийся как-то на все стороны самовар – когда-то жёлтой меди, стояла грязная, невымытая посуда. Самый стол представлял сплошную грязь. Местами на столе была постлана газетная бумага, тоже грязная. Очевидно, что очистки

³⁸³ 1 аршин = 71,12 см.

³⁸⁴ В данном месте текста воспоминаний примечание редактора Ю. Г. Оксмана: «В оригинале имеется схематический чертёж всей площади острога, здания и камеры Николая Гавриловича. По техническим условиям воспроизвести его здесь не представляется возможным. Оригинал с разрешения автора передан в Якутский музей».

³⁸⁵ 8 аршин = 5,69 метра; 9 аршин = 6,4 метра; 4 аршина = 2,8 метра.

³⁸⁶ $\frac{1}{2}$ аршина = 35,56 см.; 1 аршин 2 вершка = 80,12 см.

комнаты или никогда не производилось, или таковая была – и то небрежно – в несколько лет раз.

Стены комнаты, смазанные в пазах глиною, и потолок, когда-то выбеленные, пожелтели, почернели, побелка по многих местах обвалилась, и общий вид камеры представлял мерзость запустения.

На столе был пузырёк, небольшой, с подозрительно бурыми чернилами, и ручка со стальным пером. Стульев в комнате я не заметил, почему и прихожу к заключению, что Николай Гаврилович писал стоя, наклоня голову к самому столу, так как по близорукости своей Николай Гаврилович читал и писал, держа бумагу почти вплоть к очкам. Это мнение моё поддерживала и высота стола. Других столов в комнате не было»³⁸⁷.

Нужно пояснить, почему деревянный пол камеры Чернышевского в Вилуйской тюрьме был грязным: он его не мыл по причине того, что боялся сырости – у него были слабые лёгкие. Когда по распоряжению областного начальства в Вилуйской тюрьме решили сделать ремонт, перебрать печи, в камерах перестлать полы, а весь корпус побелить известью, то Чернышевский категорически воспротивился побелке и заявил, что для него это медленная смерть³⁸⁸. Тогда Чернышевскому пошли навстречу, в его камере не сделали побелки, обклеили стены белыми обоями, а потолок обтянули недорогой тканью ланкордом³⁸⁹.

Дополнительные интересные детали условий содержания Н. Г. Чернышевского в Вилуйской тюрьме описал в своих воспоминаниях В. Беренштам со слов рассказа жены начальника Вилуйской тюрьмы Александры Ларионовны Могилёвой:

«Первый муж её состоял последним начальником тюрьмы в Вилуйске, где многие годы томился... Н. Г. Чернышевский.

Наш разговор я тогда же дословно записал.

– Я жила с мужем в Вилуйске в 1883 г., – начала свой рассказ А. Л. Могилёва. – Приехали мы в Вилуйск на Рождество, а выехали обратно 30 августа. В Вилуйске жандармы и казаки – вся команда менялась каждый год. Такое было распоряжение начальства. Команда же состояла из 7 человек казаков, 2 урядников и 1 жандарма. Жандарм (в данном случае мой муж – Щепин) был самым старшим над тюрьмой. Исправник и его помощник не имели никакой власти над

³⁸⁷ Меликов Д. И. Три дня с Чернышевским // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 246–249.

³⁸⁸ Кокшарский А. Г. Мои воспоминания // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 236.

³⁸⁹ Там же. С. 237.

Чернышевским. *Мужу при готовой квартире, отоплении и освещении платили 26 р. 50 к. в месяц.* И всё-таки было очень трудно!..

На содержание же Николая Гавриловича Чернышевского давалось по 12 или 13 руб. в месяц³⁹⁰. Он не ел ни мяса, ни белого хлеба, а только чёрный, употреблял крупу, рыбу и молоко. Он всё готовил себе сам. Молоко процеживал через березовый уголь.

Больше всего Чернышевский питался кашей, ржаным хлебом, чаем, грибами (летом) и молоком, редко – рыбой. Птица дикая в Виллюйске тоже была, но он её и масла не ел. Он ни у кого и в гостях ничего не ел, как, бывало, ни просили. Раз только на именинах моих немного съел пирога с рыбою. Вина тоже терпеть не мог: если, бывало, увидит, сейчас говорит: "это уберите, уберите!"³⁹¹.

Ознакомившись с условиями содержания Н. Г. Чернышевского на каторге в Александровском заводе с 1866 по 1871 гг. по воспоминаниям В. Н. Шаганова и с условиями содержания Н. Г. Чернышевского в Виллюйской тюрьме с 1872 по 1883 гг. по воспоминаниям того же В. Н. Шаганова, а ещё Д. И. Меликова, В. Беренштама и А. Г. Кокшарского, как охарактеризовать их? Само понятие «каторга» неизбежно вызывает у любого человека устойчивую ассоциацию с тяжелыми физическими работами и это верно. Но когда Н. Г. Чернышевский отбывал свой срок каторжных в Александровском заводе, его ни одного дня не заставляли работать ни в серебряных рудниках, ни в плавильных цехах, ни на заготовке дров, *он не работал нигде ни одного дня*, таково было предписание свыше.

Виллюйская тюрьма по современным понятиям фактически опять же была не тюрьмой, а больше напоминала ссылку на поселение. Только жил Чернышевский не в отдельном доме, а в отдельной камере с обстановкой частного дома. Но это было здание острога, который был огорожен и охранялся, запирался снаружи только на ночь по расписанию.

В Виллюйской тюрьме Н. Г. Чернышевский получал денежное довольствие из государственной казны в размере 17 р. 12 коп. в месяц, что составляло 64,6% от зарплаты охранявшего его жандарма, получавшего в месяц 26 р. 50 коп.

---

³⁹⁰ В. Н. Шаганов о денежном довольствии Н. Г. Чернышевского в Виллюйской тюрьме писал в воспоминаниях: «С тех пор, пока я был на Виллюе, мне выдавали 200 руб. в год. Чернышевскому также по пути назначили по 17 руб. в месяц, – до этого (на Александровском заводе. – С. 3.) он получал ежемесячно по 11 р...» [Шаганов В. Н. Указ. соч. С. 145.].

³⁹¹ Беренштам В. В гиблых местах // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 220–224.

Информация, сообщенная о ежемесячном казенном пособии Н. Г. Чернышевского в 17 рублей в мемуарах В. Н. Шаганова и в 16 рублей – в мемуарах А. Г. Кокшарского³⁹², подтверждается исследователем В. К. Кантором: «Недостатка в деньгах для приобретения продуктов или вещей не испытывал. В предписании якутскому губернатору от 12 ноября 1871 г. расходы на содержание Чернышевского определялись суммой в 17 рублей 12 копеек. Она составила из намеченного вилюйским исправником списком продовольствия на один месяц сообразно с местными ценами: 1 фунт чая и 2 фунта сахара – 3 руб.³⁹³, 1 пуд 20 фунтов³⁹⁴ ржаной муки по цене 1 руб. 91 коп, за пуд, 1 пуд пшеничной муки – 4 руб., 1 пуд 20 фунтов мяса по цене 3 руб. за пуд, 10 фунтов³⁹⁵ коровьего масла – 2 руб. 50 коп., 10 фунтов соли – 25 коп.»³⁹⁶

Безусловно, в материальном отношении жизнь Н. Г. Чернышевского в Вилюйской тюрьме была менее обеспеченной, чем в тот период его жизни до ареста, когда он с 1854 по 1862 гг. работал журналистом в журнале «Современник», издаваемом Н. А. Некрасовым в Петербурге: *в 1850-е гг. в России при самодержавии и крепостном праве диссидентствующий журналист Н. Г. Чернышевский (который идейно не обслуживал интересы власти) в журнале «Современник» зарабатывал 12–13 тысяч рублей в год³⁹⁷ или по 1080 рублей в месяц, что в переводе на современные деньги составляла 1.080.000 рублей³⁹⁸*, и по современной социальной

³⁹² Там же. С. 233.

³⁹³ 1 фунт = 0,4535923745 кг; 2 фунта = 0,9 кг.

³⁹⁴ 1 пуд 20 фунтов = 25 кг.

³⁹⁵ 10 фунтов = 4,53 кг.

³⁹⁶ Кантор В. К. «Срубленное древо жизни»... С. 407.

³⁹⁷ Пыпина В. А. Любовь в жизни Чернышевского. Размышления и воспоминания. (По материалам семейного архива). Пг., 1923. С. 48.

³⁹⁸ С такой зарплатой Н. Г. Чернышевского в современной России могут быть сравнимы заработки таких известных журналистов, ведущих политические передачи на телевидении, как Ольга Скабеева и Олег Попов, годовой доход которых в 2019 г. составил соответственно – 12,8 млн и 12,9 млн рублей (URL: https://aif.ru/money/mymoney/skolko_zarabatyvayut_sheynin_i_drugie_vedushchie_ob_shchestvenno-politicheskikh_shou). Но при этом сравнении нужно подчеркнуть, что зарплаты О. Скабеевой в 1 066 666 р. и О. Попова в 1 075 000 р. ежемесячно платятся им за обслуживание ими политических интересов существующей власти, а Н. Г. Чернышевский получал свою зарплату, исчисляемую современными деньгами в 1 080 000 р. в месяц, будучи журналистом диссидентствующим, который не обслуживал интересы существующей власти. Вот такой был уровень жизни в самодержавной России.

стратификации, как и в свое время, он относится даже не к среднему классу, а к высшему классу богатых.

И поэтому Н. Г. Чернышевский вел образ жизни, соответствующий богатым сословиям: когда он жил в Петербурге, то арендовал дом в несколько комнат в историческом центре города, имел экипажи, лошадей³⁹⁹, соответственно держал кучера⁴⁰⁰, повара, каждое лето арендовал дачу в Павловске⁴⁰¹; «у его жены всегда была собственная ложа в театре, а своими нарядами она потрясала весь Петербург»⁴⁰².

Характеризуя материальное положение Н. Г. Чернышевского нужно добавить, что он был помещиком и в Аткарском уезде Саратовской губернии владел землей площадью 38 десятин (или 41,4 гектар), об этом в своих воспоминаниях писала его племянница В. А. Пыпина: «Николай Гаврилович счёл излишним пользоваться доходами с своего небольшого саратовского дома и предоставил этот дом, как и *небольшой участок земли в Аткарском уезде (38 дес[ятин])* в полное управление и распоряжение Николая Дмитриевича Пыпина. *Лишние 300–400 р. в год не имели никакого значения для Николая Гавриловича...*»⁴⁰³.

После отмены крепостного права *одна крестьянская семья получала надел земли площадью в 6 десятин*, поэтому если сравнивать, то площадь «небольшого участка земли» Чернышевского равнялась площади *шести* крестьянских наделов, и, таким образом, он являлся мелкопоместным помещиком, который мог не работать вообще и при этом скромно жить только на доходы от сдачи в аренду этой земли, которые равнялись зарплате мелкого чиновника в 30–33 рубля в месяц⁴⁰⁴.

Всю свою жизнь Н. Г. Чернышевский вел барский образ жизни, у него всегда с рождения и до смерти была прислуга и даже будучи в Виллойской тюрьме, он никогда не готовил себе еду самостоятельно, а платил деньги «за стол» и его кормили, «на квартиру старушки вдовы Карякиной... приходил обедать Николай Гаврилович»⁴⁰⁵; в этой

³⁹⁹ См.: Пыпина В. А. Любовь в жизни Чернышевского... С. 34.

⁴⁰⁰ См.: Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III Отделения // Красный Архив. 1926. Т. XIV. С. 114.

⁴⁰¹ См.: Пыпина В. А. Любовь в жизни Чернышевского... С. 41.

⁴⁰² См.: Кантор В. К. «Срубленное древо жизни»... С. 257.

⁴⁰³ Пыпина В. А. Любовь в жизни Чернышевского... С. 48.

⁴⁰⁴ См.: Панаева А. Я. Русские писатели и артисты // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Саратов, 1958. Т. 1. С. 412.

⁴⁰⁵ Кокшарский А. Г. Мои воспоминания // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 227.

тюрьме он даже сам себе не стирал белье, ему это делали нанятые им женщины за плату, например, «старуха Кондакова... бралась иногда починить ему бельё или испечь что-нибудь...»⁴⁰⁶; вообще *с самого рождения и до дня смерти у него всегда была прислуга, даже в тюрьме*. Поэтому его современник Ф. В. Духовников совершенно справедливо писал: «Может быть Н. Г. искренно сказал одному своему родственнику: *"Вы думаете, что в Сибири мне жилось нехорошо, я только там и счастлив был"*»⁴⁰⁷.

Условия содержания Н. Г. Чернышевского на каторге и в тюрьме в Сибири в 1864–1883 гг. для нас сегодня в XXI в. выглядят необычно, экзотично. Тюрьма и каторга для политических заключенных в Российской империи в 1860–1870-е гг., на примере содержания знаменитого диссидентствующего журналиста Н. Г. Чернышевского, несли на себе своеобразный отпечаток патриархального быта традиционного общества и поэтому, если и можно в контексте этого применять понятие «гнёт самодержавия», то только в кавычках.

УДК 343.24/.29; 343.241; 343.81/82

Кораблин Константин Климентьевич,
 профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
 Юридического института
 Тихоокеанского государственного университета,
 кандидат юридических наук, профессор,
 e-mail: kkorablin@mail.ru
 ORCID ID: 0000-0001-8221-0236

Просветительские взгляды и гуманистические идеи основоположников средневековой европейской пенитенциарной науки

Аннотация: в статье анализируются просветительские взгляды и гуманистические идеи известных зарубежных исследователей, занимавшихся в XVIII – начале XIX столетий разработкой фундаментальных основ нового направления в юридической науке,

⁴⁰⁶ В. П. «Чернышевский в памяти Вилюйчан» // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 225.

⁴⁰⁷ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 370.

получившего название «science penitentaire» или «пенитенциарная наука».

Ключевые слова: Европа, наказание в виде лишения свободы, тюрьма, тюремное заключение, тюремное служение, тюремная филантропия (благотворительность).

Korablin Konstantin Klimentevich,
professor of the department of state law disciplines Law Institute
Pacific National University,
candidate of law, professor

Enlightenment views and humanistic ideas of the founders of the medieval European penitentiary science

Abstract: the article analyzes the enlightenment views and humanistic ideas of famous foreign researchers who in the 18th - early 19th centuries were engaged in the development of the fundamental foundations of a new direction in legal science, called «science penitentaire» or «penitentiary science».

Keywords: Europe, punishment in the form of deprivation of liberty, prison, imprisonment, prison ministry, prison philanthropy (charity).

Как известно, пенитенциарная (уголовно-исполнительная, тюремная) политика, в основе которой лежит наказание в виде лишения свободы, существует с незапамятных времен. Однако предмет пристального общественного внимания и глубокого научного исследования она становится в XVIII – начале XIX столетий.

Однако еще в XVII в. монах ордена Святого Бенедикта⁴⁰⁸ Ж. Мабильон⁴⁰⁹, изучая институт наказания в виде лишения свободы, впервые предложил миру особую систему тюремных заведений, в

---

⁴⁰⁸ Бенедикт Нурсийский (Святой Бенедикт) (480–547) – реформатор западноевропейского монашества. В 529 г. основал первый католический и православный монашеский орден (монахи-бенедиктинцы) со строгим уставом, получивший впоследствии широкое распространение в Западной Европе. В православной традиции причислен к лику преподобных. Небесный покровитель Европы.

⁴⁰⁹ Жан Мабильон (1632–1707) – французский ученый, монах-бенедиктинец, автор трудов по вспомогательным историческим дисциплинам – палеографии и дипломатике, ярый противник неоправданной жестокости режима содержания заключенных в монастырских тюрьмах.

которых основные принципы исправления преступников нашли бы наиболее полное применение. Такие учреждения получили название – пенитенциарии⁴¹⁰. По мнению Ж. Мабильона, спасения человека, впавшего в грех преступления, можно достичь через духовное очищение – молитвы и покаяние, а также содержание греховной плоти в условиях сурового заключения. Со временем отдельные положения предложенной им концепции нашли свое воплощение в создаваемых в Европе различного рода заведениях тюремного типа, таких как исправительно-трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей в Генуе (1653 г.) и Риме (1735 г.), похожие заведения для взрослых преступников в Милане (1766 г.) и др.⁴¹¹

Однако во Франции времен Людовика XVI предложенная Ж. Мабильоном концепция, так и осталась невостребованной. Между тем, она не пропала бесследно, а получила дальнейшее развитие в трудах выдающихся европейских просветителей и гуманистов, среди которых видное место принадлежит основоположнику европейского пенитенциарного права Ч. Беккариа⁴¹².

Большое влияние на формирование его гуманистических представлений оказали выдающиеся французские мыслители, просветители-энциклопедисты Ш. Мотескьё, Д. Дидро, Ж. Д'Аламбер, Вольтер, Ж. Ж. Руссо, М. Ж. Кондорсе и др. После публикации в 1764 г. трактата «О преступлениях и наказаниях», всколыхнувшего европейское общество, Ч. Беккариа получил всемирную известность. В 1803 г. его работа была издана и в России, в которой он писал: «одно из самых действительных средств, сдерживающих преступления, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности...

---

⁴¹⁰ Пенитенциарий (лат. *penitentarius* – «кающийся, покаянный, раскаивающийся, исправляющийся») – относящийся к наказанию, преимущественно уголовному. Особая система исправительных учреждений тюремного типа, появившихся в начале XIX в. в Англии и Америке, для одиночного содержания заключенных. Первым пенитенциарием была названа американская тюрьма в Черри-Хилле (близ Филадельфии), которая выстроена в форме звезды, испускающей лучи, с многочисленными камерами для одиночного заключения. В конце XVIII – начале XIX столетий во Франции появилось новое понятие «*science penitentaire*» или «пенитенциарная наука».

⁴¹¹ См.: Витина М. Д. Система исполнения наказания в Западной Европе // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2 (15). С. 183.

⁴¹² Чезаре Беккариа Бонезана (1738–1794) – итальянский мыслитель, публицист, юрист, философ, экономист, общественный деятель, один из величайших представителей итальянского Просвещения.

Наказания должны соразмеряться с преступлениями не только в отношении своей тяжести, но и способа их выполнения... Лучше предупреждать преступления, чем наказывать. В этом – главная цель всякого хорошего законодательства»⁴¹³. Как видим, передовые взгляды Ч. Беккариа существенно повлияли на умы и чаяния европейской общественности того времени, что явилось толчком к проведению либеральных реформ уголовного права и правосудия (отмена пыток, сокращение применения смертной казни, утверждение принципа законности и др.) в просвещенных монархиях Австрии, Пруссии, Швеции, Италии.

Другой, не менее известный представитель тюремного дела, Дж. Говард⁴¹⁴ перенес идею пенитенциариев в Англию, где она вызвала широкий общественный интерес. Спустя столетие, его взгляды на правильное (с точки зрения гигиены) устройство тюремных учреждений пенитенциарного типа нашли благоприятную почву в Америке. В 1777 г. он даже издал книгу «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе», которая шокировала умы современников и дала толчок к гуманизации всей европейской тюремной системы. В 1805 г. увидела свет еще одна его работа «О тюрьмах и смиренных домах в Голландии». Изучая карантинное дело в тюрьмах Англии и континентальной Европы, Дж. Говард выявил прямую зависимость инфекционных заболеваний в городах от вспышек эпидемии в тюремных замках. В 1785 г. он предпринял опасное путешествие по Южной Европе для исследования заболевания чумой и выработки эффективных мер борьбы с ним. В 1781 и 1789 гг. дважды посетил Россию. В конце 1789 г. побывал Санкт-Петербурге, Москве, Николаеве, Очакове, Херсоне. Здесь он делился опытом борьбы с эпидемией тифа, проявлял активный интерес к достижениям русской тюремной медицины. Планировал посетить Крым, однако от своих пациентов заразился смертельной болезнью и 20 января 1790 г. умер. С большими почестями Дж. Говард был похоронен в Херсоне, где в 1826 г. ему был установлен памятник⁴¹⁵.

---

⁴¹³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. С. 308–309, 339, 393.

⁴¹⁴ Джон Говард (1726–1790) – английский врач, юрист, филантроп, тюремный реформатор, исследователь санитарно-гигиенических условий содержания заключенных в тюрьмах Англии и Европы.

⁴¹⁵ См. подробнее: Джон Говард (John Howard). Биография [Электронный ресурс] // Люди: биографии, истории, факты, фотографии. URL: https://www.peoples.ru/state/lawyers/john_howard/ (дата обращения: 01.02.2023);

Одним из авторов британской тюремной реформы, основанной на христианской религиозной морали, был В. Веннинг⁴¹⁶. К 30 годам он считался одним из самых молодых и процветающих торговцев в Лондоне. Находясь на вершине финансового успеха, молодой человек неожиданно вступил в одну из конгрегационалистских⁴¹⁷ общин, и посвятил остаток жизни филантропической деятельности в тюрьмах Великобритании и Российской империи⁴¹⁸. Будучи членом лондонского «Общества улучшения мест заключения», в душевном порыве, в 1818 г. (по другим сведениям, в 1817 г.) он прибыл в Санкт-Петербург для знакомства с состоянием тюремного дела в России. Разрешение на посещение тюрем В. Веннинг получил от князя А. Н. Голицына. На протяжении двух лет он изучал русские тюрьмы, после чего подал записку на имя императора Александра I, в которой открыто выражал свое неудовольствие содержанием заключенных: «Нужные места, не чистившиеся несколько лет, так заразили воздух, что почти невозможно было сносить зловоние. В сии места солдаты водили мужчин и женщин одновременно, без всякого разбора и благопристойности. В камерах было также темно, грязно, а пол не мылся с тех пор, как сделан. Сидело в одной комнате 200 человек, и вместе с величайшим, например, преступником, окованным железом, несчастный мальчик за потерю паспорта». Вывод, который он делал, был весьма неутешительным: «Невозможно без отвращения даже и помыслить о скверных следствиях таких непристойных учреждений:

Нахапетов Б. А. Джон Говард и его вклад в эпидемиологию чумы // Вопросы истории, естествознания и техники. 2001. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/BIO/HOWARD.HTM> (дата обращения: 01.02.2023); Кузьмин С. И., Пертли Л. Ф. Международные правовые акты и их влияние на гуманизацию пенитенциарного законодательства России // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 137.

⁴¹⁶ Вальтер (Уолтер) Веннинг (1781–1821) – английский купец и меценат, квакер и филантроп, член лондонского Общества по улучшению мест тюремного заключения. Совмещал занятия торговлей с тюремной благотворительностью.

⁴¹⁷ Конгрегационализм (Конгрегациональная церковь; индепенденты, предводитель Оливер Кромвель) – радикальная ветвь английского кальвинизма, возникшая около 1580 г. в результате раскола с пресвитерианами, и утверждавшая автономию каждой поместной церковной общины (конгрегации).

⁴¹⁸ См.: Васильева С. А., Эрлихсон И. М. Роль конфессионального фактора в тюремных реформах Великобритании в конце XVIII – середине XIX века // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2 (89). С. 42.

здоровье и нравственность должны гибнуть здесь, как ни кратко будет время заточенья»⁴¹⁹.

Чтобы исправить ситуацию, В. Веннинг стал инициатором создания первого в России «Попечительного Общества о тюрьмах», которое было образовано 19 ноября 1819 г. под покровительством Александра I, и занималось хозяйственной деятельностью тюрем, благотворительностью, организацией системы религиозного и нравственного воздействия на заключенных, устройством лазаретов, школ грамотности, арестантских работ, оказывало содействие тюремной администрации⁴²⁰. В 1821 г., заразившись тифом во время очередного обхода тюрем, В. Веннинг скончался. Похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге. Памятник ему был воздвигнут Санкт-Петербургским тюремным обществом, о чем наглядно свидетельствует надгробная надпись (эпитафия): «Санкт-Петербургское тюремное общество воздвигло сей памятник возлюбленному члену своему, соотечественнику Говарда – Вальтеру Веннингу, положившему здесь начало тюремным заведениям»⁴²¹.

В числе выдающихся мыслителей в области пенитенциарной науки можно назвать и Иеремию Бентама⁴²², который являлся ярким последователем европейских просветительских идей. Обладая от рождения большим умом и развитым интеллектом, он в 13 лет поступил Королевский колледж в Оксфорде, который успешно окончил, получив степень магистра права. В 20 лет И. Бентам стал адвокатом. В 1784–1787 гг. он посетил ряд европейских государств: Францию, Италию, Голландию, Пруссию, Турцию, Россию, где окончательно сформировались его научно-теоретические взгляды. В 1789 г. он опубликовал первый объемный научный труд «Введение в основания нравственности и законодательства». В этом сочинении

⁴¹⁹ См.: Слоним М. Британец, изменивший российскую историю [Электронный ресурс] // Журнал «Сноб». URL: <https://snob.ru/entry/160030/> (дата обращения: 06.02.2023).

⁴²⁰ См.: Кораблин К. К. Исторический опыт гуманизации исполнения наказания в виде лишения свободы в России // История государства и права. 2009. № 18. С. 23.

⁴²¹ См.: Захоронение: Веннинг Вальтер (Venning Walter) [Электронный ресурс] // Смоленское лютеранское кладбище (Санкт-Петербург). URL: [https://spslc.ru/burial-places/venning-valter-\(venning\).html](https://spslc.ru/burial-places/venning-valter-(venning).html) (дата обращения: 09.02.2023).

⁴²² Иеремия (Джереми) Бентам (1748–1832) – английский философ-моралист, социолог, юрист, теоретик либерализма.

автор выдвинул ряд передовых идей, которые были посвящены реформированию английской тюремной системы, применению наказаний в целях предупреждения совершения новых преступлений, формированию системы перевоспитания преступников.

Несколько раз И. Бентам бывал в Российской империи, в которой видел большие возможности для практической реализации своих воззрений. В 1815 г. он даже обратился к Александру I с предложением принять участие в составлении нового кодекса русских законов. Император принял это предложение. В 1805–1811 гг. в России неоднократно переиздавалась его работа «Паноптикум». Это произведение представляло собой серию писем, отправленных выпускником линкольновского университета господином Джереми Бентамом в 1787 г. своему другу в Англию, где он описывал проект идеальной тюрьмы, которая представляла собой цилиндрическое строение со стеклянными внутренними перегородками. Стражник находился в центре, но был невидим для заключенных, у которых создавалось впечатление постоянного контроля за ними. По мнению автора, эту систему наблюдения можно было распространить не только на тюрьмы, но и на другие учреждения – работные дома, психиатрические больницы, богадельни и т.п. Центральная идея сводилась к контролю над заключенными, в целях наблюдения за их воспитанием и перевоспитанием: «перемалыванием жуликов в честных людей, а лентяев – в прилежных тружеников»¹.

Подводя итог, отметим, что в средневековой Европе режим содержания заключенных в тюрьмах стал предметом не только практического применения, но и глубокого научного исследования. На протяжении XVIII – начала XIX в. целая плеяда известных мыслителей занималась разработкой фундаментальных основ нового направления в юридической науке, получившего название «science penitentiaire» или «пенитенциарная наука».

УДК 343.812

Кузьмин Станислав Иванович,
главный научный сотрудник ОИОиЗОИУИССАПЗ
ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор

---

¹ См. подробнее: Иеремия Бентам [Электронный ресурс] // Brick of knowledge (Кирпич знаний). URL: <https://brickofknowledge.com/articles/ieremiya-bentam> (дата обращения: 01.02.2023).

Исправительно-трудовой лагерь № 507 МВД СССР, его предназначение и процесс становления

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы, связанные с организацией исправительно-трудового лагеря № 507 МВД СССР, на который возлагалось строительство паромной переправы с материка на остров Сахалин. Кроме этого, оно занималось возведением паротурбинной электростанции для обеспечения железнодорожного движения через тоннельный переход под Татарским проливом. Описаны климатические условия в районе строительства, существенно затруднявшие реализацию поставленной задачи. Дана также развернутая характеристика заключенных, занятых на строительстве.

Ключевые слова: строительство, организация, климатические условия, заключенные, исправительное учреждение.

Kuz'min Stanislav Ivanovich,
Chief Research Officer,
the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Doctor of Law, Professor

Correctional labor camp № 507 of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, its purpose and the process of formation

Abstract: the article deals with the problems associated with the organization of correctional labor camp № 507 of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, which was entrusted with the construction of a ferry crossing from the mainland to Sakhalin Island. In addition, it was engaged in the construction of a steam turbine power plant to ensure railway traffic through the tunnel crossing under the Tatar Strait. The climatic conditions in the construction area, which significantly hindered the implementation of the task, are described. A detailed description of prisoners employed in construction is also given.

Keywords: construction, organization, climatic conditions, prisoners, correctional institution.

В июне 1950 г. для реализации постановления Совета Министров Союза ССР от 5 мая 1950 г. № 17-95-XXX, подписанного лично И. В. Сталиным «О строительстве железной дороги Комсомольск-на-Амуре – Победино на Сахалине тоннельного

перехода и паромной переправы через Татарский пролив». Для строительства паромной переправы МВД СССР началось формирование нового исправительно-трудового лагеря № 507 МВД СССР. На этот лагерь возлагалась задача строительства паромной переправы с сооружением к ней железнодорожных подходов от основной железнодорожной магистрали Комсомольск-на-Амуре – Победино на Сахалине, а также строительство паротурбинной электростанции в районе озера Кизи для питания электрической энергией будущего тоннельного перехода через Татарский пролив.

На паромную переправу возлагалась задача по доставке грузов от мыса Невельского на материке до мыса Уанги (Сахалин). Для этого следовало обеспечить строительство основных сооружений на мысе Невельского и с островной стороны на мысе Уанги. При строительстве этого сооружения предстояло преодолевать большие трудности. Район строительства отличался длинным зимним периодом с частыми и обильными пургами, снежными заносами, устойчивой низкой температурой. Ближайший железнодорожный пункт Комсомольск-на-Амуре находился в 500 км от строительства. Водная пристань Софиск на Амуре в 170 км от строительства. Район строительства был связан с автомобильной дорогой, сооруженной вдоль трассы нефтепровода. Она строилась как временная для прокладки труб. В осенне-весенний период проезд по ней был невозможен. Зимой движение приостанавливалось из-за буранов, а летом из-за дождей. Восстановить ее для использования не представлялось возможным из-за нехватки средств.

17 июня 1950 г. при начальнике Главного управления лагерей железнодорожного строительства МВД СССР состоялось совещание, на котором в качестве представителя ГУЛЖДС МПС СССР присутствовал генерал-майор инженерно-технической службы Ф. П. Гвоздецкий, начальник строительства № 6 МПС СССР⁴²³. Обсуждался вопрос о выполнении строительно-монтажных работ ГУЛЖДС МВД СССР для строительства № 6 МПС СССР во исполнение постановления Совета министров от 5 мая 1950 г. В принятом постановлении строительно-монтажные работы для строительства № 6 МПС возлагались на Управление строительства № 507 МВД СССР (начальник Я. Ф. Арайс) на подрядных началах. Для этого следовало договор на производство строительно-монтажных работ для строительства № 6 МПС заключить непосредственно с Управлением строительства № 507 МВД СССР на месте. Объем капитальных вложений, подлежащих использованию в 1950 г.,

---

⁴²³ Архив ГУМВД России по Хабаровскому краю. Ф 61. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

определялся по ориентировочным расчетам в сумме 11 500 000 руб. (в ценах 1950 г.). Договор предусматривал начало работ для строительства № 6 МПС не позже сентября 1950 г. Для выполнения строительно-монтажных работ строительство № 6 МПС обязывалось передать фонды на материалы, выделенные Госснабом СССР на эти цели управлению строительства № 507 МВД СССР. Протокол совещания был утвержден заместителем министра путей сообщения И. Д. Гоциридзе и заместителем министра внутренних дел СССР.

В аналитической записке, составленной по итогам совещания в ГУЛЖДС, был сделан вывод по предстоящим работам, связанным со строительством паромной переправы, паротурбинной электростанции, а также по титульному списку договорных работ 6-го строительного управления МПС на 1951 г. В ней также указывалось, что всесторонне изучив местные условия, руководство ГУЛЖДС МВД СССР пришло к выводу по строительству паромной переправы: при любом из возможных вариантов выбора места перехода, лимитирующим участком будет являться освоение островного сооружения с подходом. Сложность заключалась в отсутствии строительных материалов, т.к. ближайший лесной массив невысокого качества находился в 40–50 км от побережья.

По данным Приморской экспедиции, ближайшее месторождение камня находилось также в 40–50 км от побережья. Камень был низкого качества с неблагоприятным залеганием, требующим больших затрат.

Условия освоения островной части в летне-осенний период исключительно сложные вследствие отлогих берегов, не дающих возможности подхода тяжеловесных катеров и барж. Из-за отсутствия морских транспортных средств освоение этого берега было невозможно. Планировалось зимой перебросить по льду камень и древесину с материка на остров.

В I квартале 1951 г. предстояло перевезти минимум 60 тыс. кубометров камня и 25 тыс. кубометров древесины. Для осуществления намеченного требовалось ускорить выбор варианта переправы по строительству паротурбинной электростанции. Правительственная комиссия выбрала вариант расположения электростанции и выдала проектное задание в районе озера Кизи.

Вариант, сложный в инженерном отношении, с большим объемом работ, ориентировочно оценивался в 200 млн руб. После принятия решения в Москве о выборе места, предстояло приступить к освоению района с IV квартала 1950 г. Для начала требовалось завезти с 1 января 1951 г. минимум 2500–3000 заключенных. В 1951 г.

строительные работы следовало усилить на островной части. Для начала работ в I квартале 1951 г. необходимо было располагать следующими ресурсами:

- 1) рабочих 18 000 чел. (паромный переход – 12 000, электростанция – 3000, договорные работы – 3000);
- 2) автомашин – 650 шт.;
- 3) тракторов – 20 шт.;
- 4) лошадей – 400 голов;
- 5) сваебойных агрегатов – 12 шт.;
- 6) лесопильных агрегатов – 10 шт.;
- 7) бензин – 3200 т;
- 8) аммонал – 150 т;
- 9) автоприцепов – 100 шт.;
- 10) палаток 7х21 – 75 шт.

На начало работ из этого имелось:

- 1) рабочих – 1650 чел.;
- 2) автомашин – 30 шт.;
- 3) тракторов – 1 шт.;
- 4) лошадей – 19 голов;
- 5) лесопильных агрегатов – 1 шт.⁴²⁴

В декабре 1950 г. в адрес заместителя министра внутренних дел СССР и заместителя начальника ГУЛАГа Ф. А. Гвоздецкого была направлена докладная записка. В ней сообщалось о том, что Управление строительства № 507 МВД СССР временно дислоцировано на заливе Де-Кастри на 50 км юго-западнее места строительства паромной переправы в поселке Волочаевка, расположенном в 7 км от Де-Кастри и 30 км юго-восточнее строительства, на базе служебных и жилых зданий, выделенных для строительства воинской частью.

Дислоцировать управление строительства в районе мыса Лазарева не представлялось возможным из-за отсутствия необходимых помещений и неизвестного на тот момент пути прохождения железнодорожной трассы.

Организация снабжения строительства по Амуру была нереальной из-за его мелководья. Морским путем через Де-Кастри она тоже невозможна из-за мелководья и отсутствия пирсов.

Рассчитывать на рейдовую разгрузку как в Де-Кастри, так и на мысе Лазарева, при отсутствии барж для тяжеловесных грузов и оборудования не приходилось. Прилив в этих местах в течение всей

---

⁴²⁴ Архив ГУМВД России по Хабаровскому краю. Ф 61. Оп. 1. Д. 1. Лл. 20–21.

навигации находится в состоянии резких изменений. Приливы и отливы повторялись два раза в сутки, часто бывали штормы.

По состоянию на конец октября 1950 г. Управление строительства организовало лагерное отделение № 1 с местом нахождения в Лазарево. В него вошли: 4 лагерных пункта, лесозавод, подкомандировка в Софийске для погрузочно-разгрузочных работ, лагпункт № 2 на 800 человек и лагпункт № 5 на 50 человек. Лагпункт № 1 состоял из бараков полуземляного типа.

На 1950 г. по основному титулу для строительства № 507 МВД СССР было выделено капиталовложений 40 млн руб., в том числе для строительно-монтажных работ 4 млн руб.

Работа на острове Сахалин не производилась из-за непредоставления заказчиком плавучих средств и материалов. Из-за этого сроки строительства отодвигались, но это было предусмотрено договором.

Заказчик – начальник экспедиции – представил в Москву три варианта паромной переправы. Экспедиция Н. И. Маккавеева вела изыскательские работы на железнодорожной трассе на протяжении 160 км. Однако на этот момент инженерными кадрами строительство № 507 не было обеспечено, что затрудняло работу.

В 1948 г. началась изоляция активного уголовно-бандитствующего элемента в специальных лагерях строгого режима, которая принесла положительные результаты, поэтому в 1950 г. такая практика расширялась. Об этом свидетельствует тот факт, что по приказу МВД СССР № 00702 от 2 декабря 1950 г. в управлении лагеря строительства № 507 предусматривалась организация специального лагерного подразделения строгого режима в соответствии с приказом МВД СССР № 01516 – 48 г. с лимитом наполнения 500 человек к 1 июля 1951 г. При выборе места дислокации лагерного пункта следовало учесть, что специальное лагерное подразделение должно располагаться в местности, где имеются тяжелые физические работы, рассчитанные на несколько лет (не менее 3-х).

Впоследствии заключенные этого подразделения использовались для заготовки камня. В количестве 500 человек они содержались на лагерном пункте № 21 строгого режима.

Начиная с III квартала 1950 г. в целях повышения трудовой активности заключенных, стали применяться зачеты рабочих дней в срок отбытого наказания. Норма зачета ставилась в зависимость от выработки. Она регламентировалась в утвержденной 18 ноября 1950 г. специальной инструкции, действие которой распространялось только

на ИТЛ и строительство № 507 МВД СССР. В соответствии с ней применялась следующая шкала зачета:

- 1) выполняющим плановые задания от 100 до 110 % – 1,5 дня;
- 2) от 110 до 120 % – 1,75 дня;
- 3) на подсобных работах – 1,25 дня;
- 4) в аппарате управления при оценке «отлично» – 1,5 дня;
- 5) особо выдающимся – 2 дня.

Специалистам, работающим на станках и механизмах, норма зачета составляла:

- 1) от 100 до 110 % – 1,5 дня;
- 2) до 120 % – 2 дня;
- 3) до 140 % – 2,5 дня;
- 4) от 141% и выше – 3 дня.

Для заключенных, состоявших в самоохране, при оценке службы на «отлично» зачеты начислялись по норме 1 день за 3 дня⁴²⁵.

Исправительно-трудовой лагерь строительства № 507 МВД СССР находился в оперативном подчинении УМВД по Хабаровскому краю. Оно отвечало за положение дел в нем. В июне 1951 г. комиссия УМВД проводила проверку состояния режима, охраны и условий содержания заключенных. К этому времени в составе лагеря имелось 9 лагерных пунктов, из которых 6 дислоцировались в районе мыса Лазарева и 2 лагпункта в Де-Кастри.

Общая протяженность района расположения лагерных пунктов составляла свыше 200 км. В списочном составе числилось 3653 только заключенных мужчин. Контингент использовался на обустройстве лагеря и контрагентских работах. В нарушение требований инструкции по режиму содержания все заключенные на лагерных пунктах размещались без учета состава преступления. Должной борьбы с нарушителями режима не велось. Имели место бандитские проявления, о чем свидетельствовало убийство 5 заключенных в 1951 г. Были допущены 3 побега, но все беглецы задержаны. Из общего числа заключенных на положении расконвоированных содержались 464 человека, т.е. 12,6 % к списочному составу.

На 1 июня 1951 г. охрану заключенных обеспечивали офицеры, сержанты и рядовые в количестве 388 человек. Кроме того, в самоохране числилось 163 человека. Всего в охране были задействованы 551 человек. Культурно-воспитательная работа среди заключенных велась недостаточно активно. Со стороны Политотдела

⁴²⁵ Архив ГУМВД России по Хабаровскому краю. Ф 61. Оп. 1. Д. 2. Лл. 13, 17.

лагеря не оказывалась помощь культурно-воспитательным частям лагпунктов⁴²⁶.

Повторное обследование положения дел в лагере проводилось 22 июля 1951 г. За истекший период число мужчин увеличилось до 4049 человек. Этапом прибыли женщины в количестве 367 человек. Комиссия констатировала увеличение побеговой активности заключенных. Об этом свидетельствовали 9 побегов, в которых участвовали 17 человек. Время задержания бежавших составило от 30 минут до 3 часов.

Из предложений по улучшению дел, внесенных предыдущей комиссией, руководство лагеря выводов не сделало. Из-за отсутствия мисок пища по-прежнему выдавалась в кружках. Не обеспеченные постельными принадлежностями заключенные спали на голых нарах. Часть заключенных не выводилась на работу ввиду отсутствия одежды. Женщины работали на лесозаготовках в коротких юбках (комары). Дневальные за чистотой в бараках не следили. Основной задачей лагпункта, где содержались женщины, являлось поддержание в рабочем состоянии дорог и заготовка сена. Женщины в основном были осуждены по указу ПВС СССР от 4 июня 1947 г. В акте обследования приводился факт нарушения социалистической законности по отношению к заключенному. Суть его состояла в том, что 27 июля 1951 г. на рабочем объекте одним из заключенных было совершено убийство бригадира, заключенного Кудряшова. По приказанию старшего лейтенанта Коваленко на убийцу были надеты на ноги и руки наручники, при этом нанесены телесные повреждения, а впоследствии он был привязан к телеге, на которой находился труп Кудряшова, для показа другим заключенным. Майор Калистратов при этом присутствовал, но не предотвратил издевательство. По приказу № 038 от 22 августа 1951 г. за грубое нарушение законности начальник 3 лагерного пункта майор Калистратов и старший уполномоченный старший лейтенант Коваленко были сняты занимаемых должностей. Начальнику 3-го отдела лагеря майору Наумову поручалось провести расследование с привлечением виновных к ответственности⁴²⁷.

В акте обследования всех лагерных пунктов Управления строительства № 507 МВД СССР от 31 июля 1951 г., направленного в адрес начальника УМВД Хабаровского края генерал-майора Царёва, предлагалось срочно решить вопрос о поставке обмундирования и постельных принадлежностей.

⁴²⁶ Архив ГУМВД России по Хабаровскому краю. Ф 61. Оп. 1. Д. 24. Лл. 1–4.

⁴²⁷ Архив ГУМВД России по Хабаровскому краю. Ф 61. Оп. 2. Д. 5. Л. 66.

Начальнику ИТЛ и строительства Я. Ф. Арайсу за непринятие мер к выполнению предложений комиссии УМВД по Хабаровскому краю по наведению порядка в лагере, недоведение этих предложений до исполнителей, был объявлен выговор с предупреждением о том, что будет снят с должности. Начальник отдела режима майор Наумов за бездеятельность, развал работы был освобожден от занимаемой должности⁴²⁸.

Заключение по докладной записке начальника УМВД по Хабаровскому краю генерал-майора Царёва о состоянии ИТЛ и строительства № 507, направленное в МВД СССР, 17 сентября 1951 г. было утверждено министром внутренних дел С. Н. Кругловым. В резолютивной части содержалось указание о необходимости оказать практическую помощь и проконтролировать исполнение предложений комиссии. Для этого на 30 дней командировалась бригада ГУЛАГа из 4 человек.

Результаты работы комиссии нашли отражение в акте обследования от 22 октября 1951 г. По предложению С. Н. Круглова обследовались все 15 подразделений лагеря, в которых в общей сложности содержались 11 580 человек, в том числе мужчин 10 099 и женщин 1481 чел. Женщины содержались отдельно от мужчин. Среди контингента осуждены за контрреволюционные преступления – 796, бандитизм и разбой – 191, побег – 9, по Закону от 07.08.1932 г. – 301, по Указу ПВС СССР от 04.06.1947 г. – 6 604, прочие преступления – 2 213.

Борьба с нарушителями режима, отмечалось в акте обследования, велась слабо. В пункте № 7 отсутствовал штрафной изолятор. Весь отрицательной контингент сконцентрировался на лагпункте № 3. За 9 месяцев допущены 142 случая отказа от работы и 255 случаев пьянства. В результате проявления лагерного бандитизма были убиты 9 человек, еще 9 получили тяжкие телесные повреждения. Все виновные привлечены к уголовной ответственности. Всего привлечены к ответственности 63 человека, из которых осуждены за отказ от работы – 3, побег – 8, лагерный бандитизм – 11 человек. Переведены в тюрьмы 16 человек и еще 16 ожидали отправки.

В составе контингента к первой категории труда отнесены 8182 человек, ко второй – 1 237 и 14 инвалиды. Ослабленный контингент поступал в основном за счет нового пополнения. С 6 июня по 11 октября было снято с этапов и направлено в ОП (пункты профилактического отдыха) 530 чел.

---

⁴²⁸ Архив ГУМВД России по Хабаровскому краю. Ф 61. Оп. 1. Д. 24. Л. 85.

Комиссия МВД СССР отметила, что в лагерь этапируется значительно ослабленный контингент (дистрофия 1 и 2 степени, больные туберкулезом, сифилисом, женщины с беременностью 5–7 месяцев). Большинство из них уголовно-бандитствующие элементы.

Всего за год умерли 27 чел., из них 12 от заболеваний и 15 от иных причин (несчастный случай, отравление и др.). В лагере отсутствуют поликлиника и стационар. По сути, личный состав, особенно члены семей, лишены возможности получить медицинскую помощь, что вызывает недовольство. На стационарное лечение больные направляются в Хабаровск⁴²⁹.

На совещании по итогам проверки критике подверглась работа столовой для личного состава при управлении. Давая ей оценку, капитан Траханов сказал: «Кроме грязи в ней ничего приличного нет, разве можно ещё увидеть пьяного повара. Руководство лагеря в ней не заинтересовано». О состоянии внутрилагерных дорог начальник политотдела лагеря инженер-майор Попов высказался так: «Следовало бы старшего инженера Волкова посадить в кузов грузовой машины и прокатить раза два-три хотя бы до мыса Лазарева, он бы стал думать».

Доклад о выполнении плана мероприятий, объявленный распоряжением № 770 МВД СССР по управлению ИТЛ и строительству № 507 МВД, был направлен в УМВД по Хабаровскому краю 13 декабря 1951 г.⁴³⁰ В нем содержался вывод о том, что все подготовительные работы по строительству паромной переправы выполнены и начинается этап активного решения поставленной правительством задачи.

УДК 94(47).084.8-9

Кузьминых Александр Леонидович,
профессор кафедры философии и истории
Вологодского института права и экономики
ФСИН России,
доктор исторических наук, доцент
e-mail: istorial@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6133-0300

---

⁴²⁹ Архив ГУМВД России по Хабаровскому краю. Ф 61. Оп. 1. Д. 24. Лл. 179, 183, 201, 207.

⁴³⁰ Архив ГУМВД России по Хабаровскому краю. Ф 61. Оп. 1. Д. 24. Л. 222.

Судьбы советских военнопленных-коллаборантов в годы Великой Отечественной войны (по материалам архива Управления ФСБ Российской Федерации по Вологодской области)

Аннотация: в статье на материалах архивного уголовного дела из архива УФСБ России по Вологодской области показаны обстоятельства пленения, содержания в немецких лагерях для военнопленных, вербовки, обучения в немецкой разведшколе и переброски с разведывательным заданием противника двух советских военнослужащих, вставших на путь коллаборационизма. За измену Родине и сотрудничество с врагом они были осуждены военным трибуналом Ленинградского фронта к высшей мере наказания, затем приговор был переквалифицирован на лишение свободы в исправительно-трудовом лагере. При пересмотре данного уголовного дела Военная прокуратура Северного флота в 2002 г. установила, что вина в совершении преступления полностью подтверждается материалами дела, а мера назначенного наказания соответствует тяжести содеянного.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советские военнопленные, коллаборационисты, немецкие разведывательные школы, военный трибунал.

Kuzminykh Aleksandr Leonidovich,
Professor of the Department
of Philosophy and History
of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service of Russia,
Dsc. in History, Associate Professor

The fate of Soviet prisoners of war-collaborators during the Great Patriotic War (based on the materials of the archive of the FSB of the Russian Federation in the Vologda region)

Annotation: the article uses the materials of an archival criminal case from the archive of the Federal Security Service of Russia in the Vologda region to show the circumstances of the capture, detention in German POW camps, recruitment, training in a German intelligence school and the transfer of two Soviet servicemen who embarked on the path of collaboration with the enemy's reconnaissance mission. For treason to the motherland and cooperation with the enemy, they were sentenced by the military tribunal of the Leningrad Front to capital punishment, then the

sentence was reclassified to imprisonment in a correctional labor camp. When reviewing this criminal case, the Military Prosecutor's Office of the Northern Fleet in 2002 found that the guilt in the commission of the crime was fully confirmed by the case materials, and the measure of the imposed punishment corresponded to the severity of the deed.

Keywords: Great Patriotic War, Soviet prisoners of war, collaborators, German intelligence schools, military tribunal.

В период Великой Отечественной войны Германией и ее союзниками было пленено, по разным оценкам, от 4,5 до 5,7 млн советских военнослужащих⁴³¹. Свыше половины из них погибли от плохих условий содержания и бесчеловечного обращения со стороны нацистов. Несмотря на мучения в фашистской неволе, большинство наших соотечественников, находясь за колючей проволокой, вели себя достойно. Многие продолжали борьбу с захватчиками: бежали из плена, сражались с врагом в партизанских отрядах, совершали диверсии на производстве. Тем не менее находились и те, кто сотрудничал с врагом. В данной статье речь пойдет о судьбе двух красноармейцев, попавших в немецкий плен и вставших на путь коллаборационизма. Источником для подготовки статьи стало рассекреченное уголовное дело из архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области.

Структура архивного уголовного дела включает: постановления на арест и избрание меры пресечения, протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, обвинительное заключение Управления контрразведки «СМЕРШ» Ленинградского фронта, определение Военной коллегии Верховного суда СССР, заключение Военной прокуратуры Северного флота.

Обвиняемыми, проходившими по уголовному делу, были: 1) бывший сержант 6-го авиаполка 12-й авиационной дивизии К., 1918 года рождения, уроженец сел. Павловка Ободовского района Виницкой области, по национальности – украинец, гражданин СССР, образование – 7 классов, бывший член ВЛКСМ, холостой, несудимый, служивший в РККА с 1939 по август 1941 г.; 2) бывший красноармеец

---

⁴³¹ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Стат. исслед. / [Г. Ф. Кривошеев и др.]; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 462; Шнеер А. И. Плен: совет. военнопленные в Германии, 1941–1945. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 5; Штрайт К. Они нам не товарищи: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / [пер. с нем. И. Дьяконова]; Русское ист. о-во. Москва: Русская панорама, 2009. С. 5.

561-го гаубичного артиллерийского полка 111-й стрелковой дивизии Г., 1917 года рождения, уроженец Харовского района Вологодской области, по национальности – русский, образование – 6 классов, холостой, несудимый, служивший в РККА с 26 июля по 28 августа 1941 г.⁴³²

Материалами следствия установлено, что в августе 1941 г., в ходе боевых действий, оба были пленены немцами. Так, первый из обвиняемых об обстоятельствах своего пленения показал, что к началу войны его авиаполк дислоцировался на аэродроме г. Белосток. Когда немцы приблизились к городу, авиаполк отступил по направлению к г. Барановичи. Все самолеты (бомбардировщики «СБ»⁴³³), принадлежавшие полку, были выведены из строя в первые же дни войны во время бомбардировки аэродрома немецкой авиацией. Личный состав полка под г. Барановичи попал в окружение. Находясь в котле, 20 августа 1941 г. сержант К. был ранен осколком мины в левую ногу и взят в плен немцами⁴³⁴.

После пленения его вместе с другими военнопленными направили в пересыльный лагерь, размещавшийся в г. Барановичи. Через две недели пленных перевели в лагерь в г. Минск. В октябре 1941 г. с группой военнопленных (около 200 чел.) К. был этапирован в лагерь в г. Вязьма, в котором находился до января 1942 г. Далее его с товарищами на товарном поезде направили в лагерь военнопленных в г. Тапс (Эстония)⁴³⁵. Оттуда перевели на работу в шахту по добыче сланцев в лагерь военнопленных № 377, в 50 км от гор. Нарва. Здесь К. содержался до июля 1943 г., выполняя обязанности старшего барака, за что получал определенные привилегии (повышенное питание, освобождение от работы, проживание в отдельной комнате от военнопленных).

В уголовном деле содержится подробное описание условий содержания военнопленных в немецких лагерях. В частности, указывается, что лагерь военнопленных в г. Тапс располагался в районе бывшей скотобойни и включал 40 деревянных бараков. Здание скотобойни представляло собой одноэтажный каменный дом, в нем

---

⁴³² Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области (далее – Архив УФСБ России по ВО). Ф. 25. Д. 96. Л. 404 об., 456.

⁴³³ См. подробнее: Скоростной бомбардировщик СБ: [Электронный ресурс]: Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/80330-skorostnoy-bombardirovshik-sb-chast-ii-samolet-soldat.html> (дата обращения: 12.02.2023).

⁴³⁴ Архив УФСБ России по ВО. Ф. 25. Д. 96. Л. 23 об. – 24, 66.

⁴³⁵ В настоящее время Тапа (эст. Тара; deu. Taps) – город без муниципального статуса в Эстонии, административный центр и составная часть волости Тапа.

находилась кухня лагеря. В каждом из бараков размещалось около 200 пленных. Территория лагеря была обнесена забором из колючей проволоки. Вокруг лагеря, вдоль проволочного ограждения, возвышались шесть вышек, с которых лагерь освещался прожекторами. На вышках были установлены пулеметы. Снаружи лагеря были выставлены два одиночных поста, один из которых располагался у ворот.

Круглосуточно вокруг лагеря курсировал парный патруль. Охрана лагеря состояла из немцев и эстонцев. Военнопленные использовались на лесозаготовительных работах в окрестностях города, а также на разгрузке и погрузке в вагоны леса, рельсов и других грузов на железной дороге, подходящей к лагерю. Рабочий день был продолжительностью с 6 часов утра до 5 часов вечера. По прибытии военнопленных в лагерь красноармейское обмундирование у них отбиралось, взамен выдавались френчи французского и испанского военного образца. Из обуви выдавались деревянные колодки. На одежде ставилась пометка «SV», каждому военнопленному присваивался порядковый номер, по которым немцы вели учет и переключки военнопленных. По фамилиям военнопленных немцы не называли.

В каждом бараке из числа военнопленных был назначен старшина, который на работах не использовался. В его обязанности входило: соблюдение порядка и чистоты в бараке, производство регулярных переключек военнопленных, проживавших в бараке. Военнопленным запрещалось: жаловаться на питание, плохие условия и работы, петь, а также свободно ходить по территории лагеря. Выход на работу был обязателен независимо от состояния здоровья. За нарушение лагерного режима военнопленные подвергались наказанию – избивались полицейскими и сажались в карцер. Кормили военнопленных в лагере плохо. В день каждый пленный получал 200–300 граммов хлеба плохого качества, нередко с опилками, утром – несладкий чай, в обед 1–2 литра супа из крапивы и других трав. В баню военнопленных водили нерегулярно и очень редко – примерно один раз в два месяца⁴³⁶.

В июле 1943 г. в лагерь № 377 прибыли двое русских в форме военнопленных – вербовщики из Валговской школы разведчиков. Они включили в список 7 военнопленных, включая сержанта К. В тот же день их направили в сопровождении двух немецких солдат в лагерь военнопленных в г. Кохтла-Ярви (Эстония), а 25 июля 1943 г. по одному стали вызывать в комендатуру вне расположения лагеря.

⁴³⁶ Архив УФСБ России по ВО. Ф. 25. Д. 96. Л. 25 об. – 27 об.

С каждым из отобранных военнопленных вербовщики во главе со Смирновым – начальником Валговской разведшколы – провели индивидуальную беседу, в ходе которой фиксировали фамилию, имя, отчество, образование, год и место рождения, семейное положение, место службы и военное звание до пленения. После этого пленным предлагалось вступить в «Русскую освободительную армию», формируемую из числа военнопленных. Подчеркивалось, что там будут «хорошая служба и питание». К., по его словам, сначала отказался, но после того, как ему налили полстакана водки, дал согласие. После этого у него была взята следующая расписка: «Я, [...], обязуюсь честно служить в русской освободительной армии и бороться вместе с немецкой армией с большевизмом»⁴³⁷.

После вербовки группа из 11 военнопленных, включая К., была доставлена поездом в Валговскую разведшколу (г. Валге, Эстонская ССР)⁴³⁸. Последняя размещалась в 4 домах. В доме № 14 по ул. Семинария (каменное двухэтажное здание красного цвета) на верхнем этаже находилась канцелярия школы и санитарная часть, на нижнем – проживал преподавательский состав. В доме № 17 по этой же улице располагалось общежитие для курсантов и обслуживающего персонала, а также комната для занятий. На другой стороне улицы находилось двухэтажное здание серого цвета, в котором также проживали курсанты. Отдельный дом был отведен для столовой школы. Кроме того, школа имела отделение в местечке Стренчи (Латвия)⁴³⁹, в 30 км от г. Валга, где обучались радисты и заканчивали обучение разведчики перед переброской в тыл советских войск.

Перед зачислением с пленными повторно проводилась беседа, во время которой они должны подтвердить согласие об участии в активной борьбе против советской власти на стороне германской армии. Каждый, кто соглашался, подписывал текст присяги⁴⁴⁰, проходил процедуру дактилоскопии (оттиск указательного пальца правой руки) и получал оперативный псевдоним. К. была присвоена кличка «Кошкин».

---

⁴³⁷ Там же. Л. 68.

⁴³⁸ См. подробнее об истории Валговской разведшколы: Разведывательные и диверсионные школы и курсы «Абвера» [Электронный ресурс]: Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/28448> (дата обращения: 13.02.2023).

⁴³⁹ Стренчи (латыш. Strenči) – небольшой город на северо-востоке Латвии.

⁴⁴⁰ Присяга, по показаниям К., была следующего содержания: «Я, [...], даю клятву честно бороться вместе с немецкой армией против большевизма и обязуюсь не разглашать военную тайну. В случае нарушения данной присяги я буду сурово наказан, вплоть до расстрела». Цит. по: Архив УФСБ России по ВО. Ф. 25. Д. 96. Л. 98 об.

Далее с курсантами разведшколы проводились занятия по специальному учебному плану. Он включал следующие предметы: топография (100 ч.), агентурная разведка (50 ч.), общевойсковая разведка (50 ч.), строевая подготовка (20 ч.), информация по текущим политическим событиям (20 ч.). Срок обучения в разведшколе составлял 3–4 мес. В конце обучения курсанты сдавали экзамен.

Распорядок дня в Валговской разведшколе выглядел следующим образом: 6 ч. – подъем, с 6 до 7 ч. – физзарядка и туалет, с 7 до 8 ч. – завтрак, с 8 до 12 ч. – учебные занятия, с 12.30 до 15 ч. – обед и отдых, с 15 до 18 ч. – учебные занятия, 18 ч. до 18.30 – ужин, с 18.30 до 22 ч. – свободное время. Обучающимся предоставлялся один выходной день в неделю – воскресенье. Курсанты имели право выхода в город с разрешения старшины группы⁴⁴¹.

Пройдя специальную подготовку в школе разведчиков, К. и Г. были направлены на передовую в район станции Сиверская (Ленинградская обл.), где 11 ноября 1943 г. получили от немцев оружие (два револьвера системы Нагана), фиктивные документы и далее под видом военнослужащих Красной армии были переброшены в распоряжение одного из соединений советских войск с заданием собрать данные о передвижении воинских частей, о вооружении и предполагаемых операциях на данном участке фронта. Частично выполнив задание, через трое суток К. и Г. направились обратно к немцам, но 16 ноября 1943 г. на нейтральной полосе были задержаны военнослужащими Красной армии.

В ходе следствия и в суде оба признали себя виновными, подтвердили обстоятельства, изложенные в приговоре и показали, что на службу в «Русскую освободительную армию» и немецкую разведку пошли с целью улучшить свою жизнь и условия материального обеспечения. Будучи переброшенными немцами в распоряжение советских войск для выполнения задания разведывательного характера, никаких попыток перейти на сторону Красной армии не предприняли.

Вышеизложенные обстоятельства обвиняемые подтвердили и в ходе проведенной между ними очной ставки. Допрошенные по делу в качестве свидетелей советские военнослужащие, захватившие немецких агентов, показали, что 16 ноября 1943 г. ими были задержаны двое неизвестных, двигавшихся в направлении немецкой линии обороны. У задержанных были обнаружены фиктивные документы. При следовании на командный пункт задержанные заявили, что являются немецкими разведчиками.

---

⁴⁴¹ Архив УФСБ России по ВО. Ф. 25. Д. 96. Л. 36 об.–37.

2 января 1944 г. военным трибуналом Ленинградского фронта на основании ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР (в ред. 1926 г.) оба обвиняемых были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией имущества. 20 января 1944 г. определением Военной коллегии Верховного Суда СССР приговор по делу был изменен: расстрел был заменен на лишение свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на 15 лет, с поражением прав на 5 лет, каждому. В остальной части приговор оставлен без изменений.

16 октября 2002 г. в порядке надзора и исполнения Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 декабря 1991 года дело было рассмотрено Военной прокуратурой Северного флота. Изучением материалов архивного уголовного дела установлено, что вина в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-1 «б» УК РСФСР полностью подтверждается материалами дела. С учетом изложенного был сделан вывод, что К. и Г. были осуждены за измену Родине обоснованно и законно, не по политическим мотивам, а мера назначенного наказания соответствует тяжести содеянного. Следовательно, под действие п. «а» ст. 3 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 декабря 1991 года (с последующими изменениями и дополнениями) они не подпадают и реабилитации не подлежат⁴⁴².

УДК 343.812

Кузьмин Станислав Иванович,
главный научный сотрудник ОИОиЗОИУИССАПЗ,
ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор

Сивова Анна Александровна,
начальник ОИОиЗОИУИССАПЗ,
ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат филологических наук,
e-mail: sivovaanna@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5762-9852

Темниковский исправительно-трудовой лагерь в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы

---

⁴⁴² Архив УФСБ России по ВО. Ф. 25. Д. 96. Л. 458.

Аннотация: в статье исследованы особенности функционирования Темниковского ИТЛ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Показана роль политотдела лагеря по патриотическому воспитанию заключенных, организации сбора средств в фонд обороны страны, развертыванию движения по экономии горюче-смазочных материалов для нужд фронта, развитию трудового соревнования. Несмотря на трудности военного времени, культурно-воспитательный отдел и его структурные подразделения оказывали идеологическое и воспитательное воздействие на заключенных. Через два года после окончания войны, в связи со структурными преобразованиями в системе ГУЛАГа, Темниковский ИТЛ прекратил свое существование, а его преемником стал Особый лагерь № 3 Дубравлаг.

Ключевые слова: лагерь, заключенные, война, патриотизм, трудовое соревнование, помощь фронту.

Kuz'min Stanislav Ivanovich,
Chief Research Officer,
the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Doctor of Law, Professor

Sivova Anna Alexandrovna,
PKU research Institute of
the Federal penitentiary service of Russia,
Candidate of philological Sciences

Temnikovsky corrective labor camp during the Great Patriotic War and the post-war years

Abstract: the article examines the features of the functioning of the Temnikovsky ITL during the Great Patriotic War and the post-war period. The role of the political department of the camp for the patriotic education of prisoners, the organization of fundraising for the national defense fund, the deployment of the movement to save fuel and lubricants for the needs of the front, the development of labor competition is shown. Despite the difficulties of wartime, the cultural and educational department and its structural units had an ideological and educational impact on the prisoners. Two years after the end of the war, due to structural transformations in the GULAG system, the Temnikovsky ITL ceased to exist, and its successor was the Special Camp No. 3 Dubravlag.

Keywords: camp, prisoners, war, patriotism, labor competition, assistance to the front.

Сразу же после начала войны в Красную армию было призвано свыше половины рядового и командного состава военизированной охраны, начальствующего состава и оперативных работников исправительно-трудовых учреждений. В связи с этим возникла проблема замещения мобилизованных в Красную армию, что позволило бы обеспечить нормальное функционирование мест лишения свободы. Учитывая исключительную сложность и важность этой проблемы, подбор лиц для службы в охране и на административных должностях был возложен как на кадровые аппараты органов внутренних дел, так и на военные комиссариаты, аппараты по учету рабочей силы. Их совместными усилиями, при активной помощи местных органов власти в основном удалось решить кадровую проблему⁴⁴³.

Мобилизация личного состава военизированной охраны в действующую армию заставила ГУЛАГ НКВД принять решение о привлечении отдельных категорий заключенных к охране лагерей и колоний в количестве не более 20% от общего числа охраны. Однако, в отличие от прошлых лет, в караулах и при конвоировании заключенных они несли службу без оружия.

С началом войны вместо призываемых в армию кадровых сотрудников мест лишения свободы на вакантные должности назначались лица, не подлежащие призыву на фронт по состоянию здоровья и возрасту, а также женщины. Подавляющее большинство новых сотрудников не имели не только соответствующей профессиональной подготовки, но и не были знакомы со спецификой работы в местах лишения свободы. Так, например, в Темниковском ИТЛ из 43 сотрудников культурно-воспитательного отдела убыло в действующую армию 37 человек. На их места были приняты 12 женщин, 8 мужчин, а 5 должностей были сокращены в целях экономии средств. Положение усугублялось еще и тем, что многие из них не имели соответствующей общеобразовательной и профессиональной подготовки. Об этом свидетельствует тот факт, что на 1 января 1942 г. в штатах КВО и КВЧ лагеря высшее образование имели 3 чел., среднее – 22 чел., незаконченное среднее – 7 чел. и низшее – 2 чел. Тем не менее, основная масса работников стремилась

---

⁴⁴³ Дедюхин В. В. Становление и развитие организации борьбы преступностью в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1984. С. 58.

честно выполнять свои обязанности и предписания нормативных актов⁴⁴⁴.

В связи с военной обстановкой из ряда лагерей колонии заключенные этапировались в пешем порядке, иногда не в том направлении, куда намечалось по плану эвакуации. В пути следования часть заключенных была освобождена по Указу ПВС СССР от 12 июля 1941 г. «Об освобождении осужденных по указам от 26 июля и 10 августа 1940 года и за бытовые преступления, имеющих остаток срока менее года». Остальные направлялись в ближайшие лагеря.

Прокурор Темниковского ИТЛ 4 октября 1941 г. в своем обращении к начальнику лагеря И. С. Житомирскому, выразил обеспокоенность тем, что на лагпункт № 13 прибыл этап в количестве 305 человек, женщин из Москвы. Среди них находились 26 человек осужденных по Указу от 26.06.1940 г. со сроком 4 месяца, т.е. подпадающие под действие Указа ПВС СССР от 12 июля 1941 г. Весь этап разместили в одном бараке, сыром, грязном и холодном. Постельными принадлежностями прибывшие не были обеспечены. В наличии имелись лишь 160 матрасов и одеял. в своем представлении прокурор предлагал реализовать следующие мероприятия:

- 1) провести тщательную санобработку прибывших и содержать их в течение 21 суток в карантине;
- 2) навести чистоту, обеспечить отопление и просушить помещение;
- 3) немедленно разместить отдельно заключенных, осужденных по Указу от 26.06.1940 г., и в первую очередь обеспечить постельными принадлежностями;
- 4) просмотреть личные дела прибывших на предмет применения Указа от 12 июля 1941 г.

О принятых мерах прокурор лагеря Надеждин просил поставить его в известность⁴⁴⁵. Однако не все эти предложения можно было реализовать. Об этом свидетельствует директивное указание ГУЛАГа.

Заключенные лагпункта № 13 по типовым договорам использовались на производственных объектах хозоргана. Недостатки в материально-бытовом обеспечении контингента объяснялись невыполнением хозорганом своих обязательств по указанным договорам. В полученной от ГУЛАГа директиве за № Б-31/92382 от 6 октября 1941 г. начальнику лагеря разъяснялось, что в изменившейся обстановке нельзя требовать от хозоргана подготовки «вполне

---

⁴⁴⁴ Архив Политотдела Темниковского ИТЛ. 1942. Оп.1. Д. 2. Л. 36-37.

⁴⁴⁵ Архив Темниковского ИТЛ. 1942. Д. 01. Л. 251.

оборудованного» помещения для контингента. Предлагалось все требования по типовым договорам свести к минимуму⁴⁴⁶.

Уже на начальном этапе войны заключенные стали обращаться в ГУЛАГ с заявлениями о желании добровольно отправиться на фронт. В директиве в адрес начальников лагерей и колоний от 27 июля 1941 г. за № 31/983933 давалось указание принимать такие заявления и хранить их в личных делах заключенных. На всех подавших заявления следовало составить списки и хранить до особого распоряжения⁴⁴⁷.

В декабре 1941 г. из общего числа заключенных, занятых на основном производстве, в трудовое соревнование были вовлечены 7031 чел. или 78,4 % к числу работавших. Из них 82 чел. выполнили норму на 200 % и выше, работали стахановскими методами от 150 до 199 % – 703 человека и ударными методами от 110 до 149 % – 2240 человек. В отчете отмечалось некоторое снижение по освоению новых профессий. Это объяснялось отсутствием сырья и электроэнергии⁴⁴⁸. Производственный план на IV квартал был выполнен на 112,8 %.

Производству требовалось больше квалифицированных специалистов. По плану в 1941 г. предстояло обучить профессии 2511 чел., но фактически специальность получили 1724 чел., в том числе, на профтехкурсах – 628 чел. и в кружках техминимума – 1046 чел. Кроме того, в 18 группах велись занятия по освоению стахановских методов работы. При обучении приходилось преодолевать трудности: в условиях зимы не хватало помещений для занятий, керосина, письменных принадлежностей⁴⁴⁹.

Исправительно-трудовым лагерям для выполнения производственных заданий для фронта требовалась полноценная рабочая сила. Поэтому в августе 1941 г., в соответствии с требованиями директивы Б-31/94018 ГУЛАГа, годные к легкому физическому труду и инвалиды, осужденные за преступления, перечисленные в п. «В» приказа № 001461 (ст. 58-10, 58-12, 165 и 167 ч. 1 и 2 уголовных кодексов союзных республик, а также за побег из колоний или из мест ссылки) для отбывания наказания подлежали направлению в местные колонии⁴⁵⁰.

Уже в первые дни войны Политотдел лагеря организовал работу по экономии горюче-смазочных материалов в помощь Красной

⁴⁴⁶ Там же. Л. 253–254.

⁴⁴⁷ Там же. 1941. Д. 01. Л. 253–254.

⁴⁴⁸ Архив Политотдела Темниковского ИТЛ.1. Д. 2. Л. 15, 17, 24.

⁴⁴⁹ Архив Политотдела Темниковского ИТЛ.1. Д. 2. Л. 24.

⁴⁵⁰ Архив Темниковского ИТЛ. 1941. Д. 01. Л. 231.

Армии. Это позволило за III квартал 1941 г. по подразделениям сэкономить горючего 20,6 т. Среди заключенных наибольшей экономии добились Ерастов – 527 л., Коваленко – 501 л., Блажевский – 190 л., Кузьмин – 150 л.⁴⁵¹

С началом Великой Отечественной войны претерпел изменения характер проводимой культурно-массовой и производственной работы. В июле 1941 г. Политотдел лагеря выпустил фотоплакат со следующим текстом:

«Молодец у нас не тот,
Кто лишь норму в день дает,
Молодецкий виден дух,
В том, кто дает не меньше двух».

Разумеется, трудовая активность заключенных стимулировалась. Так, по лагерным подразделениям были поощрены в июле – 430, августе – 519, сентябре – 436, октябре – 332, ноябре – 874, декабре – 301 человек. Всего за второе полугодие 1941 г. было поощрено 4193 человека или 7,8 % от численного состава. Стала активно применяться практика премирования передовиков трудового соревнования ценными подарками. В каждый такой подарок входили продукты питания из следующего расчета: сало-шпик – 200 гр., баранки – 500 гр., сахар – 100 гр., махорка – 2 пачки, спички – 2 коробки, мыло – 1 кусок, курительная бумага – 2 книжки. Стоимость такого пайка составляла 8–10 руб.⁴⁵² Эти подарки вручались на расширенном заседании штабов трудового соревнования. Приведем пример реакции заключенных на эти подарки. Возчик Батанов: «Спасибо. Не буду говорить, а буду делать!» Заключенный Киреев: «За внимание большое спасибо. Я работаю на мебельной фабрике давно и всегда отдавал всю свою силу работе. Даю слово, что и в дальнейшем буду работать только так!» Ценность подарка заключалась в том, что после 22 июня 1941 г. заключенные не могли получать посылки или передачи.

Рост числа заключенных, отказывающихся от работы, беспокоил руководство лагеря. Если в июле отказы от работы привели к потере 1757 человеко-дней, то в декабре увеличились до 3354 человеко-дней. Проверка показала, что на лагпункте № 13 в декабре 1941 г. отказы составили 335 человеко-дней. При этом в отказчики зачислялись: а) инвалиды II группы, коечники; б) отбывавшие наказания в штрафном изоляторе без вывода на работу; в) этаплируемые через л/п № 13. По таким же причинам на лагпункте №

⁴⁵¹ Там же. 1940–1941. Оп.1. Д. 2. Л. 5.

⁴⁵² Там же. 1940–1941. Оп.1. Д. 2. Л. 14.

17 отказы от работы во втором полугодии составили 2000 человеко-дней⁴⁵³.

Во втором полугодии 1941 г. в фонд обороны страны от заключенных поступило: денег – 170 269 руб., облигаций на сумму 115 925 руб. Кроме того, от осужденных поступили ценности: часы из белого металла – 8 шт., золотые часы – 5 шт., кольца золотые – 16 шт., ложки серебряные – 15 шт., портсигары серебряные – 2 шт., нож столовый серебряный – 1 шт., сахарница серебряная – 1 шт., кулон золотой – 1 шт., ценный камень для кольца – 1 шт., кожаные рукавицы (для летчиков) – 1 шт., долларов американских – 10. На лагпункте № 4 заключенные сшили для фронтовиков из отходов сырья 100 кисетов с художественной вышивкой, связали 121 пару теплых носков и 2 свитера⁴⁵⁴.

О том, какая работа проводилась с заключенными сотрудниками культурно-воспитательного отдела, дает представление отчет за 1941 г. В начале войны в штатах КВО-КВЧ состояло 43 человека. По мобилизации убыли 34 и по другим причинам 3 человека. В целях экономии 5 должностей были сокращены. На вакантные должности были приняты 12 женщин и 8 мужчин. На 1 января 1942 г. в штате состояли: начальник КВО, два инструктора КВО, 17 старших инспекторов КВЧ и 14 инспекторов КВЧ. Среди личного состава КВО состояли в ВКП(б) – 9, кандидатов в ВКП(б) – 3, членов ВЛКСМ – 18, беспартийных – 4 человека. Имели образование высшее – 3, среднее – 22, незаконченное среднее – 7, низшее – 2 человека.⁴⁵⁵

Для проведения культурно-воспитательной работы лагерь располагал 3 клубами, 17 клубами-столовыми и 17 красными уголками.

На 1 января 1942 г. в драматических кружках участвовали 332 заключенных, в музыкальных – 132, хоровых – 98 и прочих кружках – 90 заключенных. Центральный эстрадный передвижной театр, укомплектованный 23 заключенными, дал во втором полугодии 1941 г. 94 концерта. За этот период организован 291 киносеанс. На лагерных пунктах № 7 и 12 были поставлены пьесы «Тартюф», «Без вины виноватые», «Любовь Яровая» и др.⁴⁵⁶

Если в I полугодии были выпущены 253 стенгазеты, 364 производственных бюллетеня и 17 сатирических газет, то во II полугодии 1941 г. выпущено 323 стенгазеты, 697 производственных

⁴⁵³ Архив Политотдела Темниковского ИТЛ. Оп.1. Д. 2. Л. 22–23.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 25.

⁴⁵⁵ Там же. Л. 37.

⁴⁵⁶ Архив Политотдела Темниковского ИТЛ. Оп.1. Д. 2. Л. 34.

бюллетеней и 39 сатирических газет. Выпуск фотогазет прекратился из-за отсутствия расходных материалов. Резко активизировалось проведение политических бесед. Если в первом полугодии было проведено 326 бесед с охватом 18 144 заключенных, то во втором полугодии уже 522 беседы с охватом 29 218 заключенных⁴⁵⁷.

С сентября 1941 г. количество выделяемых для культурно-воспитательного отдела газет и журналов резко сократилось. К концу 1941 г. идеологическая работа с заключенными начала затрудняться, т.к. КВО стал получать только 50 газет «Красная Мордовия», а центральные газеты перестали поступать⁴⁵⁸.

Во втором полугодии культурно-воспитательный отдел активизировал работу по некоторым направлениям. Основное внимание было уделено производственно-хозяйственной деятельности. Из 9848 человек, занятых в производственных процессах, в трудовом соревновании участвовали 7736 человек. Из них во втором полугодии 1942 г. 1 919 выполнили норму на 100–120 %, 6 506 чел. на 120–149 %, 942 на 150–200 %, 124 на 200 % и выше. По разным причинам не выполнили норму 1246 человек. Из поданных 169 рационализаторских предложений реализовано было 82. Экономия от этого составила 724 479 руб. Производственный план выполнен на 117,9 %.

В отчете Политотдела лагеря за второе полугодие 1942 г. подводились итоги идеологической и культурно-массовой работы с заключенными, проводившейся в 47 клубах и красных уголках. За этот период им было прочитано 23 лекции, проведено 1069 политбесед и 5367 громких чтоток газет. На 247 киносеансах присутствовало в среднем по 400 зрителей. Уделялось внимание организации досуга. На лагерных пунктах проведено 126 вечеров отдыха, спектаклей и концертов. Стационарная библиотека и 10 передвижных библиотек имели в своем фонде 11 660 экземпляров книг.

Приведенные в отчете Политотдела статистические сведения давались без оценочного вывода о проделанной работе. Но из отчета становится ясным, что значительная часть заключенных оставалась вне сферы идеологического и культурно-воспитательного воздействия.

Проведенная в 1943 г. проверка состояния культурно-воспитательной работы показала, что в ряде случаев она велась в

---

⁴⁵⁷ Там же. Л. 30.

⁴⁵⁸ Там же. Л. 33.

отрыве от жизни страны и деятельности лагерей. Политотделы слабо контролировали ее качество.

В приказе НКВД СССР от 5 мая 1943 г. «О состоянии культурно-воспитательной работы среди заключенных в лагерях и колониях НКВД СССР и о мерах по ее улучшению» подчеркивалось, что политико-воспитательная и культурно-массовая работа является одним из принципов исправительно-трудовой политики советского государства.

Коренной перелом в войне в пользу СССР положительно сказался на количестве привлеченных к уголовной ответственности за контрреволюционные преступления. Начиная с 1943 г. число таких проявлений резко сократилось. В то же время наметилась тенденция увеличения числа привлеченных к ответственности за общеуголовные преступления. В условиях войны в отдельных лагерях имели место нарушения требований режима содержания. В частности, на это обратила внимание Прокуратура СССР, поставив в известность руководство ГУЛАГа о том, что в Темниковском ИТЛ грубо нарушается приказ и директива НКВД СССР в части изоляции на период карантина заключенных, прибывших этапом. Вновь прибывшие размещались в общих бараках со всеми заключенными, после чего на барак налагался 25-дневный карантин, который отбывали прибывшие этапом и проживавшие там.

Прокурору Темниковского ИТЛ было указано, что по состоянию на 26 июня 1943 г. вместе с содержащимися в карантине находились 77 заключенных, отбывших наказание. Среди них 6 несовершеннолетних и 16 уже снятых с котлового довольствия. Хотя все они были освобождены, тем не менее продолжали содержаться.

Начальник ГУЛАГа НКВД СССР В. Г. Наседкин предложил начальнику Темниковского ИТЛ И. Я. Карпову:

- 1) немедленно прекратить подобную практику;
- 2) расследовать факты несвоевременного освобождения заключенных и виновных наказать⁴⁵⁹.

По мере освобождения захваченной немецкими войсками территории страны, карательные органы Советского государства выявляли лиц, сотрудничавших с фашистами, и принимали меры по их привлечению к уголовной ответственности, в том числе и необоснованной. Так, 3 июня 1942 г. по ст. 58 п. 1 «а» УК РСФСР на 10 лет, с поражением в правах на 3 года, была осуждена М. С. Лемешева. По судебному решению ее вина заключалась в том, что работая на кухне у немцев в период оккупации, разъезжала по

⁴⁵⁹ Архив Темниковского ИТЛ.1943. Оп 1. Д. 2, Л. 82.

железнодорожной дороге на территории Калининской области, участвовала неоднократно в гулянках. По ее жалобе военной железнодорожной коллегией Верховного суда СССР в составе генерал-майора юстиции Никитченко, майора юстиции Солоницына и майора юстиции Успенского, под председательством судьи Беляева, 23 июля 1943 г. было вынесено определение за № 308. В нем указывалось, что никакого активного содействия оккупантам со стороны Лемешевой не установлено. Объяснение ее о том, что работала в качестве кухонной рабочей по принуждению, ничем не опровергается. Приговор был отменен, и она была освобождена из-под стражи. Ей был выдан билет на проезд до станции Кутья Калининской железной дороги⁴⁶⁰.

В начале 1943 г. руководители отдельных лагерей поставили перед руководством ГУЛАГа вопрос о том, как поступать заключенными, осужденными за контрреволюционные преступления, в том числе с членами семей изменников родины из числа выходцев из Прибалтийских стран и Бессарабии. 3 июня 1943 г. ГУЛАГ направил в адрес начальников лагерей указания о том, что в соответствии с п. 1 директивы МВД и Прокуратуры СССР № 194/017/1692с от 7 мая 1942 г., по окончании срока наказания оставлять их в лагере. Согласно п. 1 директивы МВД и Прокуратуры СССР № 185 от 29 апреля 1942 г., осужденные из этой категории за должностные, бытовые и хозяйственные преступления подлежат освобождению с оставлением в лагере по вольному найму в соответствии с п. 2 этой директивы⁴⁶¹.

Чтобы не разглашать истинные причины повышенной смертности заключенных в лагерях и колониях в 1942–1943 гг., 2-е Управление (спецотдел) ГУЛАГа 3 апреля 1944 г. издал специальное указание за № 9/91240. Оно предусматривало установление контроля в ИТЛ, УИТЛК-ОИТК и особенно в подразделениях и больницах, где составлялись извещения о смерти, направленные в органы ЗАГС и другие организации. Впредь запрещалось указывать диагнозы в качестве причины смерти: истощение, дистрофия, пеллагра, отравление, пулевое ранение, раздробление черепа, перелом ребер. Учитывая, что смерть заболевшего указанными выше болезнями наступает в результате паралича сердца и ослабления сердечной деятельности, в извещении требовалось в качестве причины смерти указывать паралич сердца, упадок сердечной деятельности. При этом в личных делах заключенных в обязательном порядке указывался точный диагноз причины смерти.

⁴⁶⁰ Архив Темниковского ИТЛ. 1943. Личное дело № 00643.

⁴⁶¹ Там же. 1940–1944. Д. 01. Л. 51.

В марте 1946 г. первая сессия Верховного Совета СССР второго созыва утвердила четвертый пятилетний план восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны. В соответствии с планом, важное место отводилось капитальному строительству, развитию тяжелой промышленности, железнодорожного и водного транспорта, в том числе Волго-Донского судоходного канала, тоннельного перехода через Татарский пролив. Отдельные лагеря нуждались не просто в рабочей силе. Требовались квалифицированные специалисты, которых руководители лагерных пунктов и колоний придерживали для собственных производственных нужд.

По состоянию на 1 апреля 1948 г. в лагере содержалось 18 834 человека, в том числе 10 775 человек, осужденных за антисоветскую деятельность и 8079 уголовников. Среди политических преступников основную массу заключенных составляли осужденные за измену родине (ст. 58 п. 7 «а» и «б» УК РСФСР) – 6102 человека и за антисоветскую агитацию – 5057 человек. Среди уголовных преступников наибольшее число судимых было за имущественные преступления – 1524, должностные и хозяйственные – 944 и за хищение государственной и общественной собственности. Наибольшее число относились к предателям и пособникам оккупантов (бургомистры, старосты, полицейские, власовцы) – 1655 человек, бывшие участники антисоветских буржуазных партий, организаций и групп – 577 человек⁴⁶².

В мае 1948 г. ГУЛАГ МВД СССР направил директивное указание в адрес начальников ИТЛ, УИТЛК-ОИТК⁴⁶³, оно предусматривало возможность перевода заключенного в другой лагерь в соответствии с имеющейся производственной квалификацией. Заявления о переводах следовало рассматривать на местах и принимать меры к удовлетворению просьб. Такие заявления от инженерно-технического персонала, врачей и других специалистов с высшим образованием требовалось направлять в ГУЛАГ, но только после тщательной проверки. К ним в обязательном порядке прилагалась справка, в которой указывались сведения, кем фактически работает заключенный, о состоянии его здоровья, остатке срока, а также судебно-установочные данные. Обращалось внимание на необходимость со всей ответственностью относиться к проверке отбираемых специалистов. В качестве примера безответственности приводился факт, когда из Ивдельлага, как мастер железобетонных

⁴⁶² Архив Темниковского ИТЛ. 1948. Ф. 9. Д. 2. Л. 65.

⁴⁶³ Там же. Л. 33.

работ в Широлаг был направлен рецидивист Хлебников П. Н., никогда не работавший. Он имел 5 фамилий, 7 судимостей за кражу и бандитизм, 3 раза бежал. С начальника отдела учета и распределения заключенных Матусевича была удержана стоимость бесцельной перевозки.

Это указание повлекло за собой поток писем от заключенных в ЦК КПСС, ПВС СССР, Прокуратуру. Пользуясь случаем, под видом «специалистов» заключенные стремились уехать из лесозаготовительных лагерей.

В июне 1948 г. ГУЛАГ МВД СССР поставил в известность руководителей лагерей и колоний о том, что МВД поручено выполнять задания, вытекающие из решения правительства по вывозу контингента заключенных для комплектованиястроек и выполнения спецзаданий, порученных МВД⁴⁶⁴.

В 1948 г. в связи с обострением международной обстановки было принято решение об изоляции осужденных за контрреволюционную деятельность в 12 особых лагерях. В связи с этим Темниковский ИТЛ был реорганизован и прекратил свое существование 12 октября 1948 г. При ликвидации хозяйства Темлага было разделено между Особлагом № 3, Дубравлагом и Промкомбинатом ГУЛАГа, который получил статус самостоятельной производственной структуры – Темниковский комбинат ГУЛАГа. Комбинат не имел своей собственной лагерьной структуры, на контрагентских началах получал рабочую силу от Особлага № 3. Позднее, в соответствии с приказом МВД СССР № 001290 от 30.10.1948 г., он вошел в состав Дубравлага⁴⁶⁵.

УДК 343.824

Кузнецов Михаил Иванович,

доцент кафедры юридической психологии и педагогики,

Академия ФСИН России,

кандидат педагогических наук, доцент

e-mail: mikhail_kuznetsov_1962@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-1589-4214

Специальные учебно-трудовые учреждения: опыт исправительно-трудовой системы СССР 70-х годов XX века

⁴⁶⁴ Архив Темниковского ИТЛ. 1948. Ф. 9. Д. 2.Л. 36.

⁴⁶⁵ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960. М., 1998. С. 479.

Аннотация: в статье рассматривается опыт деятельности специальных учебно-трудовых учреждений, функционировавших в Узбекистане в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века. Анализируется специфика их работы.

Ключевые слова: исправительно-трудовая система СССР, специальные учебно-трудовые учреждения, бродяжничество, Узбекистан.

Kuznetsov Mikhail Ivanovich,
Associate Professor of the Department
of Legal Psychology and Pedagogy,
Academy of the FPS of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor

Special educational and labor institutions: the experience of the correctional labor system of the USSR 70s of the twentieth century

Abstract: the article examines the experience of special educational and labor institutions that operated on the territory of Uzbekistan in the late 60s – early 70s of the last century. The specifics of their work are analyzed.

Keywords: correctional labor system of the USSR, special educational and labor institutions, vagrancy, Uzbekistan.

В последнее время активно ведутся исследования по анализу и переосмыслению опыта деятельности уголовно-исполнительной системы, накопленного в разные годы. В научной литературе достаточно подробно раскрыты вологодский опыт формирования коллектива осужденных⁴⁶⁶, белорусский опыт организации индивидуального шефства над отбывающими наказание⁴⁶⁷, челябинский опыт организации самовоспитания осужденных женщин⁴⁶⁸.

Обращение к советскому периоду деятельности пенитенциарных учреждений вызвано поиском и внедрением

⁴⁶⁶ Кубышкин А. Н., Крюкова О. Ю. Вологодский опыт исправления осужденных: ретроспективный анализ // *Ius Publicum et Privatum*. 2021. № 2(12). С. 15–19.

⁴⁶⁷ Кириллова Т. В., Кузнецов М. И. Белорусский опыт исправления осужденных // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: научно-практическое ежеквартальное издание М.: НИИ ФСИН России, 2021. С. 144–148.

⁴⁶⁸ Кириллова Т. В., Кузнецов М. И. Челябинский опыт исправления осужденных: историческая ретроспектива // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 6. С. 34–37.

наиболее эффективных форм исправления лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России, на что нацеливает Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г.⁴⁶⁹ В связи с этим представляет определенный интерес анализ опыта создания и функционирования специальных учебно-трудовых учреждений, реализованный в 70-х годах прошлого века в Узбекской ССР и подробно пока еще не раскрытый.

Специальные учебно-трудовые учреждения (СУТУ) были открыты Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР от 25 апреля 1968 г. «Об усилении борьбы с бродяжничеством». Они были созданы впервые в СССР в целях приобщения к общественно полезному труду, обучения производственным специальностям, необходимых народному хозяйству, лиц, занимающихся бродяжничеством. Согласно ст. 1 Указа «лица, ставшие на путь бродяжничества, могли быть по постановлению суда направлены в СУТУ на срок от одного года до двух лет для привлечения их к труду и обучения производственным специальностям»⁴⁷⁰.

Направляемые в СУТУ задерживались сотрудниками органов внутренних дел, в тридцатидневный срок устанавливалась их личность и причины бродяжничества. Собранные материалы рассматривались начальником органа внутренних дел или его заместителем и с санкции прокурора передавались в суд для решения о направлении задержанного в СУТУ. Судом рассматривались материалы в открытом заседании в течение трех суток после их поступления в присутствии задержанного. В случае необходимости на судебное заседание приглашались свидетели. Постановление о направлении в СУТУ или об отказе выносилось судьей единолично, являлось окончательным и обжалованию не подлежало, но могло быть отменено или изменено по протесту прокурора народным судом или в порядке надзора вышестоящей судебной инстанцией. Постановление суда осуществлялось органами внутренних дел. Лица, направленные в СУТУ, доставлялись в учреждение в течение десяти суток⁴⁷¹.

Следует подчеркнуть, что направление в СУТУ лиц, занимающихся бродяжничеством, не являлось мерой уголовного

⁴⁶⁹ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распор. Правительства Рос. Федерации от 29.04.2021 № 1138-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁷⁰ Ведомости Верховного Совета Узбекской ССР. 1968. № 13. С.12.

⁴⁷¹ Миренский Б. А. Вопросы совершенствования деятельности специальных учебно-трудовых учреждений // Проблемы совершенствования деятельности исправительно-трудовых учреждений: мат. Всесоюзной науч.-практ. конф. Рязань: РВШ МВД СССР, 1976. С. 510–514.

наказания и, следовательно, судимости не влекло. При этом время нахождения в приемнике-распределителе или в камере предварительного заключения засчитывалось в срок пребывания в СУТУ.

Лица, направляемые в СУТУ, привлекались к общественно полезному труду (как правило, с учетом уже имеющейся у них специальности). Те, кто не имел трудовой специальности, подлежали обязательному профессионально-техническому обучению. На них распространялось действие законодательства о труде, время работы в СУТУ, включая период их вынужденного простоя и болезни, засчитывалось в трудовой стаж, однако трудовой отпуск не предоставлялся. Обеспечение питанием и вещевым довольствием устанавливалось применительно к нормам исправительно-трудовой колонии общего режима. Стоимость питания, одежды, обуви и другие удержания производились из заработной платы задержанного. Оставшаяся сумма переводилась на его лицевой счет⁴⁷².

Содержащиеся в СУТУ имели право получать посылки и передачи, получать и отправлять денежные переводы, вести переписку, пользоваться деньгами для покупок товаров первой необходимости. На них возлагалась обязанность соблюдать Правила внутреннего трудового распорядка и трудовую дисциплину, беречь собственность учреждения. Им запрещалось употреблять спиртные напитки, наркотические вещества, играть в карты и т.д. К лицам, систематически нарушающим Правила внутреннего распорядка и трудовую дисциплину, применялись меры дисциплинарного взыскания, вплоть до водворения в изолятор на срок до десяти суток.

Освобождение из СУТУ осуществлялось по истечении установленного судом срока или по постановлению суда досрочно. Освобожденному выдавалась трудовая книжка, удостоверение о получении специальности и квалификации, с ним производился полный расчет, возвращались личные вещи, документы и деньги. В трудовой книжке делается соответствующая запись о времени пребывания в СУТУ.

Следует особо подчеркнуть, что направление и содержание в СУТУ представляли собой меры особого рода, в которых административное наказание сочеталось с исправительно-трудовым воздействием. Проведенное во второй половине 70-х годов прошлого века анкетирование 1025 человек, содержащихся в СУТУ, показало, что большинство из них стремилось к трудоустройству и приобретению рабочей специальности. Три четверти опрошенных

---

⁴⁷² Там же. С. 510.

признали себя здоровыми и трудоспособными людьми. Именно в труде они видели свое спасение⁴⁷³.

Специальные учебно-трудовые учреждения сталкивались с рядом трудностей из-за отсутствия опыта организации их деятельности. Например, иногда в них направлялись лица, ранее судимые, отрицательно влиявшие на административно наказанных.

Практическими работниками исправительно-трудовой системы рассматриваемого периода постоянно велся поиск путей совершенствования деятельности названных учреждений. Отмечалось, что трудовую деятельность в СУТУ целесообразно организовывать на основе закрепления за ними какого-либо предприятия. При установлении связей СУТУ с предприятием административно наказанных в дальнейшем можно было бы после отбытия наказания направлять на работу на закрепленное предприятие. При организации производственного обучения в СУТУ старались учитывать интересы административно наказанных и производственные запросы региона, где планировалось проживание после отбытия наказания.

Подчеркивалось, что в исправлении наказанных значительную роль играла политико-воспитательная работа: организовывалось трудовое соревнование, ежемесячно проводились бригадные и открытые собрания по подведению итогов, был налажен выпуск стенной печати, наиболее отличившимся присваивалось звание «Передовик производства»⁴⁷⁴.

Предлагалось для повышения эффективности деятельности СУТУ особое внимание уделять трудоустройству освобожденных, возложив ответственность за это на администрацию СУТУ. По нашему мнению, это вряд ли было целесообразным. Кроме того, гражданам, убывающим из СУТУ по окончании срока или досрочно, предлагалось выдавать справки об освобождении и проездные документы только к месту жительства семьи или родственников, что также вызывает сомнение в правильности такого подхода. Если у освобождаемых отсутствовали семейные или родственные связи, они должны были трудоустроиться, согласно предварительной договоренности, на определенные предприятия. Это было нужно для того, чтобы администрация СУТУ постоянно имела сведения о дальнейшей судьбе освобожденных.

По нашему мнению, отдельные элементы опыта деятельности специальных учебно-трудовых учреждений могут быть использованы

---

⁴⁷³ Там же. С. 511.

⁴⁷⁴ Там же. С. 513.

в организации функционирования исправительных центров, а также в работе создаваемой сегодня в нашей стране службы пробации⁴⁷⁵.

УДК 343.81

Кунц Елена Владимировна,
ведущий научный сотрудник
НИИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор
e-mail: 73kuntc@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8793-0574

Общественно полезный труд осужденных: вопросы истории и современности

Аннотация: в статье обосновывается, что общественно полезный труд является одной из важнейших целей, которую ставит государство в отношении лиц, преступивших закон. Данный вывод формулируется на основании ретроспективного анализа ранее действующего исправительно-трудового законодательства и действующего Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: заключенные, исправление, исправительные учреждения, лагеря, общественно полезный труд, осужденные, режим, средство, советская власть.

Kunts Elena Vladimirovna,
Leading Researcher
Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Doctor of Law, Professor

Socially useful work of convicts: issues of history and modernity

Abstract: the article substantiates that socially useful labor is one of the most important goals set by the state in relation to persons who have broken the law. This conclusion is formulated on the basis of a

---

⁴⁷⁵ Кириллова Т. В., Кузнецов М. И. О подготовке кадров для создаваемой в России службы пробации // Глобальный научный потенциал. 2022. № 3(132). С. 153–155.

retrospective analysis of the previously existing corrective labor legislation and the current Penal Code of the Russian Federation.

Key words: prisoners, correction, correctional institutions, camps, socially useful work, convicts, regime, means, Soviet power.

В современных условиях общественно полезный труд как средство исправления (ст. 9 УИК РФ) применяется недостаточно. Не в полной мере привлечение к труду практически исключает возможность использования профессионального обучения осужденных в качестве средства их исправления.

Кроме того, высокие показатели рецидивной преступности свидетельствуют в целом о недостаточной эффективности исправительно-профилактического воздействия на осужденных. Таким образом, в современных условиях актуализируется проблематика активизации общественно полезного труда и профессионального обучения как средств исправления осужденных.

Труд, как главное средство перевоспитания преступника, активно применялся в первое десятилетие советской власти. Профессиональное обучение включалось в трудовое воспитание заключенных и рассматривалось как мера исправительно-трудового воздействия на них.

Глава первая «Основы режима в исправительно-трудовых учреждениях» Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. в п. 48 закрепляла, что режим в местах заключения основывается на правильном сочетании принципов обязательного труда заключенных и культурно-просветительской работе⁴⁷⁶.

Для советского периода развития исправительно-трудового законодательства особое внимание организации труда в местах лишения свободы было сконцентрировано на создании в стенах лагерей различного рода мастерских, а также использовании труда заключенных на договорных началах на фабриках, заводах, в совхозах и на других предприятиях.

Стахановское движение, охватившее всю Советскую страну, нашло живой отклик в массе лучших ударников-заключенных исправительно-трудовых учреждений НКВД. Лагеря и колонии уже насчитывали сотни и тысячи заключенных, работающих по-стахановски. Перестраивая свою работу по-стахановски, эти заключенные не только сами давали новые рекорды

---

⁴⁷⁶Собрание кодексов РСФСР. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР., 1928. С. 720.

производительности труда, но своим примером увлекали массу рядовых лагерников на борьбу за высокую производительность труда.

Стахановское движение в лагерях и колониях развивалось снизу, главным образом, по инициативе заключенных производственников.

Передачей своего опыта работы другим заключенным, работающие по-стахановски вовлекали массу лагерников в стахановское движение и добивались закрепления высоких показателей производительности труда. Однако, и лучшие заключенные, работающие по-стахановски, дающие самую высокую производительность, перекрывая установленные старые нормы в 8–10 раз, не могли организовать переход всей массы заключенных на стахановские методы работы, если на помощь им не приходил руководящий чекистско-административный и инженерно-технический состав⁴⁷⁷.

Дальнейшее развитие стахановского движения, применение стахановских методов работы всей массой заключенных обеспечивалось, прежде всего, проведением стахановских пятидневок, при обязательном условии тщательной, своевременной подготовки всех процессов по-стахановски. Людей стахановских образцов работы партия и правительство окружали заботой и вниманием. Заботой и вниманием должны быть окружены и заключенные, работающие по-стахановски в условиях лагерей колоний НКВД. Инициаторам внедрения стахановских методов, ведущими за собой массу рядовых заключенных, должны были предоставить лучшие жилищно бытовые условия, лучшее питание, обмундирование, лучшее культурное обслуживание. Все чекисты, руководители лагерей, мест заключения, начальники подразделений, весь административный персонал лично оказывали всемерную поддержку и помощь заключенным, работающим по-стахановски, устраняли препятствия в их работе, лично заботились о создании для них лучших бытовых условий и преимуществ, установленных ранее приказами⁴⁷⁸.

Вышеизложенное дает основание утверждать о значимой роли труда, как средства исправления заключенных в истории развития СССР.

В юридической литературе более позднего периода времени представлены результаты исследований широкого спектра вопросов,

---

⁴⁷⁷ О награждении заключенных лагерей и колоний НКВД, работающих по-стахановски: Приказ народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР за 1936

год.

⁴⁷⁸ Там же.

связанных с повышением эффективности применения общественно полезного труда в качестве средства исправления. Несмотря на значительное внимание ученых к данной проблематике, высокая динамика общественных отношений в исследуемой сфере определяет потребность постоянной актуализации тематики организации труда осужденных и обоснования предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Показательным будет пример, когда добросовестный труд осужденного помогает условно-досрочно освободиться. Так, из 12 лет своего срока уголовного наказания за грабеж с убийством, осужденный оставил в колонии 2 года 2 месяца и 10 дней не отбытыми. Заслужил осужденный эту привилегию примерным поведением и добросовестным трудом⁴⁷⁹.

КП-2 Тамбовской области имеет сельскохозяйственное направление. Мясо, картофель, крупа, мука, растительное масло поставляются в 18 российских регионов. На базе КП-2 Тамбовской области сохранилась часть собственного производства, в том числе действующий в рамках государственного заказа швейный участок. В трудоустройстве осужденных (в 2016 г. этот показатель составил примерно 42%), в повышении их квалификации сегодня заинтересована и администрация колонии, и руководство предприятия. Отсутствие работы нередко приводит его подопечных к дисциплинарным нарушениям. Напротив, если человек трудоустроен, он стремится досрочно освободиться, т.к. уверен, что сможет продолжить обеспечивать себя и свою семью на свободе⁴⁸⁰.

Решение вопроса правового обеспечения повышения эффективности общественно полезного труда как средства исправления осужденных в современных условиях в значительной мере основывается на принятии соответствующего программного документа концептуального характера. Такого рода документ должен определять приоритетные направления использования ограниченного бюджетного финансирования на цели технического переоснащения производственного сектора уголовно-исполнительной системы.

В числе приоритетных направлений использования финансовых ресурсов следует выделить следующие: софинансирование проектов по созданию новых производств частными подрядчиками, концессионерами (различными субъектами государственно-частных партнерств); концентрация ресурсов на создание производственной

---

⁴⁷⁹ Всем спасибо, все довольны//На переломе. 2002. 9 сентября.

⁴⁸⁰ ФГУП «Тамбовское» [Электронный ресурс]. URL: www.68.fsin.su. (дата обращения 07.02.2023).

базы в отдельных учреждениях при условии наличия долгосрочных контрактов, обеспечивающих окупаемость средств с возможностью последующего направления части добавленной стоимости на создание новых рабочих мест в других учреждениях.

Концептуальной идентификации на нормативном уровне требуют приоритетные направления развития производственной деятельности, приносящей доход. В данном случае речь идет о конкретных отраслях, видах производств и регионах, продукция которых востребована учреждениями других ведомств, частными потребителями, а сами производства соответствуют ряду критериев.

В УФСИН России по Тюменской области на сегодняшний день к оплачиваемому труду в колониях привлечено 34% осужденных⁴⁸¹.

Критериями отбора таких производств могут стать следующие: наличие значительного числа вакансий на предприятиях определенных видов деятельности; значительная часть трудовых мигрантов в общей численности основного производственного персонала данных предприятий; режимные особенности отбывания отдельных видов наказаний должны соответствовать возможностям привлечения осужденных к труду на данных производствах.

Новации в законодательстве следует ориентировать на повышение эффективности трудовой адаптации осужденных. Необходимо увязать правовой принцип неизбежности уголовного наказания за преступление с фактической неизбежностью привлечения осужденного к общественно полезному труду. При этом тяжесть, характер и особенности трудовой деятельности следует увязывать с общественной опасностью совершенных преступлений и особенностями личности правонарушителя.

Модернизация уголовно-исполнительного законодательства в части, регламентирующей труд осужденных, является объективной необходимостью. Несмотря на то, что личность осужденного существенно изменилась за последние годы, попытка организовать их трудовую деятельность на базе производственных мощностей советского периода в условиях развитой рыночной экономики является трудной, но решаемой задачей.

Таким образом, анализ ранее действующего исправительно-трудового законодательства подтверждает высокую эффективность общественно полезного труда как средства исправления осужденных. Дальнейшая работа в данном направлении должна учитывать комплекс современных экономических, социальных, криминогенных

---

⁴⁸¹ Торгово-промышленная палата Нижегородской области [Электронный ресурс]. URL: www.studbooks.ru (дата обращения 07.02.2023).

факторов, определяющих эффективность процесса исправления осужденных.

УДК 94(47).072

Лебедев Владимир Борисович,

заместитель начальника,

Центр обеспечения учебно-воспитательной работы

Федеральной службы исполнения наказаний,

кандидат исторических наук, доцент

e-mail: alguasil@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4840-3135

Прокопьев Василий Васильевич,

начальник отдела воспитательной и социальной работы

с личным составом управления кадров ФСИН России

**Крепостные работы в системе наказаний Российской империи
в первой половине XIX в.**

Аннотация: в статье рассматриваются правовые основы исполнения наказания в виде крепостных работ в Российской империи первой половине XIX в.

Ключевые слова: каторга, ссылка на поселение, бродяги, арестанты, арестантские роты инженерного ведомства, крепостные работы арестантов.

Lebedev Vladimir Borisovich,

Deputy Head

of the Education and training centre

of the Federal Penitentiary Service of Russia,

candidate in history, associate professor

Prokopyev Vasily Vasilievich,

Head of the Department for Educational and Social Work with

Personnel of the Personnel

Department of the Federal Penal Correction Service

**Serfdom in the penal system of the Russian Empire in the first half of
the 19th century**

Abstract: the article discusses the legal basis for punishment in the form of serfdom in the Russian Empire in the first half of the 19th century.

Keywords: hard labour, exile, vagrants, prisoners, prisoner companies of the Engineering Department, prisoner serf work.

На протяжении XVIII столетия труд колодников использовался на крепостных работах в Санкт-Петербурге, Рогервике (в настоящее время – Палдиски), Риге, Ревеле (в настоящее время – Таллин), Выборге, Оренбурге, Херсоне и др., а также на строительстве укреплений Днепровской и Смоленской линий. По своему характеру это были каторжные работы, к которым приговаривались за тяжкие преступления физически здоровые мужчины. В настоящей статье приведены результаты анализа нормативно-правовых актов первой половины XIX в., регламентирующих данный вид наказания, выявлены его специфические черты, а также место принудительных крепостных работ в пенитенциарной политике Российской империи.

Отправной точкой процесса трансформации каторжных крепостных работ в отдельный вид наказания, имеющий четкую регламентацию и строгое разграничение по кругу лиц, следует, на наш взгляд, считать указы эпохи правления Павла I. Именным указом от 13 сентября 1797 г. установлена практика распределения подлежащих ссылке на принудительные работы преступников по трем разрядам. В первый, предполагавший отсылку на работу в Нерчинск, попали убийцы, «пристанодержатели», а также лица виновные в оскорблении государя. Каторжане второго разряда, в число которых вошли преступники, ранее приговариваемые к ссылке на поселение, направлялись на работы в иркутскую суконную фабрику. В третий разряд каторжан, предназначенных для отправки к «крепостным строениям», были включены все лица, присужденные к казенным работам, в том числе в рабочих и смирительных домах⁴⁸².

Практическая реализация не проработанного должным образом указа вызвало у губернаторов ряд «сомнений и затруднений», большинство из которых касалось вопроса о необходимости отправки в крепости женщин, дряхлых и престарелых мужчин, чья трудовая ценность на подобных работах была незначительна, а также мелких преступников, осужденных на незначительные сроки и распутников. При буквальном исполнении указа следовало ликвидировать систему рабоче-смирительных домов, созданных десятилетием ранее. Устраняя возникшие противоречия, Сенат указом от 25 марта 1798 г.

---

⁴⁸² Полное собрание законов Российской империи I (далее ПСЗРИ). Т. XXIV. № 18140. С. 735.

определил отправлять в крепостные работы только таких преступников, «коим положенные за преступления сроки, или те суммы, какие они заработать должны, соразмерны будут расстоянию крепостей, от тех губерний, откуда посылаться преступники должны, разумея сие только о преступниках мужского пола; прочих же преступников и всех преступниц разного рода, особливо тех, кои даются для исправления от помещиков, оставлять в смиренных и рабочих домах». Не предполагалась также и отправка в крепости мужчин, неспособных к тяжелому труду по возрасту и увечьям⁴⁸³.

Сенатский указ 1798 г. также содержит крайне важные для понимания причин внимания императора к вопросу о принудительных крепостных работах пояснения военного инженера генерал-адъютанта [Ивана Ивановича] Князева. Им, в частности, отмечено: «... что ссылочные невольники для работ везде нужны, где только крепости инженерного ведомства по границам находятся, наипаче же потому что во многих местах вольнонаемных людей ни за какие деньги отыскать не можно, а где оные есть, то требуемые ими за работу цены столь неумеренны, что выходят из той соразмерности, в каковой фортификационная сумма находится». Определенная Князевым потребность в колодниках для Херсона и Азова, простиралась до 100 и 200 человек, соответственно. Указывалось также на наличие ранее посланных преступников в Ревеле и Нарве⁴⁸⁴. Доводы генерал-адъютанта были в полной мере восприняты генерал-прокурором Сената [Алексеем Борисовичем] Куракиным, предложившим распределить между упомянутыми выше крепостями 37 губерний, направлявших гражданских лиц на крепостные работы. Вопрос о посылке колодников из Оренбургской, Пермской, Иркутской и Тобольской губерний был отложен до выяснения их собственных потребностей⁴⁸⁵.

Активная внешняя политика Российской империи при ближайших преемниках Павла I, реформирование как самой армии, так и системы управления вооруженными силами страны стали причиной дальнейшего развития принудительных крепостных работ. 28 января 1812 г. в Военном министерстве был образован Инженерный департамент (28 декабря 1862 г. упразднен в связи с созданием Главного инженерного управления), ведавший строительством и содержанием крепостей, укреплений и других военных зданий, комплектованием, обучением и учетом состава

⁴⁸³ ПСЗРИ I. Т. XXV. № 18452. С. 175.

⁴⁸⁴ ПСЗРИ I. Т. XXV. № 18452. С. 174–175.

⁴⁸⁵ ПСЗРИ I. Т. XXV. № 18452. С. 175.

инженерных частей, управлений и инженерно-военных заведений. На работах по строительству и ремонту крепостей инженерное ведомство активно использовало труд арестантов военно-арестантских рот, каторжан и военнопленных⁴⁸⁶.

Военное ведомство, начиная с 1807 г., активно создавало военно-рабочие части, призванные выполнять широкий спектр трудоемких работ (военно-рабочие команды, а впоследствии военно-рабочие роты и батальоны), из числа рекрутов, неспособных к строевой службе. Так, Положением о военно-рабочих ротах для инженерного корпуса от 21 августа 1818 г. предписывалось сформировать 36 рот⁴⁸⁷. Однако это обстоятельство не привело к упразднению штрафных работ в крепостях, представлявших собой удобный объект для устройства пенитенциарного учреждения. Размещение тюремного помещения внутри крепостных стен препятствовало побегам. Наличие значительного по численности гарнизона решало проблему охраны заключенных во время работ. Постоянное присутствие коменданта крепости минимизировало проблему административного надзора за заключенными и, наконец, в крепости всегда присутствовала потребность в использовании низкоквалифицированной рабочей силы.

Несмотря на указы 1797 и 1798 гг. проблема нехватки рабочих рук в крепостях не была решена. В начале правления Александра I при сохранении относительно небольшой доли каторжного элемента в арестантской среде наблюдалось увеличение потребности в объемах крепостного строительства. Решением проблемы стало использование труда специфической категории обитателей тюрем – беглых.

Бродяги традиционно составляли значительную часть арестантов в гражданских тюрьмах империи. Согласно указу от 24 сентября 1806 г. пойманные беглые должны были содержаться под стражей до завершения «выправки» о точности их показаний. Одновременно осуществлялась публикация в газетах данных о беглом (приметы и данные полиции показания о прежнем месте жительства). Если «выправка» уличала беглого в ложных показаниях, то взрослых беглых, признанных годными к военной службе, следовало отдать в солдаты, а негодных, в случае отсутствия в губернии казенных работ, отсылать на работу в ближайшие крепости, или за отдалением последних, на поселение в Сибирь⁴⁸⁸.

⁴⁸⁶ Подробнее см.: Исторический очерк Инженерного управления в России / Сост. Ал. Савельев. В 2-х ч. СПб., 1878–899.

⁴⁸⁷ ПСЗРИ I. Т. XXXV. № 27491. С. 517.

⁴⁸⁸ ПСЗРИ I. Т. XXIX. № 22285. С. 745.

События Отечественной войны 1812 года способствовали еще большему ужесточению законодательства в отношении беглых. Высочайше утвержденным 12 марта 1812 г. мнением Государственного совета было определено отсылать бродяг в крепостные работы впредь до завершения «выправки», а членовредителей – навсегда. Учитывая, что процедура подтверждения показаний беглых занимала довольно много времени, уже к 1816 г. Инженерный департамент жаловался на «напрасное умножение» в крепостях этой категории «невольников»⁴⁸⁹.

При этом в указе от 15 октября 1817 г. подчеркивалось, что признанные негодными в рекруты беглые, хоть и отсылаются в крепостные работы, но «зачисляются не в крепостные арестанты, не пользующиеся свободой и употребляемые в работы под караулом, но и военнорабочие, кои служат на том же основании, как и в полках, куда поступили бы в случае способности к строевой службе, и содержатся согласно Высочайше подтвержденному 25 ноября 1807 года положению [о военно-рабочих командах]»⁴⁹⁰. Такие команды, сформированные изначально из ратников ополчения, к 1817 г. сохранялись в Кронштадте, Свеаборге (в настоящее время – район г. Хельсинки), Динабурге (в настоящее время – г. Даугавпилс), Бобруйске и Ахтиаре (в настоящее время – территория г. Севастополя)⁴⁹¹.

К 1821 г. численность арестантов, направленных в крепости, перекрыла все ранее заявленные потребности, о чем Военное министерство сообщило МВД. Указом от 11 июля 1821 г. была временно прекращена отсылка преступников в крепости и криминальный элемент стал направляться на каторгу и поселение в Сибирь⁴⁹². Исключением из этой практики стала отправка на крепостные работы осужденных на незначительные сроки в Грузию, где отсутствовали рабоче-смирительные дома⁴⁹³. Указ от 23 февраля 1823 г. предписывал присуждать бродяг, вместо крепостной работы и отдачи в рекруты, к поселению в Сибири, а также констатировал отсутствие у комендантов крепостей «надобности в работниках»⁴⁹⁴.

⁴⁸⁹ ПСЗРИ I. Т. XXXIII. № 26246. С. 616.

⁴⁹⁰ ПСЗРИ I. Т. XXXIV. № 27095. С. 803.

⁴⁹¹ Там же.

⁴⁹² ПСЗРИ I. Т. XXXVII. № 28685. С. 770.

⁴⁹³ ПСЗРИ II. Т. I. № 240. С. 339.

⁴⁹⁴ ПСЗРИ I. Т. XXXVIII. № 29328. С. 794.

Вышеуказанные обстоятельства стали причиной того, что в Уставе о ссыльных (1822 г.) крепостные работы как разновидность каторжных работ не упоминаются.

Тем не менее практика отправки гражданских лиц на крепостные работы не прекратилась. 4 февраля 1826 г. Министр юстиции сообщил Сенату, что арестанты гражданского ведомства, поступающие в крепостную работу по приговорам судов или за бродяжничество, предпринимают попытки вернуться в гражданские тюрьмы, где они «во все время производства дела и собирания справок, содержатся в совершенном бездействии», совершая новые преступления, либо ложно объявляя о якобы совершенных ими ранее преступных деяниях⁴⁹⁵. Однако сохранение практики исполнения наказания в отношении гражданских лиц военным ведомством неизбежно вело к ее интеграции в военно-пенитенциарную систему с присущими ей дисциплинарными практиками.

Положение для образования крепостных арестантов в арестантские роты (1826 г.) заложило правовые основы создания и функционирования первых в России военно-пенитенциарных учреждений. Положение четко различает дислоцированные в крепостях военно-арестантские роты и арестантские роты гражданского ведомства. В военно-арестантские роты зачислялись военнослужащие, включая лишенных чинов офицеров, осужденные на срок в крепостной работе (1-й разряд), бродяги или беглые военного ведомства, «кои за справками остаются в крепостных арестантах» (2-й разряд). В арестантские роты гражданского ведомства поступали гражданские лица, присужденные к вечному заточению в крепости («вечные арестанты»), приговоренные к срочному заключению в крепости, бродяги. Численность арестантской роты определялась в 120 человек, за исключением арестантских рот гражданского ведомства, состоявших из бродяг (от 100 до 140 человек)⁴⁹⁶.

Каждая рота состояла из 1 штаб- или обер-офицера (командира роты), 3 младших офицеров, 1 фельдфебеля, 16 унтер-офицеров (командиры отделений) и 1 барабанщика. Всем им присваивался мундир служащих инвалидов. Офицеры отбирались из Корпуса внутренней стражи, нижние чины – из числа служащих инвалидов отличного поведения. Роты полностью подчинялись коменданту крепости, который и выделял конвой из числа нижних чинов гарнизона⁴⁹⁷.

⁴⁹⁵ ПСЗРИ II. Т. I. № 207. С. 305.

⁴⁹⁶ ПСЗРИ II. Т. I. № 598. С. 1012.

⁴⁹⁷ ПСЗРИ II. Т. I. № 598. С. 1013.

До утверждения Положения были сформированы военно-арестантские роты в Бобруйске (8 рот), Динабурге (7 рот), Ревеле (2 роты), Риге (2 роты) и Кронштадте (3 роты)⁴⁹⁸. В 1827 г. упоминаются военно-арестантские роты в Измаиле (2 роты) и Оренбурге (1 рота). К этому времени за каждой крепостью, где использовался труд гражданских арестантов, независимо от наличия в них арестантских рот, закреплялись «комплектующие» регионы страны. Исключение было сделано для Грузии и Сибирских губерний, где военные арестанты распределялись по местным крепостям⁴⁹⁹.

В 1829 г. было утверждено новое расписание. В крепости направлялись нижние армейские чины за побег и преступления, а также гражданские лица, осужденные за преступления в крепостную работу⁵⁰⁰. Всего по расписанию в крепостях имелось 1073 свободных арестантских места. Больше всего арестантов требовалось на крепостные работы в Херсоне (356 мест), Риге (100 мест) Выборге (95 мест), Тирасполе (75 мест), Динамюнде (в настоящее время – Даугавгривская крепость в районе г. Рига) (70 мест). Омскую крепость (единственную сибирскую крепость в расписании) следовало доукомплектовать 59 арестантами из Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской губерний⁵⁰¹.

В том же году генерал-губернатор Западной Сибири столкнулся с нехваткой рабочих рук для производства крепостных работ в Омской области, при переизбытке каторжников на казенных заводах Томской и Тобольской губерний. На крепостные работы в Омск было решено направлять посредством земской полиции (этапы между Тарой и Омском не были предусмотрены) «следующих на каторжную работу за преступления не весьма тяжкие, избирать по летам и сложению способных». Срок пребывания в крепостных работах устанавливался в 20 лет с последующим поселением в губерниях Западной Сибири⁵⁰². На территории приграничной Омской области ссыльнопоселенцам селиться запрещалось.

В связи с тем, что Омская крепость стала объектом пристального внимания местных властей, среди задействованных на крепостных работах были выявлены 28 увечных и дряхлых арестантов, а также арестанты, отбывшие на каторге от 20 до 30 лет. Причем вина некоторых из них была неизвестна, либо осуждены они

⁴⁹⁸ ПСЗРИ II. Т. I. № 459. С. 686.

⁴⁹⁹ ПСЗРИ II. Штаты и табели к Т. II. № 1112 С. 144–145.

⁵⁰⁰ ПСЗРИ II. Т. IV. № 2765. С. 194.

⁵⁰¹ ПСЗРИ II. Штаты и табели к Т. IV. С. 6–7.

⁵⁰² ПСЗРИ II. Т. IV. № 2958. С. 453.

были за незначительные преступления: бродяжничество и побег. Сибирский комитет нашел, что «они вероятно, а в прежнее время, за недостатком правил, были взяты в Сибирь из числа прочих ссыльных на поселение, и отосланы в крепости для работ по недостатку в людях»⁵⁰³.

В 1833 г. Николай I утвердил «Положение об арестантских ротах Инженерного ведомства», регламентировавшее порядок отбытия наказания всеми военными служащими и гражданскими лицами, приговоренных к крепостным работам, независимо от наличия в той или иной крепости арестантской роты.

Лица, приговариваемые к отдаче в крепостную работу, делились положением на три категории:

- 1) преступники, присужденные в крепостную работу по конфирмации императора на срок или бессрочно;
- 2) нижние чины, присужденные в крепостную работу на срок;
- 3) бродяги и преступники из числа гражданских лиц, направляемые в крепостную работу гражданскими властями («губернскими присутственными местами»).

Последние могли поступать в крепостную работу только при наличии у МВД запроса от Инженерного ведомства на направления осужденных в конкретную крепость⁵⁰⁴.

Бродяги, как и прежде, присылались в крепостную работу еще до завершения процедуры «выправки», результаты которой впоследствии доводились губернскими правлениями до комендантов крепостей. Если показания бродяги не подтверждались, он, как уличенный в обмане, предавался комендантом военному суду и оставлялся в роте. Далее комендант обязан был внести со слов бродяги сведения о его настоящем имени и происхождении в статейный список, отправив запрос в показанную бродягой губернию. Если же повторная «выправка» не подтверждала показания арестанта, он вторично предавался суду и переводился в разряд бессрочных («всегдашних») арестантов⁵⁰⁵. Если закон не предполагал возвращения бродяги, чьи показания подтвердились, помещику или обществу, тот оставался в крепостной работе не менее 2-х лет, после чего мог быть передан в порядке поощрения, при условии хорошего поведения, отсутствия медицинских противопоказаний и возраста менее 40 лет, в военно-рабочие роты. Это правило не распространялось на бродяг, показавших себя как не помнящих

⁵⁰³ ПСЗРИ II. Т. V. Ч. 1. № 3502. С. 181.

⁵⁰⁴ ПСЗРИ II. Т. VIII. Ч. 1. № 6584. С. 676.

⁵⁰⁵ ПСЗРИ II. Т. VIII. Ч. 1. № 6584. С. 677.

родства. Не принятый в военно-рабочие роты и не возвращенный в «первобытное» состояние бродяга должен был отбыть в крепостной работе 15 лет, если не утратил работоспособность. После чего получал освобождение при условии «совершенно доброго поведения». В противном случае оставался в крепостной работе до тех пор, пока был в состоянии ее исполнять, либо не был признан начальством исправившимся⁵⁰⁶.

Осужденные к крепостным работам находились в непосредственном ведении плац-майора, пользовавшегося в отношении их правами батальонного командира. Внутри роты арестанты делились на три разряда:

1) военно-срочные (нижние армейские чины, а также в незначительном количестве срочные арестанты из числа гражданских лиц);

2) бродяги (присланные от гражданского ведомства за бродяжничество и неимение видов);

3) всегдашние (осужденные на бессрочную крепостную работу гражданские лица и лишённые званий нижние чины). При условии хорошего поведения могли быть переведены через 10 лет в разряд военно-срочных. Пробыв в этом разряде еще 5 лет, бывший всегдашний мог быть зачислен на общих основаниях в военно-рабочую роту и получить отставку, прослужив в ней 15 лет. Негодные к службе в военно-рабочей роте по состоянию здоровья могли получить освобождение через 10 лет при условии положительной аттестации от начальства. Оказавшиеся неспособными к крепостным работам всегдашние арестанты (преклонных лет, дряхлые, калеки) помещались в богадельню при крепости и употреблялись в посильных для них работах под присмотром военных инвалидов. При этом неисправившиеся немощные арестанты должны были оставаться в богадельне до конца жизни, а признанные исправившимися не менее 15 лет с момента поступления в крепость. Последние, не имея средств к пропитанию, могли остаться в богадельне по собственному желанию⁵⁰⁷.

Арестанты каждого разряда размещались в особой казарме, и носили одежду, изготовленную по утвержденным в 1830 г. образцам⁵⁰⁸. Всегдашние арестанты в обязательном порядке носили оковы и отличались от прочих арестантов характерной стрижкой

⁵⁰⁶ ПСЗРИ II. Т. VIII. Ч. 1. № 6584. С. 684, 687.

⁵⁰⁷ ПСЗРИ II. Т. VIII. Ч. 1. № 6584. С. 689.

⁵⁰⁸ ПСЗРИ II. Т. VIII. Ч. 1. № 6584. С. 678.

(наголо выбривалась левая половина головы), в то время как у бродяг и срочных выбривалось полголовы спереди от уха до уха⁵⁰⁹.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), а также Дополнительные постановления о распределении и употреблении осужденных в каторжные работы (1845 г.) четко разграничили каторжные работы в крепостях как отдельный вид уголовного наказания и практику зачисления каторжан в военно-арестантские роты.

Каторжане второго (крепостного) разряда содержались и использовались на работах крепостях на том же основании, что и «всегдашние» (бессрочные) арестанты инженерного ведомства. В некоторых случаях в крепостях могли содержаться и каторжане рудничного разряда, в том числе и бессрочные. Осужденные на срок от 10 до 12 лет (4-я степень каторжных работ) по истечении 3 лет и на срок от 8 до 10 лет (5-я степень каторжных работ) по истечении 2 лет могли переводиться в разряд военно-срочных арестантов⁵¹⁰ с дальнейшим зачетом 10 ½ месяцев каторжных работ за 1 год⁵¹¹. Таким образом, они переводились из разряда испытуемых в разряд исправляющихся, что не предполагало облегчения участи в виде разрешения на жительство вне острога, предусмотренное для каторжан, ссылаемых в рудники и на заводы.

В отношении последних двух категорий каторжан предполагалось облегчить в дальнейшем их переход в разряд ссыльнопоселенцев. Каторжане первого (рудничного) разряда через 3 года, а третьего (заводского) через 1 год после поступления в отряд исправляющихся могли, с разрешения начальства, получить разрешения жить не в остроге, а в комнатах заводских мастеровых, собственном доме, построенном на заводской земле, а также вступить в брак⁵¹². На обзаведение собственным хозяйством каторжанин внетюремного разряда получал пособие из заработанной им ранее суммы. Пособие выдавалось частично деньгами, но в основном в виде одежды, семян для посева или лошади. На руки выдавались деньги, ранее отобранные на основании статьи 1317 Устава о Содержащихся под стражею и ссыльных⁵¹³. Кроме того, арестант, строивший собственный дом, получал строительный материал (лес) и мог быть

⁵⁰⁹ ПСЗРИ II. Т. VIII. Ч. 1. № 6584. С. 679–680.

⁵¹⁰ Дополнительные постановления о распределении и употреблении осужденных в каторжные работы. П. 38.

⁵¹¹ Там же. П. 39.

⁵¹² Там же. П. 31.

⁵¹³ Там же. ПП. 32, 33.

временно освобожден от казенных работ⁵¹⁴. Благополучным исходом для каторжанина крепостного разряда был перевод сперва в разряд военно-срочных арестантов, а затем, согласно Положению 1833 г., в разряд военно-рабочих.

В то же время отдача гражданских лиц в военно-арестантские роты как отдельный вид наказания Уложением 1845 г. не предусматривалась. Появление в губернских центрах арестантских рот гражданского ведомства сделало нецелесообразным дорогостоящую пересылку арестантов, не относящихся к числу ссыльно-каторжных, в отдаленные крепости.

Практика систематического использования арестантов гражданского ведомства на крепостных работах прекратилась в конце правления Николая I.

4 июня 1851 г. состоялся приказ по Инженерному корпусу «Об образовании из состоящих в Омской крепости 170-ти человек крепостных арестантов арестантской роты». Ф. М. Достоевский, отбывавший каторжный срок в Омской крепости с 1850 по 1854 гг. описывает это преобразование в главе «Побег» «Записок из Мертвого дома»: «Каторгу уничтожили и вместо нее основали арестантскую роту военного ведомства, на основании российских арестантских рот. Это значило, что уже ссыльных каторжных второго разряда в наш острог больше не приводили. Начал же он заселяться с сей поры единственно только арестантами военного ведомства <...> для нас жизнь продолжалась, в сущности, по-прежнему: то же содержание, та же работа и почти те же порядки, только начальство изменилось и усложнилось. Назначен был штаб-офицер, командир роты и, сверх того, четыре обер-офицера, дежуривших поочередно по острогу <...>⁵¹⁵.

Указом от 9 декабря 1854 г. отправка каторжан в крепостные работы была полностью прекращена. Каторжан второго разряда предписывалось отсылать на работы в Восточную Сибирь⁵¹⁶. Высочайше утвержденное положение Кабинета министров от 1 мая 1864 г. внесла в эту практику некоторые уточнения. Каторжные крепостные работы заменялись равными по сроку заводскими⁵¹⁷.

Массовое использование труда гражданских арестантов на фортификационных работах в мирное время, безусловно, отвечало духу всеобщей милитаризации, охватившую Россию в первой

⁵¹⁴ Там же. П. 34.

⁵¹⁵ Достоевский Ф. М. Записки из Мёртвого дома. Ч. 2. Глава IX. Побег.

⁵¹⁶ ПСЗРИ II. Т. XXIX. Ч. 2. № 28813. С. 80.

⁵¹⁷ ПСЗРИ II. Т. XXIX. Ч. 1. № 40832. С. 397.

половине XIX в. В эпоху правления Александра I наблюдалась ускоренная обстоятельствами военного времени трансформация одного из традиционных сегментов каторжных работ в созданный по армейским лекалам институт арестантских рот. Начиная с первых лет своего существования, военно-арестантские роты пополнялись гражданскими преступниками и беглыми. Однако, пройдя стадию становления, они не только способствовали минимизации присутствия гражданских арестантов в крепостях, но и ликвидации в 1854 г. каторжных крепостных работ, а также стали образцом для создания арестантских рот гражданского ведомства, являвшихся важнейшим элементом пенитенциарной системы России вплоть до их реорганизации в 1870 г.

УДК: 343.825

Лузгин Сергей Александрович,
доцент кафедры юридической психологии
и педагогики Академии ФСИН России,
кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: luzginsergei52@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-5647-4964

**Векторы развития воспитательной работы с осужденными
на переломном этапе реформирования УИС в СССР (50–60 годы
XX-го столетия)**

Аннотация: в статье рассматриваются основные вехи развития теории и практики воспитательной работы с осужденными на одном из переломных этапов развития УИС в СССР. Выделяются внешние и внутренние факторы, предпосылки и направления постепенного поиска, накопления, систематизации, оформления и распространения пенитенциарно-педагогических знаний и опыта исправления и перевоспитания правонарушителей в ИТУ в 50–60 годы прошедшего столетия.

Ключевые слова: исправительно-трудовые учреждения (ИТУ), воспитательная работа с осужденными, исправление и перевоспитание, исправительно-трудовая (пенитенциарная) педагогика.

Luzgin Sergey Alexandrovich,
Associate Professor of the Department of Legal Psychology
and Pedagogy of the Academy

of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Vectors of development of educational work with convicts at the critical stage of the reform of the penal system in the USSR (50–60 years of the XX century)

Abstract: the article discusses the main milestones in the development of the theory and practice of educational work with convicts at one of the critical stages of the development of the criminal justice system in the USSR. External and internal factors, prerequisites and directions of gradual search, accumulation, systematization, registration and dissemination of penitentiary and pedagogical knowledge and experience of correction and re-education of offenders in ITU in the 50–60 years of the last century are highlighted.

Keywords: correctional labor institutions (ITU), educational work with convicts, correction and re-education, correctional labor (penitentiary) pedagogy.

Развитие теории и практики воспитательной работы с осужденными обусловлено социальными, политическими, социально-экономическими и культурно-историческими изменениями, происходящими на том или ином этапе в обществе и государстве, в том числе в уголовно-исполнительной системе. История свидетельствует, что в обществе и консервативной по сути своей УИС этот процесс всегда проходит противоречиво и отражает особенности отношения социума к гражданам, совершившим уголовные преступления, что, в свою очередь, не только свидетельствует о цивилизованности и благополучии самого общества, но и закономерно влияет на них.

Исторический период, который рассматривается в настоящей статье и охватывает более чем 20 лет истории страны, характеризуется масштабными переломными событиями в ее послевоенной жизни, глубокими преобразованиями в общественно-политической, экономической и иных государственных структурах, что объективно предопределяло реформы в пенитенциарной системе. В соответствии с ними изменялись и принципиальные подходы к организации воспитательной работы с осужденными⁵¹⁸.

Стратегическая линия развития пенитенциарной системы и воспитательной работы с осужденными в это время в основном

---

⁵¹⁸ Детков М. Г. Тюрмы, лагеря и колонии: к 120-летию Главного тюремного управления России. М, 1999. 410 с.

опирается на принципы восстановления социалистической законности и непоследовательными тенденциями их реформирования на гуманистических основах. В начале этого периода, совпавшем с политикой преодоления негативных последствий руководства страной И. В. Сталина, был принят целый ряд постановлений ЦК КПСС и Правительства СССР, в которых была дана крайне негативная оценка деятельности системы ГУЛАГа. При этом был полностью перечеркнут его объективный и весомый вклад в создание экономического потенциала СССР, во многом позволивший победить в Великой Отечественной войне. Наряду с мерами по восстановлению законности и реабилитации жертв репрессий, в системе мест лишения свободы происходит структурная перестройка (замена лагерей на исправительные колонии и тюрьмы), усиливается кадровое обеспечение политико-воспитательной работы (с 1954 г. повсеместно создаются политорганы, формируются самодеятельные организации осужденных, советы актива, товарищеские суды). Признавая важную роль образования для исправления правонарушителей, в ИТУ организуется система средних общеобразовательных школ, восстанавливается профессионально-техническое обучение, а учителя и преподаватели как профессиональные педагоги на постоянной основе включаются в воспитательный процесс с осужденными.

С 1957 г. при местных органах исполнительной власти образуются наблюдательные комиссии, которые наряду с другими функциями оказывали помощь администрации ИТУ в организации воспитательного процесса с осужденными: в проведении культурно-массовых мероприятий, индивидуальной и групповой воспитательной работы, подготовке осужденных к освобождению, оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве освобождающихся из мест лишения свободы, привлечении к перевоспитанию осужденных общественности, правоохранительных органов, разнообразных предприятий и организаций. Фактически наблюдательные комиссии становились еще одним субъектом воспитательной работы в ИТУ и его организации.

Важной вехой в истории пенитенциарной воспитательной работы стало создание в 1957–1958 гг. отрядной системы. Это была довольно удачная попытка в новых исторических условиях воспроизвести идеи А. С. Макаренко о формировании коллектива как наиболее высокоразвитой формы общности, прямо направленной на достижение цели исправления правонарушителей. В отряде создавались педагогически целесообразные организационные условия для коллективного воздействия и конкретной индивидуальной работы

с личностью осужденного и ее проблемами. Уже первые годы применения отрядной системы показали, что при соблюдении организационно-педагогических принципов развитый, здоровый коллектив в форме отряда способен не только защищать и поддерживать его членов, но и содействовать формированию навыков правопослушного поведения, готовить к жизни на свободе, т.е. стать основным структурным звеном ИТУ и центром воспитательной работы с осужденными. Прошедшие годы подтвердили универсальность и жизнеспособность отрядной структуры ИУ, выявили ее достоинства и слабые места, предопределили многочисленные попытки ее реформирования⁵¹⁹.

В начале 60-х годов в исправительно-трудовой политике по инерции вновь возобладали консервативные взгляды на цели наказания, доминирующую важность труда в его реализации, принудительно-обязывающий характер участия осужденных в тяжелом и далеко не всегда воспитывающем труде, обучении, политико-воспитательных мероприятиях. Однако, несмотря на это, продолжали развиваться и гуманистические подходы к исполнению наказаний и воспитательной работе с осужденными, что было обусловлено стратегическими планами КПСС по строительству коммунизма в стране и формированию нового человека. Примечательно, что в это время происходит оформление как самостоятельных отраслей научных знаний и учебных дисциплин «Исправительно-трудовой педагогики» и «Исправительно-трудовой психологии», в недрах которых получают обоснование прогрессивные воспитательные идеи.

Дополнительный импульс их развитию придали программные решения XX и XXII съездов КПСС, в которых был сформулирован методологически важный для того времени принцип о том, что в условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к полезной трудовой деятельности, т.е. исправиться и ресоциализироваться.

Большой научный интерес проявляется к педагогическому наследию А. С. Макаренко, его практическому опыту перевоспитания несовершеннолетних осужденных. С этого времени всесоюзные Макаренковские научно-практические конференции становятся регулярными школами для изучения и внедрения его идей в практику. Одновременно в исправительно-трудовых колониях Вологодской

---

⁵¹⁹Лузгин С. А. Центры психологической и социальной работы с осужденными как отечественная модель организации их исправления и ресоциализации в исправительных колониях. Рязань, 2004.

области предпринимается наиболее последовательная попытка практического применения наследия выдающегося педагога – опыта формирования первичных (контактных) нравственно воспитывающих коллективов осужденных. Примечательно, что в них реально обеспечивались защита конкретного осужденного, его прав, интересов, достоинства, социальная помощь и поддержка каждого. Однако повсеместного распространения этот опыт не получил.

Значительный вклад в утверждение гуманистических взглядов на природу преступности, осуждение, свободу и ее лишение, педагогическую суть личности, нравственно-этические проблемы ее формирования и социального воспитания, деформации и профилактики преступного поведения, наказания и его исполнения внес выдающийся советский педагог В. А. Сухомлинский (1918–1970 гг.). Опираясь на высшие гуманистические понятия, он поднимается до оценки личности преступника, приговоренного за убийство к смертной казни, как высшей ценности, ставшей жертвой, потому что не сумел реализовать свой позитивный потенциал: «Дорог мне не преступник сам по себе; дорога утраченная человеческая жизнь. Дорого то, что осталось в человеке нераскрытым, невыраженным, ушло в могилу»⁵²⁰. Чтобы этого не произошло, необходимы общая и индивидуальная профилактика правонарушений, нравственно-правовое воспитание, формирование правильного отношения к осуждению и наказанию.

Обмен мнениями по организации воспитательного процесса в новых условиях, дискуссии и теоретические конференции, которые периодически стали проводиться Главным управлением мест заключения, начиная с 1958 г., активизировали поиск теоретического обоснования воспитательной работы с осужденными и ее изучение. Эта работа и повсеместное становление отрядной системы способствовало быстрому накоплению и систематизации знаний об исправлении и перевоспитании осужденных, оформлению, становлению и интенсивному развитию исправительно-трудовой педагогики как науки и учебной дисциплины, непосредственно изучающей закономерности этих процессов в ИТУ.

В 1960–1961 учебном году «Исправительно-трудовая педагогика» как учебная дисциплина впервые была включена в образовательный процесс Высшей школы МВД СССР и средних специальных учебных заведений министерства союзных республик. В 1966 г. издается первое

---

⁵²⁰ Сухомлинский В. А. Как воспитать настоящего человека (Этика коммунистического воспитания) // Педагогическое наследие. М: Педагогика, 1990. С. 76.

учебно-методическое пособие для курсантов и слушателей-заочников этих учебных заведений по курсу «Исправительно-трудовая педагогика» под редакцией профессора Б. С. Утевского. Год спустя опубликовано другое учебное пособие «Исправительно-трудовая педагогика» (ответственный редактор В. Ф. Пирожков). В последующие годы актуальные проблемы пенитенциарной педагогики и воспитательной работы с осужденными стали включаться в программы курсов по повышению квалификации работников ИТУ, получает развитие практика обучения сотрудников основам педагогических знаний на базе местных вузов, общеобразовательных школ при учреждениях⁵²¹.

Официальное признание со стороны ведущих ученых пенитенциарная педагогика как самостоятельная отрасль педагогической науки, изучающая закономерности воспитательного процесса с осужденными, получила в 1963 г., т.е. шестьдесят лет назад, когда академик И. А. Каиров в одной из своих книг впервые предложил включить новую отрасль «Исправительно-трудовую педагогику» в систему педагогических наук. Предложение получило поддержку у специалистов.

Одновременно активизируется опытно-экспериментальная работа по поиску новых форм и условий совершенствования воспитательного процесса в исправительных учреждениях: в целях реализации принципа дифференциации режима в исправительно-трудовых колониях вводится раздельное содержание различных категорий осужденных, а трудовые коллективы отдельных производственных предприятий организуют комплексное шефство над исправительно-трудовыми колониями, предвосхитив таким образом передовые подходы (опыты) воспитательной работы с осужденными 80-х и последующих лет.

Несомненным достижением этого периода по праву считается создание в ИТУ методических советов, деятельность которых в масштабах системы помогала повышать уровень профессионально-педагогического мастерства практических работников, повсеместно изучать, обобщать и распространять опыт перевоспитания осужденных. Важную роль в этом сыграл журнал «К новой жизни», который начал издаваться с 1960 г.

Создание в 1956 г. научно-исследовательского отдела в Главном управлении исправительно-трудовых колоний МВД СССР и кафедры исправительно-трудового права в Высшей школе МВД СССР позволило сконцентрировать в них теоретическую разработку проблем исправительно-трудового права и педагогики, а также начать

⁵²¹ Стурова М. П., Тюгаева Н. А. Пенитенциарная педагогика: курс лекций. Рязань: Академия ФСИН России, 2010.

систематическое научное изучение и сопровождение положительного опыта перевоспитания правонарушителей. Принципиально важные гуманистические ориентиры развития воспитательной работы с осужденными в ИТУ: положения о целях исполнения наказаний (исправление и перевоспитание), их педагогическом содержании, системе основных средств достижения, регулировании мер поощрения и наказания, дифференциации условий отбывания наказания и порядка освобождения от него получили закрепление в «Основах исправительно-трудового законодательства Союза ССР» (1969 г.) и «Исправительно-трудовом кодексе РСФСР» (1970 г.).

Все это в значительной степени предопределило перспективы развития системы воспитательной работы с осужденными на следующих этапах ее развития.

УДК 93/94

Ливенцев Дмитрий Вячеславович,
 профессор внебюджетного факультета,
 ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России,
 доктор исторических наук,
 кандидат юридических наук, профессор
 e-mail: liva2006@yandex.ru
 ORCID ID: 0000-0003-1525-724X

Записка матроса 1-й статьи крейсера «Новик» Степана Бурова об обороне сахалинской каторги от японцев

Аннотация: в статье рассматривается записка об обороне сахалинской каторги от вторжения японцев в период русско-японской войны, составленная матросом 1-й статьи крейсера «Новик» Степаном Буровым. Уделяется внимание малоизвестным эпизодам отечественной истории во время русско-японской войны 1904–1905 гг.

Отдельно исследуется история развития сахалинской каторги в начале XX в.

Ключевые слова: крейсер «Новик», матрос 1-й статьи Степан Буров, японское вторжение, сахалинская каторга, записка, специальный отряд, русско-японская война 1904–1905 гг., японский плен.

Liventcev Dmitry Vyacheslavovich,
 professor of the faculty of extra-budgetary,
 The Voronezh Institute of the Federal penitentiary service of Russia,
 doctor of historical Sciences,
 candidate of legal Sciences, professor

**The note of the sailor of the 1st article of the cruiser
 «Novik» Stepan Burov on the defense of the Sakhalin penal servitude
 from the Japanese**

Abstract: the article discusses a note on the defense of the Sakhalin penal servitude from the Japanese invasion during the Russian-Japanese war, compiled by the sailor of the 1st article of the cruiser «Novik» Stepan Burov. Attention is paid to little-known episodes of Russian history during the Russo-Japanese War of 1904–1905.

Separately, the history of the development of Sakhalin penal servitude in the early twentieth century is studied.

Keywords: cruiser «Novik», sailor of the 1st article Stepan Burov, Japanese invasion, Sakhalin penal servitude, note, special detachment, Russian-Japanese war of 1904–1905, Japanese captivity.

К началу русско-японской войны 1904–1905 гг. остров Сахалин не представлял собой какой-либо стратегической ценности. Собственно Сахалин был ничем иным как каторгой, не приносил доходы в государственный бюджет, несмотря на природные богатства, и не готовился к отражению внешнего неприятеля. Российское правительство не думало, что японцам понадобится каторга. Сомневались в целесообразности захвата сахалинской каторги и сами японцы. Например, японский генеральный штаб из-за сопротивления адмиралов не смог принять решение в мае 1905 г. о вторжении на остров Сахалин. Приоритеты поменяло сокрушительное поражение Российского Императорского флота в Цусимском сражении.

В июне 1905 г. японский микадо, т.е. император, утвердил вторжение на Сахалин. Буквально за неделю японские войска оккупировали сахалинскую каторгу. Сопротивление силам японцев смогли оказать только партизанские отряды из местных жителей. Начальник каторги генерал-лейтенант М. П. Ляпунов 31 июля (дата по старому стилю – Д. Л.) принял капитуляцию, предложенную японцами. Про оборону острова Сахалин в русско-японской войне

1904–1905 гг. существует незначительно количество свидетельств очевидцев.

К сожалению, для историков, исследующих дореволюционную Россию, до наших дней дошло незначительное количество воспоминаний и свидетельств рядовых людей. Достаточно известны мемуары военачальников, политиков, деятелей культуры и известных предпринимателей, а вот воспоминания крестьян и мещан носят фрагментарный характер. Все вышесказанное в полной мере можно отнести и к российской военной истории. Именно поэтому записка матроса 1-й статьи, сигнальщика с крейсера «Новик» Степана Бурова о событиях, связанных с обороной сахалинской каторги во время русско-японской войны 1904–1905 гг., представляет определенный научный интерес.

Записка матроса 1-й статьи крейсера «Новик» Степана Бурова содержится в 417 фонде «Главного морского штаба» в Российском Государственном архиве Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) в городе Санкт-Петербурге. Сам документ был написан в лагере русских военнопленных в Японии в городе Хиросаки⁵²². Про Степана Бурова известно, что он служил матросом 1-й статьи на крейсере «Новик», находился в японском плену и был пожалован знаком отличия ордена Св. Георгия 4-й степени⁵²³.

Воспоминаниям, нашедшим отражение в записке матроса 1-й статьи, предшествовал целый ряд драматических событий. 28 июля 1904 г. во время боя с японской эскадрой в Желтом море крейсеру 2-го ранга «Новик» удалось прорваться в порт Циндао. Далее он обогнул восточное побережье Японии и пришел в сахалинский порт Корсаков. Командир крейсера капитан 2-го ранга М. Ф. фон Шульц планировал пополнить запасы угля, но не успел, т.к. пришлось принимать бой с японским крейсером «Цусима». В итоге пострадали оба боевых корабля, но японский крейсер смог уйти, а крейсер 2-го ранга «Новик» пришлось затопить из-за еще одного приближающегося неприятельского бронепалубного крейсера «Читосэ», который отстрелялся практически уже по затопленному кораблю. После затопления крейсера на острове Сахалин оставили отряд нижних чинов с него под командованием мичмана М. П. Максимова с общим подчинением начальнику каторги генерал-лейтенанту М. П. Ляпунову. Отряду удалось снять с корабля несколько 120-мм и 47-мм морских орудий и установить их на суше для обороны порта Корсаков. Утром 24 июня 1905 г. выяснилось, что

⁵²² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 78.

⁵²³ Там же. Л. 76.

японский десант захватил значительную часть побережья в районе Корсакова. Одним из первых увидел действия неприятеля матрос 1-й статьи, сигнальщик с крейсера «Новик» Степан Буров, которому поручили наблюдать за действиями японцев на море с маяка Крильон.

Уже 23 июня 1905 г. Степан Буров заметил японскую эскадру, состоявшую из 52 вымпелов, о чем доложил на Корсаковский пост. Скоро его по телефону начали спрашивать о дальнейших перемещениях японских кораблей, но их скрыл от сигнальщика внезапно наступивший туман. На следующий день между Мацмаем и Крильоном маневрировали два японских миноносца⁵²⁴. 25 июня на дежурство в заливе встал неприятельский крейсер 2-го ранга. В то же время в 7 часов утра от Мацмая на Корсаков прошел отряд японских кораблей:

- крейсер 1-го ранга типа «Ивате»;
- два миноносца;
- военный транспорт.

Военный транспорт отделился и взял курс на Чиписан. 26 июня в 8 часов утра уже пришел японский отряд судов с целью захвата маяка Крильон. Он состоял из следующих кораблей:

- два крейсера 2-го ранга;
- восемь миноносцев.

Оба крейсера и четыре миноносца открыли огонь по маяку с расстояния 35 кабельтовых (морская мера расстояния равна 185,2 метра – *Д. Л.*). Четыре оставшихся миноносца высадили десант в Остовой бухте. С началом артиллерийского обстрела маячная команда, включавшая 14 человек, укрылась в лесу. Матрос 1-й статьи, сигнальщик с крейсера «Новик» Степан Буров хотел облить керосином и сжечь маяк, но смотритель сказал, что японцы за это всех убьют и приказал ему поднять белую простынь на мачте как сигнал о сдаче неприятелю маяка Крильон. В этот момент рядом со смотрителем маяка разорвался снаряд, и он сильно напугался. Степан Буров с трудом поднял белую простынь на поврежденной мачте.

До прихода взвода японского десанта во двор маяка матрос 1-й статьи Степан Буров успел сжечь секретные документы. Одного из матросов японцы спросили о количестве в обслуге маяка Крильон. Он ответил, что военных моряков на маяке только двое. Японцы задержали смотрителя маяка и приставили к нему часового, другой часовой расположился непосредственно на крыльце маяка Крильон.

Около часа пополудни смотрителя маяка и матроса 1-й статьи, сигнальщика с крейсера «Новик» Степана Букова переправили на

⁵²⁴ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 79.

паровом катере на борт японского крейсера типа «Иошимо». Для Степана Булова начались допросы, японцев интересовали следующие моменты:

1. Кто он такой?
2. Кто ставил на берегу морские орудия с крейсера 2-го ранга «Новик»?
3. Как фамилия морского офицера, командовавшего отрядом матросов на суше?
4. Поставлены ли в заливе морские мины?
5. Где в заливе расположены минные постановки?

Матрос 1-й статьи, сигнальщик с крейсера «Новик» Степан Булов обстоятельно отвечал:

1. Он является сигнальщиком с крейсера 2-го ранга «Новик».
2. На маяке Крильон он служит в течение трех месяцев.
3. Команда матросов находится в Корсаковском.
4. Про установку морских пушек на берегу ему ничего неизвестно.
5. В заливе присутствуют морские мины, но точные он указать не может.

Вскоре японский крейсер снялся с якоря и к 8 часам вечера прибыл к мысу Эндума. Утром следующего дня Степана Булова на паровом катере отправили на берег и поместили в палатке в селении Порантомари⁵²⁵.

Заметка матроса 1-й статьи, сигнальщика с крейсера «Новик» Степана Булова была представлена в январе 1906 г. контр-адмиралу А. А. Вирениусу как официальный документ, именно поэтому она сохранилась в РГА ВМФ и дошла до наших дней. Благодаря воспоминаниям матроса 1-й статьи Степана Булова можно реконструировать подробности малоизвестного эпизода обороны сахалинской каторги – захват японским десантом маяка Крильон.

УДК 343.83

Реент Юрий Арсенович,
 профессор кафедры философии и истории
 ФКОУ ВПО «Академия права и управления
 Федеральной службы исполнения наказаний России» (Рязань)
 e-mail: reent2@yandex.ru
 ORCID ID: 0000-0001-8378-6106

⁵²⁵ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2997. Л. 80.

Куксов Дмитрий Юрьевич,
 дежурный помощник начальника
 исправительной колонии № 1
 УФСИН России по Тамбовской области
 e-mail: master.ivann@yandex.ru

**Краткий обзор состава тюремных учреждений Тамбовской
 губернии в последней четверти XIX века**

Аннотация: целью статьи является исследование пенитенциарных учреждений Тамбовской губернии в период правления императора Александра III. Работа опирается на методологические принципы историзма и объективности. В документальную базу статьи положены материалы, почерпнутые из данных административно-статистических справочников.

Ключевые слова: тюремные учреждения Российской империи, социальная стратификация осужденных, Тамбовская губерния.

Reyent (Reent) Yuri Arsenovich,
 Professor of philosophy and history
 the Department, the Academy of Law and Management
 of the Federal Penal Service of Russia (Ryazan)

Kuksov Dmitry Yurievich
 duty assistant to the head
 of the correctional colony № 1
 of the Federal Penitentiary Service of Russia
 in the Tambov region

**A brief overview of the composition of prison institutions of the
 Tambov province in the last quarter of the XIX century**

Abstract: the purpose of the article is to study the penitentiary institutions of the Tambov province during the reign of Emperor Alexander III. The work is based on the methodological principles of historicism and objectivity. The documentary base of the article includes materials drawn from the data of administrative and statistical reference books.

Keywords: prison institutions of the Russian Empire, social stratification of convicts, Tambov province.

Одним из важнейших преобразований не только в области

правоохранительной деятельности, но и государственного управления стала реализация Судебной реформы 1864 г. Ее положения предполагали существенное увеличение числа осужденных. Отражением этого стало изменение принципов комплектования служащих уголовно-исправительных учреждений, утвержденное в 1865 г. Состав караульных постов в тюрьмах стал заполняться вольнонаемными надзирателями вместо используемых ранее военных чинов (из инвалидов или старослужащих). Тюремные смотрители были приравнены по классу Табели о рангах к помощникам полицмейстеров и уездным исправникам.

Тюремная реформа 1879 г. явилась во многом поворотным этапом для отечественной пенитенциарной системы. Формирование ее центрального руководящего органа (ГТУ) стало важнейшим, но далеко не единственным звеном преобразований. Так, трудно переоценить значение Закона «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и пересмотре Уложения о наказаниях», принятого 11 декабря 1879 года. Фактически именно он стал основой для реформирования мест лишения свободы. Не менее важным преобразованием стало учреждение с 1890 г. губернских тюремных инспекций. Третьим этапом тюремной реформы стал «отказ в 80-х годах XIX века от дальнейшего использования смиренных и работных домов, арестантских рот и долговых ям, что было обусловлено выработкой новой концепции исполнения уголовных наказаний. Важным направлением тюремных реформ конца столетия стал курс на расширение сети крупных пересыльных тюрем и централов»⁵²⁶.

Большой интерес для нас представляет характер реализации заявленных нововведений на региональном уровне. В данной статье речь пойдет о тюремных учреждениях Тамбовской губернии в пореформенный период XIX в. Среди местных исследователей мы встречаем сторонников мнения, что «произошло укрепление правового положения узников, но сама структура пенитенциарной системы России в тот момент не была перестроена полностью, что и приводило к негативным последствиям для заключенных тюремных замков, это ярко проявлялось в исправительно-уголовных учреждениях Тамбовской губернии»⁵²⁷. На наш взгляд, это слишком

---

⁵²⁶ Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России. М., 2022. С. 60.

⁵²⁷ Голыбина М. Н. Деятельность Тамбовского губернского попечительного комитета о тюрьмах / М. Н. Голыбина // Вестник Тамбовского университета 2012.

строгая оценка событий, поскольку после передачи Главного тюремного управления в 1895 г. из ведения МВД в Министерство юстиции существенные преобразования все-таки произошли либо уже готовились к реализации.

Попробуем кратко охарактеризовать положение основных тюремных учреждений Тамбовской губернии в последней четверти XIX в. Известно, что в ту пору в регионе действовали тюремные сооружения в 12 населенных пунктах. Назовем их: Тамбов, Козлов, Кирсанов, Липецк, Усмань, Борисоглебск, Моршанск, Шацк, Елатьма, Спасск, Темников и Лебедянь. По данным ежегодных «Обзоров Тамбовской губернии», в 10 из них тюремные корпуса представляли собой не просто каменные здания, а обособленные учреждения, стены которых не позволяли узникам контактировать с гражданскими и иными лицами. В Лебедяни тюремный замок располагался в так называемом присутственном месте, отчего могли происходить случаи контакта арестантов с посторонними лицами. Конечно, подобные попытки пресекались тюремной администрацией, которая выполняла задачу надзора и контроля над заключенными. Интересно также отметить, что только тюремное сооружение в Кирсанове было построено из дерева. В большинстве тюремных учреждений Тамбовской губернии имелись больницы, исключением являлись – Моршанская и Лебедянская тюрьмы, арестанты которых обращались в земские больничные учреждения.

В тюремных учреждениях Тамбовской губернии к концу XIX столетия получили распространение различные просветительские кружки и культурно-религиозные мероприятия, способствующие преодолению среди арестантов неграмотности. Особенно важно это было для воспитательного воздействия на малолетних преступников и подсудимых. Чаще всего руководство подобными кружками и курсами осуществлялось православными священнослужителями. Но в окрестностях Лебедянской и Кирсановской тюрем церкви отсутствовали. Построенные в конце XIX в. часовни не предполагали

№ 1 (105). С. 226–230. (Гуманитарные науки); Голыбина М. Н. Арестанты Тамбовской губернской тюрьмы // Современные тенденции в науке и образовании. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Часть VI. М., 2014. С. 26–27.; Голыбина М. Н. Тамбовская губернская тюрьма второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Тамбовского университета. 2015. № 5 (145). С. 118–124. (Гуманитарные науки).

штатного персонала из числа духовенства.

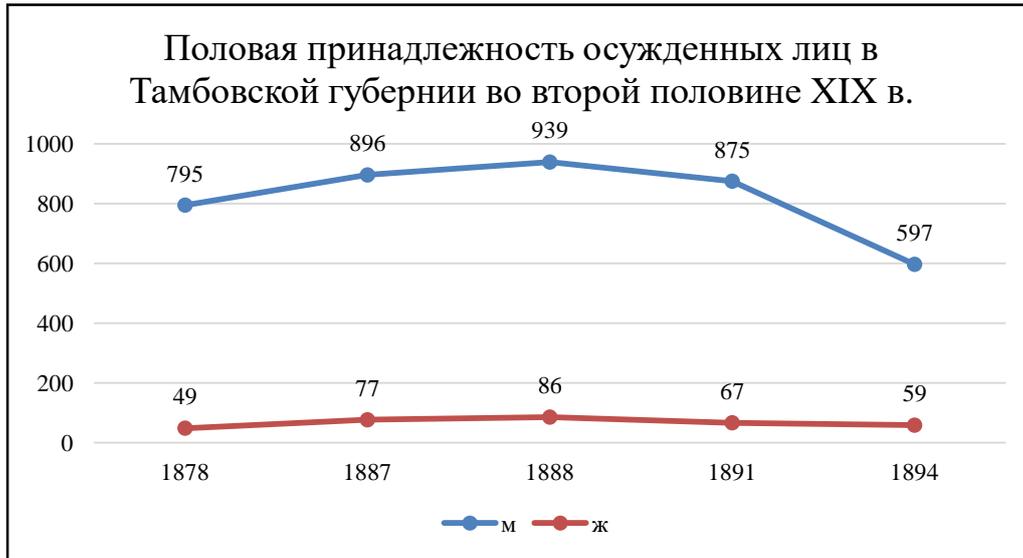
Более того, в Тамбове, Усмани, Темникове и Спасске при тюрьмах действовали целые «школы», в стенах которых арестанты всех возрастов могли получить уроки элементарной грамматики, чтения и арифметики. Также посетители этих тюремных классов знакомились с молитвенниками и основами православной религии, присутствовали на богослужении и церковных праздниках. Большое внимание уделялось священниками и чтению проповедей для арестантов, это было хорошим воздействием на заключенных с целью их духовно-нравственного воспитания. Попытки православных служителей наставить заключенных на истинный путь христианства тюремной администрацией поощрялись.

Общее количество арестантов во второй половине XIX столетия в Тамбовской губернии неуклонно возрастало. Если в 1878 г. насчитывалось 11 350 заключенных, в 1886 г. – 15 583, то в 1887 г. – 16 606, а в 1888 г. уже 16 961 человек. В целом по империи «во всех местах заключения гражданских ведомств, не считая арестантов, содержащихся в домах арестуемых по приговорам мировых судей, при полицейских управлениях и частях... в течение года содержалось 790 626 мужчин и женщин»⁵²⁸. Реально же среднесуточное число заключенных составляло 106 478 (96 173 мужчины и 10 305 женщин). Статистика показывает, что период царствования Александра III был связан с внутривластным курсом империи на реакцию, в результате которой судебные репрессии приобретали больший размах.

Теперь попытаемся представить количественно и визуально гендерный состав осужденных лиц, содержащихся в тюрьмах Тамбовской губернии в последней четверти XIX века. Так, из приведенной ниже диаграммы следует, что абсолютное большинство осужденных лиц составляли мужчины. Однако доля находившихся в заключении женщин (по сравнению с мужчинами) менее чем за четверть века выросла от 6,12 % в 1878 г. до почти 10 % в 1894 г. Заметим, что причины этого явления в должной мере до сих пор еще не проанализированы.

---

⁵²⁸ По поводу отчета Главного Тюремного Управления за 1890 год // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. Кн. 7. С. 55.

Таблица 1⁵²⁹

Одновременно с этим нельзя не заметить, что число преступлений, совершенных на территории Тамбовской губернии в аналогичный период, неуклонно снижалось. Об этом свидетельствуют статистические данные, приведенные в таблицах № 2 и 3. Некоторые обозреватели связывают эти изменения с «окончанием реакционной политики времен Александра III», но при этом не указывают, позитивным было это влияние либо, напротив, вызывало рост преступности.

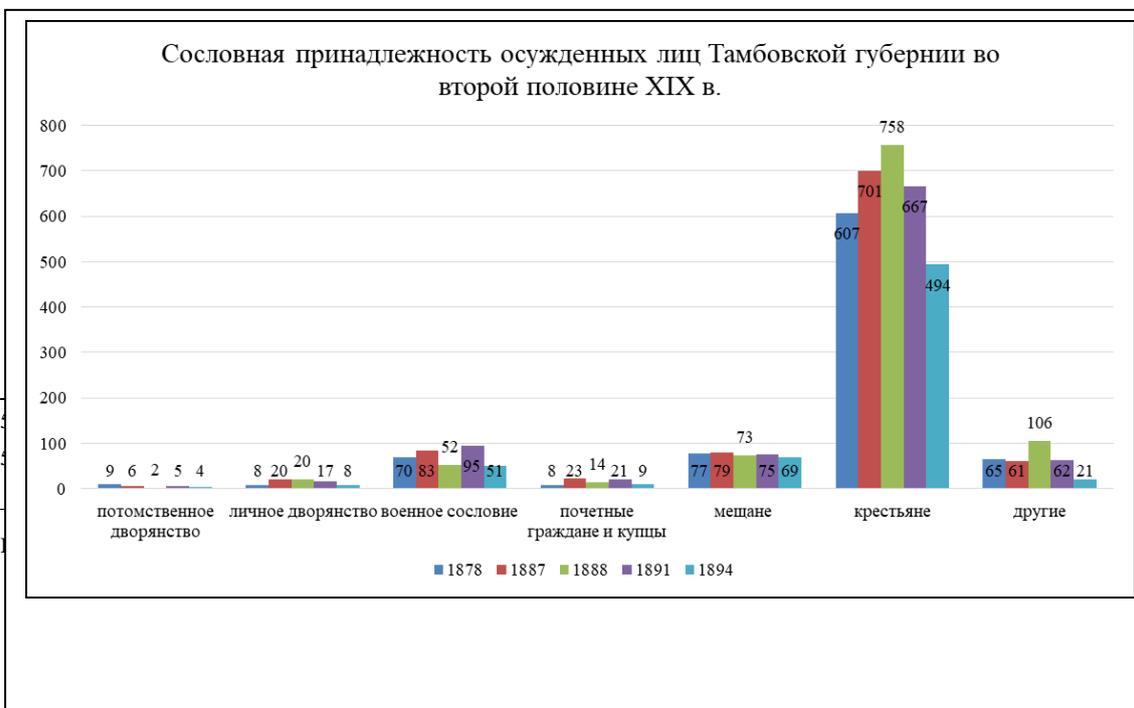
Таблица 2⁵³⁰

⁵²⁹ Таблица составлена по: Обзоры Тамбовской губернии за 1878, 1887, 1888, 1891, 1894 годы. Соответственно С. 58; 62; 93; 110; 89.

⁵³⁰ Таблица составлена по: Обзоры Тамбовской губернии за 1878, 1887, 1888, 1891, 1894 годы. Соответственно С. 58; 62; 93; 106–110; 89.

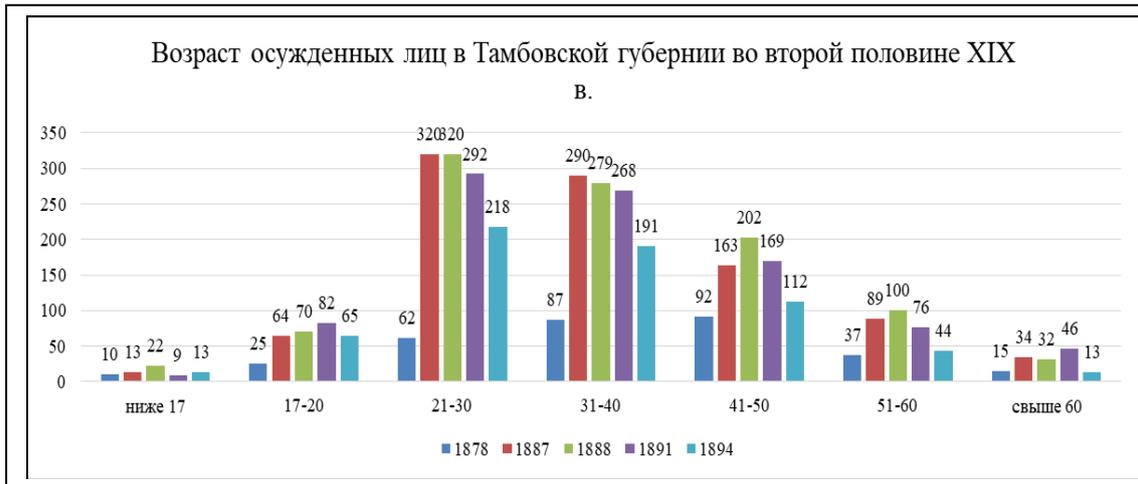
Таблица 3⁵³¹

Важной для нашего анализа может быть гистограмма сословной принадлежности осужденных второй половины XIX в. (см. табл. 4), согласно которой большинство преступлений совершали представители крестьянства, затем – мещане и лица военного сословия. Анализ статистических материалов позволяет предположить, что в целом крестьянские массы империи находились на пороге социально-экономического кризиса. Действительно, для многих из них шла речь о простом выживании, что провоцировало кражи и иные имущественные преступления. Что же касается мещанского сословия, то большинство из них также были выходцами из крестьян. Они устремились из сельской местности в города с целью лучшего материального устройства своей жизни, но их повадки, сформированные крестьянскими правилами, оставались не на лучшем духовно-нравственном уровне.

Таблица 4⁵³²

(см. табл. № 5) демонстрирует, что большинство преступлений было совершено лицами в возрасте 21–30 лет, а также активной была и страда в возрасте 31–40 лет. Также невозможно обойти стороной и молодежь до 17 лет, что говорит о значительном уровне «малолетней преступности». В целом же эти показатели не выходят за рамки общероссийских статистических данных того времени.

Таблица 5⁵³³

Таким образом, характеризуя пенитенциарную систему Российской империи конца XIX в. на примере Тамбовской губернии можно утверждать, что количество арестантов в исследуемый нами период возросло до 1888 г., а затем стало снижаться. Что же касается числа преступлений, то весь период царствования Александра III оно снижалось. Однако количество узников женского пола в 12 тюрьмах Тамбовской губернии медленно, но неуклонно возрастало. Средний уровень преступности в регионе был значительным и имел тенденцию к «омоложению». Среднестатистический осужденный в последней четверти XIX в. выглядел там следующим образом: мужчина, молодых лет в возрасте 21–30, крестьянского происхождения. Исходя из этого, стоило бы строить правоохранительную деятельность. Однако, по мнению исследователей, в ту пору «исправительно-уголовная система страны имела черты модернизации, но социально-экономическая обстановка в империи не позволила завершить этот процесс развития»⁵³⁴.

⁵³³ Там же. С. 23.

⁵³⁴ Бебякин М. В. Правовые реформы и развитие пенитенциарной системы Российской империи // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами

УДК 94(470.5)

Рязанов Сергей Михайлович,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Пермский институт ФСИН России,
кандидат исторических наук
e-mail: s_ryazanov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5137-3614

Развитие пенитенциарной части Пермской губернии в конце XIX века и ее первые руководители

Аннотация: в статье приведены история первого десятилетия деятельности Пермской губернской тюремной инспекции. Особый акцент сделан на ее руководителях и основных преобразованиях пенитенциарной системы Среднего Урала на этом этапе. Делается вывод о том, что, несмотря на принятие на этом этапе важных общероссийских нормативных правовых актов по тюремной части, до Пермской губернии реформы пока дошли лишь частично.

Ключевые слова: арестанты, М. Н. Галкин-Враской, тюремный инспектор, ссылки, Урал.

Ryazanov Sergey Mikhailovich,
Associate Professor of the Department
of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines,
Perm Institute of the FPS of Russia,
Candidate of Historical Sciences

The development of the penitentiary part of the Perm province in the beginning of the 19th century and its first chiefs

Annotation: the article presents the history of the first decade of activity of the Perm provincial prison inspection. Particular emphasis is placed on its leaders and the main transformations of the penitentiary system of the Middle Urals at this stage. It is concluded that despite the adoption at that stage of important all-Russian legal acts on the prison part, they only partially reached the Perm province.

Keywords: prisoners, M. N. Galkin-Vraskoy, prison inspector, exiles, Urals.

21 марта (2 апреля) 1890 г. в развитии пенитенциарного дела на Среднем Урале наступает новый этап. В этот день по инициативе М. Н. Галкина-Враского в пяти губерниях Европейской России, включая Пермскую, были учреждены губернские тюремные инспекции⁵³⁵. Этот день, с определенной долей условности, можно считать Днем рождения Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Пермскому краю. В дальнейшем губернские тюремные инспекции (тюремные отделения губернских правлений) были созданы во многих других регионах империи. В Пермской губернии в подчинении нового органа оказались следующие места лишения свободы: исправительное арестантское отделение в г. Перми, 1 губернский и 11 уездных тюремных замков, 3 пересыльных тюремных замка в городах Перми, Кунгуре и Оханске, 34 этапных помещения, расположенных на пути следования ссыльных. В течение года в тюрьмах и арестантском отделении содержалось 9570 мужчин и 932 женщины. Через пересыльные тюрьмы и этапы губернии за тот же период прошло 17364 человека, считая добровольно последовавших за ними членов семей⁵³⁶. К 1896 г. число арестантов, содержащихся в местах лишения свободы в течение года, сократилось до 5970 мужчин (на 38%) и 752 женщин (на 19%), а число ссыльных и пересыльных, напротив, возросло до 21159 (на 12%)⁵³⁷.

Тюремное отделение создавалось в составе Губернского правления и состояло из губернского тюремного инспектора, его помощника и секретаря. Тюремный инспектор, как и его помощник, назначались ГТУ⁵³⁸. Тюремный инспектор не был самостоятелен и по многим вопросам должен был получать согласие губернатора. В Тюремном отделении производились все дела касающиеся: 1) личного состава отделения и тюремных учреждений; 2) порядка содержания арестантов; 3) арестантских работ; 4) заготовления одежды для арестантов, ссыльных и пересыльных; 5) заведывания тюрьмами; 6) распределения ассигнований ГТУ. С 1895 г. Пермская губернская тюремная инспекция, как и ГТУ, перешла в ведение Министерства юстиции. Однако канцелярские служители Тюремного отделения

⁵³⁵ Об учреждении губернской тюремной инспекции: Высочайше утв. мнение Гос. Совета от 21 марта 1890 г. № 6653 // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1893. Собр. 3. Т. 10. Ч. 1. С. 244.

⁵³⁶ Обзор Пермской губернии за 1890 год. Пермь, 1891. С. 51.

⁵³⁷ Обзор Пермской губернии за 1896 год. Пермь, 1897. С. 17, 67.

⁵³⁸ Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. [Электронный ресурс]. М.: Litres, 2017. URL: <https://www.litres.ru/ivan-uporov/penitenciarnaya-politika-rossii-v-xviii-xx-vv/> (дата обращения: 23.08.2022).

продолжали содержаться за счет МВД⁵³⁹.

Первым пермским губернским тюремным инспектором 30 мая (11 июня) 1890 г. был назначен горный исправник частных золотых промыслов Томской губернии действительный статский советник Михаил Андреевич Архангельский (1833–1891)⁵⁴⁰. Однако только 1 (13) октября 1890 г. руководитель прибыл в город и приступил к исполнению обязанностей. Таким образом, фактически прослужив в губернии менее года, уже 30 августа (11 сентября) 1891 г. он был переведен на ту же должность в Томскую губернию, где в конце года скончался⁵⁴¹.

30 августа 1891 г. новым пермским губернским тюремным инспектором был назначен старший советник Казанского губернского правления действительный статский советник Александр Васильевич Звосков (?–1898), прослуживший в Перми вплоть до своей смерти в январе 1898 г. Если первый пермский губернский тюремный инспектор, согласно формулярному списку, мало соприкасался с тюремным делом, то вот его восприемник уже в 70-е гг. XIX в. выполнял многочисленные поручения Казанского губернатора, связанные с пенитенциарными учреждениями. В первой половине 1880-х гг. руководил отправкой партий арестантов, затем стал директором губернского тюремного комитета и в 1887 г. занимался «обозрением» всех казанских тюрем и устройства арестантских работ в губернии⁵⁴².

С 27 февраля (11 марта) 1898 г. тюремным отделением недолго руководил статский советник Павел Федорович Почтарев (1846–1899)⁵⁴³. П. Ф. Почтарев в 1874 г. окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. Служил земским, городским и военным врачом. В 1882 г. удостоился степени доктора медицины. Лично исследовал рыболовные становища по рекам Иртышу и Оби, принимал активное участие в исследовании Сибири. С 1 (13) ноября 1895 г. служил тобольским тюремным инспектором. 17 (29) ноября

⁵³⁹ Любичанковский С. В. Реализация тюремной реформы 1890-х гг. в Оренбургской губернии // Самарский научный вестник. 2016. Т. 5. № 3. С. 119.

⁵⁴⁰ Ларьков Н. С. Полицмейстеры, комиссары, начальники: (Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв.). Томск, 1999. С. 62–65.

⁵⁴¹ ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 257. Л. 25 об. – 27; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1863. Л. 37.

⁵⁴² ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 257. Л. 1–27; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1864. Л. 35–86 об.

⁵⁴³ Единый электронный каталог [электронный ресурс] // Российская государственная библиотека [официальный сайт]. URL: <https://search.rsl.ru> (дата обращения: 23.08.2022).

1899 г. П. Ф. Почтарев скончался в г. Перми⁵⁴⁴.

В первом полугодии 1900 г. тюремное отделение возглавлял статский советник Александр Никитич Рябчиков (1852–?). Ранее чиновник служил судебным следователем и прокурором окружного суда в различных губерниях. 29 января (10 февраля) 1900 г. он был назначен тюремным инспектором в г. Пермь. Однако уже 13 (26) июля 1900 г. переведен на ту же должность в г. Казань, откуда с 1 (14) июля 1908 г. вышел в отставку в связи с болезнью⁵⁴⁵.

Можно предположить, что, несмотря на появление должности губернского инспектора в Прикамье раньше, чем в большинстве других регионов России, особого значения ей не придавалось. Пост занимали пусть и опытные, но уже престарелые чиновники высоких рангов, которые вскоре выходили в отставку или умирали. Однако именно им предстояло провести в жизнь реформы, предложенные М. Н. Галкиным-Враским.

Одной из ключевых идей начальника ГТУ было обеспечение осужденных трудом, с целью их перевоспитания и обеспечения средствами после освобождения. В связи с этим 6 января 1886 г. был принят закон об обязательных работах арестантов. Арестантский труд в Пермской губернии, в силу местных условий, получил развитие прежде всего в виде внешних работ. Общие доходы осужденных Пермской губернии в 1891 г. составляли 15877 р. 95 к., из которых 10251 р. 23 к. приходились на внешние работы⁵⁴⁶. К 1896 г. годовой арестантский заработок, несмотря на прежнее число мест лишения свободы и сокращение числа арестантов, удвоился и составил 34572 р. 67 к.⁵⁴⁷

10 (22) августа 1892 г. в 11 часов вечера на пароходе вышеупомянутых братьев Каменских в г. Пермь, с целью проверить реализацию реформ на местах, прибыл сам начальник ГТУ. В связи с болезнью М. Н. Галкин-Враской провел в г. Перми больше времени, чем планировал, – до 14 (26) августа. За этот период он осмотрел все места заключения города и тюремную больницу, и, в целом, остался доволен как порядком в содержании осужденных, так и образцовой чистотой. При этом начальник ГТУ обратил особое внимание на

⁵⁴⁴ П. Ф. Почтарев // Пермские губернские ведомости. 1899. 24 нояб. С. 2–3.

⁵⁴⁵ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3438. Л. 1–6, 38, 90.

⁵⁴⁶ Работы арестантов в местах заключения Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. 1892. 19 авг. С. 283.

⁵⁴⁷ Обзор Пермской губернии за 1896 год. Пермь, 1897. С. 17.

организацию арестантских работ. Из г. Перми М. Н. Галкин-Враской отправился поездом в г. Тюмень⁵⁴⁸.

В 90-е годы XIX века было осуществлено преобразование исправительных арестантских отделений. Высочайше утвержденным Мнением Государственного Совета от 1 (13) июня 1893 г. № 9716 Пермское исправительное арестантское отделение ликвидировано⁵⁴⁹. Вместо него в 1889–1893 гг. на базе корпусов, закрытого 30 лет назад Николаевского оружейного завода, возводится новое – Николаевское исправительное арестантское отделение (с. Нижняя Тура). С внешней стороны Николаевское исправительное отделение представляло собой обширный трехэтажный каменный корпус, обнесенный каменной стеной. На расстоянии почти 200 м. от него находились 7 каменных и 4 деревянных строения для тюремной администрации и надзора. Церковь Николаевского исправительного арестантского отделения была построена в 1892–1893 гг. внутри здания главного корпуса. 18 октября 1895 г. она была освящена во имя Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского⁵⁵⁰.

21 января (2 февраля) 1895 г. на Пермскую губернскую и Екатеринбургскую уездную тюрьмы был распространен временный штат отдельных мест заключения 1887 г., а также Правила об управлении местами заключения 1890 г.⁵⁵¹ Эти акты несколько меняли порядок назначения и подчиненности тюремных чинов. Например, делали священника штатным служащим учреждения⁵⁵². На практике же это означало увеличение жалования и численности как администрации, так и тюремных надзирателей⁵⁵³. При этом всех остальных мест заключения Пермской губернии данная реформа в

⁵⁴⁸ Посещение г. Перми начальником главного тюремного управления, тайн[ым] сов[етником] М. Н. Галкиным-Враским // Пермские губернские ведомости. 1892. 19 авг. С. 283.

⁵⁴⁹ О некоторых изменениях в устройстве мест заключения гражданского ведомства: Высочайше утв. Мнение Гос. Совета от 1 июня 1893 г. № 9716 // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1897. Собр. 3. Т. 13. С. 393.

⁵⁵⁰ Ириной (Орда), епископ. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С. 280–282.

⁵⁵¹ О некоторых изменениях в устройстве мест заключения гражданского ведомства: Высочайше утв. Мнение Гос. Совета от 9 янв. 1895 г. № 11230 // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1899. Собр. 3. Т. 15. С. 11.

⁵⁵² Вольский М. В. Вопросы тюремной службы в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2017. № 3. С. 20.

⁵⁵³ Временный штат управления отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи. 15 июня 1887 г. К № 4593 // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1889. Собр. 3. Т. 7. С. 225.

XIX в. не коснулась. В декабре 1899 г. в 7 верстах от г. Перми по Сибирскому тракту был открыт исправительный приют для несовершеннолетних преступников⁵⁵⁴.

Таким образом, в конце XIX в. управление тюремным делом в Пермской губернии, ранее сосредоточенное в руках губернского правления, было передано специальному пермскому губернскому тюремному инспектору, с правами вице-губернатора по тюремной части. Инспектору подчинялся аппарат тюремного отделения. Начатая в 1879 г. тенденция к централизации управления тюремным делом была продолжена уже и на уровне отдельных регионов России. Тем не менее преобразования самих пенитенциарных учреждений носили ограниченный характер. Даже Временный штат и Правила об управлении отдельными местами заключения были распространены с большой задержкой и лишь на 2 тюремных замка из 12.

УДК 343.01

Савушкин Сергей Михайлович,
заместитель начальника института
по учебной и научной работе,
Томский институт повышения
квалификации работников ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: savusertom@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0002-5744-8178

Классовый подход в исправительно-трудовой политике СССР в 20–30 годы XX века

Аннотация: начиная с 20-х годов XX века, основные направления уголовно-правовой научной мысли в СССР определялись «классовым» подходом при реализации карательной политики государства. В это время считалось, что в силу классовых навыков, психологии и ненависти, меры исправительно-трудового воздействия в отношении заведомо классовых врагов не могли иметь место, а исправление указанной группы лиц признавалось бессмысленным.

Ключевые слова: классификация осужденных, лишение свободы, раздельное содержание, классовый подход.

---

⁵⁵⁴ Верхланцев В. С. Летопись г. Перми с 1890 г. по 1912 г. // Труды Пермской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 10. С. 112.

Savushkin Sergey Mikhailovich,
Deputy Head of the Institute
for Academic and Scientific Work,
Tomsk Institute of Advanced Training of Employees
Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of legal sciences,
Associate Professor

Class approach in the corrective labor policy of the USSR in the 20–30 of the XX century

Annotation: since the 20s of the XX century, the main directions of criminal law scientific thought in the USSR were determined by the class approach in the implementation of the punitive policy of the state. At that time, it was believed that due to class skills, psychology and hatred, corrective labor measures against obvious class enemies could not take place, and the correction of this group of persons was recognized as meaningless.

Keywords: classification of convicts, deprivation of liberty, separate detention, class approach.

В 1991 г. было признано, что за годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитаризма, подвергались репрессиям за политические и религиозные убеждения по социальным, национальным и иным признакам⁵⁵⁵.

В российском обществе на генетическом уровне к «репрессиям» и «каре» как уголовно-правовым категориям выработалось негативное отношение⁵⁵⁶. Изначальная аббревиатура ГУЛАГ (Главное управление лагерей) и принудительных работ НКВД СССР, обозначавшая административный орган государства, в сознании людей стала отождествляться со всей советской и тоталитарной пенитенциарной системой. В более широком смысле ГУЛАГ стал означать всю советскую репрессивную систему в целом.

С конца 1920-х годов политика Советского государства основывалась на карательных началах и насилии, а «классовый подход» использовался для достижения политических целей.

---

⁵⁵⁵ О реабилитации жертв политических репрессий: Закон РФ от 18.10.1991 г. № 1761-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 31.10.1991. № 44. Ст. 1428.

⁵⁵⁶ Дуюнов В. К. Правовое воздействие как реакция государства на правонарушение: общетеоретический и отраслевой аспекты. М.: Юрлитформ, 2019. 328 с.

Политика государства была вплетена в уголовно-исполнительную политику, вследствие которой усиление репрессий неизбежно вело к увеличению численности лишенных свободы граждан.

Решение V Всероссийского съезда деятелей юстиции в 1924 г. определило «классовые начала» при формировании и реализации карательной политики государства. На Съезде отмечалось, что не могут иметь место меры исправительно-трудового воздействия в отношении заведомо классовых врагов, сознательно совершающих преступления и нарушавших законы в силу классовой ненависти, классовой психологии или прежних классовых навыков. В этой связи А. Я. Вышинский отмечал, что по отношению к рассматриваемой категории преступников устанавливается жесткая мера наказания – изоляция. Единственным средством воздействия выступает удаление из общества, окружение условиями, исключающими возможность проявления своей классовой ненависти. Исправление данной категории осужденных, по его мнению, было бесцельным⁵⁵⁷. Принятое Съездом решение обосновывало классовый подход содержания карательной политики пролетарского государства тем, что основная цель советского суда и уголовного наказания заключалась в борьбе с эксплуататорами. По его мнению, в этой борьбе заключался весь смысл и оправдание уголовного закона⁵⁵⁸.

В рассматриваемый период это отражало реалии действительности, хотя отсутствие четко определенных понятий «классово чуждых» элементов открывало безграничные возможности для произвольного отнесения к ним представителей различных социальных слоев общества.

По мнению С. С. Алексеева, положение о классовости права было в упрощенном виде превращено чуть ли не в единственную «методологическую основу» науки и приобрело значение непререкаемой догмы. Негативное значение идеологических постулатов проявлялось в том, что они перекрывали путь к постижению глубоких общечеловеческих основ права, его действительной нравственно-человеческой природы, а также оправдывали административно-репрессивную направленность «правовой политики», низводили право до положения придатка,

⁵⁵⁷ Советское исправительно-трудовое право. Общая часть. Академия МВД СССР. М., 1977. С. 64.

⁵⁵⁸ Вышинский А. Я. Суд и карательная политика Советской власти. Л.: Изд-во «Прибой», 1926. С. 29.

безропотного орудия в руках всеильного и вездесущего партийного государства⁵⁵⁹.

Судебная политика периода 1925–1927 гг. оказывала влияние на осложнение обстановки в местах принудительного содержания. В качестве основной меры наказания стало широко применяться лишение свободы. Данное обстоятельство позволило А. А. Герцензону сформулировать вывод о том, что «чем более краткосрочным становилось применяемое лишение свободы, тем более широко им пользовался суд». По Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. минимальный срок лишения свободы был установлен в шесть месяцев, но уже в 1923 г. постановлением ВЦИК РСФСР от 7 июля он был понижен до месяца⁵⁶⁰.

Число осужденных, направляемых в исправительные учреждения, увеличивалось, в то время как уровень преступности за эти годы снижался, а большинство преступлений по своему характеру не были тяжкими. Комиссия РКИ признала ошибочным утверждение об увеличении преступности в стране, установив, что рост числа заключенных обуславливается недостатками уголовно-судебной политики.

Явное несоответствие между уголовной и исправительно-трудовой политикой было выявлено в 1926–1928 годах. Число осужденных к лишению свободы явно превышало возможности мест заключения. С. И. Кузьмин отмечает, что уже это обстоятельство не могло не снижать эффективности определенных законодательством и применяемых к осужденным мер исправительно-трудового воздействия. Приходилось прибегать к применению досрочного освобождения по амнистии. Это осложняло борьбу с преступностью и невольно способствовало росту числа рецидивистов среди освобожденных⁵⁶¹.

На совместном заседании коллегии ЦКК и НК РКИ РСФСР в 1927 г. обсуждались итоги обследования деятельности судебно-следственного аппарата и мест заключения. Предпринималась попытка ликвидировать разрыв между уголовной и исправительно-трудовой политикой.

Число заключенных в местах лишения свободы с начала 30-х годов начало быстро расти. Если на 1 января 1934 г. в лагерях и

⁵⁵⁹ Алексеев С. С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995. С. 9.

⁵⁶⁰ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953. С. 160, 176, 261.

⁵⁶¹ Кузьмин С. И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917–1953 гг.). М.: 1991. С. 24.

колониях содержалось 510 327 человек, то на аналогичную дату 1936 г. численность выросла до 1 296 494 человек.

В стране до 1934 г. функционировали две самостоятельные системы исправительно-трудовых учреждений: Народный комиссариат Юстиции союзных республик и ГУЛАГ ОГПУ СССР. Одним из основных принципов деятельности учреждений НКЮ РСФСР являлся дифференцированный подход к осужденным на основе классовой принадлежности.

В вопросах назначения ИТЛ с 1935 г. началась дифференциация контингента. В Утопечерский, Норильский, Свирский, Северо-Восточный лагеря направлялись осужденные и репрессированные за контрреволюционные преступления, а в Волжский, Дмитровский, Карагандинский ИТЛ – судимые за контрреволюционную агитацию и уголовные преступления всех категорий⁵⁶².

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 года «О карательной политике и состоянии мест заключения» послужило правовым фундаментом развернутого наступления на «классовых врагов» в исправительно-трудовых отношениях⁵⁶³. В нем была изложена линия на ужесточение порядка и условий исполнения наказаний в отношении отдельных категорий заключенных. Отмечалось, что необходимо применять суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов, деклассированных преступников-профессионалов и рецидивистов, дополнять назначение суровых мер репрессии в отношении перечисленных элементов не менее строгим осуществлением приговоров, допуская смягчение принятых судом мер социальной защиты и досрочное освобождение этих категорий преступников лишь в исключительных обстоятельствах.

В 1928 г. на Съезде административных работников РСФСР ужесточение режима в местах заключения нашло свое одобрение и поддержку. В резолюции Съезда отмечалось, что признавая необходимым отчетливое проведение классовой политики при организации режима в местах заключения, необходимо ограничить льготы «классово чуждым» элементам.

Суровость приговора, по мнению Ф. Трасковича, должна ощущаться классовым врагом, для которого предназначены тюрьмы, и только по злой необходимости они используются и для трудящихся. Для классового врага тюрьма должна быть повернута всеми своими

⁵⁶² Приказ НКВД СССР № 045-1935 г. «Правила отбора и отправки заключенных в лагеря».

⁵⁶³ Ежедневник советской юстиции. 1928. № 14. С. 417-448.

острыми углами, и никакое смягчение не допустимо. Должна быть последовательная линия, вытекающая непосредственно из всего характера деятельности советского государства, в частности, из карательной политики⁵⁶⁴.

На фоне беспощадной эксплуатации и тяжелых бытовых условий в лагерях ГУЛАГа отмечалась высокая смертность. В этих условиях НКВД вынуждено было пополнять число заключенных лагерей⁵⁶⁵. Система беззакония и произвола постепенно вращалась в государственный организм как неотъемлемая часть его деятельности⁵⁶⁶.

В заключение подведем ряд субъективных выводов:

1. перед правоохранительными органами государства ставилась цель по борьбе с классово чуждыми элементами, число которых в процессе рассматриваемого периода постоянно увеличивалось. Право как наука с одобрения государства молчаливо игнорировало проблемы исправительно-трудового права;

2. именно в рассматриваемый период истории были допущены ошибки, которые размывали границы исправительно-трудовых отношений, что впоследствии отразилось на всех общественных отношениях;

3. между уголовной и исправительно-трудовой политикой прослеживалось явное несоответствие. Число осужденных к лишению свободы превышало возможности исправительно-трудовых учреждений. Государство прибегало к применению амнистий, что в свою очередь осложняло борьбу с преступностью.

УДК 93/94

Сандалов Игорь Александрович,
ведущий научный сотрудник,
Центральный музей войск национальной гвардии
Российской Федерации, г. Москва,
кандидат исторических наук
e-mail: Igsand@yandex.ru

⁵⁶⁴ Траскович Ф. Очередные задачи в области исправительно-трудовой политики // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 26. С. 733.

⁵⁶⁵ Уголовно-исполнительные отношения подменялись не отношениями в сфере экономики, а подменялись вопросами эксплуатации рабского труда, что нарушало МПА.

⁵⁶⁶ Уголовно-исполнительная система. 130 лет. / М. Г. Детков, Г. В. Алексушин, П. В. Ященко, В. И. Селиверстов. М.: ИД «Юриспруденция», 2009. С. 85.

230-й конвойный полк войск НКВД СССР в обороне Северо-Кавказского региона в 1941–1943 годах

Аннотация: статья посвящена доблести и мужеству военнослужащих 230-го конвойного полка войск НКВД в обороне Северного Кавказа в 1941–1943 гг., участию в эвакуации тюрем Ростовской области, несение службы охраны тыла Южного и Крымского фронтов и на перевалах Главного кавказского хребта в 1942 г. Особое внимание уделяется роли личного состава полка в боях за г. Ростов-на-Дону в ноябре 1941 г.

Ключевые слова: внутренние войска, конвоирование заключенных, битва за Кавказ, оборона Ростова-на-Дону, НКВД СССР.

Sandalov Igor Alexandrovich,

Leading researcher of Central museum of troops of national guard of Russian Federation, Moscow, Candidate of Historical Sciences

230th escort regiment of troops of NKVD USSR in defence of the North Caucasus region during 1941–1943

Abstract: the article is devoted to valour and courage of soldiers and officers of 230th escort regiment of troops of NKVD USSR while defending North Caucasus region during 1941–1943 in such aspects as the evacuation of Rostov prisons, the rear guard of the Southern and Crimean fronts and mountain passes of The Main Caucasus range in 1942. Special attention put onto role of the regiment's forces during battle for Rostov during November of 1941.

Keywords: Internal troops, escort of the prisoners, battle for Caucasus, defense of Rostov upon Don, NKVD USSR.

В этом году исполнилось 80 лет со дня освобождения г. Ростова-на-Дону от фашистских захватчиков. Говоря об этих событиях, невозможно обойти вниманием вклад конвойных частей войск НКВД, принимавших участие в боях за город.

В январе 1920 г. в г. Ростов-на-Дону была организована Донская конвойная команда. Для ее формирования из Московской конвойной

команды было командировано 25 красноармейцев⁵⁶⁷. Задачи команды определены следующим образом: охрана и конвоирование заключенных по железным дорогам Северного Кавказа, с подчинением Народному комиссариату юстиции.

С мая 1924 г. воинская часть прошла через ряд преобразований К 22 июня 1941 г. она имела наименование 230-й полк конвойных войск НКВД СССР и входила в состав 43-й отдельной бригады конвойных войск НКВД СССР, управление которой также располагалось в г. Ростов-на-Дону.

После начала Великой Отечественной войны 230-й полк был переведен на штат военного времени. Кроме того, в соответствии с планом мобилизационного развертывания оперативных войск НКВД СССР⁵⁶⁸ на командование полка было возложено формирование 33-го мотострелкового полка оперативных войск. Полк был сформирован в сжатые сроки и с 28 июня был подчинен начальнику Управления оперативных войск НКВД СССР⁵⁶⁹.

В связи с продвижением гитлеровских войск на южном направлении 1 июля 1941 г. приказом начальника гарнизона г. Ростов-на-Дону генерал-майора Гречкина на войска НКВД была возложена задача обороны южного участка и восточного направления г. Ростов-на-Дону. Общее руководство частями войск НКВД возлагалось на командира 43-й отдельной бригады конвойных войск НКВД СССР полковника А. Г. Соломатина и комиссара бригады полкового комиссара И. Т. Ястребова⁵⁷⁰.

По мере продвижения противника к Ростову на 230-й полк возлагалась задача проведения эвакуации заключенных. В июле–августе 1941 г. личным составом полка были эвакуированы тюрьмы в Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Каменске-Шахтинском. Всего конвойники эвакуировали 3,5 тыс. заключенных⁵⁷¹.

9 октября 1941 г. приказом СКВО № 002/оп 230-й полк включен в состав боевого резерва войск Ростовского гарнизона, а 17 октября полк занял оборону в тыловой полосе 56-й армии. 2 ноября на основании приказа № 017/оп штабом армии на полк возложена задача

⁵⁶⁷ ЦМ ВНГ РФ. О. Д. П. Инв. № 6765. История соединения. Ростов-на-Дону. 1967 г. Л. 5.

⁵⁶⁸ РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 606. Л. 16–19.

⁵⁶⁹ ЦМ ВНГ РФ. О. Д. П. Инв. № 6765. История соединения. Ростов-на-Дону. 1967 г. Л. 15.

⁵⁷⁰ ЦМ ВНГ РФ. О. Д. П. Инв. № 6765. История соединения. Ростов-на-Дону. 1967 г. Л. 15–16.

⁵⁷¹ См. РГВА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 792. Ч. 2.

прикрытия важнейших путей подхода к Ростову с северо-западной стороны⁵⁷².

Полк расположился по рубежу: поселок Западный – Нижне-Гниловская – Красный Крым – Каменоломня – Красный Чалтырь. 19 ноября 1941 г. полк переброшен в восточную часть города, где удерживал рубеж р. Дон – поселок Фрунзе⁵⁷³. Основной задачей подразделений полка стали сдерживающие действия, в ходе которых только в ночь на 20 ноября 1941 г. было уничтожено до двух взводов пехоты противника⁵⁷⁴.

В этот день противник вплотную подошел к Ростову-на-Дону. Войска 56-й армии организовали упорную оборону, но танки противника мощным ударом смогли прорваться на северную окраину города. После неудачной попытки захватить переправу через р. Дон в районе станицы Аксайской враг прорвался в центр города. К исходу 20 ноября 56-я армия отступила из Ростова.

230-й полк получил новую линию обороны – по южному берегу о. Зеленый, имея задачу прикрыть маневр 347-й и 31-й стрелковых дивизий. Остров Зеленый имел исключительно важное значение. Захватив его, противник имел бы возможность контролировать все переправы через Дон в черте города и поставить тем самым в тяжелое положение части 31-й и 347-й стрелковых дивизий. Бои на этом рубеже с первого дня его обороны приняли ожесточенный характер.

Уже утром 21 ноября к позициям 230-го полка подобралось до 10 немецких танков, поддержанные пехотой. Командир оборонявшегося на острове 1-го батальона полка ст. лейтенант М. В. Галушко отдал приказ взорвать деревянную переправу на 29-й линии и преградить путь танкам⁵⁷⁵. Красноармеец Василий Бондарев смог подобраться на близкое расстояние и броском связки гранат повредил переправу, но был сражен пулеметной очередью.

Завязались тяжелые бои с танками, но силы обороняющихся конвойников были неравны. Тогда командование полка приняло решение вызвать на себя удар артиллерии 56-й армии. Как только артиллеристы начали обстрел острова, как только снаряды начали подбивать танки, вражеская техника отошла на свои исходные позиции.

⁵⁷² ЦМ ВНГ РФ. О. Д. П. Инв. № 6765. История соединения. Ростов-на-Дону. 1967 г. Л. 21.

⁵⁷³ Войска называются внутренними. С. 234.

⁵⁷⁴ ЦА ВНГ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 71 Об.

⁵⁷⁵ ЦМ ВНГ РФ. О. Д. П. Инв. № 6765. История соединения. Ростов-на-Дону. 1967 г. Л. 27.

Теперь уже противник принялся обстреливать позиции 230-го полка из артиллерии. 23 ноября бомбардировщики люфтваффе подвергли позиции полка интенсивной бомбардировке, но конвойники продолжали стоять насмерть. И они не просто удерживали этот исключительно важный плацдарм. Под покровом ночи они совершали разведывательные вылазки в город⁵⁷⁶.

«Активная оборона указанного участка полком продолжалась до... 29 ноября... В боях за остров Зеленый бойцы и командиры полка проявили мужество, непоколебимую стойкость, инициативу и находчивость, разведчики полка систематически добывали ценные сведения о противнике, проникая на территорию города и выявляя расположение и действия противника»⁵⁷⁷.

Уже 25 ноября 1941 г. командованием 347-й стрелковой дивизии 230-му полку была поставлена задача – в ночь на 26 ноября усиленным батальоном захватить юго-восточную окраину Ростова-на-Дону, обеспечив плацдарм для перехода в наступление главных сил дивизии.

Переправу через Дон решено было организовать ночью сразу в двух пунктах при поддержке пулеметной роты с острова Зеленый. В 2.00 26 ноября 1941 г., 1-й батальон сосредоточился в исходном положении на северном берегу острова Зеленый, переправился в районе Нахичевани и вступил в бои с противником, с ходу отбросив противника назад. Но из-за того, что части 347-й стрелковой дивизии не смогли сосредоточиться вовремя, успех батальона поддержан не был, а переправа частей 56-й армии отложена до 28 ноября. 1-й батальон 230-го полка должен был продержаться в условиях полного превосходства противника в численности и технике.

В течение всего дня 26 ноября 1941 г. личный состав отбивал атаки противника, применившего танки и артиллерию для разрушения зданий, в которых были оборудованы опорные пункты. Пулеметный взвод 1-й роты под командованием старшего сержанта Г. Макаревича в течение 26–27 ноября 1941 г. в уличных боях смог уничтожить более 200 солдат и офицеров противника, 2 орудия и несколько автомобилей и мотоциклов⁵⁷⁸.

К 01:00 28 ноября 1-й батальон 1175-го стрелкового полка 347-й стрелковой дивизии, долженствовавший высадиться на юго-западную

⁵⁷⁶ ЦМ ВНГ РФ. О. Д. П. Инв. № 6765. История соединения. Ростов-на-Дону. 1967 г. Л. 28.

⁵⁷⁷ ЦА ВНГ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 71 Об.–72.

⁵⁷⁸ Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг. [Текст] : Документы и материалы. - Москва : Юрид. лит., 1975. 725 с. С. 300.

окраину Ростова-на-Дону, закончил сосредоточение на северном берегу о. Зеленый, но к переправе приступить не смог. Тогда в 03:00 б-я рота 230-го полка переправилась вперед его позиций и заняла плацдарм на участке 13-я линия – Театральная площадь. Однако и здесь части Красной армии не оказали конвойникам никакой помощи. Командование 230-го полка, проявляя инициативу, отправило на помощь 6-й роте подразделения 4-й и 5-й рот⁵⁷⁹. Ворвавшись на южную окраину города, они развернули уличные бои и вышли на линию обороны 6-й роты на Театральной площади.

В результате боев 26–28 ноября 1941 г. подразделения 230-го полка очистили от противника южную часть Ростова-на-Дону, создав плацдарм для развертывания наступления 347-й стрелковой дивизии, полностью выполнив поставленную задачу. Утром 29 ноября 1941 г. остальные подразделения 230-го полка вместе с частями Красной армии перешли в наступление с задачей к 00:00 выйти в район Рабочего городка и п. Змиевка. Задача была выполнена к 16:00⁵⁸⁰. Ростов-на-Дону был освобожден.

Однако конвойники продолжали атаковать врага. 2 декабря полк начал наступление на п. Крым, к исходу дня развил наступление до н.п. Екатериновка. Развивая наступление, через два дня на подступах к Таганрогу полк атаковал позиции противника на западном берегу р. Самбек. 14 декабря 1941 г. согласно приказу № 42 командира 347-й стрелковой дивизии полк сдал позиции 1175-му стрелковому полку и возвратился в Ростов-на-Дону⁵⁸¹.

Всего за время боев ноября–декабря 1941 г. полк потерял убитыми 121 военнослужащего, 434 человека было ранено, 216 пропали без вести⁵⁸². 70 военнослужащих были удостоены правительственных наград.

Ростовская наступательная операция имела большое военное и политическое значение. Был предотвращен прорыв немецких войск на Кавказ, стабилизировалась обстановка на южном фланге советско-германского фронта и положено начало контрнаступлению Красной армии в 1941 г. Войска, принимавшие участие в операции, не позволили противнику усилить за ее счет группу армий «Центр»,

⁵⁷⁹ ЦМ ВНГ РФ. О. Д. П. Инв. № 6765. История соединения. Ростов-на-Дону. 1967 г. Л. 39.

⁵⁸⁰ ЦМ ВНГ РФ. О. Д. П. Инв. № 6765. История соединения. Ростов-на-Дону. 1967 г. Л. 40.

⁵⁸¹ ЦМ ВНГ РФ. О. Д. П. Инв. № 6765. История соединения. Ростов-на-Дону. 1967 г. Л. 41–42.

⁵⁸² ЦМ ВНГ РФ. О. Д. П. Инв. № 6765. История соединения. Ростов-на-Дону. 1967 г. Л. 43.

наступавшую на Москву, и создали благоприятные условия для перехода в контрнаступление на западном (центральном) направлении.

Однако к лету 1942 г. ситуация на южном театре боевых действий вновь стала накаляться. В очередной раз личный состав полка получил задачу на эвакуацию тюрем и исправительно-трудовых учреждений. Конвоирование осуществлялось пешим порядком, многочисленными группами и на большое расстояние. Некоторые конвои насчитывали более 1000 заключенных. К примеру, конвой под командованием ст. лейтенанта Найдена в период с 10 по 15 мая 1942 г. эвакуировал из г. Керчи 915 заключенных и 945 человек спецконтингента⁵⁸³.

В конвое, возглавляемый лейтенантом Яловым, 19 июля 1942 г. эвакуировавшем Новочеркасскую тюрьму от ст. Аксай через станции Старочеркасскую, Мечетинскую, в ряде случаев происходили нападения на личный состав с целью завладения оружием. Таким образом, нарядом было убито 40 преступников⁵⁸⁴.

Вслед за управлением бригады полк передислоцировался сначала в Орджоникидзе, а потом – в Баку. Здесь помимо несения службы по конвоированию осужденных и военнопленных, личный состав полка принял участие в выполнении правительственного задания.

С 18 сентября 1942 г. 1860 военнослужащих полка привлекалось к охране тыла Южного и Крымского фронтов⁵⁸⁵. В задачу военнослужащих входило обеспечение службы заграждения на Марухском и Клухорском перевалах через Главный Кавказский хребет, а также охрана объектов Военно-Грузинской дороги. Военнослужащие полка проводили разведку позиций противника, нередко принимали бой. При обороне перевалов и проведении разведок боем 130 военнослужащих 230-го конвойного полка погибло, 58 получили ранения различной степени тяжести.

14 февраля 1943 г. г. Ростов-на-Дону был освобожден в ходе контрнаступления советских войск. Вскоре в город передислоцировался гарнизон 230-го конвойного полка.

⁵⁸³ ЦМ ВНГ РФ. О. Д. П. Инв. № 6765. История соединения. Ростов-на-Дону. 1967 г. Л. 50.

⁵⁸⁴ ЦМ ВНГ РФ. О. Д. П. Инв. № 6765. История соединения. Ростов-на-Дону. 1967 г. Л. 52.

⁵⁸⁵ ЦМ ВНГ РФ. О. Д. П. Инв. № 6765. История соединения. Ростов-на-Дону. 1967 г. Л. 54.

14 апреля 1943 г. 230-й полк конвойных войск НКВД СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками при обороне и освобождении г. Ростов-на-Дону и проявленные при этом доблесть и мужество был удостоен ордена Красного Знамени. 23 мая состоялось вручение награды.

После Великой Отечественной войны воинская часть стала основой войск правопорядка Ростовского гарнизона. Она не раз прошла через организационно-штатные бригады, становясь то отрядом конвойной охраны, то отдельной конвойной бригадой. С 1998 г. эта воинская часть выполняет задачи охраны и обеспечения деятельности Северо-Кавказского (с 2017 г. Южного) округа войск правопорядка.

УДК 930.2

Семенов-Басин Илья Викторович,
независимый исследователь (г. Москва),
доктор исторических наук
e-mail: svet100svet@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-7579-056X

Новое о докторе Гаазе

Аннотация: филантропическая деятельность московского тюремного врача Фридриха Йозефа (Федора Петровича) Гааза (1780–1853) достаточно хорошо известна, тем не менее привлечение новых, не освоенных наукой источников, позволяет уточнить многие характеристики личности Гааза и его тюремной деятельности.

Ключевые слова: филантропия, христианское просвещение, Общество помощи заключенным, чтение в тюрьмах.

Semenenko-Basin Ilya Viktorovich,
Independent scholar (Moscow),
Doctor of Historical Sciences

New about Dr. Haass

Abstract: the philanthropic work of Friedrich Josef (Fyodor Petrovich) Haass (1780–1853), the Moscow prison doctor, is well known.

Nevertheless, the use of new, unexplored sources allows us to clarify many of the characteristics of Haass's personality and his activities in prison.

Keywords: philanthropy, Christian enlightenment, Prisoners' Aid Society, prison reading.

Имя Фридриха Йозефа (Федора Петровича) Гааза (1780–1853) не нуждается в представлении, его филантропическая деятельность в московской пересыльной тюрьме достаточно хорошо известна⁵⁸⁶. В 2015–2021 гг. автор этой статьи провел новое исследование источников, связанных с Гаазом; результаты исследования, уточняющие факты биографии медика-филантропа, опубликованы в 2022 г.⁵⁸⁷ Отправной точкой послужили книгоиздательские проекты Гааза, ориентированные на тюремный контингент и служащих пенитенциарных учреждений, а опорой исследования – документы Московского комитета духовной цензуры, запечатлевшие развитие этих проектов. Не в последнюю очередь исследование призвано продемонстрировать эвристический потенциал цензурных документов, неплохо сохранившихся, но мало освоенных исторической наукой. Здесь представлены лишь некоторые достигнутые автором результаты, преимущественно те, что связаны не с историей русской книги или духовной культурой первой половины XIX в., а именно с пенитенциаристикой.

Тюремное служение Гааза не было подвигом одиночки, но реализовывалось в рамках Попечительного о тюрьмах общества, к которому медик-филантроп присоединился в 1828 г. Как выяснилось в ходе проведенного исследования, методы работы с заключенными доктора Гааза развивались постепенно. За Гаазом закрепилась репутация реформатора и даже нарушителя некоторых тюремных правил, стремившего преобразовать пенитенциарную систему в духе рационализации и гуманизации. Однако в начале своей деятельности

---

⁵⁸⁶ Основные работы о Гаазе: Пучков С. В. К характеристике доктора Ф. П. Гааза. М., 1910; Кони А. Ф. Федор Петрович Гааз: Биографический очерк // Он же. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1968. Т. 5. С. 288–422; Доктор Гааз: сборник / Сост.: Ю. Г. Куликов. Ставрополь, 1989; Врата милосердия: Книга о докторе Гаазе / Сост. и коммент.: А. Нежный. М., 2002; Копелев Л. З. Святой доктор Федор Петрович. М., 2013; Beckmann-Kuhn J. Medizin als Lebenspraxis des Humanen: Studien zum Lebensweg des Arztes und Philanthropen Friedrich Joseph Haas (1780–1853) im Umbruch von Aufklärung, Revolution und Restauration / Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades am Historischen Institut der RWTH. Aachen, 2012.

⁵⁸⁷ Семенов-Басин И. В. Доктор Гааз и христианская книга. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 192 с.

Гааз полностью принимал существовавшие тюремные порядки. Более того, для нарушителей порядка он изобрел такие жесткие наказания (карцер с ограничением движений заключенного), которые противоречили законодательству и были отменены прокурором. Свои ранние замыслы Гааз оправдывал стремлением воспитать у заключенных память о нравственном законе, упорядочить их эмоциональный мир и подвести к раскаянию. Двигаясь в том же направлении, Гааз пришел к более гуманным напостинательным знакам, способствующим перевоспитанию⁵⁸⁸.

Можно сказать, что к сороковым годам XIX в. Гааз все больше делал ставку на человеческую формацию – образование души, воли, открытие подопечным новых для них смыслов в жизни. Гааз был в первую очередь врачом, перевоспитание заключенных дополняло его медицинские мероприятия в пересыльной тюрьме. Не довольствуясь беседами, личным общением, медик-филантроп стремился задействовать потенциал печатного слова. Отметим, что в традиционалистском русском обществе книжное слово было окружено особым ореолом, обладало авторитетом, утраченным в современной культуре.

Данные о многочисленных издательских инициативах медика-филантропа сосредоточены в архивном фонде Московского комитета духовной цензуры (Центральный государственный архив города Москвы, ф. 2393), немалое значение для данной темы имеют также документы Московской Синодальной типографии (Российский государственный архив древних актов, ф. 1184) и документы Гааза из личного фонда А. Ф. Кони (Государственный архив Российской Федерации, ф. 564). В частности, в фонде Московской Синодальной типографии автором исследования изучены архивные дела о закупке Тюремным комитетом книг, предназначавшихся для бесплатной раздачи заключенным, а в фонде Кони – ведомости книг, розданных арестантам, следовавшим в Сибирь, в период с 1829 по 1844 гг., и ведомость книг, поступивших в Тюремный комитет для раздачи с 1829 по 1845 г. У Гааза было стойкое стремление насаждать в тюрьме культуру чтения. Причем медик-филантроп приложил очень большие усилия для обучения заключенных грамоте, о чем свидетельствуют архивные данные о распространении Азбук и иных учебных пособий.

---

⁵⁸⁸ Сведения о трансформации педагогических методов Гааза в пересыльной тюрьме в основном сосредоточены в неизданных документах Московского комитета Попечительного о тюрьмах общества, сохранившихся в личном архиве А. Ф. Кони (ГА РФ, ф. 564).

Кроме того у Гааза было намерение печатать и распространять собственные тексты.

Фонд Московского комитета духовной цензуры содержит сведения практически обо всех инициативах Гааза, так или иначе связанных с печатным словом. Особо выделяется небольшая книга «А. Б. В. христианского благонравия. Об оставлении бранных и укоризненных слов, и вообще неприличных на счет ближнего выражений», составленная Гаазом совместно с православными священниками, коллегами по Попечительного о тюрьмах обществу. Книжка переиздавалась четыре раза и каждое издание заметно отличается от предыдущего⁵⁸⁹. Гааз исходил из того, что ответственность за поддержание сносных условий существования в тюрьме несет персонал, а также сами заключенные, поэтому книжка «А. Б. В. христианского благонравия» представляет собой договор с развернутой мотивацией; человек, поставивший подпись под договором в конце текста, принимал на себя обещание избегать в тюрьме злоречия, издевок, ругательств, любой словесной агрессии. Мотивация целиком построена на аргументах Библии, заведомо обращенных к верующему человеку. Замечательно, что книжка с текстом договора предназначалась не для одних только арестантов, но также для тюремных служащих и членов Попечительного о тюрьмах общества. Из эпистолярия Гааза, сопровождавшего подготовку «А. Б. В. христианского благонравия» к печати, видно, что он стремился ограничить деструктивное речевое поведение и тем самым повлиять на характер и склад ума человека. Религия придавала моральную объективность ценностям миролюбия⁵⁹⁰.

Здесь необходимо отметить, что вариант «А. Б. В. христианского благонравия», публикуемый ныне, возник только в 1898 г. и не соответствует авторскому замыслу. В конце XIX в. редакторы изъяли из текста книжки все, что касалось заключения договора, т.е. вступительную часть и последний абзац, причем подвергся трансформации сам жанр книги, приобретшей вследствие этого несколько тривиальный, морализаторский характер⁵⁹¹.

⁵⁸⁹ А. Б. В. христианского благонравия. Об оставлении бранных и укоризненных слов, и вообще неприличных на счет ближнего выражений. [М., 1840]. 2-е изд.: [М., 1842]. 3-е изд.: [М., 1844]. 4-е изд.: [М., 1850].

⁵⁹⁰ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 76/II, к. 7, д. 15, лл. 1–4 об.

⁵⁹¹ Гааз Ф. (А. Б. В.) Азбука христианского благонравия. Об оставлении бранных и укоризненных слов и вообще неприличных на счет ближнего выражений или о начатках любви к ближним. М., 1898; Врата милосердия. С. 123–143; Святой доктор Гааз в судьбе России / Сост.: О. В. Лепявко. М., 2020. С. 203–235.

О судьбах книг, распространявшихся Тюремным комитетом, мы, как правило, ничего не знаем. Редким исключением остается описанный Г. А. Лончаковой экземпляр Нового Завета, изданного в 1849 г. Попечительного о тюрьмах обществом. Данная книга находилась в собственности ссыльнопоселенца, причисленного в Иркутской губернии к государственным крестьянам⁵⁹². Если арестантам удавалось сохранить на этапе экземпляры «А. Б. В. христианского благонравия» и других подаренных книг, позднее, в Сибири у них появлялась редкая возможность общения с печатным словом. Ведь тюремные библиотеки в Сибири стали создаваться позднее, лишь в середине и второй половине XIX в.⁵⁹³ В пересыльной тюрьме Гааз обучал арестантов чтению, приобретал для них очки⁵⁹⁴, но нам, к сожалению, ничего не известно о рецепции книги АБВ в среде заключенных, о взаимодействии печатного текста и народной субкультуры, о проникновении текста в сферу устного слова. Можно только предположить, что в тюрьмах печатные тексты чаще всего читали вслух, а не про себя, глазами.

Полагаю, в качестве выводов можно было бы предложить следующее соображение: если мы рассматриваем проблемное поле пенитенциаристики, можно было бы признать плодотворным изучение периферии этого поля. Под периферией я имею в виду комплексы источников, произошедшие от личностей и малых сообществ, посвятивших себя перевоспитанию заключенных, нормализации условий жизни в тюрьме. Надо учитывать также выводы А. Линденмайер касательно российского благотворительного движения XIX в. Исследовательница пришла к выводу, что в лоне благотворительного движения произошло становление гражданского общества – филантропические организации, пускай и не

⁵⁹² Лица, сосланные в Сибирь на поселение, по истечении десяти лет ссылки причислялись к государственным крестьянам. Судя по владельческой записи, указанный экземпляр Нового Завета принадлежал в 1858 г. государственному крестьянину из поселенцев Петру Иванову, жившему в Иркутской губернии, см.: Русские рукописные книги и книги кирилловской печати г. Якутска: Каталог / Сост.: Г. А. Лончакова. Новосибирск, 2000. С. 117.

⁵⁹³ Барилловская В. М. Утоли мои печали. Библиотеки пенитенциарной системы Красноярского края: история и современность // Библиотечное дело. 2010. № 15 (129). С. 6–9; Науменко О. Н., Науменко Е. А. Использование книги как средства воспитательного воздействия на заключенных в пенитенциарной системе Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Библиотековедение. 2016. Том 65. № 2. С. 171–176.

⁵⁹⁴ Данные из отчетов Гааза 1840 г. о приобретении очков для арестантов см.: Центральный государственный архив города Москвы, ф. 1581, оп. 1, д. 3, лл. 5–5 об., 118. Тексты изданы: Врата милосердия. С. 363, 371.

преодолевшие бедность, порождали в России новый тип социальных сообществ, стимулируя гражданское сознание и самоуправление⁵⁹⁵. Таким образом, тематическая периферия проблемного поля позволяет исследователю выйти на непредсказуемые связи специфического тюремного опыта филантропов – и богатого социального опыта иных слоев и групп общества.

Наконец, углубленное понимание места тюремной филантропии в жизни дореволюционного российского общества способно пролить свет на некоторые темные места в хорошо известных текстах. Приведу один пример. Эпистолярный мыслитель П. Я. Чаадаева (1794–1856) на сегодня, казалось бы, изучен и издан, но комментаторы никак не разъяснили таинственную фигуру «человека исключительно смелого и оригинального», появившуюся в письме Чаадаева к А. И. Тургеневу от августа-сентября 1843 г.⁵⁹⁶ «Басманный философ» упрекает Тургенева за излишнюю горячность на ниве тюремной филантропии, утверждая, что Тургенев пытается нарядиться в «костюм не по росту»: костюм этот «...скроен для человека исключительно смелого и оригинального. А вы знаете – каков тот, кто его надел»⁵⁹⁷. Мы хорошо знаем о сотрудничестве Тургенева с Гаазом в пересыльной тюрьме из переписки Тургенева с П. А. Вяземским⁵⁹⁸. Благодаря публикации дневника А. Д. Свербеева нам известно о встречах Гааза с Чаадаевым в московском литературном салоне Свербеевых, где оба они были желанными гостями⁵⁹⁹. Можно с уверенностью утверждать, что «человек исключительно смелый» из письма Чаадаева, это никто иной как доктор Гааз.

УДК 343.812

Сивова Анна Александровна,
начальник ОИОиЗОИУИССАПЗ
ФКУ НИИ ФСИН России,

⁵⁹⁵ Lindenmyer A. Poverty is not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton, NJ, 1996. P. 99–119.

⁵⁹⁶ Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 2. С. 157.

⁵⁹⁷ Там же.

⁵⁹⁸ Остафьевский архив князей Вяземских / Ред. и прим.: В. И. Саитов. СПб., 1899. Т. IV: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, 1837–1845. С. 9, 86, 92, 162, 171–176, 186, 324, 897.

⁵⁹⁹ [Свербеев А. Д.]. Дневник и воспоминания самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева / Научн. ред.: П. С. Кабытов и др. Самара, 2019 (Сер. Классика самарского краеведения: антология. Вып. 6). С. 89–90.

кандидат филологических наук,
e-mail: sivovaanna@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0001-5762-9852

Воспитательное воздействие на осужденных в местах лишения свободы в 30-х годах XX века (на примере Дмитровского исправительно-трудового лагеря)

Аннотация: в статье рассматривается вопрос воспитательного воздействия на осужденных в местах лишения свободы отечественной пенитенциарной системы в 30-х годах XX века в части организации их библиотечного обслуживания и опубликования периодических изданий (газет). Автор, опираясь на открытые источники, рассматривает роль указанных форм воспитательной работы, а также раскрывает их возможности для проявления не только общественной активности, но и выявления определенных талантов среди осужденных.

Ключевые слова: исправительно-трудовой лагерь, воспитательное воздействие, библиотечная работа, периодические издания.

Sivova Anna Alexandrovna,
PKU research Institute of
the Federal penitentiary service of Russia,
candidate of philological Sciences

Educational impact on convicts in places of deprivation of liberty in the 30s of the XX century (on the example of the Dmitrov correctional labor camp)

Abstract: the article deals with the issue of educational impact on convicts in places of deprivation of liberty of the domestic penitentiary system in the 30s of the twentieth century in terms of the organization of their library services and the publication of periodicals (newspapers). The author, relying on open sources, examines the role of these forms of educational work, and also reveals their possibilities for the manifestation of not only social activity, but also the identification of certain talents among convicts.

Keywords: correctional labor camp, educational impact, library work, periodicals.

Развертывание сети воспитательной работы с осужденными в исправительно-трудовых лагерях в 30-е годы XX века, с одной стороны, обеспечивало соответствующее идеологическое воздействие на лиц, содержащихся в местах лишения свободы, а с другой стороны, выполняло задачу перевоспитания человека при помощи различных форм и методов патриотического воспитания, свойственных советской модели.

Например, руководство Дмитровского лагеря считало, что для того чтобы закрепить перелом в сознании бывшего преступника, порывающего со своими прежними преступными привычками и осознавшего необходимость участия в производственном процессе, нужно обеспечить ему квалификацию и тем самым, закрепить его интерес к работе.

ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР 27 августа 1934 года приняли постановление «О библиотечном деле в СССР». Оно побудило руководство Дмитлага обратить внимание на постановку библиотечной работы в лагере.

Обследование ряда районов работниками КВО показало безобразное состояние библиотечной работы в лагере. На большинстве участков не были выделены даже помещения для библиотек. На 2-ом участке Орьева при списочном составе 3200 человек в 6-ти метровой комнате проживал заведующий клубом и был свален театральные реквизиты⁶⁰⁰.

Библиотекари подобраны на местах неумело. Учет книг не налажен. В результате безразличного отношения к библиотечному делу часть книг расхищалась. Так, в Водопроводном районе на 2 и 5 участках расхищено книг на 368 рублей, в Волжском – на 6341, в Южном – на сумму 1200 рублей.

В целях улучшения постановки библиотечного дела приказом по Дмитлагу от 27 августа 1935 года № 764 предусматривалось:

1. В районах с количеством заключенных от 10 до 20 тысяч ответственность за библиотечную работу возлагалась по совместительству на работников культбаз. При численности заключенных до 10 тысяч человек по совместительству на одного из инспекторов района.

2. На участках с лагерным населением свыше 2000 человек предписывалось организовать стационарные библиотеки-читальни, во главе которых поставить квалифицированных библиотекарей с

---

⁶⁰⁰ Кузьмин С. И., Сивова А. А., Полянская И. Ю. Правовые и организационные основы строительства канала Москва - Волга. Москва, 2021.

возложением на них ответственности за книжный фонд и работу библиотеки.

3. Обеспечить стационарные библиотеки специальным оборудованием, инвентарем и мебелью.

4. Не позднее 1 января закончить инвентаризацию имеющейся на местах литературы.

5. За утрату или порчу литературы взыскивать 3-х кратную стоимость, а виновных в хищении привлекать к уголовной ответственности.

6. При стационарных библиотеках организовать кружки «Друзей книги».

По выявленным фактам расхищения книжного фонда к уголовной ответственности были привлечены четыре библиотекаря и один начальник КВО⁶⁰¹.

В октябре 1933 г. была установлена заработная плата сотрудникам Центральной агитбригады лагеря. Зарплата руководителя центральной агитбригады составляла 40 рублей, членов агитбригады 20, 25 и 27 рублей.

Состав агитбригады был поставлен на довольствие по первой категории применительно к выполняющим норму на 100–109%. Установленное материальное обеспечение касалось только состава центральной агитбригады, где были собраны наиболее квалифицированные специалисты⁶⁰².

Летом 1933 г. во всех отделениях лагеря были организованы духовые оркестры, которые содержались как специально освобожденные музкоманды: во втором отделении – 17, в девятом – 15, в десятом – 18, в двенадцатом – 16 человек. Сформированная музкоманда КВО Дмитрлага по приказу от 26 июля 1933 г. № 251 была передана 8-му отделению в составе 25 человек. В центральный оркестр КВО были зачислены музыканты духового оркестра, прибывшего из Вишлага ОГПУ.

Начальники отделений лагеря обязывались обеспечить состав оркестров помещениями, приспособленными для жилья и занятий. Для музыкантов устанавливалась единая форма одежды, и содержались они на усиленной норме довольствия. Зарплата музыкантов составляла (высшая, средняя, низшая):

капельмейстер – 65 руб., 50 руб., 40 руб;

музыкант – 30 руб., 25 руб., 20 руб.

⁶⁰¹ ГАФР. Ф. 9489. Оп. Д. 25. Т. 2. Л. 105.

⁶⁰² ГАРФ. Ф. 9489. Оп. 2. Д. 25. Т. 2. Л. 285.

На начальника КВО возлагалась обязанность подготовки инструкции о порядке использования духовых оркестров с установкой на обслуживание в первую очередь строителей трассы канала⁶⁰³.

В лагере для заключенных выпускалась газета «Перековка». Штат редакции газеты был установлен в количестве 6 человек, в том числе технический редактор, машинистка и художник – вольнонаемные, два литературных работника и корректор – из заключенных. На нее возлагалась ответственная задача мобилизации всех сил общественности на выполнение и перевыполнение плановых заданий, искоренения неполадок, злоупотреблений, искривлений. Вот те вопросы, которые освещались на страницах газеты. В своем приказе от 12 февраля 1933 г. № 29 начальник лагеря обязывал начальников отделений и КВО внимательно следить за напечатанной в газете информацией и не позднее 48 часов по получении газеты сообщать редакции ведения о принятых мерах по той или иной заметке критического характера.

Материалы, посылаемые спецкорами и лагерными корреспондентами в редакцию газеты, не подлежали местной цензуре. Все номера газет подшивались и сохранялись во всех отделах, лагпунктах, а также вывешивались в общежитиях, столовых, красных уголках, на территории лагеря.

В 1934 г. на строительстве канала под руководством отдела печати выходили такие издания как: бюллетень «Каналармейка», газеты «Долой неграмотность», «Канал – Зарбдары». С 25 мая эти издания как самостоятельные были закрыты. В дальнейшем они стали выпускаться как периодические, за счет сметы и тиража газеты «Перековка», тираж которой до конца года был установлен в количестве 30 000 экземпляров. Под редакцией Политчасти ВОХР один раз в месяц в количестве 2000 экземпляров выпускалась газета «Стрелок Дмитлага». Тиражом 2000 экземпляров выходил технический журнал «Москва-Волгострой» в объеме 2-х печатных листов. Перед техническим журналом была поставлена задача освещать результаты изобретательской деятельности и рационализаторской работы, фиксации технических достижений, организации дискуссий по спорным техническим проблемам, ознакомления с новостями советской и зарубежной техники по касающимся строительства вопросам. В районах один раз в десятидневку выпускались производственные бюллетени объемом 1/8 стандартного листа.

---

⁶⁰³ ГАРФ. Ф. 9489. Оп. 2. Д. 25. Т. 2. Л. 280.

В августе 1935 г. исполнилась первая годовщина со дня выпуска литературно-художественного журнала «На штурм трассы». В приказе начальника Дмитлага НКВД от 29 августа № 775 говорилось о том, что за год плодотворной работы журнал объединил вокруг себя творческий коллектив, выявил и вырастил отдельных талантливых каналармейцев – писателей, поэтов, художников. Воспитывая массы лагерников в духе лучших традиций Беломорстроя, издание способствовало скорейшему окончанию стройки, и накоплению материалов по истории строительства канала Москва - Волга.

Впервые осваивая тематику перевоспитания лагерников методами советской исправительно-трудовой политики, журнал служил ярчайшим документом, отражавшим работу коллектива сотрудников по перековке заключенных. Правами начальника лагеря 18 человек из числа сотрудников журнала и актива были поощрены.

Тираж газеты «Перековка» распределялся следующим образом:

- Восточный район – 1700 экз.;
- Волжский район – 2000 экз.;
- Истринский район – 1000 экз.;
- Орудьевский район – 500 экз.;
- Северный район – 1800 экз.;
- Южный район – 2000 экз.;
- Центральный район – 3000 экз.;
- Хлебниковский район – 1900 экз.

Кроме этих изданий также выпускались газеты «Перековка тридцатипятников», «За нову Людину». В приказе по Дмитлагу № 497 от 30 ноября 1934 г. отмечалось, что газета «Перековка» объединяла вокруг себя почти 5000 лагерных корреспондентов.

О том, как руководство лагеря реагировало на публикации в газете «Перековка» свидетельствует ряд приказов. В заметке «Травля стахановца Саблина» от 30 марта 1936 года указывалось, что бухгалтер автоколонны № 2 Волжского района заключенный Дермановский, издеваясь над заболевшим лучшим стахановцем автоколонны, воспользовался тем, что фамилия последнего в справке врача была искажена, организовал травлю, выписал пониженную норму хлеба как прогульщику и лишил премиального вознаграждения за первую пятидневку марта. Не ограничившись этим, через голову администрации участка, донес рапортом начальнику финансово-планового отдела района ложные сведения о Саблине⁶⁰⁴. Этот приказ

⁶⁰⁴ Кузьмин С. И., Сивова А. А., Полянская И. Ю. Правовые и организационные основы строительства канала Москва - Волга. Москва, 2021.

начальник района подписал и даже после протеста начальника участка не отменил:

1. заключенного немедленно арестовать и предать суду;
2. начальника ФПО района за представление на подпись начальнику района документа объявить строгий выговор;
3. начальнику участка объявить благодарность за внимательное отношение к своим рабочим.

В другой заметке от этой даты «Почему в моей бригаде не стало стахановцев» говорилось о том, что прорабы отнеслись формально и не подготовили фронт работ, а поэтому перебрасывали систематически рабочие бригады с объекта на объект. Начальнику строительного отряда был объявлен выговор, а прорабы из заключенных лишены зачетов за первый квартал. По заметке «Где мои изобретения?» начальник работ из вольнонаемных получил выговор, а заключенный Яковлев арестован на 10 суток и лишен зачетов за первый квартал за то, что, получив два рационализаторских предложения, не рассматривал их до опубликования заметки.

На критические заметки в газете «Перековка» реагировал и Нарком внутренних дел Г. Г. Ягода. В частности, по его приказу проводилось расследование по заметке в газете «Перековка», опубликованной 8 апреля 1936 года, «Мытарство бригады Гаврикова». Расследованием установлено, начальник 3-го участка Водопроводного района вольнонаемный Калиновский, несмотря на неоднократные предупреждения со стороны руководства района о неблагополучии на механической участке, мер не принял.

Начальник работ участка вольнонаемный Кириленко установил на объекте порядок, при котором тачки из инструментальной, находившейся в двух километрах, выдавались только по его распоряжению. Это вело к простоям.

Прораб Катышев, назначенный из числа заключенных, производственные неполадки не устранял и просьбы бригадиров о принятии мер оставлял без последствий.

Вольнонаемным сотрудникам были объявлены выговоры, а заключенный как непосредственный руководитель арестован на 5 суток с выполнением служебных обязанностей⁶⁰⁵.

Критические заметки вызывали недовольство у низовой администрации и работникам газеты «Перековка» приходилось защищать лагерных корреспондентов. Проведенным расследованием было установлено, что заключенная Колпашникова систематически присылала материалы о нарушениях лагерного порядка. Узнав об

⁶⁰⁵ ГАРФ. Ф. 9489. Оп. 2. Д. 88. Л. 38.

этом, заключенные стали ее преследовать и добились снятия с должности десятника с направлением на общие работы в другой район. За бездушное отношение и гонения на активистку старший десятник и нормировщик комендантского участка Икшанского района были водворены в штрафной изолятор на шесть месяцев и лишены всех ранее начисленных зачетов рабочих дней. Начальник КВЧ, заключенный и уполномоченный по печати района арестованы на пять суток с выполнением обязанностей. Начальнику участка и начальнику КВО района за непринятие мер к прекращению травли корреспонденции объявлены выговоры.

В интересах воспитательного процесса в феврале 1934 г. во всех районах Дмитлага были организованы художественные мастерские, а при управлении лагеря для систематической работы во всех газетах лагеря и строительства для художественно-оформительской работы была сформирована бригада художников в составе:

начальник художественных мастерских – 1 человек, вольнонаемный;

помощник начальника – 1 человек вольнонаемный;

помощник начальника – 1 человек из заключенных;

литературный работник – 1 человек из заключенных;

инструктор трафаретного дела – 1 человек из заключенных;

трафаретчики – 10 человек из заключенных.

Для руководства всеми художественными мастерскими при КВО Дмитлага была учреждена должность инструктора по изобразительному искусству (ИЗО), на которую был назначен вольнонаемный художник – график Г. С. Кун. Позднее по приказу начальника лагеря от 18 мая 1934 года № 125 для развития художественно-агитационной работы на трассе канала на Центральную художественную мастерскую возлагалась обязанность организовать массовый выпуск плакатов «Окна перековки», наладить процесс создания картин, отражающих строительство канала, быт строителей, перековку лагерников⁶⁰⁶.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в интересах перевоспитания осужденных широко использовались различные формы идеологического воздействия. В тоже время это открывало большие возможности для проявления не только общественной активности, но и позволяло выявлять талант у лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы, и использовать дарования в общественных интересах.

⁶⁰⁶ Кузьмин С. И., Сивова А. А., Полянская И. Ю. Правовые и организационные основы строительства канала Москва - Волга. Москва, 2021.

УДК 340.153

Сумин Анатолий Викторович,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского университета ФСИН России,
кандидат юридических наук
e-mail: rexsumus@mail.ru

**Военнопленные в тюрьмах Московского государства XVII века
(к вопросу источниковой базы)**

Аннотация. В статье дается обзор архивных документов по истории содержания военнопленных в тюрьмах Московского государства в XVII в.

Ключевые слова: Московское государство, XVII век, тюрьма, плен, военный плен, колодники, вязни, языки.

Sumin Anatoly Viktorovich,
Associate Professor,
Department of State law disciplines,
Saint Petersburg University
of the Russian Federal Penitentiary Service,
PhD in law

**Prisoners of war in the prisons of the Moscow state of the XVII
century (on the issue of the source base)**

Abstract: The article provides an overview of archival documents on the history of keeping prisoners of war in the prisons of the Moscow State in the 17th century.

Keywords: Moscow state, XVII century, prison, captivity, military captivity, kolodniki, vyazni, yaziki.

XVII в. относится к первому столетию отечественной истории, обеспеченному массовым актовым материалом, включающим миллионы листов документов. Это связано с массовым уничтожением документации в огне Смутного времени и особенно в злополучном пожаре 1626 г. В этой связи различные аспекты истории лишения свободы обеспечены источниками в достаточной мере лишь с XVII в.

В данной статье пойдет речь об одном из аспектов истории лишения свободы в России, а именно о содержании различных категорий лиц, которых с современной точки зрения можно отнести к

военнопленным. Военный плен как явление имеет, безусловно, гораздо более глубокую историческую традицию и не ограничен XVII в., но по вышеописанным причинам мы имеем подробную и массовую документацию только начиная с данного периода.

Военнопленные в России XVII в. являлись частью категории пленных в принципе и противопоставлялись гражданским лицам, «не комбатантам», захватываемым в качестве живого товара (полон, ясыря и т.п.). В целом военнопленные носили наименование колодников, как и любые лишённые свободы лица. Те из них, которые в момент составления конкретного документа находились в тюрьме, могли именоваться тюремными сидельцами, наряду с разбойниками, татями и пр. криминальными элементами. Для большей конкретизации, их могли в узком смысле именовать языками⁶⁰⁷ или вязнями⁶⁰⁸ (от слова вязать).

Фактически к военнопленным в сознании людей того времени, с соответствующим их наименованием языками и вязнями, относились вооруженные люди, взятые в плен в ходе боевых действий различной степени интенсивности, в том числе и в ходе так называемой малой войны на пограничье (Украина). С современной точки зрения последних можно было бы отнести и к преступникам, например, пленных татар, взятых в плен при нападениях на русские города в составе небольших грабительских набегов.

В отечественной и зарубежной историографии вопрос содержания военнопленных в тюрьмах Московского государства XVII в. специально не исследовался, хотя различные аспекты истории, связанные с ними, представлены в широком круге работ. Мы же попытаемся провести постановку основных аспектов данной темы для будущего обширного исследования.

Источниковая база о содержании военнопленных в тюрьмах Московского государства XVII в. представлена широким кругом источников как центральных, так и местных фондов. Среди первой

⁶⁰⁷ Например, в грамоте 1622 г.: «Лета 7131-го октября в 24 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича Всеа Руси указу память диаком думному Ивану Грамотину с товарищи. Нынешнего 131-го году сентября во 2 день присланы к Москве ис Курска языки тотарове Каракелмаметева улусу Алабердей Теребердеев, Шатрекова улусу Узденбеи Евланчибаев. И сидели на Москве в тюрьме. И по государеву, цареву и великого Михайла Федоровича всеа Руси указу **языки** татаре на Москве в тюрьме держать не велено, а велено их ссылати в тюрьмы по городом» (Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА) Ф. 210 Разрядный приказ. Оп. 12. Стб. 8. Л. 552).

⁶⁰⁸ Например, в грамоте 1665 г.: «Перевод с челобитной татарского писма, что пишут крымские **вязни**...» (РГАДА Ф. 210. Оп. 13. Стб. 478. Лл. 157).

группы к наиболее примечательным следует отнести целые столбцы о пленных, отложившихся в фондах центрального военного ведомства России XVII в. – Разрядного приказа. Такие столбцы и столпики, представляющие собой свитки последовательно склеенных документов, размером в несколько сотен листов и заверенных по склейкам дьяческими подписями, могли получать специальные наименования, например: «Татарский, такого-то году». Перечислим ниже наиболее значимые из них.

В столбцах Новгородского стола Разрядного приказа:

Столбец 198 (285 листов), в составе которого документы за 1666–1668 гг. о пленных крымских и ногайских татарах, турках и калмыках, включая акты о рассылке их в тюрьмы по городам – Вологде, Галичу, Кашину, Ярославлю.

В столбцах Новгородского стола Разрядного приказа:

Столбец 79 (470 листов), в составе которого документы о татарских пленниках за 1627–1636 гг.

Столбец 167. Столпик 2 (119 листов), включая документы о пленниках татар за 1642–1643 гг., в том числе список татар с Московского тюремного двора 331 чел.

Столбец 197 (252 листа), включая документы о татарских и листовских пленниках.

Столбец 490 (1659 г.), включает документы о пленниках поляках, литве, немцах, венграх и др., в том числе об укреплении решеток у окон гетмана Гонсевского, о выдаче денег пленным, присланных их родными.

Столбец 623 (1668–1670 г.), включает документы о пленниках черкасах и татарах, содержания их на Московском тюремном, Англинском и Гранатном дворах.

В столбцах Приказного стола Разрядного приказа:

Столбец 67 (333 листа), содержит документы о белорусских и литовских пленниках за 1632–1633 гг.

Столбец 323 (1659–1662 гг.), содержит документы о пленниках поляках, черкасах и немцах.

Столбец 700 (1672–1675 гг.), содержит документы о пленниках крымских и ногайских татарах, включая уникальные акты о труде пленников татар в Москве на каменоломнях у дер. Настасьино.

Документы в составе столбцов отражают все аспекты жизни и быта военнопленных, в том числе и содержание в тюрьмах. К типовым группам документов можно отнести:

1. *Росписи и статейные списки* пленных. Например: «Роспись что на Москве в тюрьме взятых татар, присланы ис городов со 166-го году...

Всего по сей росписи на Москве в тюрьме:

мурз – 4 человек,

татар – 55 человек,

в городех – 35 человек,

И всего на Москве и в городех взятых татар 94 человека»⁶⁰⁹.

2. *Акты об организации этапирования*. Так, в составе столбца о переводе более двухсот татар из Московского тюремного двора в специальные татарские тюрьмы в Ярославль в 1665 г.⁶¹⁰ имеется следующие комплекс документов:

Л. 26 – Память в Приказ Большого прихода о выдаче 200 стрельцам разных приказов жалованья в дорогу, провожатым крымским и нагайским татарам до Ярославля.

Л. 27–28 – Имена стрельцов Зимина приказу 173-го февраля в 24 день.

Л. 28–31 – Имена стрельцов Кузмина приказу 173-го февраля в 24 день.

Л. 32 – Память в Приказ Новой чети (или Ямской) Никите Яковлевичу Львову о конвоировании татар в Ярославль. 173-го сентября в 28 день.

Л. 33 – Память в Ямской приказ боярину князю Ивану Андревичу Хованскому и окольникъему князю Никите Яковлевичу Львову о посылке из Москвы в Ярославль взятых крымских и ногайских татар, даче стрельцам подвод. Лета 173-го февраля в 25 день.

Л. 34 – Память в Ямской приказ боярину князю Ивану Андревичу Хованскому и окольникъему князю Никите Яковлевичу Львову о подводах. Лета 173-го сентября в ... день.

Л. 35 – Память в Стрелецкий приказ боярину Илье Даниловичу Милославскому, дьяку Александру Дурову о выделении стрельцов «сколько пригоже» для конвоирования 247 крымских и ногайских татарах, которые ныне на Москве на тюремном дворе, до Ярославля. 173-го февраля в ... день.

Л. 36 – Память в Ямской приказ боярину князю Ивану Андревичу Хованскому и князю Ивану Петровичу Борятинскому о даче подвод. 173-го февраля в 22 день.

⁶⁰⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 478. Лл. 8–13.

⁶¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 478.

Л. 37 – Память в Приказ Большого прихода окольников Никите Михайловичу Боборыкину о выдаче жалованья по две деньги на день ссылаемым в Ярославль татарам. 173-го февраля 22.

Лл. 38–40 – Указ в Ярославль о посылке татар. 173-го февраля 22.

Лл. 42–56 – Список татар (Л. 42 – из Разряда, Л. 51 – из Посольского приказа, Л. 53 – из Приказа Малой России, Л. 54 – сверх росписи). Всего из трех приказов 256. Роспись за приписью дьяка Разрядного приказа Федора Грибоедова.

Л. 60 – Память в Кабацкий приказ (Новую четверть) дьякам Герасиму Дохтурову и Семену Румянцеву о выдаче татарам по прибытии в Ярославль по 2 деньги на день человеку из таможенных доходов, а если будет мало, то по 3 деньги. 173-го марта 3.

Лл. 61–62 – Память в Костромскую (Ярославскую) четверть думному дворянину Прокофию Кузьмичу Елизарову и дьяку Ивану Чистого о выдаче татарам по прибытии в Ярославль по 2 деньги на день человеку из таможенных доходов. 173-го марта в 5 день.

3. *Акты о даче корма.* Типовая сумма корма составляла 2 деньги в день, однако, могла и быть повышена по ситуации. Так, в 1665 г. пленные подали следующую челобитную: «...бьют челом бедные заключенные полоняные крымские и нагаиские татаровя Ураско Ирсаев с товарищи двести сорок три человека. В нынешнем, государь, во 173-м году сосланы мы бедные с Москвы в Ярославль. И по твоему великого государя указу велено нам бедным доват твоего царского жалованя корму на ден по три денги. И тем твоим царским жалованем нам бедным сытим быт нечем, потому что в Ярославле хлеб и всякие харчи дорого и платишка нам купит не на что. А в Ярославле, государь, от мирских людеи нам бедным милостины подания ни от кого нет. И сидя мы бедные в Ярославле в тюрьме помираем голодную смертью»⁶¹¹.

4. *Акты об освобождении.*

5. *Челобитные.* Например, челобитная Астраханских тюремных сидельцев 1652 г. о выдаче милостыни в честь именин царя Алексея Михайловича в 1652 г.⁶¹²

6. *Акты об осмотре умерших.* Например, смотренные памяти об умерших белорусских и литовских полоняниках за 1632 – 1633 гг.⁶¹³, о смерти на Московском тюремном дворе в 1636 г. татар: «145-го

⁶¹¹ РГАДА Ф. 210. Оп. 13. Стб. 478. Л. 155.

⁶¹² Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Ф. 178. Оп. 1. Ч. 3, Д. 2404.

⁶¹³ РГАДА Ф. 210. Оп. 13. Стб. 67. Лл. 323–331.

октября в 30 день на Тюремном дворе в Татарской тюрьме умер татарин Баиках Какох Амаметов, азовец. Прислан с Оскола. Память писал тюремной подиячий Михалко Бекетов»⁶¹⁴.

Вопрос обмена пленных осуществлялся через «министерство иностранных дел» XVII в. – Посольский приказ, о чем свидетельствует масса документов, отложившихся как в составе Посольских книг, так и в фондах, содержащих посольскую документацию в столбцах и россыпью.

Таким образом, тема содержания военнопленных в тюрьмах Московского государства в XVII в. является не исследованной и, безусловно, требует глубокой научной проработки на базе материалов центральных и местных архивов.

УДК 343.812

Тонков Евгений Никандрович,
доцент кафедры правоведения
Северо-Западного института управления
(филиал РАНХиГС),
преподаватель СПбГУ,
адвокат, кандидат юридических наук
e-mail: e.tonkov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6968-5624

История Выборгской тюрьмы

Аннотация: строительство Выборгской губернской тюрьмы в конце XIX в. было подвержено влиянию скандинавского типа пенитенциарного мышления, которое отличается среди прочего акцентом на разумную пропорцию между социальными и карательными функциями государства. Используемый архитекторами пенитенциарной системы Российской империи опыт стран Скандинавии требует тщательного исследования в современной отечественной юриспруденции.

Ключевые слова: Выборгская губернская тюрьма, пенитенциарная система, тюремная индустрия, содержание осужденных, Российская империя, скандинавская пенитенциарная доктрина, следственный изолятор, исправительное учреждение.

Tonkov Evgenii Nikandrovich,

---

⁶¹⁴ РГАДА Ф. 210. Оп. 12. Стб. 83. Лл. 800.

Associate Professor of the Department
of Jurisprudence of the North-West Institute of Management
(Branch of RANEPА),
Lecturer of the Saint Petersburg State University,
barrister, Ph.D. in Law (Candidate of Legal Sciences)

History of the Vyborg prison

Abstract: the construction of the Vyborg provincial prison at the end of the XIX century was influenced by the Scandinavian type of penitentiary thinking, which is distinguished, among other things, by the emphasis on a reasonable proportion between the social and punitive functions of the state. The experience of the Scandinavian countries used by the architects of the penitentiary system of the Russian Empire requires thorough research in modern Russian jurisprudence.

Keywords: Vyborg provincial prison, penitentiary system, prison industry, maintenance of convicts, Russian Empire, scandinavian penitentiary doctrine, pre-trial detention center, correctional institution.

Тюрьма – слово в каждом языке собирательное, в широком смысле – это место, где человека помимо его воли лишают свободы, в профессиональном значении – это один из видов режима содержания осужденных к лишению свободы. Любое место заключения является своеобразным микромиром, отличным от других ему подобных, и в то же время каждая тюрьма повторяет развитие всей пенитенциарной системы в целом.

Сегодня исследователи столкнулись с самовоспроизводящейся стратой профессиональной преступности, демонстрирующей в определенные периоды рост и усиление влияния на социумы. Финансовые ресурсы государств, решения и действия правительств бессильны ликвидировать преступность, человечество научилось использовать пенитенциарные возможности для функционирования тюремной индустрии⁶¹⁵. Пенитенциарная система и сопутствующие ей сферы бизнеса, став одним из оплотов государства, превратилась в самодостаточную, самовоспроизводящуюся и саморегулирующуюся систему.

---

⁶¹⁵ См.: Тонков Е. Н. Тюремная индустрия // Энциклопедия пенитенциарного права / под общ. ред. Р. А. Ромашова. Самара: СЮИ ФСИН России, 2013. С. 23–26; Тонков Е. Н. Структура тюремной индустрии // Энциклопедия пенитенциарного права / под общ. ред. Р. А. Ромашова. Самара: СЮИ ФСИН России, 2013. С. 26–28.

В истории последних десятилетий XX в. общество всерьез поставило государству задачу современной качественной защиты от преступности и насилия. Политики, спекулирующие на обещаниях защитить общество от этих явлений, приняли коллективное участие в формировании важного заблуждения, выражающегося в том, что якобы забота о жертве исключает одновременную заботу о преступнике. Оказалось, что государству экономически и политически в настоящее время удобнее эксплуатировать проверенный временем институт массового заключения, несмотря на то, что существуют иные, более эффективные и современные формы воздействия.

На современном этапе развития пенитенциарного права настало время исследовать исторические закономерности формирования уголовно-исполнительного правопорядка с целью поиска направлений для оптимизации функционирования системы. В этом дискурсе недостаточно исследованным является период, связанный с философским, архитектурным и культурологическим влиянием скандинавского типа пенитенциарного мышления на организацию тюремного ведомства в конце XIX в.

Скандинавские страны в силу культивирования модели «государства всеобщего благосостояния» и социально ориентированной правовой политики много времени и средств уделяли ресоциализации заключенных, что со временем привело к оптимизации размеров наказания. Количество осужденных на 100 000 населения (по данным Международного центра тюремных исследований ICPS на май 2021 г.) в Финляндии составляет 53, в Швеции и Дании – 68, в Норвегии – 49, в Исландии – 33, а в США – 629, в Туркменистане – 576, в Белоруссии – 345, в России – 322.

В исторической перспективе можно сделать вывод о скандинавском подходе к интерпретации права как социо-психологического феномена, в конечном счете укорененного в государственной монополизации силы⁶¹⁶. При этом общей тенденцией скандинавских стран является сведение к минимуму «ощутимой потребности в причинении боли с целью социального контроля» и соблюдение следующих принципов в пенитенциарной доктрине: тюрьма как индустрия; вовлеченность осужденного в социум; максимально быстрое правосудие и минимально короткие сроки лишения свободы при контроле и посредничестве общества; прозрачность правоохранительной, судебной и тюремной систем;

⁶¹⁶ См.: Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб.: Алетейя, 2022. С. 164–165. (Pax Britannica).

разумная пропорция между социальными и карательными функциями государства и др.⁶¹⁷

Пенитенциарная культура имманентна общему укладу жизни конкретного государства в данный исторический момент⁶¹⁸. Здесь следует обратить особое внимание на успешную имплементацию скандинавского пенитенциарного опыта в тюремную систему Российской империи. Только специалисты знают, что проект одиночной тюрьмы «Кресты», разработанный и реализованный талантливым архитектором Антонием Иосифовичем Томишко в период с 1884 г. по 1890 г., принципиально был разработан в Швеции, адаптирован для России в ходе постройки тюремных зданий в Хельсинки и Выборге, а затем увеличен в размерах для нужд столицы Российской империи. Следует отметить, что строительство тюрьмы аналогичной конструкции в Хельсинки было начато в 1874 г. и закончено в 1881 г. Это знание не преуменьшает заслуги российского архитектора, но свидетельствует о великой способности постигать полезный опыт других стран.

Более исследованным примером скандинавского влияния стала Выборгская губернская тюрьма, построенная во времена царствования Александра III, когда Великое Княжество Финляндское являлось частью Российской империи, но с 1860 г. имело собственную денежную единицу – финляндскую марку, с 1861 г. – собственный Сейм (парламент), а с 1878 г. – даже собственную армию⁶¹⁹.

К началу строительства Выборгской губернской тюрьмы (решение о нем было принято в 1871 г., завершение строительства состоялось в 1884 г.) в России уже были успешно изучены определенные элементы пенитенциарной системы зарубежных стран. Так, продолжительным стимулом развития пенитенциарной науки стал процесс создания и введения в действие свода законов Российской империи, который был объявлен Манифестом Николая I в 1833 г. Ознакомление с зарубежными практиками, активное обсуждение дискурсивной проблематики в научных и правоприменительных кругах способствовало выработке новых

⁶¹⁷ См. подробнее: Тонков Е. Н. Пенитенциарная доктрина стран Скандинавии // Энциклопедия пенитенциарного права. С. 297–301; Тонков Е. Н. Пенитенциарная система Финляндии // Энциклопедия пенитенциарного права. С. 301–303.

⁶¹⁸ См.: Тонков Е. Н. Пенитенциарная система как элемент правовой культуры государства // Вестник Самарского юридического института. 2012. № 3 (8). С. 85.

⁶¹⁹ См.: Тонков Е. Н. Истории одной тюрьмы. СПб.: Издательство «Лема», 2006. С. 222–223.

юридических конструкций, унифицировало юридическую терминологию⁶²⁰.

Последовавшая затем комплексная реформа судоустройства и судопроизводства включала в том числе «Устав уголовного судопроизводства», «Учреждение судебных установлений», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», «Изменения судопроизводства в старых судебных местах». 20 ноября 1864 г. Александром II был подписан Указ Правительствующему сенату о введении в действие нормативных актов, гуманизовавших правопорядок: суд стал гласным и открытым, с состязательным процессом, стороны получили равные права на представление и опровержение доказательств, судебное следствие было отделено от полицейского, созданы институты присяжных заседателей, присяжных поверенных (адвокатов) и т.д.

Изменения принципов уголовной политики государства повлекло обновление пенитенциарной системы. Разработка и строительство новых видов учреждений становится вопросом первостепенной важности. Изменяются представления о целях наказания: заключенный в период отбывания срока может привлекаться к труду, но должен возвратиться на свободу физически и психически здоровым, чтобы стать полезным членом общества. Необходимо было сократить применение казней, телесных и позорных наказаний, заменив их лишением свободы. Эти меры требовали реформирования уголовно-исполнительного законодательства и нового подхода к строительству и эксплуатации тюрем.

В связи с этим история Выборгской губернской тюрьмы стала примером успешного сплава российских и скандинавских традиций пенитенциарного права. С момента ввода в эксплуатацию в апреле 1884 г. нового здания Выборгской губернской тюрьмы она зарекомендовала себя как пенитенциарное учреждение скандинавского типа, расположенное на территории Российской империи. После обретения Финляндией в 1917 г. независимости деятельность тюрьмы продолжилась в соответствии с профилем до 1939 г.

28 ноября 1939 г. СССР денонсировал пакт о ненападении с Финляндией, дипломатические отношения между странами были разорваны, 30 ноября начались военные действия. С 03 декабря 1939

---

⁶²⁰ См.: Тонков Е. Н. Опыт толкования закона в России: формирование концепции // Тонков Е. Н. Толкование закона в Англии. СПб.: Алетейя, 2013. С. 227–245. (Pax Britannica).

г. по 27 февраля 1940 г. произведена эвакуация заключенных, сотрудников и имущества в пенитенциарное учреждение Коннунсуо, действующее по настоящее время.

12 марта 1940 г. был подписан мирный договор, но вследствие бомбардировок здание тюрьмы оказалось значительно поврежденным. 17 мая 1940 г. Выборгская губернская тюрьма была юридически ликвидирована, однако ее пенитенциарная жизнь вскоре продолжилась.

22 июня 1941 г. гитлеровские войска напали на Советский Союз, 29 августа Выборг был захвачен финляндскими войсками, выступившими на стороне Германии. 01 сентября 1941 г. департамент по вопросам содержания заключенных издал приказ составить проект о возобновлении деятельности учреждения под началом центральной тюрьмы Коннунсуо. Уже весной 1942 г. Выборгскую губернскую тюрьму снова стали использовать по назначению, однако 20 июня 1944 г. в Выборг вошли советские войска.

В короткий период Зимней войны и начала Великой Отечественной войны в здании размещалась Выборгская тюрьма № 4 НКВД Карело-Финской ССР. После освобождения Выборга и очередного ремонта в здании располагалась тюрьма № 7 УМВД ЛО, тюрьма № 3 УВД и следственное отделение тюрьмы № 2 ОМЗ УВД. Сведения об организационной структуре тех лет носят разрозненный характер и требуют историографического уточнения.

С 01 января 1960 г. в здании организована мужская промышленно-трудовая колония № 10 УМЗ УООП Леноблгорисполкомов общего режима (условное наименование п/я УС-20/10). Были построены мастерские – столярная, сапожная и др. – для трудоустройства заключенных, заключены договоры с промышленными предприятиями о предоставлении заключенных на их объекты, в том числе с Выборгским карьероуправлением, производящим добычу и обработку гранита. В 1965–1966 гг. построена швейная фабрика для пошива постельного белья и других изделий.

С 01 января 1969 г. мужская колония общего режима была реорганизована в женскую колонию общего режима для содержания неоднократно судимых женщин. Долгое время в застенках одновременно пребывали оба гендера, что скрашивало заключение и тем, и другим, но доставляло дополнительное беспокойство охранникам.

В 1975–1976 гг. построена общеобразовательная школа и профессионально-техническое училище.

В 1981 г. женская колония ликвидирована, на ее базе с 01 января 1982 г. организован следственный изолятор № 3 УИТУ ГУВД Леноблгорисполкомов с лимитом наполнения 1050 мест.

С 01 августа 1998 г. СИЗО переходит из подчинения МВД РФ в Министерство юстиции РФ, а с 2004 г. становится структурным подразделением ФСИН России.

На сегодняшний день лимит наполнения ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области составляет 554 человека, в нем содержатся мужчины, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

УДК 34.08

Шамсунов Салих Хабибович,
главный научный сотрудник НИЦ-1
ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: shamsunov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1194-6905

**Становление и развитие общероссийского ветеранского движения
уголовно-исполнительской системы: место и роль ветеранских
организаций в патриотическом воспитании молодых сотрудников**

Аннотация. В статье рассматриваются цели и этапы возникновения общественных формирований ветеранов органов и учреждений исполнения наказаний и зарубежных стран. Акцентируется внимание на одном из основных направлений деятельности ветеранских организаций – патриотическом воспитании молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы. Приводятся примеры из практики деятельности в современных условиях.

Ключевые слова: Ветеран, ветеранская организация, органы и учреждения исполнения наказания, патриотическое воспитание.

Shamsunov Salih Khabibovich
Chief Researcher, Research Center-1
FKU Research Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia,
Doctor of Law, Professor

Formation and development of the all-Russian veteran movement of the penitentiary system: the place and role of veteran organizations in the patriotic education of young employees

Annotation. The article discusses the goals and stages of the emergence of public formations of veterans of bodies and institutions for the execution of punishments and foreign countries. Attention is focused on one of the main activities of veteran organizations - the patriotic education of young employees of the penitentiary system. Examples from the practice of activity in modern conditions are given.

Keywords: Veteran, veteran organization, bodies and institutions for the execution of punishment, patriotic education.

Понятия «ветеран», «ветеранство» имеют глубокие исторические корни и традиции. Слово «ветеран» латинского происхождения *veteranus* — старый солдат, ветеран⁶²¹. В Древнем Риме к этой категории относились, в первую очередь, заслуженные воины, солдаты, отслужившие в армии не менее 20-ти лет, которые передавали свой ратный опыт молодым воинам. Не случайно римские легионеры считались лучшей армией Древнего мира.

В российском обществе также с почтением и уважением относились к людям старшего поколения, которые передавали молодым не только профессиональный, но и жизненно важный социальный опыт.

Институт ветеранства в России первоначально был связан с армией. В XVIII-XIX вв. ветераны боевых кампаний награждались за службу земельными пожалованиями. Для инвалидов на средства казны и благотворителей создавались инвалидные дома для раненых воинов.

Ветераны гражданского и военного ведомства дворянского, купеческого и духовного звания активно работали в попечительских советах учебных заведений, зачастую возглавляя их.

Заметной была общественная деятельность ветеранов в деле пожертвования и сбора средств детским приютам, домам трудолюбия.

В дореволюционной России не было организованного движения ветеранов и ветеранских организаций. Лишь после Октябрьской революции ветеранское движение начинает приобретать организованные формы. Важным этапом становится 1986 г., когда была создана Всесоюзная организация ветеранов войны и труда и ее

---

⁶²¹ Русский Викисловарь. <https://ru.wiktionary.org/wiki> (дата обращения 7.02.2023)

региональные отделения — областные, краевые и республиканские советы ветеранов.

В СССР и Российской Федерации до 1998 года уголовно-исполнительная система функционировала в системе органов внутренних дел. Ветераны, проходившие службу в учреждениях и органах, исполняющих наказания, вступали в ветеранские организации органов внутренних дел, созданных приказом МВД РСФСР в июне 1962 г.

Ветеранское движение уголовно-исполнительной системы, берет свое начало с 1 ноября 1984 года, когда приказом МВД СССР № 529 в составе Совета ветеранов МВД СССР была создана Секция ветеранов войны и труда ГУИТУ МВД СССР. Председателем секции ветеранов был избран генерал-майор внутренней службы в отставке Кузнецов Федор Трофимович, который впоследствии возглавил ветеранскую организацию Главка.

В 1985 году создана ветеранская организация ГУЛИТУ МВД СССР, которую возглавил генерал-майор внутренней службы в отставке Гудков Виктор Петрович.

В 1998 году на основании Указа Президента Российской Федерации № 904 ГУИН МВД России передано в ведение Минюста России, а в 2004 году была создана Федеральная служба исполнения наказаний. Указанные события послужили предпосылкой для создания самостоятельной ветеранской организации УИС.

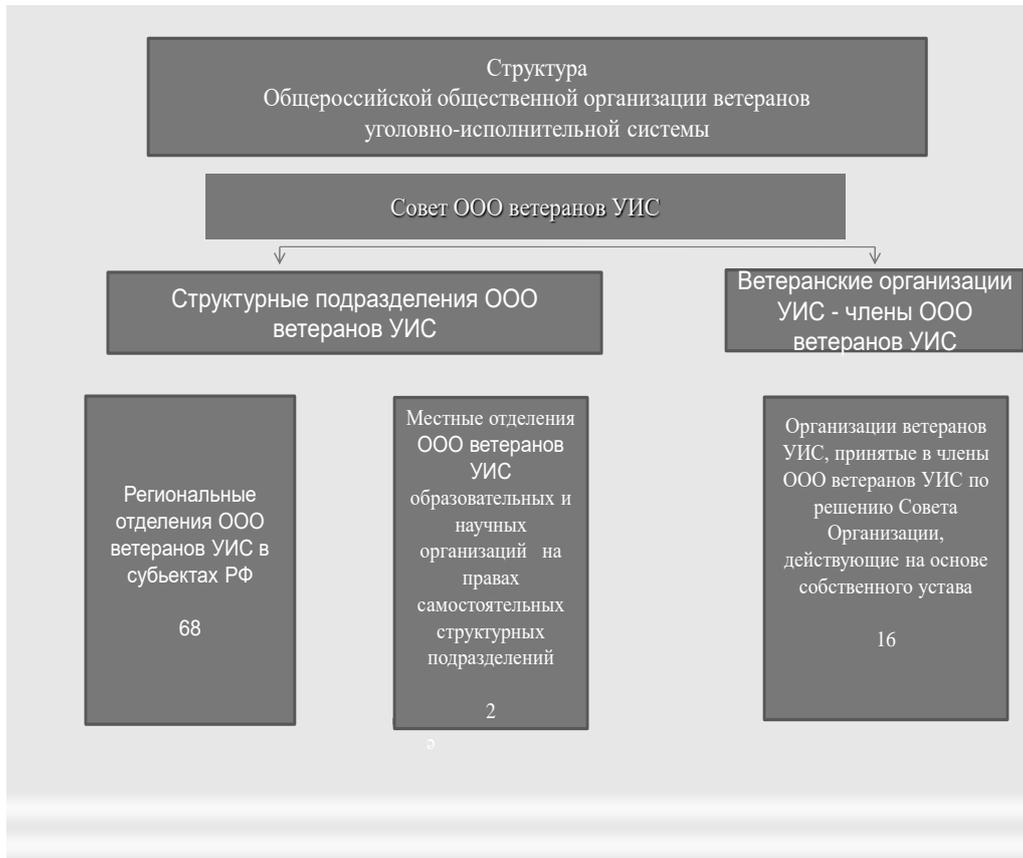
По инициативе ветеранской организации центрального аппарата в апреле 2006 года состоялась встреча руководителей ветеранских организаций ряда республик, краев и областей с руководством ФСИН России. По итогам встречи принято решение о создании Общероссийской общественной организации ветеранов УИС, которое было реализовано на учредительной конференции 16 ноября 2006 года⁶²².

Возглавил Общероссийское ветеранское движение генерал-майор внутренней службы в отставке Кременецкий Владимир Николаевич, председатель Совета ветеранов центрального аппарата УИС. В состав Общероссийской ветеранской организации вошли 82 первичные организации с численностью свыше 74 тысяч человек.

В настоящее время Общероссийская общественная организация ветеранов УИС насчитывает свыше 100 тысяч человек: из них пенсионеров УИС и МВД — 82196 чел., инвалиды (1, 2, 3 группы) — 9932 чел., работающие сотрудники УИС — 7918 чел.

⁶²² Сборник материалов Российской учредительной конференции ветеранов ФСИН России 15 – 16 ноября 2006 г. ФГУ НИИИиПТ ФСИН России, Тверь.

Структура Общероссийской ветеранской организации УИС представлена следующим образом.

Цели и предмет деятельности организации регулируются федеральными законами «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ, «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ, Гражданским кодексом Российской Федерации 30.11.1994 года № 51-ФЗ. Общероссийская ветеранская организация УИС осуществляет свою деятельность в соответствии своим Уставом, последняя редакция которого принята на внеочередной конференции организации 25 мая 2022 г.

Одним из основных направлений уставной деятельности ООО ветеранов УИС является участие ветеранов, пенсионеров в патриотическом, духовно-нравственном воспитании молодых сотрудников, обучение личного состава безупречному исполнению ими служебного долга, лучшим традициям в труде и служении Отечеству⁶²³. В минувшем году около 30 тыс. ветеранов приняли

⁶²³ Устав Общероссийской общественной организации ветеранов уголовно-исполнительной системы. М. 2022. Академия права и управления ФСИН России, С. 4

участие в решении служебных задач и общественной жизни коллективов учреждений УИС, в патриотической, наставнической и шефской работе с молодежью. Формы и методы данного направления деятельности региональных ветеранских организаций разносторонне. Тем не менее, они имеют важное значение для сохранения исторической памяти, формирования у молодого поколения активной жизненной позиции, личностных качеств гражданина и патриота, уважительного отношения к памяти погибших при защите Отечества или его интересов, умения нести ответственность за будущее своего Отечества, уважения к культурному наследию. Остановимся на некоторых характерных практиках деятельности ветеранских организаций в этом направлении.

В год 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне яркие, запоминающиеся акции патриотической направленности прошли во всех региональных ветеранских отделениях УИС и образовательных организациях ФСИН России. В целях увековечивания памяти о ветеранах ВОВ, ветеранах УИС, внесших большой вклад в развитие уголовно-исполнительной системы, открыты десятки памятных досок, на деньги грантов и благотворительных пожертвований, реконструированы или сооружены мемориальные комплексы, изданы десятки книг воспоминаний и памяти, изданы художественные произведения.

В Свердловской области ветераны совместно с молодыми сотрудниками УИС активно участвовали в патриотических акциях «Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка», «Свеча памяти», «День памяти и скорби», «Долгое эхо войны». На площадках комнат истории и исторических экспозиций учреждений УИС области, в аудиториях средних, специальных и высших учебных заведений проводились историко-патриотические мероприятия для учащихся и студенческой молодежи уральского региона. Ветеранским активом только в стенах исторической экспозиции учреждений уголовно-исполнительной системы области «Наследие» было проведено 57 экскурсий для учащихся, которые посетили 788 человек.

Большого внимания и высокой оценки заслуживает опыт регионального отделения ООО ветеранов УИС по Республике Татарстан.

В результате инициативной работы и эффективного взаимодействия Совета ветеранов отделения с Администрацией президента Республики ветеранская организация УИС республики ежегодно получает благотворительную помощь из средств бюджета республики. Средства были направлены на возведение мемориального

комплекса, где на 14 гранитных плитах выгравированы фамилии 1105 ветеранов Великой Отечественной войны.

За счет средств благотворительных пожертвований была построена детская площадка для детей сотрудников ФКУ ИК-3 Пестриченского района Республики Татарстан, осуществлена реконструкция территории мемориального комплекса, посвященного памяти ветеранам Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, проходившим службу в учреждении.

В течение многих лет активно работает над получением различных грантов для реализации социально значимых проектов Региональное отделение ООО ветеранов по Омской области. Только 2019 году для нужд ветеранов УИС области получено 634 тыс. рублей, в том числе 100,5 тыс. рублей субсидий от правительства области. За счет этих средств, в том числе, Советом ветеранов отделения была проведена детская военно-патриотическая игра «Юный страж закона» для учащихся 16 школ Таврического района области, посвящённая памяти участника Великой Отечественной войны, начальника уголовно-исполнительной инспекции района, подполковника внутренней службы в отставке Куделькиной Л.Н.

В учреждениях УИС Алтайского края открыты «Аллеи памяти» ветеранов Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, памятные доски ветеранам. С участием ветеранов в торжественной обстановке проводились мероприятия по приведению к присяге молодых сотрудников учреждений УИС. Традиционно ветераны УИС Алтайского края участвовали в патриотической работе среди учащихся лицеев, школ, кадетского корпуса г. Новоалтайска.

В октябре 2020 г. ветеранами ГУФСИН по Пермскому краю под председательством В.И. Злобина организован выезд в Санкт-Петербург для участия в торжественной церемонии открытия знака в память погибшим в годы ВОВ воинам 21-й Пермской Краснознаменной стрелковой дивизии в составе ветеранского движения Прикамья. На протяжении более 10 лет ветераны УИС края совместно с сотрудниками пенитенциарных учреждений продолжают поисковую работу, в результате которой в истекшем году обновлены и уточнены списки сотрудников УИС края, погибших в ВОВ 1941-1945 гг. Над двумя воинскими захоронениями, где покоится прах 174 бойцов Красной Армии, установлено шефство ГУФСИН и Совета ветеранов УИС Пермского края.

Заслуживает опыт ветеранской организации УИС по Омской области, которая в 2021 году осуществлялась по трем социально значимым проектам и финансировалась за счет средств из бюджетов

Омской области, благотворительной помощи банков ВТБ и «Сбербанк» на сумму 1465 тыс. руб. В рамках указанных средств финансовую поддержку получили следующие гуманитарные инициативы региональной ветеранской организации:

1. В целях повышения эффективности нравственного, эстетического и патриотического воспитания детей работников УИС в детском оздоровительном лагере «Зарница» состоялась военно-патриотическая игра «Юный страж закона». Целью данного социального проекта являлось духовное и нравственное воспитание подрастающего поколения, развитие и популяризация военно-прикладных видов спорта и здорового образа жизни. В игре приняли участие 8 команд, состоящих из детей сотрудников региональных управлений ФСИН, МВД, ФССП, МЧС, ФСБ России.

В соревновательную программу «Юного стража закона» вошли строевая подготовка, скалодром, полоса препятствий, оказание первой медицинской помощи, пожарно-спасательный конкурсы. Каждый участник игры получил грамоту за участие. Всем командам был вручен сладкий приз. На реализацию указанного проекта израсходовано 300.0 тыс. руб.;

2. В 2021 году издан 3-й том Книги памяти «Работники УИС Омской области – участники Великой Отечественной войны и труженики тыла». Презентация издания состоялась в Омском «Региональном центре по связям с общественностью». На мероприятие были приглашены ветераны УИС Омской области, представители духовенства, культуры и общественности региона. Издание книги стало возможным благодаря получению гранта Министерства региональной политики и массовых коммуникаций Омской области, при поддержке Правительства Омской области и Фонда президентских грантов в сумме около 260 тыс. рублей;

3. Была проведена значительная работа по реконструкции постоянно действующей экспозиции музея УИС Омской области. Благотворительная помощь на проведение указанных работ получена от банка ВТБ в сумме 540 тыс. руб. Кроме этого РО ООО ветеранов УИС по Омской области осуществлялась благотворительная помощь 21 труженнику тыла - 173 тыс. рублей, оказание финансовой помощи 941 ветерану на сумму 1349,6 тыс. руб.

Заслуживает внимания деятельность РОО ветеранов УИС по Ростовской области патриотическому воспитанию молодых сотрудников УИС. Ветераны области провели в 2022 году акцию «Я – патриот своей страны!» Цель акции - формирование патриотических качеств и чувств сопричастности к истории Отечества,

совершенствование патриотического и духовно-нравственного воспитания работников УИС и членов их семей. Акция проводилась в рамках празднования 77-й годовщины Победы советского народа в ВОВ 1941-1945 годов. В этой акции приняли участие более 70 сотрудников различных правоохранительных ведомств, государственных органов, культурных, образовательных и медицинских организаций Ростовской области, а также сотрудники и члены их семей из территориальных органов УИС по Астраханской, Волгоградской областей, Республики Крым и г. Севастополя;

В Академии права и управления ФСИН России для оказания помощи ветеранам созданы и успешно работают отряды курсантов-волонтеров. Ежегодно в преддверии государственных праздников силами волонтеров приводятся в порядок захоронения ветеранов УИС - сотрудников Академии. В рамках работы по патриотическому и нравственному воспитанию молодежи проводятся вечера «Вахта памяти». Ветераны данного учебного заведения оказывают помощь в подготовке парадных расчетов курсантов для участия в ежегодном конкурсе «Песня в солдатском строю».

УДК 343.197

Шкаревский Денис Николаевич,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Сургутский государственный университет,
доцент, кандидат исторических наук
shkarden@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-0981-4791

О причинах формирования органов лагерной юстиции в 1930-е годы

Аннотация: в статье проводится анализ причин создания органов лагерной юстиции. По мнению автора, их формированию способствовал комплекс как объективных, так и субъективных факторов.

Ключевые слова: советская юстиция, специальная юстиция, лагерные суды, лагерная юстиция, пенитенциарная юстиция.

Shkarevsky Denis Nikolaevich,
Associate Professor
of the Department of Criminal Law and Procedure,

Surgut State University,
Associate Professor, Ph.D.

On the reasons for the formation of camp justice in the 1930s

Abstract: the article analysis of the reasons for the creation of camp justice bodies is carried out. According to the author, a complex of both objective and subjective factors contributed to their formation.

Keywords: soviet justice, special justice, camp courts, camp justice, penitentiary justice.

Скрупулезный анализ причин возникновения органов лагерной юстиции в СССР исследователями не проводился. Иванова Г. М. указывает на формирование ГУЛАГа в СССР как «государства в государстве» и с этим связывает появление лагерных судов в системе органов советской юстиции⁶²⁴. Козинцев А. Я. отмечает, что «большое количество заключенных в империи ГУЛАГа периодически стимулировало правоохранительные органы на создание тех или иных лагерных судов»⁶²⁵. В работе Д. Н. Шкаревского лишь выделены основные причины⁶²⁶.

Следует отметить, что при их анализе Г. М. Иванова и А. Я. Козинцев не обратили внимание на обстановку в местах заключения. Так, председатель Спецколлегии Верховного суда РСФСР Я. Кронберг в октябре 1935 г. докладывал председателю Верховного суда СССР А. Винокурову о вопиющих фактах имевших место в местах заключения. «1. В феврале – мае с.г. в Сибирском ИТЛ НКВД среди отбывающих наказание заключенных организовалась женская бандитская группа, в которую входили: Позднишева, Ваулина, Фатеева, Плеханова, Иванова, Ворошилова и Поздняк. Деятельность этой банд-группы осуществлялась так: только в барак прибывали новые лица, из них намечалась жертва, имеющая более или менее ценные вещи. Ночью выключали свет и жертву грабили. Если оказывалось сопротивление, или подымался крик, жертва избивалась, так как грабители подходили к ней вооруженными. К жертве подходило несколько человек: одни держали, остальные грабили. Все

⁶²⁴ Иванова Г. М. Лагерная юстиция в СССР. 1944–1954 // Труды Института российской истории. Вып. 5. М., 2005. С. 288.

⁶²⁵ Козинцев А. Я. Лагерная юстиция в СССР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 2. С. 41.

⁶²⁶ Шкаревский Д. Н. Органы советской пенитенциарной (лагерной) юстиции (1930-е – 1950-е гг.) // Государство и право. 2022. № 11. С. 174–181.

награбленное немедленно передавалось в соседний женский барак («к мамкам») откуда и реализовывалось. Когда после грабежа в бараках появлялась лагерная администрация, в бараке подымался крик, женщины вооружались ножами, палками, поленьями, топорами, мисками и били окна, угрожали убить – кто осмелится произвести обыск, или кого-либо арестовать.

Банда учиняла расправу, вооруженная ножами, и в других бараках – рабочем коллективе.

12.Ш. Фатеева, Пластинова, Ваулина, Поздняк – будучи вызваны к начальнику в кабинет, явились вооруженные ножами.

В феврале Поздняк, вооруженная топором, набросилась на начальника колонии Квитко.

В марте Ворошилова набросилась на оперативного работника Гурьева, искусала ему руки.

2.V. Позднишева вооружилась топором, совершила налет на старосту 4 барака Григорьеву, зарубила ее и забрала ее вещи. ...

2. Такая же банд-группа организована была из заключенных мужчин в Караганд-лагере, в которую входили Остролуцкий, Аджигитов, Жаров, Шмелев, Шелбаш, Магометов, Майстренко, Гулянцев и Титов.

В командировку Караганд-лагеря № 3 Управлением лагерей была направлена из штрафного изолятора партия заключенных в числе 53 человека, преимущественно из категории рецидивистов.

С первых же дней работы обнаружилось резкое падение производительности труда, массовый невыход на работу. Из группы «рецидив» выделялась группа обвиняемых по делу, которая организовала отобрание денег и вещей у заключенных с избиением последних, не выходила на работу, занимаясь картежной игрой. В ночное время устраивались «концерты», сопровождавшиеся помазанием лиц сажей, танцами до изнеможения, пением голосами животных, кувырканием через головы, публичным сосанием половых членов («минует»).

В последнем факте застрельщиком были Остролуцкий и Шмелев. Остальные в момент этих концертов изображали из себя милиционеров, не подчиняющихся били палками, загоняли под нары. Под видом фокусов жертв кололи иглой.

Такому издевательству особенно подвергались заключенные из бывших рабочих, крестьян и служащих. ...»⁶²⁷.

Данный документ отражает не только наличие достаточно высокого уровня преступности в местах заключения, но и бессилие

⁶²⁷ ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 7. Л. 4об.-8об.

администрации в борьбе с ним. Дисциплинарные и внесудебные методы воздействия, что называется «не работали». Поэтому в местах заключения имели место многочисленные случаи проявления жестокости со стороны администрации. Так, после прокурорской проверки в течение 1931 г. из адмсостава Сиблага ОГПУ было привлечено к уголовной ответственности 140 чел., часть из которых расстреляли за бессудные убийства заключенных, «сажание в воду при 40–50° мороза, подогревание на горячей печке, привязывание к столбу»⁶²⁸.

Отмечу, что администрацию лагерей зачастую устраивало сложившееся положение. Яков Берман в 1933 г. отмечал: «сотрудники [лагерей] срослись с преступным элементом, систематически пьянствовали, брали взятки за незаконное прекращение дел о преступлениях, расхищали вещ. доказательства, устраивали оргии с з/к женщинами, всячески поощряя среди них проституцию, установлены случаи изнасилования з/к женщин, снабжения уголовников оружием ..., имели связь с шпионским элементом, расшифровывали агентуру и т.д. и т.п.»⁶²⁹.

Необходимо отметить, что в 1930-е годы места заключения превращаются в один из значимых секторов экономики страны и должны были достигать соответствующих плановых показателей. Описанная выше обстановка в лагерях могла сорвать их выполнение. Вероятно, поэтому руководство страны пришло к мысли пойти по пути организации автономных органов юстиции, которые на местах могли бы оперативно проводить образцово-показательные судебные процессы. Таким образом, они должны были выполнять не только карательные, но и превентивные функции, т.е. способствовать предотвращению совершения преступлений.

К тому же И. Сталину и В. Молотову регулярно сообщались примеры вольготного проживания в местах заключения осужденных за контрреволюционные преступления. Например, в марте 1937 г. А. Вышинский приводил следующие примеры: «В Красноярском крае к целому ряду заключенных на длительные сроки лишения свободы за контрреволюционные преступления применяются не предусмотренные законом льготы, причем некоторые из этих заключенных оставляются на работе в хозяйственных организациях НКВД. Целая группа таких заключенных проживает на частных квартирах: Соловьев, осужденный по ст. 58-6 (шпионаж) и по ст. 58-7

⁶²⁸ Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. С. 88.

⁶²⁹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3. Л. 51-52.

(вредительство) к 10 г. лишения свободы, живет на ул. Маркса в доме № 106. ...»⁶³⁰.

Таким образом, у руководства страны сформировалось представление о том, что в лагерях НКВД отсутствует порядок, имеют место признаки проявления коррупции. Поэтому можно предположить, что органы лагерной юстиции создавались не только для исправления сложившейся ситуации в лагерях, но в качестве дополнительного канала получения информации о состоянии дел в местах заключения.

Следует отметить, что власти периодически проводили так называемые мероприятия по разгрузке мест заключения, амнистии. Реализация этих мероприятий возлагалась на органы суда и прокуратуры.

Отмечу, что в руководстве страны (записка Н. Ежова И. Сталину от 08.04.1937 г.) обсуждались идеи о создании юридического механизма, который не позволял бы освобождать из мест заключения тех, кто «не встал на путь исправления». Ключевую роль в этом должны были сыграть лагерные суды или тройки НКВД⁶³¹.

Еще одна причина организации автономных органов юстиции в лагерях состоит в подконтрольности народных судов местным органам власти. В 1930-е годы нередкими были примеры вмешательства районных властей в дела народных судов. В марте 1937 г. Народный комиссариат юстиции СССР (НКЮ) даже издал циркуляр, в котором отмечалось: «Секретари райкомов вызывают к себе судей, и дают им указания: какой вынести приговор или решение по делу. Иногда райкомы запрещают приводить вынесенные уже приговора в исполнение. Отмечается также явное нарушение советской демократии в виде снятия народных судей постановлениями райкомов партии»⁶³².

Таким образом, можно выделить ряд причин (факторов) формирования органов лагерной юстиции:

- 1) высокая численность спецконтингента;
- 2) слабость администрации в местах заключения, что создавало угрозу выполнению экономических планов;
- 3) стремление руководства страны иметь дополнительный канал получения информации о ситуации в местах заключения;
- 4) необходимость оперативного рассмотрения дел в этих местах;

⁶³⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 887. Л. 11.

⁶³¹ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 50.

⁶³² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 2 Л. 40.

5) исключение или минимизация влияния местного руководства на принимаемые решения органами лагерной юстиции.

УДК 61; 930.1

Шубочкина Евгения Ивановна,
ведущий специалист
НИИ гигиены и охраны
здоровья детей и подростков
ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» МЗ РФ,
доктор медицинских наук,
e-mail: evshub@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3557-3867

Александрова Ирина Эрнстовна,
заведующий лабораторией
НИИ гигиены и охраны
здоровья детей и подростков
ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» МЗ РФ,
доктор медицинских наук,
e-mail: accialex@ya.ru
ORCID ID: 0000-0002-8664-1866

Курганский Александр Михайлович,
старший научный сотрудник
НИИ гигиены и охраны
здоровья детей и подростков
ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» МЗ РФ,
кандидат медицинских наук,
e-mail: kurgansk@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-7688-586X

К истории формирования системы медицинской помощи заключенным в Российской империи

Аннотация: в статье представлена деятельность государства, тюремных служителей и врачей, которая способствовала улучшению условий и медицинской помощи заключенным и ссыльно-каторжным. Это способствовало снижению инфекций, заболеваемости и смертности осужденных.

Ключевые слова: история, государственная политика, заключенные, ссыльно-каторжные, тюремные врачи, лечебная помощь.

Shubohkina Evgenyia Ivanovna

leading specialist
of the Research Institute of Hygiene and Health
of Children and Adolescents
«National Medical Research Center of Children's Health»
of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Ph.D., DSci.

Alexandrova Irina Ernstovna

laboratory manager
of the Research Institute of Hygiene and Health
of Children and Adolescents
«National Medical Research Center of Children's Health»
of the Ministry of Health of the Russian Federation
Ph.D., DSci.

Kurgansky Alexander Mikhailovich

senior researcher
of the Research Institute of Hygiene and Health
of Children and Adolescents
«National Medical Research Center of Children's Health»
of the Ministry of Health of the Russian Federation
Ph.D.

On the history of the Formation of medical care for prisoners in the Russian Empire

Abstract: the article presents the activities of the state, prison officials and doctors, which contributed to the improvement of conditions and medical care for prisoners and exiled convicts. This contributed to the reduction of infections, morbidity and mortality of convicts.

Keywords: history, state policy, prisoners, convicts in exile, prison doctors, medical care

В российской истории вторая половина XVIII в. по вопросам, касающимся организации тюремного дела, характеризуется тем, что в этот период была признана необходимость исправительного

воздействия на лиц, осужденных к лишению свободы. Это произошло благодаря императрице Екатерине II. По ее инициативе был создан известный «Наказ» и Проект «Устава о тюрьмах». Предполагалось, что тяжелые условия, в которых находились осужденные к тюремному заключению и каторжным работам, окажет сдерживающее влияние на население и уменьшит число заключенных. В то время осужденные (колодники, тюремные сидельцы) выводились на улицы за прошением подаяния ввиду нехватки средств для их питания. При этом не учитывалось милосердие русского народа, когда было принято подавать милостыню бедным людям и каторжникам на этапах. Интерес к тюремной проблеме у Екатерины II появился после работ тюремоведа англичанина Джона Говарда. Он был в плену у французов в 1755 г. и испытал все бедствия заключенных в тюрьме. Вернувшись на родину, он занялся изучением тюрем в разных странах и нашел их состояние крайне неудовлетворительным. Говард стал выступать за создание для арестантов более гуманных условий, чтобы они не потеряли человеческого облика. Поводом обратить внимание на тюрьмы послужило посещение Д. Говардом России. Екатерина II, желая в Россию привнести передовой тюремный опыт, пришла к мысли о необходимости создания «Устава о тюрьмах». В Проекте «Устава о тюрьмах» был учтен опыт организации тюрем в европейских странах: раздельное содержание преступников в зависимости от совершенного преступления, по полу и виду наказания. Были даны основные требования к управлению и устройству тюремных зданий и помещений. Тюрьмы должны были подчиняться специальным чиновникам – государственным надзирателям правосудия. Много внимания уделялось обустройству, санитарии и гигиене тюремных зданий. Тюрьма в губернском городе должна была состоять из трех подразделений: для приговоренных к смерти, пожизненному заключению, к каторге. Место для тюрем предписывалось выбирать «близ проточной воды» и «на вольном воздухе». В проекте требовалось обеспечение питанием заключенных, чтобы в камеры «пища в определенное время приносима была», чтобы «в студное время тюремные не претерпевали от стужи или в жару от духоты», чтобы имелась соответствующая по времени одежда. При этом неимущие питались бесплатно, а обеспеченные были обязаны содержать себя сами. Но этот проект так и не стал законом, т.к. императрица не решилась его утвердить. Это было связано с тем, что положение в российских местах лишения свободы в тот период было чрезвычайно плохим. Проект «Устава о тюрьмах» был практически невыполнимым, т.к. было необходимо строительство большого числа

тюрем с их оборудованием, расходами на содержание персонала, что требовало огромных финансовых затрат и отсутствовал необходимый государственный аппарат для реализации тюремных преобразований. Только во второй половине XIX в. государство предприняло вновь попытки реформирования тюремной системы⁶³³. Министерство внутренних дел в 1831 г. подготовило Инструкцию смотрителю тюремного (губернского) замка, которая рассылалась всем губернаторам царской России. Инструкция представляла собой выборку из Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей. В ней были изложены положения, регулирующие порядок приема людей в тюремный замок, их размещение, особенности содержания в зависимости от тяжести преступлений, пола, возраста и даже положения в обществе. Были включены правила обращения с имуществом, предметами, ценными бумагами, арестованных. Значительное место отведено санитарно-гигиеническим требованиям, предъявляемым к территории тюремного замка, помещениям проживания, арестантам, постельным принадлежностям, отправлению религиозных обрядов. Представлен правовой статус смотрителя тюремного замка, который являлся единоначальником, блюстителем внутреннего распорядка и отвечал за все перед своим начальством (губернатором, губернским прокурором, полицеймейстером). Он должен был обеспечить соблюдение чистоты, порядка, опрятности, тишины и предупреждение побегов. Прием арестантов в тюремный замок проводился всегда: в воскресные, праздничные и торжественные дни, днем и ночью. Арестант следовал от присутственного места в контору замка. В конторе тюремного замка его принимал смотритель замка, который записывал специальную книгу дату поступления, имя и фамилию арестанта, его приметы, откуда поступил и по какому преступлению, наличие собственных вещей. Доставленных в тюрьму освидетельствовал врач. Здоровые переодевались в арестантскую одежду и отводились в камеру по роду преступления. Больной арестант, «въ особенности подвергшійся заразительнымъ сыпямъ», отводился в больницу и сдавался больничному надзирателю. Были установлены требования о размещении принятых в тюремный замок по роду и тяжести их преступлений и не смешивались чиновники и обычные люди (чернь). Арестанты мужского и женского пола содержались отдельно. Несовершеннолетних также нужно было помещать отдельно, в

---

⁶³³ Упоров И. В. Тюремное дело в России второй половины XVIII в.: Концептуальные идеи и проекты. Современные тенденции развития науки и технологий. 2016 г. № 6-6. С. 24–28.

соответствии с полом. Если арестованный умирал в тюремном замке и оставлял завещание, оно предоставлялось губернскому прокурору, который направлял его адресату. Об оставшихся после умершего деньгах, вещах, платье смотритель докладывал губернскому прокурору «для поступления съ оными какъ слъдуетъ». Были подробно прописаны санитарно-гигиенические требования к содержанию камер и самих арестантов. Особо выделялось поддержание морально-психологического климата в среде заключенных. В документе были даны все правила поведения и соблюдения религиозных обрядов. Священник тюремного замка должен был отправлять богослужение по дням, обозначенным в Инструкции. Чтение духовных книг, обучение несовершеннолетних словесным наукам и письму определялись с согласия священника и смотрителя. Заключенным, содержащимся в тюремном замке, нередко требовалось лечение, поэтому там предусматривалось учреждение больницы с двумя отделениями – мужским и женским. Однако главным было размещение больных в каждом из отделений, исходя из вида болезни. Большое внимание было уделено регламенту работы больницы, взаимодействию врача и смотрителя тюремного замка. Больница снабжалась для больных особой одеждой, бельем, различными принадлежностями, необходимыми для лечения арестантов. Лекарственные препараты содержались в больничной аптеке, ее ревизию в любое время имел право проводить врач. Он готовил заявку на лекарственные препараты и предоставлял ее губернатору. Прием арестантами лекарств осуществлялся по указанию врача и под контролем фельдшера. Врач также прописывал определенную пищу и порции для больных. Для ухода за больными рекомендовалось использовать людей, не являвшихся арестантами⁶³⁴. Проект «Устава о тюрьмах», как указывалось выше, не был реализован и позже Екатерина II учредила во всех губерниях Приказы общественного призрения, остроги, тюрьмы и каторги. Одновременно были предприняты попытки организации финансирования содержания заключенных за счет казны. В 1879 г. в штате Главного тюремного управления (далее ГТУ) появилась должность инспектора по медицинской части для заведования санитарной частью в местах заключения и разработки необходимых мероприятий по гигиене. С расширением объема функций аппарата ГТУ и усложнением его задач организационная структура была усовершенствована. С 1912 г.

⁶³⁴ Шурухнов Н. Г. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 года: основное содержание, сущность, актуальность. Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4), № 4: С. 465–480.

лечением арестантов занималась хозяйственная часть наряду с ее другими обязанностями. Контроль за лечением больных, содержащихся под стражей, в соответствии со ст. 17 Устава врачебного издания 1905 г. был возложен на Губернские врачебные управления. В обязанности Губернского врачебного инспектора входило участие на правах директора в заседаниях губернского комитета Попечительного общества о тюрьмах. ГТУ по соглашению с Медицинским департаментом издало циркуляр (от 7 января 1889 г. № 12), по которому все вопросы назначения, перемещения или увольнения врачей и прочего медицинского персонала при исправительных арестантских отделениях, центральных каторжных и пересыльных тюрьмах, уголовных и следственных тюрьмах, должны были предоставляться губернаторами непосредственно в ГТУ. К врачам и фельдшерам тюремных больниц предъявлялись высокие требования. Старшими врачами тюремных больниц могли быть только доктора медицины и желательно те, кто занимал ранее должности городских и уездных врачей. Замещать должности фельдшеров можно только лицами, окончившими курсы в фельдшерских школах. Врач, состоящий при тюрьме, получал жалованье 200 руб. в год, что было в то время значительной суммой. В 1911 г. открытие больницы при каждой крупной тюрьме стало одним из главных направлений деятельности ГТУ при принятии плана строительства новых тюрем и переустройства существующих. К 1914 г. собственные больницы с необходимым числом коек были открыты в большинстве мест заключения. Также при необходимости арестантов могли лечить в обычных больницах Приказа общественного призрения, земских больницах или госпиталях военного ведомства, где для арестантов выделялся отдельный коридор с несколькими палатами. Авторы констатируют, что после тюремной реформы 1879 г. в Российской империи была упорядочена организация медицинской помощи лицам, находившихся в местах заключения. Для принятия мер к сохранению здоровья пересыльных арестантов ГТУ издавало специальные циркуляры. В соответствии с циркуляром от 11 июня 1885 г. «Об устройстве гражданских лазаретов на этапах главного ссыльного тракта Восточной Сибири» и циркуляром от 28 апреля 1887 г. «Об устройстве лазаретов и о лечении арестантов на баржах» при этапных зданиях и на баржах, перевозящих партии ссыльных по Волге, Каме и рекам Западной Сибири, были устроены лазареты⁶³⁵. Тем не менее, для

---

⁶³⁵ Спасенников Б. А., Пертли Л. Ф. Развитие медицинской помощи в тюремной системе России (конец XVIII – начало XX века). Бюллетень Национального

пенитенциарной системы XVIII–XIX вв. оставалось типичным совместное содержание больных заключенных, страдающих тяжелыми заболеваниями: туберкулез, тиф, цинга, холера. Не было необходимого количества тюремных больниц, что приводило к высокому уровню смертности среди заключенных. Была острая необходимость создания больниц для заключенных, страдающих психическими и иными тяжелыми заболеваниями⁶³⁶. Начало существования тюремных больниц было положено известным врачом-гуманистом немецкого происхождения Федором Петровичем Гаазом (Фридрих Йозеф Хааз), который всегда стремился облегчить участь заключенных. По его инициативе на территории России создавались специальные тюремные больницы⁶³⁷. В 1781 г. Екатерина II подписала указ о строительстве в губернских городах «рабочих и смиренных домов» и в 1788 году в г. Перми было завершено возведение комплекса, включающего больницу с изолированными палатами (мужской, женской, для венерических больных, для душевнобольных). Тяготы и лишение свободы арестантам всегда скрашивало участие и готовность прийти на помощь медицинских работников. Такими качествами с лихвой обладал Фёдор Христофорович Граль, родившийся в семье немецкого лютеранского пастора в Киеве, что сближает его с доктором Ф. П. Гаазом. Он отдал служению пермской медицине более 40 лет. Заключенные называли его только как «милостивец-благодетель наш Федор Христофорович». Сменились эпохи, шли годы. Наступили другие времена, но главным у медицинских работников оставалась и должна быть любовь к своей профессии и сострадание к пациентам, особенно имеющих страшные биографии. В период массовых репрессий в 1938 г. был осужден начальник лечебной группы клинической больницы в г. Киеве доктор А. А. Росновский. Он был сослан для отбывания наказания в г. Соликамск, где он остался исполнять обязанности начальника хирургического отделения лагеря осужденных. Затем он был начальником медсанчасти другого лагеря. Вел консультативную работу во всех лечебных учреждениях санотдела ИТЛ НКВД по Пермской области. Принимал активное участие в

научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2016. № 3. С. 104–116.

⁶³⁶ Алфимова О. А. К вопросу о состоянии и правовой регламентации тюремной медицины в пенитенциарных учреждениях России в XVIII–XIX вв. // Вестник Кузбасского института. 2022. № 1 (50). С. 152–158.

⁶³⁷ Кучма В. Р., Александрова И. Э., Шубочкина Е. И., Курганский А. М., Лобанов А. Ю. Ф. П. Гааз – святой доктор, великий гуманист и ученый (к 240-летию со дня рождения) // Российский педиатрический журнал. 2020. Т. 23. № 5. С. 342–347.

противоэпидемической работе, в ликвидации завезенного с этапом сыпного тифа в 1952 г. В 1950 г. выпускники Львовского мединститута супруги Дехтяруки были направлены на работу в систему ИТУ МВД СССР в Пермскую область, где проработали почти полвека. Молодым врачам пришлось лечить людей в необычных условиях. Вместо благодарности они нередко видели плохо скрываемое раздражение, озлобленные взгляды. Такое боевое крещение произошло в тот момент, когда в санитарную часть ворвался обливающийся кровью заключенный, которому в схватке нанесли глубокую резаную рану. Молодой хирург М. У. Дехтярук не растерялся. Он остановил кровотечение и вместе с прибывшим из города опытным хирургом ушил рану. За долгую профессиональную жизнь врачом были спасены сотни жизней⁶³⁸.

УДК 94(47).084.3

Филимонов Анатолий Васильевич,
 профессор кафедры отечественной и всеобщей истории
 ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»,
 кандидат исторических наук, профессор.
 e-mail: kafotist@pskgu.ru,
 ORCID ID: 000-0002-3958-1354

Организация концлагерей в Псковской губернии в начале 1920-х годов

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о попытках организации в начале 1920-х гг. концентрационных лагерей (лагерей принудительных работ) – одного из типов пенитенциарных учреждений, имеющем целью изоляцию преступников и нарушителей закона и их перевоспитание трудом и посредством налаженной культурно-просветительной работы. Повествование ведется на материалах Псковской губернии, построено на архивных документах и сообщениях периодической печати изучаемого периода.

Ключевые слова: Псковская губерния, пенитенциарные учреждения, концентрационный лагерь, лагерь принудительных работ, монастырь, перевоспитание, политпросветработа, заключенные.

---

⁶³⁸ А. А. Гусева. История развития пенитенциарной медицины в Пермском крае // Профессиональное юридическое образование и наука. 2021. № 2 (2). С. 17–21.

Filimonov Anatoly Vasilyevich,
 Professor of the Department of National and Universal History
 of the Pskov State University,
 Candidate of Historical Sciences, Professor

Organization of concentration camps in Pskov province in the early 1920s

Abstract: the article deals with the issue of attempts to organize concentration camps (forced labor camps) in the early 1920s - one of the types of penitentiary institutions aimed at isolating criminals and violators of the law and their re-education by labor and through well-established cultural and educational work. The narrative is based on the materials of the Pskov province, built on archival documents and reports of the periodical press of the studied period.

Keywords: Pskov province, penitentiary institutions, concentration camp, forced labor camp, monastery, re-education, political education, prisoners.

Советская власть, создав в 1917 г. государство «диктатуры пролетариата», изначально в качестве одного из средств построения нового общества допускала насилие, а следовательно, предусматривала сохранение учреждений, исполняющих наказание. Неизбежность их существования вызывалась и сохранением уголовной преступности, переживавшей к тому времени всплеск вследствие нестабильной экономической и политической обстановки в стране в результате продолжавшейся войны.

Советское государство с первых дней существования стало использовать созданные еще царской властью тюрьмы, помещая в них не только лиц, совершивших преступления и деяния уголовного характера, но и «политических», т. е. своих классовых противников. Жесткое противостояние борющихся сил в годы Гражданской войны, проводимая Советской властью политика «военного коммунизма» с неизбежностью расширяли перечень категорий, попадавших в разряд «контрреволюционеров» и пополнявших число заключенных теперь уже обычных тюрем, где порой совместно содержались «уголовные» и «политические». Но уже тогда был взят курс на превращение пенитенциарных учреждений из привычных мест отбытия наказания в средство «перековки» заключенных путем привлечения к труду и проведения политико-просветительской работы, а следовательно, их

реорганизацию и создание новых типов в виде концлагерей (лагерей принудительных работ), исправительно-трудовых домов (исправдомов), трудовых колоний и др.

25 декабря 1919 г. Президиум Псковского губисполкома совместно с губЧК и отделом юстиции обсудил вопрос «Об организации концлагерей» и признал «принципиально необходимым в целях использования в полной мере труда принужденных к общественным работам и разгрузки тюрем организовать концлагерь». Один из них предусматривалось организовать в Пскове, как в губернском центре, а другой – «где-нибудь в центре губернии». Окончательно места дислокации концлагерей должна была определить специальная комиссия, а целями организации их являлись:

«1) изъятие из общества политически неблагонадежных элементов; 2) помещение принужденных к общественным работам».

Губисполком при этом не исключал возможности увеличения количества концлагерей в губернии, записав в решении: «Один или даже два лагеря не дадут должных результатов в смысле использования труда присужденных, для этого необходима организация лагерей в каждом уездном городе или хотя бы при местной тюрьме». Но в результате прошедшего обмена мнениями были определены всего лишь два пункта для лагерей: город Псков и имение «Пятницкое» в Торопецком уезде.⁶³⁹

23 января 1920 г. губисполком вторично рассмотрел вопрос «О лагерях принудительных работ» и поручил губЧК провести в жизнь предыдущее решение («составить проект организации и выяснить детали в Центре»). Первоначально на пост коменданта псковского концлагеря рекомендовался начальник псковской тюрьмы Тыруль, но вследствие назначения его заведующим губернским карательным отделом, с 20 января 1920 г. комендантом стал Я. М. Лепин – по специальности монтер, с образованием в объеме четырехклассного народного училища, служивший до этого в ЧК.⁶⁴⁰ Местом дислокации лагеря был избран Старо-Вознесенский женский монастырь (Великолуцкая ул., 64). В феврале 1920 г. на этот счет последовало распоряжение: «Совету коммунального хозяйства поручено в 7-дневный срок освободить Вознесенский монастырь от монашенок. Монашенки с церковным имуществом переселяются в Ивановский

⁶³⁹ Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 209. Л. 15.

⁶⁴⁰ Там же. Л. 31; Д. 1372. Л. 128-129.

монастырь. В Вознесенском монастыре губернская чрезвычайная комиссия открывает концентрационный лагерь на 350 человек».⁶⁴¹

В имении «Пятницкое» первоначально планируемый лагерь организован не был, хотя губисполком во исполнение своего прежнего решения 3 декабря 1920 г. постановил создать «лагерь принудительных работ» непосредственно в уездном Торопце.⁶⁴² Но и это решение осталось только на бумаге, в Пскове же лагерь начал действовать. В период создания он находился в «двойном» подчинении – отдела управления губисполкома и губЧК, но 9 июня 1920 г. последняя «в связи с событиями на Западном фронте» ходатайствовала о полной передаче лагеря в ее ведение. Губисполком удовлетворил просьбу, хотя и оговорил, что передача является «временной».⁶⁴³ Но «временное» оказалось постоянным, тем более, что управление губернской ЧК размещалось здесь же - в одном из помещений бывшего монастыря. Лагерь предназначался для размещения только «испытанных» преступников – «политических, дезертиров, по должности, но ничуть не уголовников», хотя на деле все обстояло по-другому. Работа по его устройству началась с ремонта изрядно обветшавших монастырских помещений, территория была обнесена колючей проволокой с электрическим током и вышками. Открытый 26 июня 1920 г. «Псковский концентрационный лагерь принудительных работ» принял первых 18 заключенных, через два месяца их числилось уже 59, а к 1 октября – 137, как мужчин, так и женщин (на 1 октября 1920 г. соответственно 122 чел. мужчин и 15 женщин); среди них было 92 «политических».

Во изменение первоначальных планов лагерь был рассчитан на одновременное содержание 250 чел., хотя фактически их всегда было меньше, потому что даже содержавшиеся не всегда обеспечивались всем необходимым: имевшимися тюфяками, например, можно было обеспечить максимум 128 чел., наволочками – 129, простынями – 126, полотенцами – только 48, нательными мужскими рубашками – 49 и т. д. При увеличении контингента вставала проблема и обеспечения всех продовольственными пайками. Размещались заключенные в имевшихся здесь монастырских постройках: двухэтажном полукаменном, одноэтажном каменном, под камеры был занят и второй этаж другого полукаменного дома, на первом этаже которого оборудовали столовую и караульное помещение. Всего в лагере было оборудовано 45 общих камер (одинок не было), на каждого

⁶⁴¹ Псковский набат. 1920. 24 февраля.

⁶⁴² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 485. Л. 161.

⁶⁴³ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 449. Л. 41.

заключенного приходилось не менее 1 куб. саж. воздуха. Потребовались и другие службы, необходимые для функционирования лагеря: отдельный двухэтажный полукаменный дом был занят под канцелярию, клуб, библиотеку, портняжную мастерскую, склады и помещение для надзирателей. Баня, прачечная, кузнечно-слесарная и столярная мастерские находились в отдельных деревянных помещениях. Отопление всех помещений было печным, освещение – керосиновым (позднее электрическим), водопроводом были оборудованы лишь баня, прачечная и кухня.

Имевшиеся мастерские – швейная, сапожная, столярная и кузнечная – не только обслуживали нужды лагеря, но и принимали заказы «со стороны». В швейной мастерской, оснащенной четырьмя машинами, заключенные изготавливали белье и постельные принадлежности, в столярной – койки, табуреты, столы, в сапожной чинили обувь и т. д. Мастерскими заведовали заключенные со специальностью под наблюдением помощника коменданта лагеря. Выводили под конвоем группы заключенных и для работ за пределами лагеря, в отдельных случаях – для работы на предприятиях. Охрана и надзор осуществлялись как специальным штатом надзирателей, так и красноармейцами ВОХР. Караульное помещение находилось на территории лагеря, некоторым служащим надзора, как и представителям администрации, здесь же предоставлялись помещения для жилья. В штате управления лагеря, помимо коменданта, были также завхоз, делопроизводитель с двумя помощниками, счетовод, бухгалтер и машинистка.

Режим дня в лагере был следующим: подъем – в 8 час. утра, «утренний чай» - с 8 до 9 час., обед – с 13 до 14 час., ужин и отбой – в 21 час. Время между завтраком и обедом, обедом и ужином было занято работой. Каждому заключенному ежедневно полагалось: хлеба – 96 зол.,⁶⁴⁴ крупы – 32 зол., картофеля – 96 зол., корнеплодов – 48 зол., а также 32 зол. мяса или 48 зол. жира, 3,2 зол. сахара, 0,23 зол. кофе. Нормы выдачи хлеба увеличивались занятым тяжелым физическим трудом. Они, таким образом, в условиях голодного 1920 года были не такими уж низкими. Не случайно в одном из отчетов отмечалось, что «служащие получают тыловой красноармейский паек, а с 1 ноября будут получать паек наравне с заключенными», ибо последний оказался выше. Не случайным было и то, что «случаев побега с начала деятельности лагеря не было», а с момента его функционирования и до 1 октября было наложено всего лишь 13 взысканий, выразившихся в лишении права переписки, свиданий с

⁶⁴⁴ *Золотник* – русская дометрическая мера массы (веса), равная 4,266 г.

родными, прогулок по лагерю в свободное время и лишения добавочным норм хлеба. При условии примерного поведения заключенных практиковались даже кратковременные отпуска. Условия, как можно заметить, были в лагере весьма либеральными.

С момента организации лагерь рассматривался не только как место заключения, но прежде всего, как средство перевоспитания, «перековки» совершивших преступления. В лагере была открыта вечерняя школа (посещало ее не более 15 чел.), при клубе действовала лагерная художественная самодеятельность, силами которой ставились концерты и спектакли, имелась библиотека, хотя книги в большинстве своем были дореволюционные, поступали центральные и местные газеты.⁶⁴⁵

Концлагерь в бывшем Старо-Вознесенском монастыре оказался в Псковской губернии единственным, да и действовал он недолго. Началось с того, что губисполком постановил с 1 января 1922 г. перевести его на самоокупаемость,⁶⁴⁶ что сразу же поставило лагерь в трудное положение: нужно было каким-то образом зарабатывать средства на существование, а это было проблематично, если вообще возможно. Заказов в мастерские поступало крайне мало, заявок на рабочую силу тоже, а других источников существования у лагеря не было, что в конечном счете предрешило его судьбу: 29 марта 1922 г. концлагерь был ликвидирован, а все его заключенные и имущество передавались губернскому исправдому.⁶⁴⁷

В таком же положении оказались и другие пенитенциарные учреждения губернии, тоже переведенные на «самосодержание», но у них шансов выжить оказалось больше. Так, из имевшихся исправдомов около 100 срочных арестованных было переведено в сельскохозяйственные колонии, что, однако, являлось только одним из вариантов решения вопроса. 17 июля 1922 г., рассмотрев ходатайство губернской инспекции мест заключения «об отпуске средств на содержание исправительно-трудовых домов ввиду полного отсутствия ресурсов в губюсте», губисполком, «учитывая прифронтовое положение Псковской губернии, наличие перебежчиков и бандитизма», и учтя, что «главный контингент арестованных состоит в зависимости от указанных обстоятельств», решил просить Наркомат юстиции отпустить необходимые средства, а на первое время выделил губюсту аванс в сумме 100 тыс. руб.

⁶⁴⁵ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 470. Л. 52, 67; Д. 571. Л. 12, 26; Д. 683. Л. 284-285.

⁶⁴⁶ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 716. Л. 86.

⁶⁴⁷ Отчет Псковского губернского экономического совещания. Вып. 2 (1 октября 1921 г. – 1 апреля 1922 г.). Псков, 1922. С. 249.

(выпуска 1922 г.).⁶⁴⁸ Через несколько дней он посчитал необходимым «провести максимальное сокращение арестованных, содержащихся в местах заключения» и «принять меры к организации работ и созданию трудовых колоний для заключенных».⁶⁴⁹ А в октябре того же, 1922 г., при утверждении бюджет Управления мест заключения губернии он установил максимальную численность контингента заключенных в губернии – 1000 чел., не допуская ни при каких условиях его увеличения, а также «в срочном порядке» произвести разгрузку тюрем, по возможности – к 7 ноября.⁶⁵⁰

В свете указанных проблем и в русле проводимых мер по сохранению мест заключения следует рассматривать и ликвидацию псковского концлагеря, который оказался в губернии единственным, срок его функционирования кратковременным, опыт «перевоспитания» - тоже. Намерения к его возрождению, как и планы организации новых концлагерей на территории губернии еще какое-то время сохранялись. В мае 1924 г., например, губернское управление юстиции обратилось в Главное управление местами заключения с предложением: «Целесообразно было бы открыть в пределах Псковской губернии новое место заключения с более обширной жилой площадью», имея в виду «наличие в Псковской губернии пустующих больших построек бывшего монастыря, в котором возможно было бы разместить до 2000 заключенных...».⁶⁵¹ Намерения эти, однако, не осуществились, а в бывших помещениях Старо-Вознесенского монастыря (позже – концлагеря) в течение всех 1920-1930-х гг. размещался местный отдел ЧК-ОГПУ-НКВД, в полной мере использующий бывшие кельи под камеры предварительного заключения. Основным же типом пенитенциарных учреждений в Псковской губернии остались после упразднения концлагеря исправительно-трудовые дома (исправтруддома).

УДК 61; 930.1

Шубочкина Евгения Ивановна,
ведущий специалист
НИИ гигиены и охраны
здоровья детей и подростков
ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» МЗ РФ,

⁶⁴⁸ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 716. Л. 250.

⁶⁴⁹ Там же. Л. 258.

⁶⁵⁰ Там же. Л. 302.

⁶⁵¹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 87. Л. 232.

доктор медицинских наук,
e-mail: evshub@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3557-3867

Александрова Ирина Эрнстовна,
заведующий лабораторией
НИИ гигиены и охраны
здоровья детей и подростков
ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» МЗ РФ,
доктор медицинских наук,
e-mail: accialex@ya.ru
ORCID ID: 0000-0002-8664-1866

Курганский Александр Михайлович,
старший научный сотрудник
НИИ гигиены и охраны
здоровья детей и подростков
ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» МЗ РФ,
кандидат медицинских наук,
e-mail: kurgansk@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-7688-586X

Тюремные врачи – последователи доктора Федора Петровича Гааза

Аннотация: в статье показана деятельность тюремных врачей, которые в своем служении заключенным и ссыльно-каторжным людям, были такими же верными своему врачебному и человеческому долгу как Федор Петрович Гааз. Их с полным основанием можно считать последователями и продолжателями дела Гааза.

Ключевые слова: заключенные, ссыльно-каторжные, тюремные врачи, милосердие, лечение.

Shubohkina Evgenyia Ivanovna
leading specialist
of the Research Institute of Hygiene and Health
of Children and Adolescents
«National Medical Research Center of Children's Health»
of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Ph.D., DSci.

Alexandrova Irina Ernstovna
laboratory manager
of the Research Institute of Hygiene and Health
of Children and Adolescents
«National Medical Research Center of Children’s Health»
of the Ministry of Health of the Russian Federation
Ph.D., DSci.

Kurgansky Alexander Mikhailovich
senior researcher
of the Research Institute of Hygiene and Health
of Children and Adolescents
«National Medical Research Center of Children’s Health»
of the Ministry of Health of the Russian Federation
Ph.D.

Prison doctors – followers of Dr. Fedor Petrovich Haaz

Abstract: the article shows the activities of prison doctors who, in their service to prisoners and exiled convicts, were as faithful to their medical and human duty as Fyodor Petrovich Haaz. They can rightly be considered followers and continuers of the cause of Haaz.

Keywords: prisoners, convicts in exile, prison doctors, mercy, treatment.

В начале 1825 г. Московский военный генерал-губернатор князь Д. В. Голицын приглашает уже известного в Москве доктора Ф. П. Гааза для прекращения свирепствовавшей в Тюремном замке эпидемии тифа. Он вместе со своим другом, профессором А. И. Полем, деятельно ведет борьбу с эпидемией, для чего устраивает временную больницу в Покровских казармах, где изолирует заболевших арестантов. Благодаря их активной врачебной деятельности дальнейшее развитие эпидемии в Тюремном замке прекращается⁶⁵² Бутырский следственный изолятор ведет свою историю еще со времен правления императрицы Екатерины II. В Бутырском хуторе на окраине тогдашней Москвы располагалась казарма Бутырского гусарского полка. При ней был деревянный острог. Екатерина II в 1784 г. дала московскому генерал-губернатору

---

⁶⁵² Кучма В. Р., Александрова И. Э., Шубочкина Е. И., Курганский А. М., Лобанов А. Ю. Ф. П. Гааз – святой доктор, великий гуманист и ученый (к 240-летию со дня рождения) // Российский педиатрический журнал. 2020. Т. 23. № 5. С. 342–347.

Захару Чернышеву согласие на строительство Тюремного замка на месте острога. Матвей Казаков, выдающийся столичный зодчий, спроектировал Бутырский замок и Покровский храм в центре комплекса. Бутырская тюрьма является одним из немногих тюремных замков, сохранившихся практически в первоизданном виде до наших дней. С 1868 г. эта тюрьма становится центральной пересыльной тюрьмой. При ней был организован Сергиево-Елисаветинский приют для жен и детей, которые добровольно следовали за ссыльными родными в Сибирь⁶⁵³. В 1828 г. в Москве по инициативе князя Дмитрия Владимировича Голицына был утвержден Московский губернский комитет Общества попечительного о тюрьмах, второй после такого комитета в Санкт-Петербурге. Его членом стал Ф. П. Гааз, причем Голицын трижды составлял список членов комитета для утверждения начальством, а Федор Петрович всегда оставался в числе будущих членов. При открытии Комитета Д. В. Голицын произнес слова, которые не только были созвучны настроениям Ф. П. Гааза, уже известного своей благотворительностью в Москве в богаделенных домах, но и во многом определили направление и содержание его деятельности как тюремного врача. Доктор Гааз был приглашен на новую должность секретаря тюремного комитета и затем был назначен главным врачом всех московских тюрем. Его новая должность вполне соответствовала его характеру подвижника⁶⁵⁴. В 1883 г. был утвержден в должности врача Бутырской тюрьмы М. Я. Протопопов⁶⁵⁵. «Врачуя недуги заключенных, – вспоминал о нем один из его современников, – открывал им свое сердце и с редкой любовью нес им свою помощь и утешение, не раз смягчая твердые сердца закоренелых преступников»,

⁶⁵³ Белоусова О. А., Тресвятский Л. А., Целлермаер В. Я. История Бутырского следственного изолятора. // Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 140-летию уголовно-исполнительной системы России. 2019. С.119–122.

⁶⁵⁴ Александрова И. Э., Щемелева Н. Ф., Шубочкина Е. И., Курганский А. М., Гончарова Г. А., Скоблина Н. А. Личность доктора Ф. П. Гааза в истории пенитенциарной системы России. // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 27 марта 2019 г.). С. 11–14.

⁶⁵⁵

<https://yandex.ru/search/?lr=213&text=%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%B0+%D0%91%D1%83%D1%82%D1%8B%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9+%D1%82%D1%8E%D1%80%D1%8C%D0%BC%D1%8B>. Дата обращения 24 декабря 2022.

что, безусловно, показывает его как продолжателя дела Ф. П. Гааза по отношению к заключенным.

Вольф Фердинанд Богданович (1797–1854) – родился в семье титулярного советника, аптекаря Богдана Христиановича Вольфа, лютеранин, что сближает его с происхождением и вероисповеданием доктора Гааза. В 1810 г. был зачислен в московское отделение Медико-хирургической академии. 25 августа 1814 г. окончил Академию с серебряной медалью. За усердную службу Вольф был награжден орденом Святого Владимира 4 степени в 1821 г. Вольф был декабристом и состоял в «Южном обществе». Арестован 6 января 1826 г. и был доставлен в Петербург в Петропавловскую крепость. Вольф был осужден по 2 разряду и приговорен к каторжным работам на 20 лет, сокращенным впоследствии до 15 лет, а затем и до 10 лет. Он был лишен чинов и дворянства, отбывал наказание в Сибири. Вольф как врач помогал своим больным товарищам в казематах Нерчинских лагерей. Официально за здоровьем узников должен был следить назначенный властями молодой врач Ильинский, который постоянно обращался за помощью к доктору Вольфу. Комендант Нерчинских рудников Р. С. Лепарский, после излечения его тяжелобольного племянника, доложил об этом в Санкт-Петербург государю. И Вольфу было разрешено принимать участие в оказании помощи ссыльным декабристам, хотя кандалы и не сняли. Доктор Ф. Б. Вольф организовал аптеку и амбулаторию для приема больных. Вольф был безотказным другом и врачом не только ссыльных декабристов, но и их семей, приехавших разделить участь родных. Он лечил, всячески опекал жен и детей, принимал роды. В 1835 г. был переведен на поселение в село Урик Иркутской губернии. С 1836 г. в связи с недостаточным количеством врачей в Восточной Сибири Вольфу было разрешено заниматься медицинской практикой. В 1845 г. был переведен в Тобольск и назначен врачом в больницу Тобольского тюремного замка.⁶⁵⁶

В. Л. Кокосов – врач Карийской каторги, русский писатель и врач, действительный статский советник. Его очерки и воспоминания публиковались в разных периодических изданиях России: «Русских Ведомостях», «Современнике», «Русском богатстве», «Кругозоре», «Нижегородском листке». Он родился в семье сельского священника, умершего от истязаний за участие в картофельных бунтах. Воспитывался дедом, тоже сельским священником. Учился в

⁶⁵⁶ <http://biografii.niv.ru/doc/encyclopedia/biography/fc/slovar-194-60.htm>. Дата обращения 23 декабря 2022.

Пермской духовной семинарии. В 1852 г. Кокосов был исключен за участие в кружке, имевшем подпольную библиотеку, распространявшем «Полярную звезду» и «Колокол». Это были периодические издания, организованные Герценом и Огаревым, уехавшими из России. Они выпускались за рубежом, т.к. издатели убедились, что в Российской империи нет свободы слова. Главным в программе «Полярной звезды» было «Распространение в России свободного образа мыслей». Там были опубликованы запрещенные стихи Пушкина «Вольность», стихотворение Лермонтова «На смерть поэта», стихи и воспоминания декабристов. В 1856 г. в Лондон приезжает друг Герцена Н. П. Огарев, они начинают издавать периодическое издание, которое будет выходить чаще «Полярной звезды», и дают ему название «Колокол»⁶⁵⁷. В эпиграфе газеты стояло «Зову живых!». В 1863 г. Кокосов приехал в Петербург, работал грузчиком. В 1865 г., самостоятельно подготовившись к экзаменам, получил аттестат об окончании гимназии и поступил в Медико-хирургическую академию. В 1871 г. окончил академию и был прикомандирован к Восточно-Сибирскому окружному военно-медицинскому управлению, служил в Иркутском военном госпитале. В 1875–1878 гг. – врач на Карийской каторге в Нерчинском округе. Там он сблизился с политическими ссыльными, принимал все меры для облегчения их участи. Воспоминания его о карийской каторге печатались с 1902 г. в «Русском богатстве», затем были изданы отдельной книгой «Рассказы о Карийской каторге: (Из воспоминаний врача)» (СПб., 1907). Вот как он описывает в своей книге дела на каторге с инфекциями: «В конце марта 1873 г. прибыла в Усть-Кару из Сретенска последняя, зимней доставки, каторжная партия. Переночевав в Усть-Карийской тюрьме, партия была передвинута на Нижнюю Кару, в пересыльную тюрьму, "для приема тюремной комиссией и медицинского осмотра". В пути следования трое каторжных умерли от «жары»». Советы врача – изолировать или, по крайней мере, сосредоточить вновь пришедших для лучшего наблюдения в пересыльной тюрьме, сопровождающим конвоем принят не был. Как и ожидалось, появился сыпной тиф среди каторжан. Сам заболевший сыпным тифом Кокосов написал врачу-инспектору в Читу телеграмму: «Ежедневная прибыль тифозных, цинготных двадцать-тридцать, смертность – восемь-двенадцать в сутки, фельдшер Андреев от тифа умер, сам заболел тифом». В течение двадцати пяти суток цифра больных в лазарете

⁶⁵⁷

https://studopedia.ru/11_246149_polyarnaya-zvezda-i-kolokol-aigertsena-i-progareva-znachenie-volnoy-russkoy-pressi.html. Дата обращения 25 декабря 2022.

достигла шестисот человек. Как писал Кокосов, приемом больных, укладкой их на полу палат, возможным в этих условиях уходом за ними, распоряжались фельдшера. Сотни тифозных, цинготных больных в собственных тюремных одеяниях, с кандалами на ногах, валялись на полу. Раза четыре в сутки приходилось осматривать палаты для выноса умерших, места которых заполнялись вновь прибывшими. Можно с трудом представить, как сам больной врач справлялся с осмотрами и помощью, ограниченно возможной в этих условиях. И, тем не менее, благодаря подвижнической деятельности персонала, в этом аду люди выживали, выздоравливали, через пять-восемь лет оканчивали сроки каторги, выходили на волю!⁶⁵⁸

Старший врач Шлиссельбургской каторжной тюрьмы Эйхгольц Евгений Рудольфович закончил Военно-Медицинскую академию, с 1896 г. – доктор медицины. Тюремная медицина была его призванием. Его называли «Петербуржским доктором Гаазом». Еще до начала работы тюремным врачом он ездил в Европу для ознакомления с организацией медицинской помощи в тюрьмах. С 1912 г. он врач в пересыльной Смоленской тюрьме, потом в Смоленской каторжной тюрьме. При нем уменьшилась смертность в пересыльной Смоленской тюрьме с 4% до 2%, в Смоленской каторжной тюрьме – с 7% до 1,2%. Среди тюремных врачей Е. Р. Эйхгольц был очень редким исключением. Обычный тип тюремного врача того времени это равнодушный, малообразованный врач-чиновник, заинтересованный только в жалованье, в правах «действительной службы» (чины, ордена, льготы и т.п.). С 1913 г. Е. Р. Эйхгольц старший врач Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, где за один год смертность снизилась в 10 раз – с 6,0% до 0,6%. Все, что делалось в отношении улучшения питания заключенных, лечения и предупреждения болезней, создания возможностей привлечения их к труду – стало возможным благодаря участию в этом доктора Е. Р. Эйхгольца. Эйхгольц был истинным гуманистом с современными взглядами на взаимоотношения врача и пациента. При его содействии в 1914 г. было разрешено слабым заключенным работать на огородах, теплицах, больше времени проводя на свежем воздухе, выращивать овощи, которые использовались для улучшения питания заключенных. Желудочные и кишечные заболевания в тюрьме благодаря ему резко уменьшились, была введена неограниченная выдача рыбьего жира. На средства, доставляемые добровольными

658

помощниками и на свои собственные средства, доктор Эйхгольц выписывал на свое имя из Норвегии рыбий жир. Рыбий жир выдавался в крепостной больнице заключенным, уже страдавшим цингой, но и для предупреждения заболевания. Большим облегчением для страдавших ревматизмом, сильным малокровием, поражениями дыхательных путей было завоеванное доктором Эйхгольцем разрешение для заключенных носить свое теплое белье. Многие шлиссельбуржцы в своих мемуарах с благодарностью вспоминали тюремного врача. Е. Р. Эйхгольц много занимался и научной работой, печатался в «Вестнике Главного тюремного управления». Написал книгу «Тюремный врач и его пациенты» После революции, в марте 1917 переехал на постоянное место жительства в Финляндию⁶⁵⁹.

---

⁶⁵⁹ Игнатъева Г. П. Тюремный врач – Евгений Рудольфович Эйхгольц // История Петербурга. 2012. № 1. С. 10–14.

Научное издание

**ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции
(г. Москва, 14 апреля 2023 г.)*

Составители:
Сивова А.А.
Лебедев В.Б.

Подписано в печать 20.03.2023
Формат 60X90 1/16. Печать Хегох 4110
Печ. л. 18,5 Уч.-изд. л. 15,77 Тираж 100 экз. Заказ № 74

Отпечатано в типографии ФКУ НИИИТ ФСИН России, г. Тверь
ISBN 978-5-9632-0173-2